Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»

На правах рукописи

Пархоменко Дмитрий Александрович

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, ВПЕРВЫЕ СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Диссертация на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Научный консультант:
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации

Наумов Анатолий Валентинович

Москва – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

РАЗДЕЛ I. СОСТОЯНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, ВПЕРВЫЕ СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЕ 25

ГЛАВА 1. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И ЛИЦО, СОВЕРШИВШЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ 25

1.1. Теоретические представления о современной уголовно-правовой политике России 25

1.2. Дифференциация ответственности лиц, совершивших преступление, как направление уголовно-правовой политики 44

ГЛАВА 2. ЛИЦО, ВПЕРВЫЕ СОВЕРШИВШЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ: ОТРАЖЕНИЕ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ 56

2.1. Совершение преступления впервые в отечественном уголовном законодательстве 56

2.2. Понятие и значение факта совершения преступления впервые в зарубежном уголовном законодательстве 91

ГЛАВА 3. ЛИЦО, ВПЕРВЫЕ СОВЕРШИВШЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ, В ПРАВОПРИМЕНЕНИИ И В СТАТИСТИКЕ 113

3.1. Понятие и значение лица, впервые совершившего преступление, в правоприменении 113

3.2. Лицо, впервые совершившее преступление, в данных статистики преступности и судимости 149

ГЛАВА 4. ЛИЦО, ВПЕРВЫЕ СОВЕРШИВШЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ, В НАУКЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА И В КРИМИНОЛОГИИ 161

4.1. Понятие лица, впервые совершившего преступление, в науке уголовного права 161

4.2. Лицо, впервые совершившее преступление, в криминологии 181

Раздел II. РАЗВИТИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, ВПЕРВЫЕ СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЕ 194

ГЛАВА 1. ОБ ОБЩИХ ВОПРОСАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, ВПЕРВЫЕ СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЕ 194

1.1. Совершение преступления впервые: обоснованность введения в уголовный закон и значение среди других обстоятельств 194

1.2. О необходимости законодательного определения понятия лица, впервые совершившего преступление, и видах такого понятия 216

ГЛАВА 2. ОБ ОТРАЖЕНИИ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ ФАКТА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ВПЕРВЫЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ДОЛЖНОГО 229

2.1. Об отражении в уголовном законе факта совершения лицом преступления в первый раз в жизни 229

2.2. Об отражении в уголовном законе факта совершения лицом преступления впервые в юридическом (уголовно-правовом) значении в отношении отдельных категорий преступлений 249

2.3. Об отражении в уголовном законе факта совершения лицом преступления впервые в юридическом (уголовно-правовом) значении в отношении отдельных преступлений 266

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 282

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 286

ПРИЛОЖЕНИЕ. Анкета 340

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Основным объектом уголовно-правового воздействия, порожденного фактом совершения преступления и фокусирующегося в этой связи на уголовной ответственности за него, выступает физическое лицо, правовой статус которого в самой общей форме определен в ст. 19 УК РФ: «Уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного настоящим Кодексом». При этом уголовная ответственность за содеянное аккумулируется в санкции статьи (части статьи) Особенной части УК РФ, отражающей типовую общественную опасность преступления определенного вида.

Вместе с тем реализация названной санкции применительно к конкретному физическому лицу, совершившему конкретное преступление, происходит с учетом целого ряда обстоятельств – оснований дифференциации уголовной ответственности за преступление. В их числе отечественное уголовное законодательство, хотя и с различной степенью глубины в различные исторические периоды, но всегда достаточно стабильно регламентирует кратность совершения преступлений одним и тем же физическим лицом: совершает ли такое лицо преступление в первый раз в жизни или делает это более одного раза (неоднократно). При отсутствии законодательного определения первого понятия практическое значение такого рода дифференциации уголовной ответственности в российском уголовном праве всегда обусловлено судебным толкованием уголовного закона, причем на самом высшем уровне – Пленумом Верховного Суда РФ. При этом высшая судебная инстанция страны никогда не делала это единообразно для всех случаев употребления в уголовном законе понятия лица, впервые совершившего преступление, разнообразно трактуя его даже в рамках действия одного института уголовного права – освобождения от уголовной ответственности. Примечателен и тот факт, что до настоящего времени ни в одном из разъяснений Пленума Верховного Суда РФ так и не дан ответ на вопрос о том, почему в применении уголовного законодательства о лице, впервые

совершившем преступление, следует исходить не из обыденного, житейского, фактического его понимания, а из юридического. Также неясно и то, почему при юридическом толковании лица, впервые совершившего преступление, зачастую во главу угла ставится только судимость (ее наличие или отсутствие) и при этом игнорируется равнозначное уголовно-правовое значение акта освобождения от уголовной ответственности. Этот вопрос особенно актуален в связи с тем, что Пленум Верховного Суда РФ порой определяет действие поощрительных примечаний к статьям Особенной части УК РФ в отношении лиц, впервые совершивших конкретные преступления, и делает это дифференцированно применительно к актам освобождения от уголовной ответственности и погашения или снятия судимости[1].

По воле законодателя в последние годы факт совершения преступления впервые определяет действие по сути многих основных институтов уголовного права: освобождения от уголовной ответственности, назначения наказания, его замены и освобождения от него. Через названные институты собственно и реализуется уголовно-правовая политика в отношении лиц, впервые совершивших преступление. И это не случайно, поскольку такая законодательная практика полностью согласуется и с решением отраслевой задачи предупреждения преступлений, и с достижением одной из целей уголовного наказания, одноименной данной задаче (ч. 2 ст. 43 УК РФ). Тем не менее практика уголовно-правового регулирования, отраженная в данных официальной открытой статистики, свидетельствует о том, что в общем числе «выявленных лиц, совершивших преступления», удельный вес лиц, впервые совершивших преступление (определяемый как остаток от числа лиц, ранее совершавших преступление), неуклонно снижается: в 2023 г. он составлял 40,2%, 2022 г. – 40,9%, 2021 г. – 41,8%, 2020 г. – 42,3%, 2019 г. – 43%, 2018 г. – 43,6%, 2017 г. – 44%, 2016 г. – 46%, 2015 г. – 48,2%, 2014 г. – 49,2%, 2013 г. – 52,35%, 2012 г. –

[1] См., напр. п.12: О судебной практике по уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (статья 157 Уголовного кодекса Российской Федерации) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2022 г. № 39. // БВС РФ. 2023. № 3.

55,26%, 2011 г. – 61,4%, 2010 г. – 64,24%, 2009 г. – 68%. Примечательно, что на этом фоне растет другой показатель. По данным ГИАЦ МВД РФ, в 2023 г. удельный вес лиц, ранее совершавших преступления, в общем количестве выявленных лиц, совершивших преступления, составил 58,6%, из них ранее судимых – 53,4%. В 2022 г. эти показатели соответственно составляли 59,1 и 52,1%; в 2021 г. – 58,2 и 51,7%; в 2020 г. – 57,7 и 51,9%; в 2019 г. – 57 и 51,9%; в 2018 г. – 56,4 и 51,6%; в 2017 г. 56 и 50,5%; в 2016 г. – 54 и 49,8%; в 2015 г. – 51,8 и 54,5%; в 2014 г. – 50,8 и 60,5%; в 2013 г. – 47,7 и 66,7%; в 2012 г. – 44,7 и 72,3%; в 2011 г. – 38,6 и 74,4%; в 2010 г. – 35,8 и 74%; в 2009 г. – 32 и 74,6%[2]. Приведенные показатели позволяют сделать однозначный вывод о том, что на протяжении последних почти 15 лет мы наблюдаем устойчивую тенденцию роста, причем значительного (с 32 до 59%), удельного веса лиц, ранее совершавших преступления, в общем количестве выявленных лиц, совершивших преступления.

Таким образом, при очевидной заинтересованности общества и государства в результативности реагирования на факт совершения преступления впервые (на «первичную преступность»), в приоритете такого реагирования в сравнении с реагированием на рецидивную преступность, ни уголовное законодательство, ни практика его применения в рассматриваемом направлении названных ожиданий не оправдывают. В теории и практике уголовно-правового регулирования до настоящего времени не принято говорить даже об особенностях уголовно-правовой политики в отношении лиц, впервые совершивших преступление.

Состояние научной разработанности темы исследования. Несмотря на очевидную для всех, в том числе даже неспециалистов в области уголовного права, полезность предупреждения совершения новых преступлений лицами, однажды уже нарушившими уголовно-правовой запрет, а также на необходимость

[2] Показатели воспроизводятся из раздела «Характеристика лиц, совершивших преступления» ежегодного сборника ГИАЦ МВД РФ «Состояние преступности в России». В другом разделе этого же сборника, где речь идет о расследованных преступлениях – «Социально-криминологическая характеристика преступности», – эти показатели еще выше. Так, показатель количества лиц, ранее совершивших преступление, в 2023 г. равен не 58,6, а 59,8%, в 2019 г. – не 57, а 58,7%, в 2018 г. – не 56,4, а 58,3%, в 2017 г. – не 56, а 58,2%, в 2016 г. – не 54, а 56,7%, в 2015 г. – не 52, а 55,1%.

избирательного реагирования уголовного закона на тех, кто нарушил его впервые и сделал это не в первый раз, – до настоящего времени ни кратность преступлений в целом, ни факт совершения преступления впервые не исследовались в качестве самостоятельной научной проблемы уголовно-правового регулирования. Уголовно-правовая доктрина традиционно фокусирует внимание только на неоднократной преступной деятельности и преимущественно лишь в такой своеобразной ее разновидности, как рецидив, оставляя вне поля зрения и неоднократную преступную деятельность в целом, и другие ее разновидности помимо рецидива, например преступность несудимых, осужденных, ранее судимых. Именно такой подход к кратности преступлений обнаруживает себя в рекомендациях IV Международного пенитенциарного форума «Преступление, наказание, исправление» (20–22 ноября 2019 г., Академия ФСИН России, г. Рязань), призывающих к разработке и внедрению общегосударственной (межведомственной) системы мониторинга повторной (рецидивной) преступности среди осужденных без лишения свободы. Это несомненно важно само по себе, но в первую очередь мониторить следует результативность реакции государства и общества на первичную преступность.

Проблема предупреждения совершения новых преступлений лицами, ранее уже преступавшими черту уголовного закона, казалось бы, должна быть в центре внимания криминологии. Между тем принятая специалистами этой отрасли научного знания типологизация личности преступника отражает деление лиц, совершивших преступление впервые и сделавших это не в первый раз, весьма отдаленно. В лучшем случае она упоминает первую категорию лиц, не давая ей никакой содержательной характеристики. При таком подходе остается неясным: чему и кому противопоставляется традиционно выделяемая в криминологии рецидивная преступность и ее субъекты?

Среди классических работ, посвященных личности преступника, с точки зрения интересующей нас проблемы особняком стоит работа Н. С. Лейкиной[3]. Сначала в докторской диссертации, а затем в одноименной монографии автор

[3] Лейкина Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность. Л., 1968.128 с.

затронула практические вопросы влияния личности преступника на освобождение от уголовной ответственности и назначение наказания. При этом факт совершения такой личностью малозначительного преступления впервые как раз и позволял, по мнению Н. С. Лейкиной, сделать вывод о малозначительности опасности такой личности, что могло повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности по ст. 51 УК РСФСР 1960 г. Однако, поскольку в данном УК понятие лица, впервые совершившего преступление, в самостоятельном значении более не употреблялось, постольку автор более его и не затрагивал ни в уголовно-правовом, ни в криминологическом значении[4].

С характеристикой общественной опасности личности преступника увязывал факт кратности преступлений А. С. Герцензон, отмечая необходимость учета степени вероятности совершения нового преступления лицом, претендующим на освобождение от уголовной ответственности по ст. 51 УК РСФСР 1960 г.[5] Однако и в этой работе, как и в работе Н. С. Лейкиной, лицо, впервые совершившее преступление, не выступало в качестве обособленной составляющей личности преступника. Не удалось нам ее обнаружить и в других криминологических исследованиях личности преступника. И это несмотря на огромный массив литературы, посвященной личности преступника, рецидивной преступности, опубликованной особенно в последние два-три десятилетия советского периода (по личности преступника, в частности, в трудах Ю. М. Антоняна, Ю. Д. Блувштейна, В. Н. Бурлакова, Б. С. Волкова, П. С. Дагеля, А. И. Долговой, К. Е. Игошева, В. Н. Кудрявцева, Н. Ф. Кузнецовой, Г. М. Миньковского, А. Б. Сахарова, В. Д. Филимонова; по рецидивной преступности – в исследованиях Г. А. Аванесова, А. И. Алексеева, Ю. М. Антоняна, Н. С. Артемьева, И. М. Гальперина, А. А. Герцензона, В. И. Гуськова, М. П. Журавлева, В. С. Жгутова, А. Ф. Зелинского, И. И. Карпеца, Н. А. Коломытцева, В. Н. Кудрявцева, Н. Ф. Кузнецовой, А. С. Михлина, А. Б. Сахарова, Ю. В. Солопанова,

[4] Слово «впервые» в УК РСФСР 1960 г. употреблялось и в иных аспектах (ст. 24, п. 4 ст. 38, ст. 46.1).

[5] Герцензон А. А. Уголовный закон и личность преступника : учебное пособие. М., 1968. 79 с.

С. С. Степичева, Н. А. Стручкова, А. С. Шляпочникова, И. В. Шмарова, В. В. Городнянской, А. А. Забелича, В. Е. Южанина, А. М. Яковлева и др.), а также в работах постсоветского периода (например, П. В. Андришина, А. А. Забелича, Е. Б. Кургузкиной, А. Б. Марданова, А. Н. Пастушеня, А. В. Тимофеевой, Е. К. Флоря). Примечательно, что в последние годы интерес к проблеме личности преступника заметно упал. В период с 2013 г. по этой проблематике, насколько нам известно, защищено всего три диссертации: две кандидатских[6] и одна докторская[7]. Хотя журнальные публикации на эту тему периодически имеют место[8].

Указанная докторская диссертация заслуживает внимания потому, что в ней Е. А. Антонян, исследовавшая «личность рецидивиста», одна из немногих сказала о необходимости снижения в первую очередь абсолютных показателей и первичной, и повторной преступности, и лишь затем – об установлении наиболее жесткого контроля над рецидивной и организованной рецидивной преступностью[9]. Вместе с тем, называя причины совершения повторных преступлений, Е. А. Антонян, как и другие исследователи рецидивной преступности, определила начальную сферу их проявления назначением наказания[10], а не более ранними стадиями, следующими за совершением преступления, оставив без внимания возможности уголовного закона в этом

---

[6] Магомедов Н. Н. Личность преступника-взяткополучателя : дис. … канд. юрид. наук. М., 2013. 205 с. ; Забелич А. А. Личность профессионального преступника, отбывающего наказание в местах лишения свободы, как объект криминологического исследования : дис. … канд. юрид. наук. Рязань, 2013. 179 с.

[7] Антонян Е. А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2014. 353 с. Вопросы нравственно-психологической характеристики личности лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, нашли отражение в кандидатской диссертации С. В. Кондратюка. См.: Кондратюк С. В. Криминологическая характеристика и предупреждение занятия высшего положения в преступной иерархии. М., 2022. С. 122-136.

[8] См., напр.: Акчурин А. В. Предпосылки возникновения и развитие современных представлений о личности преступника // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. 2018. Т.43. № 2. С. 279-286 ; Плиев К. А. Личность преступника как предмет криминологической науки и объект социально-правового исследования // Общество и право. 2017. № 3 (61). С. 73-75.

[9] Антонян Е. А. Указ. соч. С. 3.

[10] Там же. С. 227-245.

направлении, в частности, избирательного его реагирования на первичную преступность. Перефразируя известное выражение И. И. Карпеца о том, что наказание назначается за то, что совершил, и для того, чтобы не совершал впредь[11], можно сказать так: «Уголовный закон должен применяться за то, что совершил, и для того, чтобы не совершал впредь».

Немаловажно и другое. В одной из современных монографических работ, посвященных неоднократному преступному поведению, автор ставит перед собой цель – разработать концепцию противодействия неоднократному преступному поведению, выработать предложения и рекомендации, направленные на совершенствование законодательства об ответственности за неоднократное преступное поведение, на предупреждение такого поведения[12]. Однако как это можно сделать полноценно, оставляя без внимания изучение результативности противодействия первичному – однократному – преступному поведению? Столь же уязвимыми представляются попытки полноценно исследовать проблему рецидива преступлений, ограничивая при этом объект исследования отношениями, характеризующими только рецидив преступлений[13], а не всю совокупность отношений, в рамках которых происходит хотя бы только умышленная неоднократная преступная деятельность или совершаются преступления лицом, имеющим судимость, без признаков рецидива. Глубоко сомнительным представляется и тезис о том, что состояние именно рецидивной (повторной)[14], а не первичной преступности – основа оценки социальной эффективности уголовного законодательства.

Наконец, со все более широким в последние годы внедрением в уголовное законодательство административной преюдиции предлагается включить в систему категорий уголовного права понятие «административно-

---

[11] Карпец И. И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1973. С. 146.

[12] Серкова Т. В. Неоднократное преступное поведение: теоретико-прикладное исследование : дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2016. С. 7.

[13] Возжанникова И. Г. Рецидив преступлений в уголовном праве России: понятие, виды, значение : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2016.

[14] Семенова Д. М. Основания и пределы дифференциации уголовной ответственности в условиях множественности преступлений : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Самара, 2019. С. 5.

криминообразующий рецидив»[15]. Тем временем, введение понятия первичной преступности предложено не было, хотя она является своеобразным криминообразующим уголовно-правовой рецидив фактором.

С учетом названных обстоятельств и при отсутствии легального определения понятия лица, впервые совершившего преступление, в диссертации предпринята попытка с точки зрения системного анализа выяснить существующее значение данного понятия на законодательном и правоприменительном уровнях, в данных статистики преступности и судимости, в уголовно-правовой доктрине, и на этой основе осмыслить существующую и сформировать на перспективу более или менее целостную концепцию развития уголовно-правовой политики в названном направлении.

Цель диссертационного исследования заключается в том, чтобы на основе всестороннего анализа современной уголовно-правовой политики в отношении лиц, впервые совершивших преступление, разработать целостную концепцию развития уголовно-правовой политики в названном направлении на перспективу.

Для достижения поставленной цели в работе ставятся и решаются следующие **задачи:**

– выявить и дать характеристику в современной уголовно-правовой политике России такого направления в ее реализации, как дифференциация уголовной ответственности лиц, впервые совершивших преступление;

– выяснить и проанализировать значение факта совершения преступления впервые в отечественном и зарубежном уголовном законодательстве;

– провести сравнительный анализ разъяснений понятия лица, впервые совершившего преступление, в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ;

– выяснить значение понятий, отражающих факт совершения преступления впервые, в данных официальной открытой статистики преступности и судимости,

---

[15] Жарких Е. А. Институт рецидива преступлений: генезис понятия и трансформация системноструктурного и функционально-ролевого содержания : дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2019.

соотнести это значение с толкованием данного понятия в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ;

– определить значение понятия лица, впервые совершившего преступление, в науке уголовного права и криминологии;

– проанализировать практику применения норм Общей и Особенной частей УК РФ, регламентирующих вопросы ответственности и наказания лиц, впервые совершивших преступление, и предложить конкретные рекомендации по совершенствованию уголовно-правовой политики в форме правоприменения в отношении таких лиц с отражением разработанных рекомендаций в «тематических» постановлениях Пленума Верховного Суда РФ;

– предложить конкретные рекомендации по совершенствованию уголовно-правовой политики в форме правотворчества в отношении лиц, впервые совершивших преступление.

Объектом исследования выступают отношения, возникающие на основе норм уголовного законодательства, реализуемые в рамках уголовно-правовой политики в отношении лиц, впервые совершивших преступление.

Предмет исследования составляют:

– отечественное уголовное законодательство (материальное, процессуальное, исполнительное) о кратности преступлений, в том числе о лицах, впервые совершивших преступление, зарубежное уголовное законодательство в названной сфере;

– практика применения российского уголовного законодательства;

– данные официальной открытой статистики преступности и судимости, а также социологических и криминологических исследований, проведенных диссертантом и другими авторами;

– опубликованные научные взгляды и представления по рассматриваемой проблематике.

Методология и методы исследования. Результаты работы достигнуты на основе диалектики как всеобщего метода познания ключевых особенностей наук криминального цикла, в том числе уголовного права, криминологии, уголовного

процесса, теории права и др. При разработке целостной концепции развития уголовно-правовой политики в обозначенном ранее направлении на перспективу применены общенаучные (анализа, индукции, сравнения, сопоставления и др.), частнонаучные и специальные методы познания, в том числе:

– формально-юридический метод, позволивший выявить содержательную ограниченность и казуальный характер имеющихся разъяснений Пленума Верховного Суда РФ о понятии лица, впервые совершившего преступление;

– историко-правовой метод, предоставивший возможность проследить эволюцию российского уголовного законодательства и выявить дифференциацию отношения законодателя в исторической ретроспективе к факту совершения преступления впервые и к факту совершения преступления не в первый раз;

– статистический анализ правовых данных, который был положен в основу исследования общего количества выявленных лиц, совершивших преступления (в данных ГИАЦ МВД РФ), количества лиц, ранее совершавших преступления, количества лиц, имеющих непогашенные и неснятые судимости, количества юридически несудимых лиц от общего количества осужденных (в данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ), что позволило в некоторой степени восполнить представление о количестве лиц, в первый раз или не в первый раз совершивших преступление;

– метод юридической герменевтики, ставший ключевым инструментом для оценки сущностного назначения использования понятия лица, впервые совершившего преступление, в Общей и Особенной частях УК РФ, и, как следствие, для выявления не отвечающих таким параметрам трактовки этого понятия со стороны высшей судебной инстанции;

– социолого-правовой метод, позволивший изучить и оценить уголовно-правовые феномены, приводящие к «восстановлению» нормального уголовно-правового статуса лица, совершившего преступление;

– сравнительно-правовой метод, ставший основой компаративного исследования особенностей отражения в уголовном законодательстве зарубежных государств не только кратности преступлений вообще, но и, прежде всего, факта

совершения преступления впервые, что, в свою очередь, позволило обнаружить прототипы, аналоги подобных отечественному законодательных решений или отличного подхода к регламентации этого вопроса, включая отсутствие специального регулирования.

Теоретической основой исследования выступили достижения общей теории права, науки уголовного права и уголовного процесса, криминологии, представленные в трудах специалистов в области уголовной политики – М. М. Бабаева, Н. А. Беляева, С. С. Босхолова, П. С. Дагеля, А. И. Долговой, Н. И. Загородникова, И. М. Клейменова, А. И. Коробеева, Н. А. Лопашенко, В. В. Лунеева, Г. М. Миньковского, П. Н. Панченко, Б. Т. Разгильдиева, В. Ф. Цепелева и др., кратности преступлений, дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности – Е. В. Благова, А. И. Бойко, Л. В. Головко, А. С. Горелика, В. К. Дуюнова, И. И. Карпеца, И. Я. Козаченко, М. Б. Костровой, Л. Л. Кругликова, В. П. Малкова, В. В. Сверчкова, А. В. Федорова и др., общих вопросов теории и практики уголовно-правового регулирования и криминологии – Н. С. Таганцева, А. В. Бриллиантова, Б. В. Волженкина, А. А. Герцензона, Я. И. Гилинского, Ю. В. Голика, А. Э. Жалинского, И. Э. Звечаровского, Н. Г. Иванова, Л. В. Иногамовой-Хегай, С. Г. Келиной, А. Г. Кибальника, Н. М. Кропачева, В. Н. Кудрявцева, Н. Ф. Кузнецовой, Н. С. Лейкиной, С. Ф. Милюкова, А. В. Наумова, Ю. Е. Пудовочкина, А. И. Рарога, З. Б. Соктоева, Ф. Р. Сундурова, В. А. Якушина, П. С. Яни и других авторов.

Нормативную основу исследования составили: Конституция Российской Федерации, действующее уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство, Уголовные кодексы РСФСР 1922 г., редакции 1926 г., 1960 г., Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик 1924 г., Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г., Основы уголовного законодательства и республик 1991 г., уголовные кодексы (уголовные законы) ряда зарубежных стран.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые в отечественной доктрине уголовного права на системной основе поставлен вопрос

об избирательном уголовно-правовом реагировании на преступления лиц, совершивших их впервые, в связи с чем проанализировано фактическое состояние уголовно-правовой политики в отношении таких лиц, предложен комплекс уголовно-правовых мер по ее дальнейшему развитию.

Отдельно актуализируются и обосновываются положения: 1) о необходимости комплексного развития теории кратности преступлений и более последовательного отражения в уголовном законе фактов однократного и неоднократного совершения преступлений; 2) о безуспешности борьбы с рецидивной преступностью без учета результативности уголовно-правового воздействия на первичную преступность; 3) о целесообразности введения в уголовный закон понятия лица, впервые совершившего преступление. Такая цель заключается в дифференциации уголовной ответственности лиц, впервые совершивших преступление, в сравнении с теми, кто это сделал не в первый раз; 4) о необходимости отражения в уголовном законе понятия лица, впервые совершившего преступление, не только в юридическом (уголовно-правовом), но и в фактическом значении; 5) о необходимости приведения в соответствие с действующим уголовным законодательством форм статистической отчетности о преступности и судимости в части кратности преступлений.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Современная уголовная политика России – это *деятельность правоохранительных и судебных органов по борьбе с преступностью и ее предупреждению, в том числе иными субъектами профилактики, основанная на доктрине и осуществляемая в соответствии с уголовным, уголовно-процессуальным и уголовно-исполнительным законодательством, посредством применения уголовного наказания или иных мер уголовно-правового характера к лицам, совершившим преступление, путем правового воспитания населения.* В свою очередь, уголовно-правовая политика как основной элемент уголовной политики – это *осуществляемая на основе принципов уголовного права деятельность органов власти по принятию уголовных законов, их применению и исполнению правоохранительными и судебными органами, направленная на*

решение уголовно-правовых задач по охране личности, общества и государства, мира и безопасности человечества от преступных посягательств и их предупреждению.

2. Констатируется, что и в теории, и в практике уголовно-правового регулирования важен факт наличия уголовно-правовой реакции на совершенное преступление в форме обвинительного приговора суда, а не количество совершенных лицом преступлений, равно как и форма их вины. Это обстоятельство определяет уголовно-правовую значимость лишь одной из форм неоднократной преступной деятельности (рецидива преступлений), и юридически, и фактически отодвигая из поля зрения уголовного закона иные формы не только неоднократности, но и однократного совершения преступления. При этом факт совершения одного преступления упоминается для того, чтобы оттенить факт совершения нескольких преступлений, а о факте совершения преступления впервые не упоминается вообще. Исторически сложилось так, что *особое уголовно-правовое значение придается не факту совершения преступления впервые, а факту совершения преступления не в первый раз*.

3. В основе сугубо юридического понимания совершения преступления впервые (лица, впервые совершившего преступление) лежит следующее объяснение: *если понятие неоднократного совершения преступлений всегда трактовалось через призму уголовно-правового значения факта совершения преступления (то есть в юридическом смысле), то в основе понятия однократного совершения преступления изначально лежало фактическое его звучание – в смысле совершения преступления в первый раз в жизни. Очевидно, в стремлении уравнять уголовно-правовое значение этих проявлений кратности понятие совершения преступления впервые также приобрело чисто юридическое значение, поскольку понятие неоднократной преступной деятельности по определению не могло утратить свой юридический «статус»*.

4. Исходя из того, что в отечественном уголовном законодательстве дифференциация уголовной ответственности традиционно осуществляется не только в зависимости от того, *что* совершено, но и с учетом того, *кто* совершил,

развивается положение Н. С. Таганцева о том, что именно лицо, совершившее преступление, а не само преступление выступает объектом карательного воздействия, основанного на уголовном законе. В этой связи основная идея диссертации основана на том, что лицо, совершившее преступление, – объект не просто карательного, но избирательно карательного воздействия, особенно если речь идет о факте совершения таким лицом преступления впервые и недопущения совершения им новых преступлений. Отмеченное обстоятельство дает основание говорить и об уголовно-правовой политике в отношении определенной категории лиц, совершивших преступление, а в нашем случае – лиц, сделавших это впервые.

5. *Цель уголовно-правовой политики в отношении лиц, впервые совершивших преступление* (то есть того конечного результата, на достижение которого такая политика направлена), – *предупреждение совершения новых преступлений такими лицами.* Достижение этого результата определяет в конечном итоге и количественное, и качественное состояние неоднократной преступности, включая рецидив преступлений.

6. С обоснованием необходимости избирательной уголовно-правовой политики в зависимости от кратности преступлений в работе предпринята попытка дать всестороннюю характеристику современного состояния такой политики в отношении лиц, впервые совершивших преступление. В этой связи делаются следующие выводы:

– при отсутствии легального определения понятия лица, впервые совершившего преступление, это обстоятельство учитывается законодателем только в юридическом значении и в основном в связи с совершением преступлений только двух категорий: небольшой и средней тяжести. При этом данное обстоятельство само по себе, как правило, не имеет самостоятельного уголовно-правового значения, для чего требуется наличие дополнительных условий (чаще всего деятельного раскаяния в той или иной форме);

– стремление законодателя ориентировать действие отдельных институтов уголовного права (освобождения от уголовной ответственности, назначения наказания, замены наказания и освобождения от него) на лицо, впервые

совершившее преступление, носит бессистемный характер само по себе и практически полностью нейтрализуется еще и бессистемным применением законодательства в этой части;

– определение того или иного вида наказания при осуждении лица, впервые совершившего преступление, несмотря на многообразие видов уголовного наказания и различную степень карательного содержания каждого из них, как правило, не ставится в зависимость от факта совершения преступления впервые (исключение представляет ч. 1 ст. 53^1 УК РФ).

7. При характеристике современного состояния уголовно-правовой политики в отношении лиц, впервые совершивших преступление, в форме правоприменения особое внимание обращается на два обстоятельства:

– имеющиеся разъяснения Пленумом Верховного Суда РФ понятия лица, впервые совершившего преступления, не могут единообразно применяться в случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 53^1, ч. 1 ст. 56, п. «а» ч. 1 ст. 61, ст. 80^1, ч. 6 ст. 88 УК РФ, хотя бы потому, что они, во-первых, даются в рамках применения законодательства только об освобождении от уголовной ответственности (постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 с последующими изменениями и дополнениями), а во-вторых, носят казуальный характер и лишены единообразия. Эта сторона применения уголовного законодательства о лице, впервые совершившем преступление, до настоящего времени остается без внимания высшей судебной инстанции страны;

– в уголовном законе понятие лица, впервые совершившего преступление, употребляется применительно либо к конкретным категориям преступлений (ч. 1ст. 53^1, ч. 1 ст. 56, п. «а» ч. 1 ст. 61, ч. 1 ст. 75, ст. 76, ст. 76^2, 80^1, ч. 6 ст. 88 УК РФ), либо к конкретным преступлениям (ст. 76^1, примечания к ст. 127^1, 145^1, 195, 198, 199, 199^1, 199^3, 199^4, 205^5, 208, 282^1, 282^2, 282^3, 337, 338 УК РФ). Между тем Пленум Верховного Суда РФ, комментируя уголовный закон в этой части, обычно не придает значения данному обстоятельству и нередко в своих трактовках понятия лица, впервые совершившего преступление, «теряет» указание на категории преступлений.

8. Предусмотренное в уголовном законе понятие лица, впервые совершившего преступление, в данных официальной открытой статистики преступности и судимости в стране на сегодняшний день отсутствует. В связи с этим, получить корректное представление о количестве таких лиц в числе совершивших зарегистрированные преступления и в числе осужденных за них практически невозможно. Приближенно это можно сделать одним способом – путем вычитания количества лиц, ранее совершавших преступления, от общего количества выявленных лиц, совершивших преступления (в данных ГИАЦ МВД РФ), а в другом – путем вычитания количества лиц, имеющих непогашенные и неснятые судимости, и количества юридически несудимых лиц от общего количества осужденных (в данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ). Говорить о корректной сопоставимости результатов, полученных такими путями, можно весьма условно.

9. Лицо может признаваться совершившим преступление впервые, если ранее оно не совершало преступления, либо, хотя и совершало его, но было освобождено от уголовной ответственности или, будучи осужденным за преступление, не является судимым за него на момент такого признания. Без какого-либо теоретического обоснования и без ссылок на практическую целесообразность предметом разъяснительной практики Пленума Верховного Суда РФ выступает обычно последнее понятие.

10. В криминологии нет понятия личности преступника, впервые совершившего преступление, есть личность «просто» преступника, которой криминологи традиционно противопоставляют личность рецидивиста. При этом в данном понятии – личность преступника – «растворяется» вся возможная типология таковых: например, тех, кто совершил преступление в первый раз, но признается совершившим преступление впервые в юридическом (уголовно-правовом) значении, или тех, кто совершил несколько преступлений, но ни за одно из них не был осужден и т. д. Таким образом, искать решение проблемы классификации лиц, впервые совершивших преступление, в криминологии бессмысленно, потому что для нее (криминологии) этой проблемы нет, для

традиционной криминологии проблема – рецидив. Традиционная криминология более обеспокоена угрозой совершения новых преступлений со стороны рецидивистов, чем со стороны тех, кто совершил преступление впервые. Между тем очевидно, что решение последней проблемы предопределяет решение первой, выступает как минимум одним из наиболее действенных средств воздействия на нее.

11. С учетом всестороннего анализа состояния уголовно-правовой политики в отношении лиц, впервые совершивших преступление, называется комплекс предложений, направленных на ее дальнейшее развитие.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что оно содержит решение научной проблемы, имеющей важное политико-правовое значение для борьбы с преступностью в целом посредством уголовно-правового предупреждения новых преступлений со стороны тех, кто однажды преступил черту уголовного закона. Результаты исследования актуализируют в целом проблему кратности преступлений, подчеркивая необходимость более корректного противопоставления неоднократной преступной деятельности однократной. Они могут быть использованы при дальнейшей научной разработке вопросов уголовно-правовой политики в отношении лиц, впервые совершивших преступление.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть системно использованы при совершенствовании уголовного законодательства в части дифференциации уголовной ответственности лиц, впервые совершивших преступление, на различных этапах развития уголовного правоотношения, порожденного фактом совершения преступления. Положения и выводы исследования могут быть приняты во внимание при подготовке постановлений Пленума Верховного Суда РФ о применении норм УК РФ, действие которых определяется понятием лица, впервые совершившего преступление. Результаты диссертационного исследования также могут быть использованы в следственно-судебной практике при применении всего комплекса уголовно-правовых норм о лицах, впервые

совершивших преступление, или учитывающих факт совершения преступления впервые. Материалы исследования могут быть полезны при проведении учебных занятий в юридических вузах и факультетах по курсу уголовного права и криминологии, по некоторым специальным дисциплинам уголовно-правовой специализации («Освобождение от уголовной ответственности», «Множественность преступлений», «Рецидивная преступность» и т. п.).

Степень достоверности результатов исследования предопределяется его методологической обоснованностью, применением общих и специальных методов научного познания, выбор которых обусловлен целью и задачами исследования, непротиворечивостью его исходных теоретических положений, внутренней логикой исследования и его комплексным характером, корректным аргументированием, использованием достаточного объема эмпирического материала и других научных источников.

Эмпирическая база исследования включает:

1) статистические данные о преступности и судимости за период действия УК РФ 1996 г., подготовленные ГИАЦ МВД РФ и Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации;

2) результаты изучения и обобщения архивных материалов в виде постановлений (137 источников) и судебных решений о прекращении уголовных дел в отношении лиц, впервые совершивших преступление (ст. 75–76^2 УК РФ) (152 источника), о назначении наказания за преступления, предусмотренные ст. 158 УК РФ (98 источников);

3) результаты проведенных автором в период 2017–2022 гг. по специально разработанным анкетам опросов 156 судей, проходивших повышение квалификации в Восточно-Сибирском филиале Российского государственного университета правосудия; 274 прокурорских работников, проходивших повышение квалификации и профессиональную переподготовку в Иркутском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации; 87 специалистов (теоретиков и практиков) в области уголовного,

уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, криминологов;

4) пояснительные записки к законопроектам о внесении изменений и дополнений в УК РФ 1996 г. в части указания на лицо, впервые совершившее преступление;

5) эмпирические данные, содержащиеся в работах по исследуемой проблематике других авторов.

Процесс сбора и анализа эмпирического материала осуществлялся с соблюдением требований полноты и достоверности, предъявляемых к подобного рода исследованиям, поэтому полученный и проанализированный материал характеризуется репрезентативностью.

Апробация результатов исследования. Диссертация подготовлена на кафедре уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), где проводилось ее рецензирование и обсуждение. По теме диссертационного исследования опубликовано 73 научных работы общим объемом 67,58 п. л., в том числе три монографии, одно учебное пособие, 30 статей – в изданиях из Перечня рецензируемых научных изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования основных научных результатов диссертации, 4 статьи – в изданиях, входящих в базу данных Web of science и Scopus.

Основные положения и выводы работы использовались в личной педагогической практике при преподавании дисциплин уголовно-правовой специализации, докладывались, в частности, на таких научно-практических семинарах и конференциях, как:

– Международная научно-практическая конференция, посвященная памяти профессора В. В. Мальцева «Актуальные проблемы уголовного законодательства на современном этапе», 18–19 мая 2017 г., Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград;

– XXII, XXIII, XXIV, XXV, XXVIII Международная научно-практическая конференция «Деятельность правоохранительных органов в современных условиях», 18–19 мая 2017 г., 24–25 мая 2018 г., 6–7 июня 2019 г., 3–4 июня 2020 г., 15–16 июня 2023 г., г. Иркутск, ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский институт МВД России»;

– Международная научно-практическая конференция «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке», 25–26 января 2018 г., 24–25 января 2019 г., 23–24 января 2020 г., 21–22 января 2021 г., 20–21 января 2022 г., 25–26 января 2024 г., г. Москва, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА);

– XI Российский конгресс уголовного права «Обеспечение национальной безопасности – приоритетное направление уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительной политики», 31 мая – 1 июня 2018 г., г. Москва, Юридический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова;

– XII Российский конгресс уголовного права «Эффективность уголовно-правового, криминологического и уголовно-исполнительного противодействия преступности», 28–29 мая 2020 г., г. Москва, Юридический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова;

– IV, VII Тихоокеанский юридический форум «Перспективы развития юридической науки, практики и образования в Азиатско-Тихоокеанском регионе», 2–4 октября 2018 г., 13–15 октября 2023 г., г. Владивосток, Дальневосточный федеральный университет;

– IV Саратовские уголовно-правовые чтения (IV Всероссийская научно-практическая конференция) «Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности», 30 сентября – 1 октября 2019 г., г. Саратов, Саратовская государственная юридическая академия;

– VII, VIII, IX, XI Международная научно-практическая конференция «Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран», 5 октября 2018 г., 27 сентября 2019 г., 16 октября 2020 г., 5 октября 2022 г.,

г. Иркутск, Иркутский юридический институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);

– Международная научно-практическая конференция «Уголовная политика и культура противодействия преступности», 11 сентября 2020 г., г. Краснодар, Краснодарский ун-т МВД России;

– Международная научно-практическая заочная конференция «Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования», 22 апреля 2021 г., г. Иркутск, Восточно-Сибирский институт МВД России;

– Международная научная конференция «30 лет после трансформации. Правовые и экономические изменения в странах Центральной и Восточной Европы», 10–11 июня 2021 г., г. Вроцлав, Польша;

– X Международная научно-практическая конференция «Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран», 1 октября 2021 г., г. Иркутск, Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции;

– Международная научно-практическая конференция «Байкальские компаративистские чтения», 17–18 марта 2023 г., 21–22 марта 2024 г., г. Иркутск, Байкальский государственный университет.

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, двух разделов, объединяющих шесть глав, тринадцать параграфов, заключения, списка использованной литературы и приложения.

РАЗДЕЛ I. СОСТОЯНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, ВПЕРВЫЕ СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

ГЛАВА 1. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И ЛИЦО, СОВЕРШИВШЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

1.1. Теоретические представления о современной уголовно-правовой политике России

Греческое πολιτικός (читается – politikos) – наука государственного управления, искусство управления государством. В словарях русского языка слово «политика» означает деятельность органов государственной власти и государственного управления, сутью которой является определение форм, задач, содержания деятельности государства в определенной сфере жизни[16]. Такая трактовка политики у С. И. Ожегова дополняется указанием на цель деятельности: политика – «образ действий, направленных на достижение чего-нибудь»[17]. В словаре Т. Ф. Ефремовой политика – «направление деятельности государства или каких-либо социальных групп в той или иной области в определенный период»[18].

В работах, посвященных вопросам борьбы с преступностью, присутствует немалое количество попыток «переложить» общие определения политики на уголовную, уголовно-правовую материю и как результат – дать определение уголовно-правовой, уголовной политики или политики в области борьбы с преступностью[19]. При этом, несмотря на то, что в общем определении политики присутствует четко выраженный деятельностный акцент, в связи с чем в

---

[16] См.: Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2004. С. 902 ; Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: современное написание. В 4 т. Т. 3. П. М., 2004. С. 434 ; Новейший словарь иностранных слов и выражений. М., 2005. С. 644.

[17] Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л. И. Скворцова. М., 2018. С. 833.

[18] Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. М., 2000. В 2 т. Т. 2. С. 324.

[19] По сведениям С. В. Бажанова, в России впервые внимание к проблеме уголовной политики было привлечено во второй половине XIX в. См.: Бажанов С. В. Уголовно-процессуальная политика, экономика и право. Владимир, 2003. С. 30.

литературе уголовная, уголовно-правовая политика порой трактуется как уголовное право в динамике[20], в современных определениях такой политики этот акцент порой смещается в статику. Так, в одной из последних докторских диссертаций по теоретическим вопросам уголовной политики она определяется как «система принципов, политических и политико-правовых предписаний, программ, осуществляемых государством совместно с гражданским обществом, по борьбе с преступностью, ресоциализации преступников, обеспечению безопасности личности, общества и государства»[21]. В другой диссертации, посвященной вопросам региональной уголовной политики, такая политика – это «сформулированные стратегические цели, задачи, идеи по обеспечению криминологической безопасности региона, основанные на федеральных политико-правовых установках с учетом местных экономических ресурсов, социально-этнических, психологических и иных особенностей населения субъекта Российской Федерации»[22]. В известной Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации, одобренной Общественной палатой РФ в 2010 г., она определяется как система «официально принятых в государстве положений, определяющих сущность, цель, направления, приоритеты и критерии эффективности нормотворческой и правоприменительной деятельности в области защиты личности, общества и государства от преступных посягательств, средствами уголовного законодательства». Правда, при этом оговаривается, что уголовно-правовая политика Российской Федерации выступает одним из направлений реализации государственной стратегии обеспечения криминологической безопасности[23].

Представляется, однако, что и авторы приведенных определений понятия уголовной (уголовно-правовой) политики не ставят под сомнение тот факт, что

---

[20] См., напр.: Звечаровский И. Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. СПб., 2001. С. 73.

[21] Лесников Г. Ю. Уголовная политика современной России (методологические, правовые и организационные основы) : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 12.

[22] Стахов Я. Г. Уголовная политика и ее реализация субъектами Российской : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 9.

[23] Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации. URL: http://www.oprf.ru/ru/discussions/newsitem/17889 (дата обращения: 20.08.2024).

политика – это не просто наука или искусство управления «с самой высокой смотровой площадки»[24]. Концептуальность и деятельность – это два неотъемлемых элемента любой политики в обществе и ради общества[25]. Состоятельность и жизнеспособность любых принципов, предписаний, программ, равно как и сформулированных в них целей и задач, определяется в конечном итоге одним – их реализацией, деятельностью. Применительно к рассматриваемой нами проблеме может быть как раз именно этого элемента недоставало и недостает, когда мы говорим о политике в области борьбы преступностью. По истечении чуть менее десяти лет с момента утверждения упомянутой выше Концепции уголовно-правовой политики, никто на официальном уровне не задавался вопросом об итогах ее реализации, или, по крайней мере, нам об этом не известно. А между тем речь идет о документе, разработанном Общественной палатой Российской Федерации – органом, одна четверть состава которого утверждается Президентом Российской Федерации.

Авторы очередной современной уголовной политики России в 2017 г. начинали свою работу с того, что констатировали не только отсутствие уголовной политики – долгосрочного видения целей, которые государство собирается достичь с помощью уголовного права в области контроля преступности, но и осознание практически всеми такого отсутствия[26]. Констатации такого рода перекликаются с другого рода объяснениями безуспешности российской уголовной политики: низким качеством ее интеллектуального обеспечения[27]. На наш взгляд, главная проблема все-таки не в этом, не в отсутствии концептуальных осмыслений вопросов развития материального и процессуального уголовного

---

[24] Бойко А. И. Уголовная политика : учебное пособие. Ростов-на-Дону, 2008. С. 4-5.

[25] Григорьева И. А. Социальная политика и социальное реформирование в России в 90-х годах. СПб., 1998. С. 97. На данное обстоятельство применительно к уголовной политике в свое время обращал внимание профессор Г. М. Миньковский, см.: Миньковский Г. М. О развитии концепции уголовной политики // Методологические проблемы уголовно-правового регулирования : сб. научн. тр. № 136. М. : ВНИИ МВД СССР, 1991. С. 37-41.

[26] Уголовная политика : дорожная карта (2017–2025 гг.) / Г. А. Есаков, Р. А. Долотов, М. А. Филатова, М. А. Редчиц, П. П. Степанов, К. А. Цай. М., 2017. С. 7.

[27] Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Криминологическое мышление в контексте уголовной политики и практики борьбы с преступностью // Журнал российского права. 2013. № 8. С. 57-58.

права, не в их качестве, а в том, что материалы, отражающие такое осмысление, именуемые обычно «концепцией», либо не известны субъектам законодательной инициативы и законодателю, либо игнорируются ими, причем нередко вообще без каких-либо объяснений. В связи с этим в литературе задается даже такой вопрос: а нужны ли вообще подобные концепции – концепции уголовной политики[28]?

Поставленный вопрос является риторическим. Как отмечает А. Э. Жалинский, «различные подходы к уголовной политике проявляются прежде всего в практике реализации уголовного законодательства и отражаются в содержании уголовно-политических учений, концепций, взглядов, в существовании различных научных школ, течений, движений»[29].

В мае 2023 г. Минюстом России создана межведомственная рабочая группа по разработке новой концепции уголовно-правовой политики (приказ Минюста России от 28 марта 2023 г. № 53)[30], и остается надеяться, что данная попытка создать и реализовать такую концепцию будет более успешной, чем все предыдущие.

Поставленный выше вопрос считаем риторическим еще и потому, что была, есть и будет деятельность специально уполномоченных на борьбу с преступностью государственных органов. Такая деятельность не может быть не основана на законодательстве, специально для этого существующем: уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном. Другой вопрос, как оценивать такую деятельность и в чем или в ком усматривать причины ее

---

[28] Звечаровский И. Э. Категория «уголовный проступок» в контексте либерализации уголовной политики России // Уголовное право. 2017. № 4. С. 43. По мнению И. А. Зинченко и А. Ю. Трапицына, причины негативного состояния уголовной политики заключаются «в избирательном отношении власти и уголовной юстиции к преступности элиты и простых граждан, отсутствии политической воли, недостаточном финансировании, формализме, бюрократизме, разобщенности органов, составляющих правоохранительную систему, и иных обстоятельствах, см.: Зинченко И. А., Трапицын А. Ю. Уголовная политика: понятие, проблемы и перспективы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. Вып. 9. С. 90.

[29] Жалинский А. Э. Избранные труды. Т. 3: Уголовная политология. Сравнительное и международное уголовное право. М., 2015. С. 57.

[30] П. Н. Панченко называет Минюст России наблюдателем уголовной политики, а Генеральную прокуратуру РФ ее координатором, см.: Панченко П. П. Уголовная политика: настоящее ради будущего // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3 (35). С. 289.

недостатков – в ней самой, в ее организации, в законодательстве, на котором она основана? Естественно также и другое: такая деятельность будет тем более эффективна, чем более будет основана на современных научных разработках вопросов борьбы с преступностью, контроля над ней; учитывать зарубежный опыт решения рассматриваемой проблемы, осуществляться субъектами, работники которых имеют надлежащий уровень квалификации и т. д. Названные обстоятельства в совокупности либо сами по себе упоминаются в многочисленных определениях уголовной политики в литературе[31], суммируя которые можно сказать так: современная уголовная политика России – это *деятельность правоохранительных и судебных органов по борьбе с преступностью и ее предупреждению, в том числе иными субъектами профилактики, основанная на доктрине и осуществляемая в соответствии с уголовным, уголовно-процессуальным и уголовно-исполнительным законодательством, посредством применения уголовного наказания или иных мер уголовно-правового характера к лицам, совершившим преступление, путем правового воспитания населения.*

В связи с приведенным определением понятия уголовной политики нельзя не обратить внимание на решение данного вопроса И. М. Клейменовым. По мнению автора, уголовная политика – это «целеустремленная системная деятельность по ограничению преступности средствами государственного принуждения»[32]. Краткое и вместе с тем, на наш взгляд, очень емкое определение с одним необходимым уточнением: современная уголовная и уголовно-правовая политика в том числе, в отличие от всех предшествующих «политик» такого рода,

---

[31] См., напр.: Беляев Н. А. Уголовно-правовая политика и пути ее регулирования. Л., 1986. С. 15-17 ; Коробеев А. И., Усс А. В., Голик Ю. В. Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы. Красноярск, 1991. С. 7 ; Босхолов С. С. Основы уголовной политики: конституционный, криминологический и информационный аспекты. М., 2004. С. 29 ; Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Проблемы российской уголовной политики. М., 2014. С. 5-15.

[32] Клейменов И. М. Сравнительная криминология: криминализация, преступность, уголовная политика в условиях глобализации : дис. … д-ра юрид. наук. Омск, 2015. С. 267. В связи с этим В. Ф. Цепелев говорит о «целенаправленной активной деятельности…». См.: Цепелев В. Ф. Уголовная политика: теория и реальность // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3 (35). С. 293.

воздействует на преступность не только средствами государственного принуждения, которое, хотя и остается основным элементом уголовной ответственности, но все чаще на законодательном уровне нейтрализуется, отодвигается средствами государственного убеждения компенсационно-поощрительного характера (предусмотренными, например, в ст. 76^1, 76^2 УК РФ). Сказанное еще более актуально для различных трактовок уголовно-правового воздействия, основанного, по мысли их авторов, исключительно на принуждении, государственном принуждении. Если уголовно-правовое воздействие представляет собой «совокупность способов уголовно-правового выражения государственного принуждения в ответ на общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом»[33], то такой ответ уже давно не исчерпывается принуждением, облеченным в уголовно-правовую форму. Все более весомое значение в этом ответе приобретают различные средства убеждения, также облеченные в уголовно-правовую форму. В этой связи более адекватно современным условиям представление об уголовно-правовом воздействии как основанной на официально-властном волеизъявлении системе закрепленных в уголовном законе мер, необходимых для защиты личности, общества и государства, включающих в себя информационно-правовые, карательные, воспитательные средства и меры безопасности[34].

Если же говорить о целеустремленности уголовной политики в целом, то, на наш взгляд, по-прежнему актуально положение, в свое время сформулированное профессором Н. И. Загородниковым: «Уголовная политика стремится обеспечить такую деятельность государства и общественности по борьбе с преступностью, чтобы главным было не применение наказания за уже совершенные преступления, а реальное предупреждение возможности совершения

---

[33] См.: Уголовно-правовое воздействие : монография / Г. А. Есаков, Т. Г. Понятовская, А. И. Рарог, А. И. Чучаев. М., 2014. С. 22.

[34] См.: Бавсун М. В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации. Омск, 2014. С. 29.

преступлений, изыскания новых средств и мер по устранению причин, их порождающих»[35].

Обязательным признаком понятия уголовной политики выступает ее нормативная правовая основа, что предопределяет выделение в ней относительно самостоятельных компонентов (элементов, подсистем): уголовно-правовой политики, осуществляемой в рамках и в соответствии с уголовным законодательством; уголовно-процессуальной политики, осуществляемой в рамках и в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством; уголовно-исполнительной политики, осуществляемой в рамках и в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством. Выделяя названные составляющие уголовной политики, по нашему мнению, не следует как недооценивать, так и переоценивать их самостоятельность в силу объективно существующей между ними взаимообусловленности и функциональной зависимости.

Основываясь на том, что любая процедурная деятельность, всякие процессуальные правила, «обслуживающие» материальное право, помимо значимости данного обслуживания имеют еще и собственную содержательную значимость и ценность[36], наряду с названными выше компонентами уголовной политики в ней порой выделяют еще и оперативно-разыскную политику[37], уголовно-организационную политику[38] и уголовно-превентивную политику[39]. В последнем случае, судя по всему, речь идет о политике в области профилактики преступлений, которую в разное время и разными авторами предлагалось считать

---

[35] Загородников Н. И. Советская уголовная политика и деятельность органов внутренних дел. М., 1979. С. 42.

[36] См.: Павлушина А. А. Процессуально-правовая политика // Российская правовая политика: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 2003. С. 417.

[37] См., напр.: Шумилов А. Ю., Спасенников Б. А. Оперативно-розыскная криминология: pro et contra // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 1. С. 43-50 ; Федоров А. В. К вопросу о разработке научных основ национальной оперативно-розыскной политики // Оперативник (сыщик). 2005. № 4 (5). С. 17-18.

[38] См., напр.: Третьяков И. Л. Нормативно-правовые и организационно-административные интегранты уголовной политики // Правовое поле современной экономики. 2015. № 8. С. 169-178.

[39] См., напр.: Волеводз А. Г. XIII Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию: некоторые итоги // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 6 (23). С. 268-282.

самостоятельным видом «социальной политики ликвидации преступности», существующим наряду с уголовной политикой[40], называть «криминологической политикой» либо «криминологическим аспектом уголовной политики»[41]. По мнению же М. П. Клейменова, наоборот: криминологическая политика, опираясь на социальную политику, включает в себя уголовную политику[42].

Еще дальше в оценке роли деятельности по предупреждению преступности в целом и ее отдельных разновидностей пошел В. Н. Орлов, который в этой связи, «учитывая становление, развитие и современное состояние криминологического законодательства», предложил рассматривать криминологию в качестве самостоятельной комплексной отрасли права[43]. Эта идея озвучивалась в работах и других авторов[44].

В одной из своих работ М. М. Бабаев в целом точно расставил акценты в рассматриваемом вопросе: «Уголовно-правовая политика криминологична, а криминологическая политика нормативна. И в этом залог и условие эффективности каждой из них»[45]. От себя добавим: и в целом политики государства в области борьбы с преступностью.

Более определенно по рассматриваемому вопросу высказался И. Э. Звечаровский: «Если не отождествлять криминологическую политику с политикой государства в сфере борьбы с преступностью, включающей в себя весь комплекс направлений и средств, в том числе меры общесоциального характера, то, очевидно, нет никаких оснований вообще говорить о криминологической политике, поскольку, понимаемая таким образом, она фактически растворяется в

---

[40] Бабаев М. М. О соотношении уголовной и криминологической политики // Проблемы социологии уголовного права. М., 1982. С. 16.

[41] Третьяков И. Л. Уголовная политика России: общетеоретические и прикладные проблемы : дис. …канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 5.

[42] Клейменов М. П. Криминология : учебник. М., 2009. С. 225.

[43] Орлов В. Н. Основы криминологического права : учебник. М., 2016. С. 19.

[44] См., напр.: Шестаков Д. А. Криминологическое законодательство и право противодействия преступности // Криминология вчера, сегодня, завтра. 2013. № 1 (28). С. 47-49 ; Клейменов М. П. Криминологическое законодательство и криминологическое право в России // Lex russica. 2018. № 2 (135). С. 148-159.

[45] Бабаев М. М. О криминологической составляющей уголовной политики // Криминологический журнал. 2008. № 2 (14). С. 5-10.

социальной политике». Сомнительно, по мнению автора, выделение криминологической политики и в качестве одного из элементов уголовной политики, поскольку она не имеет под собой своей нормативной правовой основы[46].

В целом соглашаясь с приведенными суждениями, прежде всего, будет уместным отметить обоснованность положения, высказанного А. И. Коробеевым о том, что само по себе законодательное урегулирование деятельности, осуществляемой в рамках борьбы с преступностью, недостаточно для признания ее самостоятельным элементом уголовной политики[47]. Очевидно также и то, что предупредительный потенциал, несомненно, должен присутствовать в законодательстве, причем не только криминального (уголовном, уголовно-процессуальном, уголовно-исполнительном), но и социально-цивилистического профиля. Это обстоятельство должен «держать в уме» законодатель, а в последующем и правоприменитель, реализующий названную нормативную правовую основу. Помимо этого, профилактика преступлений может и должна осуществляться вне рамок какого-либо законодательства, среди законопослушного населения. Определять ли названные направления деятельности криминологической политикой и придавать ли такой политике какой-либо статус? На наш взгляд, в современных условиях – это вопрос второстепенный. Судя по состоянию и активности криминологических исследований, имевших место в период действия УК РСФСР 1960 г., можно сделать вывод о том, что говорить о криминологической политике как элементе (самостоятельном элементе) уголовной политики тогда было больше оснований, чем сегодня.

---

[46] Звечаровский И. Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. С. 75.

[47] Коробеев А. И. Уголовная политика современной России: состояние и перспективы // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3 (35). С. 247.

Наряду с характеристикой общих вопросов уголовной политики, о ней нередко говорят применительно к отдельным видам преступности[48], преступников, в последнем случае акцентируя внимание на особенностях субъектов преступлений – личностей преступников несовершеннолетних[49], женщин[50]. Об уголовной политике как отрасли научного знания пишет С. В. Иванов[51].

Отметим также, что немало работ уголовно-политического и сугубо криминологического характера посвящено изучению личности рецидивиста[52] и вместе с тем ни одной – личности того, кто вроде бы должен оттенять такую личность: личности впервые совершившего преступление. К сожалению, ни слова не сказано о лице, впервые совершившем преступление, и в одном из первых проектов новой Концепции уголовно-правовой политики, разрабатываемой в настоящее время Минюстом России.

Через понятие деятельности должна, по нашему мнению, определяться и основная составляющая уголовной политики, на основе которой формируются стратегия и тактика политики уголовно-процессуальной, уголовно-исполнительной[53] – уголовно-правовая политика. В этой связи привлекает внимание решение данного вопроса авторским коллективом Института

---

[48] См., напр.: Александрова И. А. Современная уголовная политика по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции : дис. … д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2016. 727 с. ; Поликарпова И. В. Уголовная политика России в отношении посягательств на здоровье и ее влияние на квалификацию преступлений: на примере ответственности за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2008. 258 с.

[49] Волошин В. М. Уголовно-правовая политика России в отношении несовершеннолетних правонарушителей и роль ответственности в ее реализации : дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 363 с.

[50] Кунц Е. В. Основные направления развития уголовной политики на современном этапе // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 29 (283). Право. Вып. 33. С. 88-90 ; Абызова Е. Р. Криминологическое исследование личности женщин, совершающих преступления, и предупреждение их преступного поведения : дис. …канд. юрид. наук. М., 2007. 203 с.

[51] Иванов С. В. Уголовная политика Российской Федерации: политолого-криминологический и уголовно-правовой аспекты : дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. 313 с.

[52] См., напр.: Антонян Е. А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2014. 353 с.

[53] Лопашенко Н. А. Уголовная политика : монография. М., 2009. С. 25.

государства и права Российской академии наук: уголовно-правовая политика – это «деятельность государства, направленная на справедливое (то есть должное, взаимосоответствующее) закрепление в уголовном законе и иных нормативных правовых актах (и исключение из таких актов) предписаний, определяющих преступность общественно опасных деяний, пределы их наказуемости и иных мер уголовной ответственности за их совершение, а также результат такой деятельности»[54]. Здесь, во-первых, не совсем ясно то, почему из всех возможных, в том числе признанных законодателем принципов уголовного права (ст. 3–7 УК РФ), именно к принципу справедливости апеллируют авторы данного определения. Говоря словами немецкого философа О. Хеффе, «справедливое право должно быть защищено общественным правопорядком»[55], но, заметим, такая защита не может осуществляться без учета других принципов права и уголовного в том числе: законности – «если, – как пишет О. Хеффе, – человеческое общежитие хочет иметь легитимный характер»; юридического равенства, вины и гуманизма – чтобы государство, говоря словами автора[56], «приняло облик справедливого правового государства». Во-вторых, вряд ли обоснованно в приведенном определении уголовно-правовой политики содержится указание на ее результат, который, по нашему мнению, выступает ее (политики) самостоятельной характеристикой, итогом, не влияющим на определяемое понятие.

В свете сказанного, с небольшими коррективами, наиболее приближенным к реалиям борьбы с преступностью уголовно-правовыми средствами представляется определение понятия уголовно-правовой политики, предложенное Б. Т. Разгильдиевым: это *осуществляемая на основе уголовно-правовых принципов деятельность органов власти по принятию уголовных законов, их применению и исполнению правоохранительными и судебными органами, направленная на*

---

[54] Мониторинг уголовной политики России / под общей ред. С. В. Максимова. М., 2014. С. 52.

[55] Хеффе О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства. М., 1994. С. 11-12.

[56] Хеффе О. Указ. соч. С. 12.

решение уголовно-правовых задач по охране личности, общества и государства, мира и безопасности человечества от преступных посягательств и их предупреждению[57].

Не имея цели всесторонне и полноценно осветить состояние исследований проблемы уголовно-правовой политики, нельзя обойти стороной вопрос о соотношении этого понятия с понятием, получающим все большее распространение в науке уголовного права, – понятием уголовно-правового воздействия. Только в одной работе мы нашли ответ на этот вопрос: уголовно-правовое воздействие охватывает сразу и уголовное право, и уголовное законодательство, и уголовно-правовую политику как основополагающие элементы, аккумулирующие в себе понятия преступного и наказуемого и все, что с ними связано[58]. Весьма общий ответ, что, как представляется, предопределено историей появления понятия уголовно-правового воздействия в уголовно-правовых исследованиях в связи с попытками привнести ясность в понятие меры уголовно-правового характера. Примечательно, что при этом без внимания исследователей по-прежнему остается предусмотренное в УК РФ достаточно четкое, на наш взгляд, использование понятий «принудительные меры медицинского характера» и «принудительные меры воспитательного воздействия». Первые несут в себе пассивное начало, вторые – активное. Воздействие – активное целенаправленное влияние субъекта на объект, не обязательно явное или прямое, например, через механизм уголовно-правового регулирования, но и косвенное – например, в процессе применения уголовного законодательства. Уголовно-правовое воздействие, направленное на потенциальных (в пределах регулятивных отношений) или реальных (в пределах охранительных отношений) субъектов преступления, изначально осуществляемое в рамках названного механизма по схеме норма – правоотношение – ответственность, при дальнейшей его реализации может распространяться не

[57] Разгильдиев Б. Т. Уголовно-правовая политика // Правовая политика: словарь и проект концепции / под ред. А. В. Малько. Саратов, 2010. С. 112, 116-117.

[58] Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия. СПб., 2004. С. 7.

только на отношения, составляющие предмет уголовно-правового регулирования (объект уголовно-правовой охраны), но и на отношения, находящиеся за рамками этого предмета, а соответственно, и лиц, вообще не являющихся субъектами уголовной ответственности[59]. *Уголовно-правовое воздействие – это фактическое влияние уголовного права на правосознание физических лиц и их поведение в реальной жизни.* Насколько нам известно, ни в одной работе с названием «Уголовно-правовое воздействие» это влияние не исследовалось[60].

Подводя итог анализа теоретической части рассматриваемой нами проблемы, позволим сделать ряд выводов:

1. В исследованиях политики в области борьбы с преступностью нередко происходит отождествление понятий уголовной и уголовно-правовой политики. Крайне редко такое отождествление специально обосновывается, как это делает, например, Н. А. Лопашенко[61], зачастую же имеет место ситуация, когда под названием уголовной политики дается характеристика только уголовно-правовой политики либо – наоборот – под названием уголовно-правовой политики приводится характеристика политики в области борьбы с преступностью, основанная не только на уголовном, но и ином законодательстве.

2. В последние годы происходит неуклонное снижение интереса к разработке теоретических вопросов политики в области борьбы с преступностью, что, на наш взгляд, объясняется двумя обстоятельствами: во-первых, уже имеющейся высокой степенью разработанности теории борьбы с преступностью в России. Концепция уголовной политики России как система взглядов на

---

[59] В свое время В. К. Дуюнов определял уголовно-правовое воздействие как реализацию негативной, справедливой и неотвратимой реакции государства на совершение преступлений. При этом уголовное наказание рассматривалось автором в качестве одной из форм реализации уголовно-правового воздействия. См.: Дуюнов В. К. Механизм уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 7.

[60] См.: Бавсун М. В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации : монография. Омск, 2014. 248 с. ; Уголовно-правовое воздействие : монография / Г. А. Есаков, Т. Г. Понятовская, А. И. Рарог, А. И. Чучаев. М., 2014. 288 с. ; Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004. 339 с. ; Дуюнов В. К. Уголовно-правовое воздействие: теория и практика. М., 2003. 250 с.

[61] См.: Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М., 2009. С. 4.

преступность, стратегию борьбы с ней (условно – «теоретическая Концепция») разработана, сложилась и реально существует, начиная с периода как минимум не позднее 2005 г., если говорить о законодательстве, отправной точкой формирования которого послужил УК РФ 1996 г. В этой связи при достаточно стабильной социально-экономической и политической обстановке в стране в нее (в Концепцию уголовной политики) вряд ли можно привнести что-то принципиально новое[62]; во-вторых, невостребованностью «теоретической Концепции» существующим государственным механизмом борьбы с преступностью, реальной уголовной политикой, результатом чего выступает отрицание авторами и сторонниками «теоретической Концепции» наличия в России вообще какой-либо уголовной политики.

Об актуальности последнего объяснения наглядно свидетельствует констатация, сделанная А. И. Коробеевым: «На сегодняшний день уголовная политика в России так и не сформирована, ее нет даже в виде теоретической Концепции, признанной официальной властью»[63]. Заметим, что авторы Уголовной политики 2017 г. назвали предыдущую Уголовно-правовую политику 2010 г. «квазиофициальной»[64].

Нельзя не отметить и тот факт, что скептическое отношение к современной уголовной политике, равно как и к теоретическим изысканиям по данной проблематике, порой объясняется недопустимостью использования самого слова «политика» в этом случае. Как отмечает А. В. Наумов, настоящая политика, политика без кавычек – это область между классами, нациями и социальными

---

[62] Как отмечается в этой связи в одном из источников, знания о преступности востребованы в период нестабильности. В настоящее время российская криминология переживает период упадка, что говорит об устойчивости власти, больше не нуждающейся в результатах криминологических исследований. См.: Дикаев С. У. О цикличности развития отечественной криминологии или «До новой смуты!» // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 4 (47). С. 31.

[63] Коробеев А. И. Уголовная политика современной России: состояние и перспективы. С. 248. В более позднем монографическом исследовании уголовно-правовой политики России автор говорит об отсутствии до настоящего времени «концептуальных основ такой политики». См.: Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса : монография. М., 2019. С. 236.

[64] Уголовная политика : дорожная карта (2017-2025 гг.). С. 9.

группами. Политический аспект в уголовном законодательстве и в предупреждении преступлений есть только там, считает автор, где можно выделить классовые или социально-групповые интересы. Дело не в праве и в профилактике, не в уголовно-правовой политике, а в *политике* как таковой[65]. Однако, заметим, не отражается ли последняя – политика власти – в уголовном законодательстве и в практике его применения? Думается, что несомненно. И сам автор в этой связи называет целый ряд примеров, в частности, с отражением такой политики при регламентации в УК РФ экономических преступлений. И по-другому, наверное, трудно оценить происходящее, поскольку, как замечает Ю. И. Бытко, «любая государственная управленческая деятельность, процедура уголовно-правового нормотворчества не может быть не политизированной. Это часть политики государства, и именно поэтому не случайно в сложной дефиниции “уголовная политика” вторым ключевым словом является “политика”»[66].

3. Практически все имеющиеся характеристики современной уголовной, уголовно-правовой политики России носят четко выраженный отрицательный фон. Даже то, что обычно считалось положительным моментом российской (ранее – советской) уголовно-правовой политики – ее гуманистическая направленность – оценивается как недостаток в силу ее чрезмерности и нерациональности, «противоречивости и волатильности»[67].

Названная констатация продолжает предыдущую, в связи с чем специалистам в области теоретических концепций уголовной политики настало время ответить на один принципиальный вопрос: почему результаты их усилий остаются невостребованными субъектами реальной уголовной политики?

Прежде чем попытаться увидеть лиц, совершивших преступление, в том числе сделавших это впервые, в каком-либо ракурсе уголовно-правовой политики,

---

[65] Наумов А. В. Преступление и наказание в истории России. В 2 ч. Ч.II. М., 2014. С. 627-628.

[66] Бытко Ю. И. Криминализация как важнейшая составляющая уголовной политики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016 № 6 (113). С. 134 ; См. об этом также: Третьяков И. Л. Уголовная политика современной России : монография / под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб., 2017. С. 28-52.

[67] Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика современной России: проблемы пенализации и депенализации // Закон. 2015. № 8. С. 46-59.

определить здесь их роль, попытаемся дать оценку некоторым характеристикам такой политики в России в современных условиях, называемым в научных источниках.

За основу характеристики современной уголовно-правовой политики России логично было бы взять ту, которая приведена авторами уже упомянутой ранее, самой последней опубликованной в 2017 г. Уголовной политики[68]. Однако при внимательном ознакомлении с названной уголовной политикой можно сделать вывод о том, что большинство констатаций, характеризующих ее современное состояние[69], повторяют ранее озвученные в более широком контексте в ряде работ, автором (или соавтором) которых выступал А. И. Коробеев[70]. Поскольку в более систематизированном виде они были представлены в выступлении автора 25 апреля 2016 г. в Нижегородской академии МВД России[71], постольку обратимся именно к ним.

Характеристику современного состояние *уголовной политики* А. И. Коробеев начинает с констатации «отсутствия явно выраженной цели *уголовно-правовой политики*[72] и связанной с этим бессистемностью и разнонаправленностью изменений и дополнений уголовного закона». Авторы упомянутой Уголовной политики 2017 г. хаотичный характер законотворчества «в сфере уголовного и уголовно-процессуального права» объясняют «отсутствием

---

[68] Уголовная политика: дорожная карта (2017-2025 гг.). 76 с. Содержание этой работы, к слову сказать, является наглядным примером отождествления такой политики с уголовно-правовой ее составляющей. Этот вывод не колеблет даже то, что в этой политике авторы говорят еще и о взаимосвязи с уголовным процессом и уголовно-исполнительным законодательством (С. 52-69).

[69] Там же. С. 11-15.

[70] См.: Коробеев А. И. Современное состояние уголовно-правовой политики России и проблемы действия уголовного закона во времени // Уголовное право. 2012. № 5. С. 89 ; Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика современной России в сфере пенализации (депенализации): кнут или пряник? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 3. С. 52 ; Голик Ю. В., Коробеев А. И. Реформа уголовного законодательства России: быть или не быть? // Lex Russia. № 12. Том XCVII. 2014. С. 1399-1408.

[71] Коробеев А. И. Уголовная политика современной России: состояние и перспективы. С. 247-250.

[72] Мы специально выделяем курсивом понятия уголовной и уголовно-правовой политики, используемые А. И. Коробеевым фактически как тождественные, хотя до этого автор говорит о родовом понятии уголовной политики и ее подвидах, включая уголовно-правовую политику (Там же. С. 247-248).

уголовной политики – долгосрочного видения целей, которые государство собирается достичь с помощью уголовного права в области контроля преступности».

Однако не является ли последняя оговорка авторов Уголовной политики 2017 г. как раз тем, что объявляется ими в качестве отсутствующего – контролем над преступностью? Если же говорить об общей цели *уголовно-правовой политики*, то, по нашему мнению, она достаточно определенно сформулирована в ч. 1 ст. 1 УК РФ. Это охрана отношений, регулируемых уголовным правом[73]. Достигается эта цель посредством решения тех задач-средств, которые определены в ч. 2 этой же статьи. Предельно ясно может быть сформулирована и *цель уголовно-правовой политики в отношении лиц, впервые совершивших преступление,* (то есть того конечного результата, на достижение которого такая политика направлена), – *предупреждение совершения новых преступлений такими лицами.*

Характеризуя далее современное состояние уголовной политики, А. И. Коробеев указывает на следующие проблемы: криминологическую и социальную необоснованность целого ряда нормативных предписаний уголовного закона; низкое качество юридической техники уголовного закона, внутриотраслевые и межотраслевые коллизии уголовного законодательства, отсутствие четкой концепции системы источников уголовного права; неполное соответствие российского уголовного законодательства и практики его применения международно-правовым стандартам безопасности и прав человека; противоречивость и непоследовательность в определении оснований уголовной ответственности, отсутствие четких критериев разграничения преступлений и иных правонарушений; одновременную пробельность и избыточность криминализации деяний, отсутствие явных приоритетов уголовно-правовой охраны; отсутствие последовательной нормативной и теоретической концепции

[73] Как отмечается в литературе, предупреждение преступлений, о котором идет речь в ч.1 ст.1 УК РФ, выступает не задачей, а функцией УК РФ. См.: Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. И. Э. Звечаровского. М., 2010. С. 21.

содержания и формы уголовно-правовой реакции на преступление, соотношения наказания и иных мер уголовно-правового характера; широкие, вплоть до непозволительного, рамки судейского усмотрения не только при определении меры уголовного наказания, но и при определении оснований уголовной ответственности; несоответствие декларируемых целей уголовного наказания реальным возможностям в их достижении, ущербность системы наказаний; несогласованность частноправовых и публично-правовых начал уголовно-правового регулирования, нерешенность до конца вопроса об уголовно-правовом статусе потерпевшего от преступления; несогласованность положений о неотвратимости и целесообразности уголовного преследования и уголовной ответственности; недостаточность научного сопровождения законотворческого процесса, отсутствие системы экспертных оценок законопроектов[74].

Перечень названных проблем авторы Уголовной политики 2017 г. дополняют указанием на избыточную репрессивность уголовного закона, отмечая также то, что декриминализация и депенализация деяний происходит по выборочному принципу – в отношении отдельных групп населения (например, предпринимателей), под влиянием различных групп лоббирования[75].

Наверное, при желании перечень таких проблем мог быть продолжен указанием, например, на несоответствие содержания уголовного законодательства принципам, закрепленным в ст. 3–7 УК РФ, на бессистемность предусмотренной в УК РФ системы наказаний, включающей в себя разбалансированность подсистемы наказаний, не связанных с изоляцией от общества, и т. д.[76] Вместе с тем некоторые из названных характеристик, на наш взгляд, преждевременно возводятся в статус проблемы, когда, например, речь идет о нерешенности до конца вопроса об уголовно-правовом статусе потерпевшего от преступления. По

---

[74] Коробеев А. И. Уголовная политика современной России: состояние и перспективы. С. 248.

[75] Уголовная политика: дорожная карта (2017-2025 гг.). С. 7, 11.

[76] См. об этом также: Ревин В. П. Современная уголовная политика России и реформирование уголовного законодательства // Всероссийский криминологический журнал. 2014. № 1. С. 37-42 ; Гилинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб., 2014. С. 471-475.

нашему мнению, такого субъекта в уголовном праве нет, если, конечно, видеть различия между материальным и процессуальным уголовным правом, не ставить знак равенства между уголовно-правовыми и уголовно-процессуальными отношениями. Субъектами уголовных правоотношений выступают только две стороны: государство в лице своих компетентных органов, устанавливающее обязанность соблюдать требования уголовного закона, а в случае ее нарушения – обязанность подлежать уголовной ответственности за содеянное, и физические вменяемые лица, достигшие установленного уголовным законом возраста, способные в силу названных обстоятельств выполнять указанные обязанности, а в случае невыполнения последних – подлежать за это уголовной ответственности.

Главное, однако, не в перечне приведенных проблем и степени их обоснованности, а в том, что большая часть из них не являются полноценной характеристикой собственно уголовно-правовой политики. Во-первых, названные проблемы связаны в основном только с одним из элементов (подвидов) уголовной политики – уголовно-правовой политикой. Во-вторых, затрагивают эти проблемы только одну из форм ее реализации – правотворчество, имеющее своим предметом российское уголовное законодательство в его современном состоянии. Между тем достоинства и недостатки реализации данной формы уголовно-правовой политики становятся видимыми, а отсюда и подлежащими более или менее объективной оценке лишь через призму правоприменения, в нашем случае – применения уголовного права. Однако отметим, что за последние 2–3 года в трех таких серьезных криминологических изданиях, как «Российский криминологический взгляд», «Криминология: вчера, сегодня, завтра» и «Всероссийский криминологический журнал» не было опубликовано ни одной статьи, посвященной всесторонней характеристике уголовно-правовой политике вообще и такой ее формы реализации, как правоприменение – применение уголовного законодательства, в частности.

1.2. Дифференциация ответственности лиц, совершивших преступление, как направление уголовно-правовой политики

Дифференциация уголовной ответственности традиционно выступает одним из основных направлений российской уголовно-правовой политики. Данная проблематика стала разрабатываться в отечественной доктрине уголовного права начиная с 70-х гг. прошлого столетия (в частности, в работах И. М. Гальперина, С. Г. Келиной, А. И. Коробеева, П. В. Коробова, Г. Л. Кригера, Н. М. Кропачева, В. И. Курляндского, Л. Л. Кругликова, Ю. Б. Мельниковой, А. А. Тер-Акопова), однако единообразия ее решений до настоящего времени не наблюдается.

В самом общем виде дифференциацию уголовной ответственности можно определить как установление государством в уголовном законодательстве различных форм и размера уголовной ответственности за совершение преступления с учетом как его характера, так и степени общественной опасности деяния и лица, его совершившего[77]. При такой постановке вопроса в большинстве своем критически в науке уголовного права воспринимаются положения УК РФ, допускающие фактическое участие в процессе дифференциации уголовной ответственности на правоприменительном уровне. Речь идет об уголовно-правовой оценке малозначительности деяния (ч. 2 ст. 14 УК РФ) и возможности суда изменять категорию уже совершенного преступления на менее тяжкую (ч. 6 ст. 15 УК РФ)[78].

Несмотря на разноречия среди специалистов в определении видов, пределов, целей, способов и средств дифференциации уголовной ответственности, первый и основной, по нашему мнению, вопрос заключается в

---

[77] См.: Магомедов А. А. Уголовная ответственность и освобождение от нее: эволюция правовых воззрений и современность : дис. … д-ра юрид. наук. М., 1998. С. 12.

[78] Вместе с тем некоторые специалисты, напротив, поддерживают такую законодательную практику. См., напр.: Колоколов Н. А. Категория преступления величина переменная? // Мировой судья. 2012. № 7. С. 2–6 ; Питецкий В. В. О недостатках воплощения принципа справедливости в действующем Уголовном кодексе РФ // Российская юстиция. 2014. № 4. С. 52–54 ; Герасимов А. М. Теория уголовного правонарушения : дис.... д-ра юрид. наук. Саратов, 2022. С. 292–293.

том, что служит основанием «градации, разделения, расслоения ответственности в уголовном законе, в результате которой устанавливаются различные уголовно-правовые последствия»[79].

Считается, что сущность дифференциации в сфере юриспруденции, в частности в уголовном законодательстве, заключается в нормативном обеспечении справедливой реакции государства на совершаемые правонарушения (преступления) путем установления в законодательстве необходимых и достаточных условий, средств и возможностей для соразмерного содеянному правового (уголовно-правового) воздействия на разные категории правонарушителей[80]. Между тем представляется, что дифференциация уголовной ответственности в уголовно-правовой политике призвана обеспечить не только соблюдение принципа справедливости, но и максимально реализовать основополагающий принцип любой политики – принцип целесообразности. Последняя в данном случае (целесообразность) должна определяться решением задач, регламентированных в ст. 2 УК РФ. Здесь же определены и средства их решения: «Для осуществления этих задач настоящий Кодекс устанавливает основание и принципы уголовной ответственности, определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, и устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений» (ч. 2 ст. 2 УК РФ). При такой постановке вопроса предметом дифференциации выступает уголовная ответственность не только за преступление, но и за любой иной вид поведения, имеющего уголовно-правовое значение, поведения лица, уже совершившего преступление. Названное обстоятельство, на наш взгляд, и должно выступать основанием дифференциации уголовной ответственности в самом широком смысле этого слова.

---

[79] Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 2000. С. 22.

[80] Дуюнов В. К., Кондратюк С. В. О дифференциации ответственности в российском праве и в уголовном законодательстве: понятие, природа, статус и значение // Вопросы российского и международного права. 2019. Том 9. № 11. С. 202.

Вместе с тем следует согласиться с Л. Л. Кругликовым в том, что дифференциация ответственности в уголовном праве охватывает дифференциацию и оснований уголовной ответственности, ее видов и размеров[81]. Не ограничивая границы поведения, имеющего уголовно-правовое значение, только преступным поведением[82], следует признать, что основанием дифференциации уголовной ответственности выступает: 1) характер и типовая степень общественной опасности преступления и иных вариантов поведения, имеющего уголовно-правовое значение; 2) типовая степень опасности личности субъекта такого поведения[83].

При всем желании увидеть лиц, впервые совершивших преступление, в различных характеристиках современной уголовно-правовой политики России, это вряд ли осуществимо, поскольку такого показателя в буквальном его понимании нет ни в одной доступной форме официальной отчетности о состоянии преступности и судимости. Случайно ли это? Представляется, что нет, поскольку ни в одном из попавших в поле нашего зрения определений понятия уголовной или уголовно-правовой политики мы не увидели даже упоминаний о лицах, совершивших преступление, то есть о лицах, из-за которых такая политика существует, и охране от преступных посягательств, которой она посвящена. В этой связи уместно вспомнить вопрос, которым в свое время задавался Н. С. Таганцев: «что» или «кто» выступает «объектом карательного права» – преступное деяние или лицо, его совершившее[84]? Сам же автор давал ответ на этот вопрос: преступное деяние выступает основанием возникновения и осуществления карательной власти; только при доказанности учиненного данным

---

[81] Кругликов Л. Л., Васильевский А. В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2002. С. 66.

[82] Звечаровский И. Э. Российское уголовное право: закон, преступление, ответственность. М., 2022. С. 85.

[83] См. также: Кругликов Л. Л., Васильевский А. В. Указ. соч. С. 68.

[84] Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 79. Вопрос, ответ на который до настоящего время порой обсуждается в теории наказания. В этой связи, в частности, говорят об абсолютных теориях наказания, в которых доминирует идея наказуемости деяния, и относительных теориях наказания, где доминирует идея наказания преступника.

лицом преступного деяния оно может быть признано уголовно виновным и подлежащим наказанию[85]. Вместе с тем было бы теоретически неверно и практически крайне вредно считать объектом карательного воздействия только преступное деяние, забывая лицо, его учинившее. В том случае, когда мы рассматриваем преступление как продукт деятельности вменяемого субъекта, проявившего в нем свою вину, можно говорить о том, что «объектом карательного воздействия государства является лицо, учинившее законом деяние, признанное виновным в нем и отвечающее не только по поводу этого деяния, но и за это деяние»[86]. Такое определение объекта карательного воздействия предполагает, говоря современным языком, в типологии личности преступника на первое место ставить их классификацию с выделением преступников по привычке и преступников случайных, что обусловливает неодинаковую ответственность и различия в уголовной наказуемости деяний, ими совершенных[87]. На наш взгляд, исчерпывающий ответ, имеющий непосредственное отношение и к рассматриваемой нами проблеме. Его можно лишь уточнить применительно к воздействию, основанному на уголовном законе: последний в нормах своей Особенной части призван реагировать на любое общественно опасное и виновно совершенное деяние, как правило, безотносительно того, кто является его субъектом и в какой раз в жизни этого субъекта такое происходит. В этом плане ни о каком уголовно-правовом воздействии говорить не приходится, если не считать таковым сам факт криминализации того или иного вида деяния. Уголовно-правовое воздействие в рассматриваемом контексте начинается там и тогда, где и когда возникает вопрос об ответственности за содеянное, и в этом случае без субъекта ответственности – теперь уже и субъекта преступления – не обойтись.

---

[85] Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 2. М., 1994.

[86] Там же. С.79-81.

[87] Там же. С. 81. Хотя в ряде случаев Н. С. Таганцев меняет акценты в решении данного вопроса, отмечая, что «объектом карательной деятельности является преступное деяние как проявление личности, подлежащей за учиненное им известным стеснительным мерам наказанию» (Там же. С. 87).

Лицо, совершившее преступление, является центральной фигурой в уголовном праве. Несмотря на то, что это лишь одна из сторон отношения, образующего предмет уголовно-правового регулирования, появление и наличие, формы и методы деятельности второй стороны – государства в лице компетентных органов – здесь напрямую обусловлены и зависят от роли первой. Можно утверждать, что благодаря именно лицам, совершившим преступления, и в целях уголовно-правового воздействия на них, собственно, и существует уголовное право.

Отличительной чертой УК РФ 1996 г. выступает дифференциация уголовной ответственности в зависимости от категории совершенного преступления[88]. На основе и в рамках предусмотренной в ст. 15 УК РФ категоризации преступлений происходит последующая дифференциация уголовной ответственности, в том числе с учетом личности субъекта преступления определенной категории.

Вместе с тем в отечественном уголовном законодательстве дифференциация уголовной ответственности традиционно осуществляется не только в зависимости от того, *что* совершено, но и с учетом того, *кто* совершил. Характеристика лица, совершившего преступление, слагается из ряда признаков, отраженных в уголовном законе, и в этой связи уголовная ответственность дифференцируется (подразделяется, различается) по различным основаниям: в зависимости от возраста, пола, гражданства, служебного, должностного положения, правового статуса и т. п. Практически во всех нормативных актах уголовно-правового характера отечественный законодатель предпринимает попытки дифференцировать уголовную ответственность и в зависимости от того, сколько раз в жизни лицо, способное нести уголовную ответственность (ст. 19 УК РФ),

[88] Изначально названная «строгой дифференциацией уголовной ответственности». См.: Уголовный кодекс Российской Федерации. Официальный текст. Вступительная статья Министра юстиции Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Ковалева В.А. М., 1997. С. VII., она, как представляется, утратила такую строгость в результате дополнения ст. 15 УК РФ частью шестой Федерального закона от 07 декабря 2011 г. № 420-ФЗ (СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7362). О критической оценке ч. 6 ст. 15 УК РФ, см., напр.: Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 2017. С. 326-327.

совершило преступление: один раз (однократно) или более одного раза (неоднократно). Именно в этом значении в работе употребляется понятие «кратности преступлений»[89], и оно, на наш взгляд, не равнозначно понятию множественности преступлений, которая, по мнению Э. Г. Шкредовой, «является одним из условий дифференциации уголовной ответственности посредством освобождения от нее»[90]. Множественность преступлений в предусмотренных в УК РФ формах ее выражения (совокупность и рецидив) – это одно из проявлений кратности преступлений, наряду с однократным преступлением. Поэтому, во-первых, не множественность, а кратность преступлений должна выступать основанием дифференциации уголовной ответственности; во-вторых, множественность преступлений, а точнее ее формы и разновидности, могут выступать основанием дифференциации уголовной ответственности «внутри» самой множественности, и только на этом уровне дифференциации освобождение от уголовной ответственности при наличии множественности можно считать одним из средств такой дифференциации.

О дифференциации уголовной ответственности в сфере множественности преступлений пишут Л. Л. Кругликов и А. В. Васильевский. При этом авторы исходят из презумпции, что лицо, совершившее несколько преступлений, представляет повышенную общественную опасность в сравнении с совершившим одно преступление, повышается и суммарно причиненный им вред[91]. Вполне уместна здесь ссылка и на работу А. И. Долговой, в которой верно замечается, что «вероятность повторных преступлений во многом зависит от реагирования на первое преступление»[92]. Однако не так бесспорно продолжение этой мысли А. И.

---

[89] В зависимости от количества совершенных лицом преступлений понятие кратности употребляется и в иных значениях. В этой связи в криминологии говорят, например, «о кратности рецидива», понимая под ним количество преступлений, с применением соответствующих мер уголовно-правового характера, предшествующих последнему преступлению, см.: Криминология : учебник / под ред. А. И. Долговой. М., 2010. С. 946, число повторных преступлений, см.: Иншаков С. М. Криминология : учебник. М., 2000. С. 173.

[90] Шкредова Э. Г. Влияние института множественности преступлений на освобождение от уголовной ответственности по законодательству стран СНГ // Современное право. 2006. № 2. С. 66.

[91] Кругликов Л. Л., Васильевский А. В. Указ. соч. С. 91.

[92] Криминология : учебник / под ред. А. И. Долговой. М., 1997. С. 746.

Долговой, а соответственно, и безоговорочное цитирование ее Л. Л. Кругликовым и А. В. Васильевским: «Оценка лица, совершившего несколько преступлений, зависит от того, подвергалось ли оно мерам уголовно-правового воздействия»[93]. Во-первых, оценка лица, совершившего несколько преступлений, должна отличаться, прежде всего, от оценки лица, совершившего одно преступление. Наверное, при прочих равных условиях результаты таких оценок должны быть различны. Во-вторых, не совсем ясно, какое значение в рассматриваемом суждении придается лишь факту, а не результату уголовно-правового воздействия. Наконец, возникает вопрос о том, какая цель преследуется такой дифференциацией уголовной ответственности? Если, как пишут авторы, «создать для правоприменителя желаемый режим при определении меры (вида и размера) ответственности за совершенное преступление»[94] – это одна ситуация, в которой во главу угла ставится правоприменитель. Если же такой режим создается для правоприменителя в целях более оптимальной и справедливой оценки содеянного, в котором внимание фокусируется на лице, совершившем преступление, – это несколько иная и принципиально другая с точки зрения предупреждения новых преступлений ситуация.

Так или иначе, но и в рассмотренной позиции Л. Л. Кругликова и А. В. Васильевского факт совершения одного преступления упоминается для того, чтобы оттенить факт совершения нескольких преступлений, а о факте совершения преступления впервые не упоминается вообще.

Говоря о совершении преступления впервые через призму кратности преступлений, мы противопоставляем такое преступление (однократное) именно неоднократности преступлений. Обращаем внимание на это обстоятельство потому, что отечественное уголовное законодательство различных периодов по-разному регламентирует однократность и особенно неоднократность преступлений применительно к одному и тому же лицу. До настоящего времени в теории уголовного права нет единства мнений о соотношении таких понятий, как

---

[93] Кругликов Л. Л., Васильевский А. В. Указ. соч. С. 91.
[94] Там же. С. 62.

неоднократность, повторность, совокупность и рецидив[95]. На наш взгляд, первое из них является наиболее общим при характеристике множественности преступлений, то есть при совершении одним лицом не одного, а нескольких юридически самостоятельных преступлений при наличии возможности уголовного преследования как минимум по двум из них. В этой связи заслуживает поддержки идея Т. В. Серковой о том, чтобы институт множественности преступлений именовать «институтом неоднократности преступного поведения». Резонно замечание автора и о том, что совершение одним лицом двух преступных деяний вряд ли образует множественность преступлений[96]. Поэтому в дальнейшем мы будем оперировать именно понятием неоднократности преступлений, противопоставляя его понятию преступления, совершенного один раз – однократно, впервые.

Таким образом, развивая изложенное выше положение Н. С. Таганцева, можно говорить о том, что, во-первых, именно лицо, совершившее преступление, а не само преступление выступает объектом карательного воздействия, основанного на уголовном законе. И такого рода «примат деятеля над деянием»[97] представляется вполне закономерным. Во-вторых, лицо, совершившее преступление, – объект не просто карательного, но избирательно карательного воздействия, особенно если речь идет о факте совершения таким лицом преступления впервые и недопущения совершения им новых преступлений. Отмеченное обстоятельство дает, на наш взгляд, основание говорить и об уголовно-правовой политике в отношении определенной категории лиц,

---

[95] См., напр.: Шкредова Э. Г. Множественность преступлений (исторический аспект). М., 2011. 184 с. ; Козлов А. П., Севастьянов А. П. Единичные и множественные преступления. СПб., 2011. 915 с. ; Малков В. П. Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву. Казань, 1982. С. 36-38 ; Криволапов Г. Г. Множественность преступлений по советскому уголовному праву : учебное пособие. М., 1974. С. 12 ; Галиакбаров Р. Р., Фролов Е. А. Множественность преступных деяний как институт советского уголовного права : учебное пособие. Свердловск, 1967. С. 8.

[96] Серкова Т. В. Неоднократное преступное поведение: теоретико-прикладное исследование : дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2016. С. 10.

[97] См. об этом: Красиков Ю. А. Доктрина русского уголовного права: истоки и тенденции развития // Современные тенденции развития уголовной политики и уголовного законодательства. М., 1994. С. 35.

совершивших преступление, а в нашем случае – лиц, впервые сделавших это. И такая практика для криминологических исследований считается нормальной. Но тогда следует считать нормальным и то, что мы рассматриваем таких лиц в качестве объекта уголовно-правовой политики, что не совсем согласуется с традиционной постановкой этого вопроса в криминологии, для которой объект уголовной и уголовно-правовой политики в том числе – это преступность и ее виды. Можно согласиться с утверждением о том, что уголовная и уголовно-правовая политика отражает отношение государства к преступности[98]. Но даже у такой безликой преступности всегда есть субъекты-лица, на которых только и можно воздействовать после совершения ими уголовно-противоправных деяний.

Отметим также и то, что рассмотрение лиц, совершивших преступление впервые, в качестве объекта уголовно-правовой политики согласуется с отношением субъект – объект, рассматриваемым в качестве исходного в социальной политике, где объект – это то, на что направлена такая политика[99].

Дифференциация и последующая индивидуализация уголовной ответственности как принципиальное направление уголовно-правовой политики[100], как метод ее осуществления, по справедливому замечанию Н. А. Лопашенко, заключается в максимальном учете при привлечении к уголовной ответственности, квалификации преступлений и назначении наказания степени и характера совершенного лицом преступления, обстоятельств его совершения и некоторых личных характеристик виновного[101]. Уточним: во-первых, очевидно, что параметры такого учета должны быть закреплены в уголовном законе и, во-вторых, такой учет, скорее всего, не должен ограничиваться лишь стадией

---

[98] Александров А. И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы. СПб., 2003. С. 57.

[99] См., напр.: Осадчая Г. И. Социальная политика, социальное управление и управление социальной сферой. М., 2004. С. 26 ; Социальная работа: теория и практика / отв. ред. Е. И. Холостова, А. С. Сорвина. М., 2007. С. 115.

[100] Так именует дифференциацию уголовной ответственности Т.А. Лесниевски-Костарева. См.: Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 2000. С. 7, 9 и др.

[101] Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004. С. 313. Автор называет дифференциацию уголовной ответственности «методом уголовно-правовой политики».

назначения наказания, его некоторые личностные параметры должны влиять и на стадию исполнения наказания или иной меры уголовно-правового характера.

Тем не менее среди оснований дифференциации уголовно-правовой политики крайне редко называется лицо, совершившее преступление (или личность преступника), и практически игнорируется лицо, совершившее преступление в первый раз. Это имеет место даже в тех исследованиях, где предметом внимания выступает такой объект уголовно-правовой политики, как рецидивная преступность[102]. Аналогичный подход мы обнаруживаем в большинстве работ Л. Л. Кругликова как одного из самых авторитетных специалистов в вопросах дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания в уголовном праве. В этой связи в одной из последних из них автор пишет: «Дифференциация ответственности лиц, преступивших уголовный закон, представляет собой одно из генеральных направлений уголовно-правовой политики любого цивилизованного общества в сфере борьбы с преступностью»[103]. Однако и в таком общем ракурсе внимание автора на лице, совершившем преступление, долго не задерживается. Рассматривая типовую характеристику личности виновного как основание дифференциации ответственности и наказания в уголовном праве, Л. Л. Кругликов по сути лишь однажды, да и то в общей форме, прямо сказал об уголовно-правовом значении данного обстоятельства[104], уделяя традиционно основное внимание характеристике таких обстоятельств, как повторение, рецидив, судимость и т. п. В этой связи уместно поставить вопрос: а нужна ли вообще особая уголовно-правовая политика в отношении лиц, впервые совершивших преступление? А если нужна, то существует ли она реально?

---

[102] См., напр.: Карпушина М. В. Рецидивная преступность женщин, освободившихся из мест лишения свободы, и ее предупреждение : дис. … канд. юрид. наук. Рязань, 2013. 222 с. ; Щербаков С. В. Рецидивная преступность: криминологическая характеристика и проблемы предупреждения : дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. 169 с ; Волков В. Б. Предупреждение рецидивной преступности в исправительных учреждениях : дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2004. 177 с.

[103] Кругликов Л. Л. Дифференциация и индивидуализация ответственности в уголовном праве : учебно- методическое пособие. Ярославль, 2016. С. 3.

[104] «Суды ориентированы на применение более строгих мер лицу, совершившему групповое преступление, при рецидиве и, напротив, на смягчение наказания впервые вставшим на преступный путь и не нуждающимся в изоляции от общества», см. Там же. С. 32.

Поставленный вопрос в первой его части кажется риторическим хотя бы потому, что российское уголовное законодательство, особенно современное, широко оперирует этим понятием. Как уже отмечалось ранее, достаточно четко просматривается и цель уголовно-правовой политики в отношении лиц, впервые совершивших преступление (то есть того конечного результата, на достижение которого такая политика направлена), – *предупреждение совершения новых преступлений такими лицами.* Постановка такой цели и конкретные шаги к ней не просто согласуются с решением задач уголовного законодательства Российской Федерации (ч. 1 ст. 2 УК РФ), но и определяют наиболее оптимальный режим их решения. Названная цель может быть конкретизирована в рамках действия отдельных институтов уголовного права и прежде всего – института наказания.

В ч. 2 ст. 43 УК РФ идет речь об общем и специальном предупреждении преступлений. При существующем скептическом отношении к самой идее закрепления целей уголовного наказания в уголовном законе, при всеми осознаваемой нереальности достижения этих целей в правоприменении, особенно в части специального предупреждения, почему бы одну из них не скорректировать и тем самым не актуализировать в отношении лиц, впервые совершивших преступление: *приоритетной целью уголовного наказания считать предупреждение совершения нового преступления лицом, совершившим преступление в первый раз в жизни.* С легальным определением такой цели наказания в данных официальной статистики преступности и судимости вполне реально отразить и результаты ее достижения, естественно, при наличии такой заинтересованности со стороны уполномоченных субъектов уголовной и уголовно-правовой политики. Говоря словами профессора Н. А. Неклюдова, это будет той государственной мудростью, основанной на уголовной статистике, против которой бессильна всякая статистика[105].

[105] Цит. по: Бажанов С. В. Уголовно-процессуальная политика, экономика и право. Владимир, 2003. С. 30.

Заметим, что наши постановочные суждения о необходимости усовершенствования уголовно-правовой политики в отношении лиц, впервые совершивших преступление, не являются оригинальными. Говоря о необходимости понижения уровня репрессивности действующего уголовного законодательства, авторы ранее упомянутой нами Уголовной политики 2017 г. называют одним из двух способов такого понижения «последовательное проведение принципа максимального благоприятствования лицу, впервые совершившему преступление, и сохранение жесткой карательной политики в отношении рецидива преступлений или сознательного игнорирования гуманизма государства в отношении совершенного преступления»[106].

Как отмечает И. М. Клейменов, «в классической школе криминологии уголовная политика представляет собой рациональное использование наказания»[107]. Добавим: хорошая уголовная политика – это рациональное использование уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера, не допускающее отторжения преступника от общества. Нужно бороться за тех, кто совершил преступление в первый раз, и быть безжалостными к тем, для кого это стало нормальным явлением, а потому неизлечимым.

Итак, если особая уголовно-правовая политика в отношении лиц, впервые совершивших преступление, объективно необходима, то существует ли она фактически в различных формах и проявлениях такой политики?

---

[106] Уголовная политика: дорожная карта (2017-2025 гг.). С. 33-34.

[107] Клейменов И. М. Сравнительная криминология: криминализация, преступность, уголовная политика в условиях глобализации : дис. …д-ра юрид. наук. Омск, 2015. С. 261.

ГЛАВА 2. ЛИЦО, ВПЕРВЫЕ СОВЕРШИВШЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ: ОТРАЖЕНИЕ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

2.1. Совершение преступления впервые в отечественном уголовном законодательстве

Прежде всего, следует сказать о том, что понятие лица, впервые совершившего преступление, имеет исключительно криминальное звучание. Мы не встретили упоминания о нем не только в отраслях не криминального цикла, но и практически во всех отраслях такого цикла, за исключением, естественно, уголовного. Единственное упоминание о таком лице содержится в п. «б» ч. 1 ст. 128 УИК РФ, однако и здесь речь идет несколько об ином лице: «лице, впервые осужденном за совершение умышленных преступлений небольшой или средней тяжести».

С точки зрения того, как российское уголовное законодательство реагирует на кратность преступлений, в его содержании можно выделить три группы норм: 1) регламентирующие вопросы уголовной ответственности однократного совершения преступления; 2) регламентирующие вопросы уголовной ответственности неоднократного (включая – многократного) совершения преступлений; 3) регламентирующие вопросы уголовной ответственности безотносительно кратности совершения преступлений. Уголовно-правовые нормы третьей группы имеют общее действие, распространяют свое значение на первые две группы норм, поэтому в данном случае мы оставляем их без внимания.

Каков удельный вес уголовно-правовых норм, акцентирующих внимание на кратности преступлений, в системе уголовного законодательства, действие каких институтов уголовного права они определяют и в этой связи какова их роль в осуществлении уголовно-правовой политики с учетом кратности преступлений?

Нормы, регламентирующие вопросы уголовной ответственности однократного совершения преступления, отражают данное обстоятельство в действующем УК РФ посредством понятия «лица, впервые совершившего

преступление». К числу таких норм в хронологическом порядке следует отнести те, которые предусмотрены:

– ч. 1 ст. 53^1 УК РФ (возможность замены лишения свободы, назначенного на срок не свыше пяти лет, наказанием в виде принудительных работ за совершение тяжкого преступления впервые);

– ч. 1 ст. 56 УК РФ (назначение наказания в виде лишения свободы за впервые совершенное преступление небольшой тяжести лишь в исключительных случаях);

– п. «а» ч. 1 ст. 61 УК РФ (возможность признания смягчающим наказание обстоятельством совершения впервые преступления небольшой или средней тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств);

– ч. 1 ст. 75 УК РФ (возможность освобождения от уголовной ответственности лица, впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести, и деятельно раскаявшегося в нем);

– ст. 76 УК РФ (возможность освобождения от уголовной ответственности лица, впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред);

– ч. 1, 2 ст. 76^1 УК РФ (освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба);

– ст. 76^2 УК РФ (возможность освобождения от уголовной ответственности лица, впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести, с назначением судебного штрафа);

– ст. 80^1 УК РФ (возможность освобождения от наказания лица, впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести, в связи с изменением обстановки);

– ч. 6 ст. 88 УК РФ (недопустимость назначения наказания в виде лишения свободы несовершеннолетним, совершившим в возрасте до шестнадцати лет преступление небольшой или средней тяжести впервые, а также остальным несовершеннолетним осужденным, совершившим преступления небольшой тяжести впервые);

– примечания к ст. 127^1, 145^1, 195, 198, 199, 199^1, 199^3, 199^4, 205^5, 208, 282^1, 282^2, 282^3, 337, 338 УК РФ (освобождение от уголовной ответственности лиц, впервые совершивших конкретные преступления и деятельно раскаявшихся в них)[108].

Следует отметить, что приведенное достаточно многообразное отражение в уголовном законодательстве России факта совершения преступления впервые даже в рамках УК РФ 1996 г. сложилось не сразу. По замечанию М. Б. Костровой, в первоначальной редакции этого кодекса количество льготных правил, связанных с данным обстоятельством, не превышало десяти. По мнению автора, расширение такой законодательной практики произошло в период 1998–2011 гг.[109] Однако следует иметь в виду, что с момента издания Федерального закона от 25 июня 1998 г. № 92-ФЗ, дополнившего ст. 198 УК РФ 1996 г. примечанием об освобождении от уголовной ответственности лица, впервые совершившего налоговое преступление[110], активность законодателя в этом направлении не прекратилась в 2011 г. и продолжается до настоящего времени. Например, в 2016 г. Уголовный кодекс дополнен ст. 76^2, в конце 2018 г. – вторым примечанием к ст. 145^1, в середине 2021 г. – примечанием к ст. 195 УК РФ, распространяющим свое действие и на ст. 196 УК РФ. Все эти дополнения адресованы лицам, впервые совершившим не просто отдельные преступления, как в последнем случае, но и целые категории преступлений, как это имеет место при освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. Действие примечаний к ст. 337, 338 УК РФ рассчитано на определенный круг субъектов преступлений (специальных субъектов) – военнослужащих.

Анализ уголовно-правовых норм, закрепленных в названных выше статьях УК РФ, позволяет сделать ряд предварительных и самых общих выводов:

---

[108] Приводится по состоянию на 1 сентября 2024 г. Освобождение от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных примечаниями к ст. 337, 338 УК РФ, происходит по иным основаниям.

[109] Кострова М. Б. Термин «лицо, впервые совершившее преступление» в контексте взаимосвязи уголовного и иных отраслей российского права // Lex russica. 2015. № 8. С. 70-71.

[110] СЗ РФ. 1998. № 26. Ст. 3012.

– факт совершения преступления впервые учитывается законодателем[111] *в основном в связи с совершением преступлений только двух категорий: небольшой и средней тяжести;*

– факт совершения преступления впервые сам по себе, как правило, не имеет самостоятельного уголовно-правового значения, для чего требуется наличие дополнительных условий;

– определение видов уголовных наказаний при осуждении лица, впервые совершившего преступление, несмотря на их многообразие и различную степень карательного содержания, как правило, не ставится в зависимость от факта совершения преступления впервые (исключение представляет замена назначенного наказания в виде лишения свободы принудительными работами при осуждении за совершение тяжкого преступления впервые (ч. 1 ст. 53[1] *УК РФ));*

– факт совершения преступления впервые практически не учитывается при исполнении уже назначенного уголовного наказания или иных мер уголовно-правового характера[112].

К сказанному выше следует добавить еще и то, что в УК РФ 1996 г. слово «впервые» определяет не только факт совершения преступления, но и факт назначения наказания в виде лишения свободы (пп. «а»–«в» ч. 1 ст. 58, ч. 1 ст. 821 УК РФ), значение которого также в законе не определено.

Нормы, регламентирующие вопросы уголовной ответственности неоднократного совершения преступления, отражают данное обстоятельство в УК РФ 1996 г. в основном посредством таких понятий, как «совокупность» и «рецидив преступлений». Факт совершения лицом нового преступления в

---

[111] Говоря об учете факта совершения преступления впервые, мы имеем в виду наличие именно прямого указания в уголовном законе на данное обстоятельство, в то время как фактически оно может приниматься во внимание во всех случаях применения положений уголовного закона, допускающих или предписывающих учет личности виновного в совершенном преступлении.

[112] На это обстоятельство уже обращалось внимание в специальной литературе, правда, несколько в ином аспекте. Так, А. Е. Шевченко справедливо указывала на необоснованность уравнивания в правах на условно-досрочное освобождение «рецидивистов, а тем более особо опасных» с теми осужденными, которые отбывают наказание впервые. См.: Шевченко А.Е. Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний : дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. С. 12.

процессе исполнения той или иной меры уголовно-правового характера по предыдущему преступлению (преступлениям) отражается в уголовном законе обычно сам по себе, как это имеет место, например, в случаях, предусмотренных п. «б» ч. 1 ст. 73, ч. 4, 5 ст. 74, п. «б», «в» ч.7 ст. 79, ч. 62 ст. 88, ч. 3 ст. 802 УК РФ.

Несмотря на то что в последние годы в уголовное законодательство России вернулось понятие неоднократности (ст. 1161, 1511, 154, 157, 1581, 1714, 180, 193, 2121, 2153, 2154, 2641, 2824, 3141 УК РФ), мы не называем его в данном случае потому, что оно, по нашему мнению, отражает неоднократность не преступлений, а административно наказуемых деяний[113]. Неоднократность преступлений как форма, «вариант» множественности преступлений[114] с момента принятия Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ по-прежнему отсутствует в российском уголовном законодательстве[115]. В связи с этим представляется сомнительным предложение Е. А. Жарких включить в систему категорий уголовного права понятие «административно-криминообразующий рецидив»[116].

Обратим внимание и на другое обстоятельство. Исключение из УК РФ 1996 г. названным выше Федеральным законом ст. 16 УК РФ «Неоднократность преступлений» большей частью специалистов уголовного права было воспринято одобрительно. В пояснительной записке к данному законопроекту отмечалось, в частности, следующее: в нем были воплощены гуманистические начала в отношении лиц, совершивших преступления впервые при смягчающих обстоятельствах. «В законопроекте пересматривается понятие “неоднократность”,

---

[113] В связи с чем в административном праве говорят о множественности административных правонарушений в значении двух или более административных правонарушений, не потерявших своей административно-деликтной значимости. См., напр.: Ахтанина Н. А. Институт множественности противоправного деяния в административном и уголовном законодательстве Российской Федерации // Российская юстиция. 2020. № 5. С. 9-11.

[114] Наряду с преюдицией, прежней судимостью, неоднократность называется Н. Г. Ивановым «вариантом множественности», см.: Иванов Н. Г. Время совершения преступления // Уголовное право. 2018. № 2. С. 41.

[115] Примечательно, что, например, по УК Республики Казахстан неоднократность не образуют между собой даже преступление и уголовный проступок (ч. 1 ст. 12).

[116] Жарких Е. А. Институт рецидива преступлений: генезис понятия и трансформация системноструктурного и функционально-ролевого содержания : дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2019. С. 16.

для того чтобы лицо, отбывшее наказание, но имеющее судимость и совершившее аналогичное преступление, не подпадало под действие соответствующего квалифицирующего признака статьи Особенной части УК РФ, а действия лица, совершившего несколько преступлений, предусмотренных одной уголовно-правовой нормой, квалифицировались по совокупности преступлений. В связи с этим из УК РФ исключаются статья 16, а также упоминание о судимости и неоднократности как квалифицирующих признаках. Таким образом, наказание лицу, ранее судимому и совершившему новое преступление, будет назначаться в соответствии с правилами, предусмотренными статьей 68 УК РФ, а лицу, совершившему несколько однородных преступлений, – в соответствии с правилами, предусмотренными статьей 69 УК РФ»[117.]

Однако правильным такое законодательное решение, на наш взгляд, было только в плане исключения той трактовки неоднократности, которая присутствовала в ч. 1 ст. 16 УК РФ и составляла содержание признака соответствующего квалифицированного состава преступления (предусмотренного, например, в п. «а» ч. 2 ст. 131, ч. 2 ст. 147, п. «а» ч. 2 ст. 152, п. «б» ч. 2 ст. 164 УК РФ 1996 г. в первоначальной редакции). По нашему мнению, и тогда, и сейчас в уголовном законе при наличии таких специфических проявлений множественности, как совокупность преступлений и рецидив преступлений, нужно понятие не специальной (однородной, тождественной), а общей, обычной неоднократности преступлений, понимаемой как совершение одним и тем же лицом двух или более преступлений, независимо от формы их вины и безотносительно того, какой статьей (частью статьи) Особенной части УК они предусмотрены. При сохранении значения ч. 2 ст. 16 УК РФ такая неоднократность как минимум могла и должна была бы учитываться при назначении наказания в качестве отягчающего обстоятельства. Отметим, что такая законодательная практика имела место в п. 1 ч. 1 ст. 39 УК РСФСР 1960 г.,

[117] Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 8 декабря 2003 г. : от 12 марта 2003 г. Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

согласно которому «совершение преступления лицом, ранее совершившим какое-либо преступление» могло признаваться отягчающим обстоятельством. В комментариях этого положения закона, в частности, отмечалось, что «под неоднократностью совершения преступления понимается совершение общественно опасных деяний два или более раза (повторность)». Такая неоднократность учитывается как при однородных, так и неоднородных преступлениях[118]. В этой связи вполне убедительно суждение А. Бойко о том, что «с точки зрения задач борьбы с преступностью оснований для сохранения в законе у неоднократности более, чем у совокупности»[119].

Интересно отметить, что согласно п. 1 ч. 1 ст. 54 УК Республики Казахстан одним из обстоятельств, отягчающих уголовную ответственность и наказание, признается такое, как неоднократность уголовных правонарушений, наряду с рецидивом преступлений и опасным рецидивом преступлений[120].

К числу норм, регламентирующих вопросы уголовной ответственности неоднократного совершения преступления в настоящее время, следует отнести те, которые предусмотрены:

– ст. 17 УК РФ (совершение двух или более преступлений в форме совокупности влечет уголовную ответственность за каждое из них самостоятельно);

– ст. 18 УК РФ (совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление, по общему правилу, образует рецидив преступлений, который влечет более строгое наказание, а также иные последствия, предусмотренные законодательством Российской Федерации);

---

[118] Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / отв. ред. В. И. Радченко / науч. ред. А. С. Михлин, И. В. Шмаров. М., 1994. С. 68.

[119] Бойко А. Верните неоднократность // Законность. 2006. № 1. С. 12. Вместе с тем, А. В. Наумов не без оснований считает положительным моментом рассматриваемого законодательного решения возможность назначения более сурового наказания за совершение трех и более одинаковых преступлений, например краж, см.: Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 2017. С. 512-513.

[120] Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V : с изменениями и дополнениями по состоянию на 20 августа 2024 г. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&doc_id2=31575252#pos=51 (дата обращения: 23.08.2024).

– ч. 4, 5 ст. 56 УК РФ (возможность назначения наказания в виде лишения свободы при совокупности преступлений на срок до 25 (30), а при совокупности приговоров – до 30 (35) лет);

– ч. 1, 2 ст. 58 УК РФ (любой вид рецидива преступлений при наличии условий, указанных в п. «б», «в», «г» ч. 1, ч. 2 ст. 58 УК РФ, влечет отбывание наказания в виде лишения свободы в исправительных колониях общего, строгого, особого режимов или тюрьме соответственно);

– ч. 2 ст. 60 УК РФ (возможность назначения более строгого наказания, чем предусмотрено соответствующими статьями Особенной части УК РФ за совершенное преступление, при совокупности преступлений и совокупности приговоров в соответствии со ст. 69, 70 УК РФ);

– п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ (возможность признания рецидива преступлений обстоятельством, отягчающим наказание);

– ч. 2 ст. 68 УК РФ (при любом виде рецидива преступлений срок наказания не может быть менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление);

– п. «а», «б» ч. 1 ст. 73 УК РФ (при совершении тяжкого или особо тяжкого преступления в течение испытательного срока при условном осуждении, назначенном за совершение умышленного преступления, либо в течение неотбытой части наказания, назначенного за совершение умышленного преступления, при условно-досрочном освобождении, а также при опасном или особо опасном рецидиве условное осуждение не назначается);

– ч. 4, 5 ст. 74 УК РФ (возможная или обязательная отмена условного осуждения при совершении нового преступления условно осужденным в течение испытательного срока);

– ч. 5 ст. 79 УК РФ (лицо, совершившее в период отбывания пожизненного лишения свободы новое тяжкое или особо тяжкое преступление, условно-досрочному освобождению не подлежит);

– ч. 3 ст. 80^2 УК РФ (при совершении нового преступления в период прохождения военной службы лицом, освобожденным от наказания условно);

– ч. 5 ст. 82, ч. 5 ст. 82^1 УК РФ (при совершении нового преступления в период отсрочки отбывания наказания наказание за новое преступление назначается по правилам ст. 70 УК РФ);

– ч. 2 ст. 116^1 (нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 УК РФ, и не содержащих признаков состава преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ, лицом, имеющим судимость за преступление, совершенное с применением насилия);

– ч. 5 ст. 131 УК РФ (изнасилование потерпевшей, не достигшей четырнадцатилетнего возраста, совершенное лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего);

– ч. 5 ст. 132 УК РФ (насильственные действия сексуального характера в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, совершенные лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего);

– ч. 3 ст. 133 УК РФ (понуждение к действиям сексуального характера, совершенное в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней), лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего);

– ч. 6 ст. 134 УК РФ (половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, достигшим двенадцатилетнего возраста, но не достигшим четырнадцатилетнего возраста, совершенные лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего);

– ч. 5 ст. 135 УК РФ (развратные действия без применения насилия лицом восемнадцатилетнего возраста в отношении лица, достигшего двенадцатилетнего возраста, но не достигшего четырнадцатилетнего возраста, совершенные лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего);

– ч. 2 ст. 204^2 УК РФ (коммерческий подкуп на сумму, не превышающую десяти тысяч рублей, совершенный лицом, имеющим судимость за совершение преступлений, предусмотренных ст. 204–204^2 УК РФ);

– ч. 2 ст. 264^1 УК РФ (управление автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, имеющим судимость за совершение в состоянии опьянения преступления, предусмотренного ч. 2, 4 или 6 ст. 264 УК РФ либо настоящей статьей);

– ч. 2 ст. 264^2 УК РФ (нарушение правил дорожного движения, предусмотренное ч. 4 или 5 ст. 12^9 либо ч. 4 ст. 12^{15} Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, лицом, имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного настоящей статьей);

– ч. 2 ст. 264^3 УК РФ (управление автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством лицом, лишенным права управления транспортными средствами, имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2, п. «в» ч. 4 или п. «в» ч. 6 ст. 264 УК РФ либо настоящей статьей);

– ч. 1 ст. 284^1 УК РФ (участие в деятельности иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние либо имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного настоящей статьей или ст. 330^3 УК РФ);

– ч. 2 ст. 291^2 УК РФ (мелкое взяточничество, совершенное лицом, имеющим судимость за совершение преступлений, предусмотренных ст. 290, 291, 291^1, 291^2 УК РФ);

– ст. 321^1 УК РФ (передача любым способом лицу, содержащемуся в учреждении уголовно-исполнительной системы или месте содержания под стражей, средств мобильной связи и иных средств коммуникации и (или)

обеспечивающих их работу комплектующих к ним, приобретение, хранение или использование которых указанным лицом запрещено законом, совершенная лицом, подвергнутым административному наказанию за деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 19^{12} Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, или имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного настоящей статьей);

– ч. 1 ст. 330^{3} УК РФ (участие в деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной некоммерческой неправительственной организации, сведения о структурных подразделениях которой отсутствуют в реестре филиалов и представительств международных организаций и иностранных некоммерческих неправительственных организаций или которая не имеет зарегистрированного в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации о некоммерческих организациях, структурного подразделения – отделения, лица, привлеченного к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного ст. $19^{34.2}$ Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, два раза в течение одного года, или лица, имеющего судимость за совершение преступления, предусмотренного настоящей статьей или ст. 284^{1} УК РФ (за исключением случаев, когда такое участие допускается в соответствии с законодательством Российской Федерации о некоммерческих организациях).

Анализ уголовно-правовых норм, закрепленных в названных выше статьях УК РФ, позволяет сделать вывод о том, что *неоднократное совершение преступлений, как правило, препятствует действию ранее примененной к лицу льготы уголовно-правового характера, однако это обстоятельство не всегда предусматривает усиление уголовной ответственности за преступление (преступления), совершенное (совершенные) после первого преступления.* Например, по нашему мнению, предусмотренная законом возможность назначения наказания в виде лишения свободы при совокупности преступлений на срок до 25 (30), а при совокупности приговоров – до 30 (35) лет означает лишь

возможность отступления от общего правила о максимальном сроке данного вида наказания в 20 лет, но не возможность наступления более суровой уголовной ответственности за второе (третье и т. д.) преступление. Помимо этого, усиление уголовной ответственности в указанном смысле при совершении одним и тем же лицом нескольких преступлений может быть нейтрализовано возрастными границами лица, как это предусмотрено, например, в ч. 2 ст. 57 УК РФ. В этой связи, а также с учетом других обстоятельств, в силу которых законодатель не придает внимания уголовно-правовому значению факту совершения нового преступления (например, в силу неосторожной формы вины), не бесспорным представляется суждение Д. М. Семеновой о том, что «на всех этапах кодификации российского уголовного законодательства предусматривалось повышение ответственности за повторное совершение преступлений»[121].

С представлением общей картины отражения кратности преступлений в действующем уголовном законодательстве России более внимательно посмотрим на проблему однократного совершения преступления, которая, как мы убедились выше, отражается в нем с помощью понятия лица, впервые совершившего преступление. В этой связи сделаем небольшое отступление.

Для обычного гражданина вопрос о значении понятия «лицо, впервые совершившее преступление», скорее всего, даже не возникает: это любой человек, совершивший в первый раз в жизни любое преступление, и не важно, какое наказание он за него понес и понес ли вообще. Лицо, более сведущее в тонкостях юриспруденции, возможно, добавит к такому пониманию оговорку о необходимости при этом достижения соответствующего возраста, с которым содеянное может быть признано преступным, а его субъект – лицом, его совершившим. При этом будет неважным, совершено преступление умышленно или по неосторожности, может ли оно в последующем быть признано непреступным, например, в силу малозначительности (ч. 2 ст. 14 УК РФ). По сути близкое к такому пониманию лица, совершившего преступление, значение сложилось и в области криминологии, где любой известный факт преступного в

[121] Семенова Д. М. Указ. соч. С. 9.

юридическом смысле деяния ассоциируется с лицом, совершившим преступление. В одном из последних таких учебников криминологическим рецидивом считают «все преступления, совершенные лицами, ранее совершавшими преступления, если прежние преступления становились известными правоохранительным органам и имело место основанное на законе реагирование на них»[122].

Более серьезные оговорки и условности в трактовке понятия лица, впервые совершившего преступление, начинаются в уголовном праве, и, как показывает жизнь, даже не в уголовном законе, а в практике его применения. Именно на правоприменительном уровне рассматриваемый вопрос вызывает наибольшие разночтения, сформировавшиеся в последнее время в две основные позиции. Суть одной из них наиболее ярко отражена в понимании лица, впервые совершившего преступление, предложенного в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»[123].

В названном постановлении акцент делается не на сам факт совершения преступления и даже не на количество преступлений, совершенных одним и тем же лицом, а на наличие или отсутствие возможности уголовного преследования по одному из преступлений, когда их количество выше одного[124].

---

[122] Криминология : учебник для аспирантов / под ред. И. М. Мацкевича. М., 2017. С. 77.

[123] БВС РФ. 2013. № 8. В общем плане этот подход остался неизменным и после принятия постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 56, уточнившего понимание лица, впервые совершившего преступление, применительно к ст. 76^1 УК РФ (БВС РФ. 2017. № 1).

[124] См. об этом также: О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 года № 2 // БВС РФ. 2008 № 4 ; О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 года № 1 // БВС РФ. 2011. № 4 ; О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 года № 19 // БВС РФ. 2013. № 8 ; О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 года № 48 // БВС РФ. 2017. № 1 ; О внесении изменений

Суть другой позиции в понимании лица, впервые совершившего преступление, – это своеобразная реакция на первую позицию и сводится она к предложениям вернуться к трактовке этого понятия в обычном значении и понимать под совершившими впервые лишь тех, кто преступление совершил в первый раз в жизни[125]. Примечательно, что число сторонников этой позиции в последние годы растет за счет не столько теоретиков, сколько практиков уголовного права. Может быть, по этой причине в названной дискуссии порой встречаются суждения, например, о том, что именно «закон допускает совершение некоторых преступных деяний многократно и безнаказанно»[126]. Хотя, наверное, правильнее сказать, что названная ситуация является следствием толкования закона правоприменителем (Пленумом Верховного Суда РФ), придавшего одному из законодательных понятий значение, отличающееся от обычного его понимания.

Как отмечает один из практических работников, освобождение от уголовной ответственности не должно порождать безнаказанность и, если уголовное дело (преследование) уже однажды прекращалось, то впоследствии, при совершении нового преступления небольшой или средней тяжести, лицо не должно признаваться впервые совершившим преступление и подлежать второй раз освобождению от уголовной ответственности[127].

Представляется, что актуальность названной выше дискуссии определяется тем, в рамках действия каких институтов уголовного права и в каком значении используется понятие лица, впервые совершившего преступление. При

в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 года № 56 // БВС РФ. 2017. № 1.

[125] См., напр.: Николаев П. М., Уразбаев Р. Ш. Закон допускает совершение некоторых преступных деяний многократно и безнаказанно // Законность. 2016. № 8. С. 34-36 ; Апостолова Н. Н. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Российская юстиция. 2016. № 10. С. 34-37 ; Кострова М. Б. Термин «лицо, впервые совершившее преступление» в контексте взаимосвязи уголовного и иных отраслей российского права // Lex russica. 2015. № 8. С. 70-83.

[126] См.: Николаев П. М., Уразбаев Р. Ш. Указ. соч. С 34-36.

[127] Кубрикова М. Е. Уголовно-правовая политика: необходима разработка новой концепции // Законность. 2024. № 5. С. 38.

отсутствии законодательного определения понятия такого лица наиболее активные попытки раскрыть его содержание на правоприменительном уровне в период действия УК РФ 1996 г. наблюдаются в рамках действия, как правило, только одного института уголовного права – освобождения от уголовной ответственности[128]. Причем это имеет место в сфере применения норм названного института, предусмотренных как в Общей (ч. 1 ст. 75, ст. 76, ч. 1, 2 ст. 76^1, ст. 76^2), так и Особенной (примечания к ст. 127^1, 145^1, 195, 198, 199, 199^1, 199^3, 199^4, 205^5, 208, 282^1–282^3, 337, 338) частей УК РФ. Между тем понятие лица, впервые совершившего преступление, имеет уголовно-правовое значение и в рамках других институтов уголовного права: принудительных работ – ст. 53^1 УК РФ, лишения свободы – ст. 56, ч. 6 ст. 88 УК РФ, обстоятельств, смягчающих наказание, – ст. 61 УК РФ, освобождения от наказания – ст. 80^1 УК РФ. Таким образом, на сегодняшний день понятие лица, впервые совершившего преступление, не определенное на законодательном уровне, в той или иной мере влияет на применение практически всех институтов уголовного права, связанных с уголовной ответственностью и наказанием[129]. Для того чтобы попытаться понять концептуальную позицию законодателя в этом вопросе, обратимся к истории отечественного уголовного законодательства.

Важно отметить, что с введением в уголовное законодательство и понятийный аппарат уголовного права понятия лица, впервые совершившего преступление, как-то в стороне остался вопрос о том, какая цель при этом преследовалась. При отсутствии ответа на этот вопрос в специальной литературе на основании анализа российского уголовного законодательства различных периодов можно предположить, что такая цель состоит в дифференциации

---

[128] Исключения из этого правила встречаются в правоприменении. Одним из них является, например, разъяснение содержания этого понятия применительно к институту назначения наказания несовершеннолетним, данное в п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // БВС РФ. 2007. № 4.

[129] Неслучайно в специальной литературе отмечается, что признание лица совершившим преступление впервые является обстоятельством, существенно влияющим на реализацию уголовной ответственности. См.: Ларина Л. Ю. Понятие лица, впервые совершившего преступление // Юридическая наука. 2014. № 1. С. 87.

уголовной ответственности лиц, впервые совершивших преступление, в сравнении с теми, кто это сделал не в первый раз. Именно в таком значении, например, в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. (далее – Руководящих началах) говорится, что «при определении меры наказания в каждом отдельном случае следует различать… совершено ли деяние профессиональным преступником (рецидивистом) или первичным» (ст. 12)[130]. В аналогичном значении факт совершения преступления «в первый раз» отражается в ст. 25 УК РСФСР 1922 г.[131] В названных актах уголовно-правового характера достаточно определенно обозначается и итог дифференциации уголовной ответственности[132] по рассматриваемому основанию: хотя и не само по себе, а наряду с другими условиями, совершение преступления в первый раз могло влечь за собой применение условного осуждения (ст. 26 Руководящих начал, ст. 36 УК РСФСР 1922 г.). Вместе с тем из текста Руководящих начал и УК РСФСР 1922 г. следует вывод о том, что *российское уголовное законодательство уже этого периода понятие лица, впервые совершившего преступление, трактовало в значении, отличном от обыденного его понимания.* В первом случае слово «впервые» увязывалось не с любым преступлением, а лишь с тем, «по которому Судом определено наказание в виде заключения под стражу». При этом основанием отмены условного осуждения и приведения обвинительного приговора в исполнение выступало не любое вновь совершенное преступление, а лишь «тождественное или однородное с совершенным деянием» (ст. 26). Во втором случае слово «впервые» увязывалось с совершением опять же не любого преступления, но лишь того, «по которому определено наказание в виде лишения свободы» (ст. 36). Анализ Руководящих начал и УК РСФСР 1922 г. позволяет

---

[130] Руководящие начала по уголовному праву РСФСР // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917-1952 гг. М., 1953. С. 57-61.

[131] Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917-1952. М., 1953. С. 116-143.

[132] Несмотря на то что понятие уголовной ответственности в уголовном законодательстве советского периода впервые появилось лишь в Основах уголовного законодательства Союза ССР и Союзных республик 1958 г. (ст. 3), мы считаем возможным его употребление при характеристике и более ранних нормативных актов уголовно-правового характера для обозначения и самого наказания, и мер, его заменяющих, в частности условного осуждения.

сделать и еще один принципиальный вывод: *совершение преступления определенного вида впервые в совокупности с другими обстоятельствами могло иметь льготное уголовно-правовое значение при совершении преступлений, имеющих отнюдь не низкую степень общественной опасности (наказуемых заключением под стражу, лишением свободы[133]). Другими словами, интересующее нас обстоятельство выступало основанием дифференциации уголовной ответственности не за незначительные, а за достаточно серьезные преступления.*

Весьма лаконично и вместе с тем совершенно определенно отразили уголовно-правовое значение факта совершения преступления впервые Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г.: «Более мягкая мера социальной защиты определяется судом, если преступление было совершено… в первый раз» (п. «в» ст. 32)[134].

Наглядным примером, причем последовательного определения уголовно-правового значения кратности совершения преступления, хотя только и одного вида, выступает Положение о воинских преступлениях от 31 октября 1924 г.:

«6. Побег, совершенный *в первый раз*: а) при наличии смягчающих обстоятельств или малой политической сознательности влечет за собой применение в качестве меры социальной защиты направление в штрафные части на срок до 3 месяцев; б) при отсутствии смягчающих обстоятельств применяется лишение свободы на срок до 1 года.

7. Побег, совершенный *во второй раз*, влечет за собой применение меры социальной защиты в виде лишения свободы на срок до 2 лет со строгой изоляцией.

Побег, совершенный *более чем двукратно*, влечет применение меры социальной защиты в виде лишения свободы со строгой изоляцией на срок не

---

[133] Например, в УК РСФСР 1922 г. в «лестнице наказаний» (с учетом высшей меры наказания - расстрела) лишение свободы по степени суровости занимало третье место из одиннадцати предусмотренных (ст. 32-34).

[134] СЗ СССР. 1924. № 24. Ст. 205.

ниже 3 лет, причем суд обязан определить в приговоре порядок дальнейшего отбывания военнослужащим обязательной для него военной службы»[135].

Своеобразное решение рассматриваемого вопроса имело место в УК РСФСР редакции 1926 г., в котором факт совершения преступления в первый раз однозначно признавался смягчающим обстоятельством «при определении той или иной меры социальной защиты» (ст. 48), а «совершение преступления лицом, уже ранее совершившим какое-либо преступление», хотя и с оговорками – отягчающим обстоятельством (ст. 47). Своеобразие такой законодательной регламентации заключалось в том, что при определении уголовно-правового значения кратности преступлений в смягчающем аспекте законодатель того времени исходил из фактического понимания лица, впервые совершившего преступление, а в отягчающем – из юридического толкования данного понятия: совершение преступления лицом, ранее совершившим какое-либо преступление, не признавалось отягчающим обстоятельством, «когда данное лицо признается несудившимся (ст. 55), или когда со дня совершения первого преступления либо вынесения по нему приговора истекли давностные сроки (ст.ст. 14 и 15)»[136]. В последнем случае перед нами единственное в своем роде легальное определение понятия лица, впервые совершившего преступление, которое в таком статусе просуществовало вплоть до вступления в силу УК РСФСР 1960 г. И это несмотря на то, что в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. такое определение отсутствовало, хотя факт совершения преступления лицом, ранее совершившим какое-либо преступление, сохранил значение обстоятельства, отягчающего ответственность (с сохранением и ранее имевшегося у суда права не признать его таковым) (п. 1 ст. 34). Отсутствовало в этих Основах упоминание и о совершении преступления в первый раз как обстоятельстве, смягчающем ответственность (ст. 33)[137].

---

[135] СЗ СССР. 1924. № 24. Ст. 207.

[136] Аналогами названных статей УК РСФСР редакции 1926 г. в УК РФ 1996 г. выступают ст. 86, 78 и 83, соответственно.

[137] Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 6.

Так или иначе, но именно с УК РСФСР редакции 1926 г. в отечественном уголовном законодательстве кратность преступлений стала отражаться в уголовном законе в двух аспектах: в значении смягчающего и отягчающего обстоятельства. Такая практика была продолжена и в УК РСФСР 1960 г. Правда, в отличие от всех предыдущих нормативных актов, формулировка кратности совершения преступления в смягчающем аспекте «совершение преступления в первый раз» была заменена на формулировку «совершение преступления впервые»: согласно п. 4 ст. 38 УК РСФСР 1960 г. обстоятельством, смягчающим уголовную ответственность, признавалось «совершение преступления впервые, вследствие случайного стечения обстоятельств, если это преступление не представляет большой общественной опасности».

В рассматриваемом нами вопросе УК РСФСР 1960 г. примечателен был и другим: в нем факту совершения преступления впервые придавалось дополнительное к институту назначения наказания уголовно-правовое значение. Факт совершения преступления впервые, утративший в УК РСФСР редакции 1926 г. уголовно-правовое значение для применения условного осуждения, в УК РСФСР 1960 г. нашел свое отражение в рамках действия института освобождения от уголовной ответственности. Согласно ст. 51 этого УК лицо могло быть освобождено от уголовной ответственности с передачей дела на рассмотрение товарищеского суда, «если оно совершило впервые» какое-либо из деяний, предусмотренных в ч. 1–3 данной статьи.

Наиболее ярко идея кратности преступлений воплотилась в коллективном труде ученых ИГП АН СССР – так называемой «Теоретической модели Общей части Уголовного кодекса»[138] (далее – Теоретической модели УК). В ч. 2 ст. 8 этого издания было сформулировано принципиальное положение, отражающее уголовную наказуемость за разные проявления кратности преступлений: «Строгие меры наказания применяются к лицам, совершившим тяжкие и особо тяжкие

[138] Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / Анашкин Г. З., Бородин С. В., Гальперин И. М., Загородников Н. И., и др. ; отв. ред. Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. М. : Наука, 1987. 276 с.

преступления, а также к рецидивистам. К лицам, впервые совершившим менее опасные преступления, применяются, как правило, меры наказания, не связанные с лишением свободы, или иные меры уголовно-правового воздействия, предусмотренные уголовным законом». По словам авторов, таким образом закреплялось двуединое направление уголовно-правовой политики в области наказания, прочно сформировавшееся и получившее отражение во многих постановлениях Пленума Верховного Суда СССР[139]. В развитие этого направления в Теоретической модели УК принципиально по-новому кратность преступлений регламентировалась в качестве обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание. В первом случае совершение преступления впервые открывало перечень всех смягчающих наказание обстоятельств и стояло на первом месте среди тех из них, которые характеризовали личность преступника. Это обстоятельство рассматривалось авторами Теоретической модели УК самодостаточным даже без оговорок о случайном стечении семейных или иных обстоятельств (п. «а» ч. 1 ст. 73). Во втором случае «совершение преступления лицом, ранее совершившим какое-либо преступление, по которому не истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности или не погашена либо не снята судимость» выступало отягчающим наказание обстоятельством, открывающим перечень таких обстоятельств (п. «а» ч. 1 ст. 74)[140]. Последовательность, на наш взгляд, заслуживающая внимания и современного российского законодателя. Как представляется, такого же внимания заслуживает и позиция авторов Теоретической модели УК при определении уголовно-правового значения факта совершения преступления впервые в назначении отдельных мер уголовно-правового характера – «вынесения судом порицания и предупреждения» (ст. 87) и особенно «условного осуждения» (ст. 88)[141].

Особое внимание факту совершения преступления впервые в Теоретической модели УК придавалось при регламентации уголовной ответственности

---

[139] Там же. С. 29, 31.
[140] Там же. С. 159, 163.
[141] Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. С. 191.

несовершеннолетних (ст. 109, 110), что, к сожалению, отсутствует в действующем УК РФ.

Факт совершения преступления впервые нашел свое отражение и в Основах уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 г.[142] (далее – Основы). Однако сделано это было не совсем обычно в сравнении с предшествующими решениями рассматриваемого вопроса в отечественном уголовном законодательстве, а также в опубликованной незадолго до этого Теоретической модели УК. Регламентируя формы множественности преступлений (повторность, совокупность, рецидив – ст. 21–23 Основ), в рамках одной из них – повторности – законодатель того времени по сути дал определение понятия факта совершения преступления впервые в юридическом значении: *«Преступление не признается повторным, если за ранее совершенные преступления лицо, их совершившее, было освобождено от уголовной ответственности либо от наказания или судимость за эти преступления была погашена или снята в установленном законом порядке»* (ч. 2 ст. 21 Основ)[143]. Вместе с тем ни в рамках института назначения наказания, ни в рамках института освобождения от уголовной ответственности уголовно-правового значения факту совершения преступления впервые не придавалось. Это решение, по-видимому, объяснялось отсылочным характером норм, предусмотренных в ч. 1 ст. 42 и ч. 1 ст. 48 Основ, согласно которым определение перечня обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность, оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности и наказания должно было произойти в уголовных кодексах республик. Вместе с тем союзный законодатель придал уголовно-правовое значение факту совершения преступления впервые там, где такое решение мало кто ожидал[144]: в рамках института уголовной ответственности несовершеннолетних. Согласно ч. 3 ст. 60

---

[142] См.: Ведомости Совета народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 30. Ст. 862.

[143] Следует заметить, что в ч. 2 ст. 43 Теоретической модели УК аналогичное определение давалось в отношении другой формы множественности неоднократности. См.: Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. С. 109.

[144] За исключением, пожалуй, специалистов по вопросам борьбы с преступностью несовершеннолетних.

Основ лицо, впервые совершившее в возрасте до шестнадцати лет преступление, не представляющее большой общественной опасности, вообще не подлежало уголовной ответственности. Помимо этого, Основы предусматривали и такое правило, когда лицу, впервые совершившему в возрасте до восемнадцати лет преступление, не представляющее большой общественной опасности, наказание в виде лишения свободы не назначалось (ч. 3 ст. 68 Основ). Эти достаточно конкретные меры по учету факта совершения преступления впервые полноценного отражения в уголовных кодексах бывших союзных республик не получили. Если же говорить об УК РФ 1996 г., то в первоначальной его редакции рассматриваемое обстоятельство могло иметь уголовно-правовое значение лишь при освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности, да и то в зависимости от усмотрения правоприменителя: *«Несовершеннолетний, впервые совершивший преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобожден от уголовной ответственности, если будет признано, что его исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия» (ч. 1 ст. 90 УК РФ)*[145].

Тем не менее именно в УК РФ 1996 г. избирательный подход отечественного законодателя к определению уголовно-правового значения факта совершения преступления впервые нашел свое наиболее полное и всестороннее отражение, особенно в последние годы. Нельзя, однако, не обратить внимания на одно обстоятельство.

В первоначальной редакции УК РФ 1996 г. отечественный законодатель предпринял очередную попытку дать определение юридического понятия факта совершения преступления впервые. Сделана она была, как и в Основах 1991 г., при регламентации одной из форм множественности преступлений, однако при этом, на наш взгляд, оказалась менее удачной. Вместо понятия повторности преступлений в ст. 16 УК РФ речь шла о неоднократности преступлений, и именно в этой связи в ч. 2 данной статьи предусматривалось следующее правило:

[145] Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ слово «впервые» исключено из данной нормы, см.: Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

«Преступление не признается совершенным неоднократно, если за ранее совершенное преступление лицо было в установленном законом порядке освобождено от уголовной ответственности либо судимость за ранее совершенное лицом преступление была погашена или снята». В отличие от ч. 2 ст. 21 Основ 1991 г., здесь отсутствовало упоминание об освобождении от наказания, вследствие чего лицо также признается несудимым. И это правило было предусмотрено в ч. 2 ст. 86 этого же УК. Сохраняет свое значение оно и по сей день[146]. Главное же состояло в том, что как и в Основах 1991 г., так и в УК РФ 1996 г. оставалось неясным: законодательное определение понятия неоднократного или однократного (ранее – повторного или первого) преступления имеет сквозное уголовно-правовое значение или его действие ограничивается только рамками института множественности преступлений? Не ответив на этот вопрос, законодатель в 2003 г. исключил ст. 16 УК РФ, а вместе с ней, хотя и несовершенное, но единственное легальное определение понятия совершения преступления впервые[147].Анализ российского уголовного законодательства в историческом ракурсе на предмет отражения в нем факта совершения преступления впервые позволяет сделать несколько выводов, которые, как представляется, могут способствовать совершенствованию уголовно-правовой политики в этом направлении.

1. В числе обстоятельств, влияющих на характер и объем уголовной ответственности за преступление, совершенное физическим лицом[148], факт

---

[146] Можно предположить, что отсутствие указания на освобождение от наказания в этом случае продиктовано тем, что лицо, освобожденное от него, считается несудимым опять же согласно ч. 2 ст. 86 УК РФ.

[147] См.: О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

[148] Акцент на физическое лицо в данном случае делаем потому, что в дореволюционном (до 1917 г.) российском законодательстве встречаются отдельные положения об уголовной ответственности коллективных субъектов, в частности, в Соборном уложении 1649 г. (ст. 60–62), Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (ст. 511–515, 528, 530), Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (ст. 1152–1155). См. об этом более подробно: Лафитский В. И., Семыкина О. И. Уголовная ответственность юридических лиц в отечественном законодательстве: к истории вопроса «pro et contra» // Журнал российского права. 2014. № 2. С. 5-13 ; Семыкина О. И. Генезис уголовно-процессуального законодательства

совершения преступления впервые нашел свое отражение в отечественном уголовном законодательстве далеко не сразу. При всей устремленности российского уголовного законодательства регламентировать обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность за содеянное при рассмотрении дела в суде (а позднее – и на досудебных стадиях), количество совершенных в жизни лицом преступлений (кратность преступлений) стало отражаться в нем только в советский период. Достаточно сказать о том, что, несмотря на широкий круг обстоятельств, «увеличивающих или уменьшающих вину и наказание», предусмотренных в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (ст. 135–140), в их числе не было ни одного о кратности преступлений[149]. При всей своей прогрессивности и всеобъемлющем характере не отражало данное обстоятельство и Уголовное уложение 1903 г.[150] В этом отношении перед уголовным законом рассматриваемого периода времени лица, совершившие преступление впервые, и лица, сделавшие это в своей жизни не в первый раз, были равны.

2. С момента своего отражения в уголовном законодательстве факт совершения преступления впервые всегда имел льготное уголовно-правовое значение. Вместе с тем изначально преследуемая отечественным законодателем цель дифференциации уголовной ответственности лиц, впервые совершивших преступление, в сравнении с тем, кто это сделал не в первый раз (Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г.), в последующем фактически была трансформирована в другую: дифференциации уголовной ответственности лиц, в

об ответственности лиц в России // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 138-146. Идея уголовной ответственности юридических лиц активно обсуждается на страницах современной литературы. См., напр.: Федоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц // Закон. 2017. № 6. С. 62-69 ; Шеслер А. В. Проблемы установления уголовной ответственности юридических лиц в российском уголовном законодательстве // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 2 (Т.11). С. 361-369 ; Наумов А. В. Уголовная ответственность юридических лиц // Lex russica. 2015. № 7. С. 57-63 ; Антонова Е. Ю. Концептуальные основы корпоративной (коллективной) уголовной ответственности : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Владивосток, 2011. 54 с.

[149] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Российское законодательство X-XX веков. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. М., 1988.

[150] Уголовное уложение 1903 г. // Российское законодательство X-XX веков. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М., 1994. С. 275-320.

юридическом понимании впервые совершивших преступление, в сравнении с теми, кто это, опять же в *юридическом смысле,* сделал не в первый раз. Вплоть до принятия УК РСФСР 1960 г. юридическое понимание лица, впервые совершившего преступление, хотя и отличалось от фактической трактовки этого понятия, но вытекало из содержания уголовного законодательства. В последующем употребление понятия лица, впервые совершившего преступление, в уголовном законодательстве происходило и происходит без каких-либо оговорок о несоответствии между этими значениями: уголовный закон не дает определения понятия лица, впервые совершившего преступление, а судебная практика толкует его исключительно в юридическом смысле, принципиально отличающемся от фактического понимания как лица, совершившего преступление в первый раз в жизни.

3. Факт совершения преступления впервые изначально выступал основанием дифференциации уголовной ответственности без учета характера и степени общественной опасности преступления, говоря современным языком, без «привязки» к отдельным категориям преступлений. Другими словами, это происходило не за тяжкие и менее тяжкие преступления, а «внутри» уголовной ответственности за преступление, причем за тяжкую его разновидность.

4. Во всех кодифицированных нормативных актах уголовно-правового характера, предшествовавших вступлению в силу УК РФ 1996 г., законодатель говорил о «совершении преступления в первый раз», «впервые», тем самым вольно или невольно делая акцент на самом факте совершения преступления, а не на лице, его совершившем. Только в УК РФ 1996 г. названные понятия перестали употребляться и на смену им пришло понятие «лица, впервые совершившего преступление»[151].

5. Уголовно-правовое значение факта совершения преступления впервые в уголовном законодательстве советского периода оставалось неизменным только в

[151] Это понятие употреблялось и в Основах уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 г. (60, 68), которые, однако, не вступили в силу (за исключением ст. 40) в связи с денонсацией союзного договора 1924 г.

рамках действия института назначения наказания (в качестве обстоятельства, смягчающего уголовную ответственность, само по себе либо в совокупности с другими обстоятельствами). Время от времени отечественный законодатель придавал данному факту дополнительное уголовно-правовое значение (по УК РСФСР 1922 г. – для института условного осуждения, по УК РСФСР 1960 г. – для института освобождения от уголовной ответственности, а по Основам уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 г. – еще и для института уголовной ответственности несовершеннолетних). Однако эти попытки до вступления в силу УК РФ 1996 г., как правило, носили эпизодический характер и не давали оснований говорить о системном подходе к приданию уголовно-правового значения факту совершения преступления впервые.

6. Отечественное уголовное законодательство с момента структурного обособления в нем норм Общей части от норм Особенной части (УК РСФСР 1922 г.) в рамках первой части условно подразделяется на три блока: нормы об уголовном законе, о преступлении, о наказании и других мерах уголовно-правового характера.

В статьях Уголовного кодекса первого блока (раздел I), определяющих принципы УК, действие уголовного закона во времени и в пространстве, кратность преступлений вообще не находит своего отражения, а соответственно, отсутствуют здесь упоминания и о лице, впервые совершившем преступление. Последняя констатация актуальна и для статей Уголовного кодекса второго блока (раздел II), определяющих понятие, признаки и виды (в том числе – категории) преступного деяния, обстоятельств, исключающих его преступность; общие условия уголовной ответственности и лиц, способных ее понести; формы соучастия в преступлении и виды соучастников. Вместе с тем в этом блоке уголовно-правовых норм содержатся и такие, которые достаточно четко отражают кратность преступлений, в общих чертах фиксируя ее уголовно-правовое значение с учетом дополнительных обстоятельств (категория преступления, форма вины, судимость). Речь идет об отражении в уголовном законе института множественности (совокупности и рецидива преступлений – ст. 17, 18 УК РФ).

Другими словами, *особое уголовно-правовое значение законодатель придает здесь не факту совершения преступления впервые, а факту совершения преступления не в первый раз*.

Рассматриваемая нами проблема фокусируется в третьем блоке уголовно-правовых норм Общей части УК РФ о наказании (раздел III) и иных мерах уголовно-правового воздействия (раздел IV)[152]. При этом значительная часть таких норм «работают» на досудебных стадиях учета факта совершения преступления впервые.

7. УК РФ 1996 г., в сравнении с предыдущими нормативными актами уголовно-правового характера, в рассматриваемом нами вопросе привлекает внимание еще и тем, что в нем в большинстве случаев, в стремлении дифференцировать уголовную ответственность в зависимости от кратности преступлений, законодатель делает акцент именно на субъекте преступления, впервые его совершившем («лицо, впервые совершившее преступление»), а не на самом преступлении, совершенном впервые. Как отмечает в этой связи А. М. Минькова, такое терминологическое разночтение принципиально, поскольку преступление существует само по себе, вне зависимости от факта внешней оценки, в то время как преступник (лицо, совершившее преступление) – «конструкт» социально-юридический. Из числа лиц, совершивших деяния, формально предусмотренные уголовным законодательством как преступные, далеко не все в ходе весьма сложных институциональных практик «маркируются» в качестве преступников. «И в этом смысле, – пишет автор, – конечно, маркировка важнее факта совершения преступления: не само по себе совершение преступления, а стигма делают обычное лицо преступником (лицом, совершившим преступление, делинквентом)»[153].

---

[152] До вступления в силу Федерального закона от 27.07.2006 № 153-ФЗ этот раздел УК РФ 1996 г. назывался «Принудительные меры медицинского характера» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (Ч.1). Ст. 3452.

[153] Минькова А. М. Категория лица, впервые совершившего преступление, в свете разъяснений Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 2 от 11.01.2007 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Уголовно-правовой запрет

Отмеченное обстоятельство не всегда принимается во внимание при характеристике понятия лица, впервые совершившего преступления, и, например, в одном из учебников по уголовному праву при рассмотрении условий применения ст. 75 УК РФ сначала говорится о том, что «преступное деяние при этом должно быть совершено в первый раз», а вслед за этим называются ситуации, при которых сохраняет свое значение законодательное понятие лица, впервые совершившего преступление[154].

В рассматриваемом вопросе есть еще один аспект. С введением в УК РФ 1996 г. понятия лица, впервые совершившего преступление, законодатель отказался от понятия рецидивиста («особо опасного рецидивиста» – ст. 24^1 УК РСФСР 1960 г.) и ввел понятие рецидива преступлений (ст. 18 УК РФ). Представляется, что эти два законодательных решения перекликаются между собой весьма отдаленно и скорее имеют самостоятельное значение. В первом случае законодатель, на наш взгляд, последовал сформировавшейся в конце 90-х гг. прошлого столетия тенденции усиливать обращенность уголовно-правовых норм непосредственно лицу, совершившему преступление[155]. Отметим, что эта тенденция нашла свое отражение в УК РФ 1996 г. в нормах, обращенных не только к лицу, впервые совершившему преступление, но и «просто» к лицу, совершившему преступление (например, ст. 3, 6, 7, 11–13, 22, 23, 31, 35, большая часть так называемых поощрительных примечаний к статьям Особенной части УК РФ). Введение же понятия рецидива преступлений вместо понятия особо опасного рецидивиста было результатом стремления в определении объема уголовной ответственности перенести акцент с лица, совершившего

и его эффективность в борьбе с современной преступностью : сб. науч. трудов / под ред. Н. А. Лопашенко. Саратов, 2008. С. 445.

[154] См.: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник для вузов / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М. : Статут, 2012.

[155] Эту идею в публичных выступлениях неоднократно озвучивал немецкий профессор М. Финке.

преступление, на само преступление и тем самым более способствовать соблюдению принципа юридического равенства[156].

Вместе с тем анализ уголовно-правового значения понятий «лицо, впервые совершившее преступление» и «рецидив преступлений» дает основание полагать, что оба этих понятия отражают юридический (уголовно-правовой) статус именно лица, совершившего преступление, а не особую уголовно-правовую значимость деяний, им совершенных. Другой вопрос, что при рецидиве преступлений такой статус у лица, совершившего преступление, появляется (приобретается) с учетом главным образом специфики совершенных им преступлений (ст. 18 УК РФ).

Рассмотрение вопроса об отражении в российском уголовном законодательстве понятия лица, впервые совершившего преступление, было бы неполным, если не отметить еще два обстоятельства.

Прежде всего, следует обратить внимание на первую официальную попытку внести в отечественное уголовное законодательство понятие уголовного проступка[157]: на проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка», подготовленный Верховным Судом РФ и предложенный для обсуждения в августе 2017 г. Предлагая дополнить ст. 15 УК РФ категорией «уголовных проступков», последние в проекте было предложено понимать как «совершенные впервые преступления небольшой тяжести, за которые настоящим Кодексом не предусмотрено наказание в виде лишения свободы». Совершенным впервые при этом предлагалось считать *«общественно опасное деяние, которое совершено лицом, не имеющим неснятую или непогашенную судимость и не освобождавшимся в течение последних трех лет, предшествовавших данному общественно опасному деянию, от уголовной ответственности или*

---

[156] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Общая часть / под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. М., 1996. С. 34.

[157] В уголовном законодательстве стран, входивших в состав СССР, это понятие регламентировано, например, в ч. 3 ст. 10 УК Республики Казахстан.

наказания»[158]. В этой связи, приветствуя само по себе стремление легализовать определение понятия совершения преступления впервые, нельзя не отметить и вопросы, которые эта попытка порождает. Если категория уголовных проступков, как и категории преступлений, предусмотренных в ст. 15 УК РФ, имеет значение для всех институтов уголовного права и не ограничивается действием только института освобождения от уголовной ответственности, зачем понятие совершения преступления впервые увязывать только с последним институтом? Если совершение преступления впервые увязывалось только с преступлениями небольшой тяжести, то в каком значении аналогичное понятие должно звучать применительно к другим категориям преступлений?

Нам неизвестны действительные причины того, почему в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2017 г. № 42 из определения понятия уголовного проступка была исключена оговорка о «совершении впервые преступления небольшой тяжести»[159]. Возможно, причиной тому послужили и подобные высказанным нами выше сомнения. Уголовным проступком Пленум предложил считать «преступление небольшой тяжести, за которое настоящим Кодексом не предусмотрено наказание в виде лишения свободы». Предложил Пленум и соответствующий уголовному проступку набор мер уголовно-правового характера, в том числе и такую, как «освобождение от уголовной ответственности в связи с применением иных мер уголовно-правового характера». В этой связи в примечании к предложенной им новой редакции ст. 76^2 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с применением иных мер уголовно-правового характера» Пленум сформулировал положение, согласно которому «в части первой настоящей статьи и части первой статьи 90 настоящего Кодекса *лицо*

---

[158] О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка»: проект постановления Пленума Верховного Суда РФ от 08 августа 2017 г. № 4-ВС-5895/17. Документ опубликован не был.

[159] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2017 г. № 42. URL: http://www.vsrf.ru/files/24307 (дата обращения: 08.11.2017).

признается впервые совершившим уголовный проступок, если оно не имеет неснятой или непогашенной судимости». Предложенное решение, по нашему мнению, также вряд ли можно признать оптимальным. Здесь уже возникают вопросы другого рода. Если понятие уголовного проступка производно от понятия категории преступлений небольшой тяжести (ч. 2 ст. 15 УК РФ), как будут соотноситься между собой понятия лица, впервые совершившего преступление небольшой тяжести, и лица, впервые совершившего уголовный проступок? Принимая во внимание отмеченное выше многообразие отражения в уголовном законе понятия лица, впервые совершившего преступление, реализация предложения Пленума в этом вопросе неизбежно привела бы к тому, что одно по сути законодательное понятие имело бы и легальную, и судебную трактовки, невольно вызывая сомнения в состоятельности последней, особенно с точки зрения содержания ч. 1 ст. 1 УК РФ («Уголовное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего Кодекса»). Как известно, рассматриваемое постановление Пленума Верховного Суда РФ так и осталось нереализованным[160]. Однако на смену ему пришло другое: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 24 с той же самой идеей введения в УК РФ понятия уголовного проступка[161]. В интересующем нас вопросе эта – вторая – официальная попытка легализовать понятие уголовного проступка отличалась весьма не существенно от первой: в примечании к новой статье 15^1 УК РФ предлагалось признавать лицо впервые совершившим преступление, «если на момент его совершения лицо не имеет неснятую или непогашенную судимость и не освобождалось от уголовной ответственности по основаниям,

[160] По истечении трех лет оно было отозвано постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 25 «Об отзыве из Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона № 612292-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовный проступок». URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/?year=2020 (дата обращения: 15.10.2020).

[161] О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 24. URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/?year=2020 (дата обращения: 15.10.2020).

предусмотренным частью первой или частью второй статьи 76^2 настоящего Кодекса, в течение одного года, предшествовавшего дню совершения этого преступления».

И еще об одном обстоятельстве, которое характеризует современное уголовное законодательство в рассматриваемом вопросе. При отсутствии в УК РФ 1996 г. общего определения понятия лица, впервые совершившего преступление, в последние годы законодатель все чаще предпринимает попытки решить этот вопрос точечно – в отношении конкретной уголовно-правовой нормы. Причем речь идет об участии в этом вопросе именно законодателя, а не правоприменителя, породившего такую практику путем специального комментария трактовки лица, впервые совершившего преступление, сначала в отношении ст. 76^1 УК РФ[162], а позднее – ст. 76^2 УК РФ[163]. Правда, в отличие от правоприменителя, законодатель отмеченной выше практикой решает вопрос не столько о понятии лица, впервые совершившего преступление, сколько о пределах его действия в каждом конкретном случае. Так, Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ ст. 145^1 УК РФ дополнена вторым примечанием, согласно которому «лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное частями первой или второй настоящей статьи, освобождается от уголовной ответственности, если в течение двух месяцев со дня возбуждения уголовного дела в полном объеме погасило задолженность по выплате заработной платы, пенсии, стипендии, пособия и иной установленной законом выплате, а также уплатило проценты (выплатило денежную компенсацию) в порядке, определяемом законодательством Российской Федерации, и если в его действиях не содержится иного состава преступления». Этим решением законодатель дополнительно стимулирует нерадивых руководителей к выполнению ранее

[162]См. п.11: О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 // БВС РФ. 2017. № 1.

[163] См. пп.5 п.1: О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 56 // БВС РФ. 2017. № 1.

нарушенной ими обязанности произвести установленные законом выплаты и тем самым избежать уголовную ответственность за содеянное. Руководители, откликнувшиеся на этот призыв в установленные в примечании сроки, подлежат освобождению от уголовной ответственности.

Буквально двумя днями ранее до принятия названного Федерального закона Пленум Верховного Суда РФ принял постановление № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138^1, 139, 144^1, 145, 145^1 Уголовного кодекса Российской Федерации)», в котором названная законодательная новелла, естественно, разъяснений не получила, да и в этом, на первый взгляд, не было необходимости. На первый взгляд потому, что – напомним – уголовное законодательство России не знает определения понятия лица, впервые совершившего преступление. Не так просто решается вопрос с трактовкой данного понятия в судебной практике, в том числе высшей судебной инстанции страны.

Забегая вперед, заметим, что Пленум Верховного Суда РФ так и не дал разъяснений об определении понятия лица, впервые совершившего преступление, имеющих значение для всех случаев использования этого понятия в УК РФ. Более того, на сегодняшний день такие разъяснения даны только применительно к одному частному случаю назначения наказания несовершеннолетним (п. 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 (ред. от 29 ноября 2016 г.) и различным проявлениям действия института освобождения от уголовной ответственности. Какими из них в такой ситуации следует руководствоваться в применении нового примечания к ст. 145^1 УК РФ? Исходя из того, что в названном примечании речь идет об освобождении от уголовной ответственности, очевидно, что ответ на поставленный вопрос следует искать в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ последнего рода и, прежде всего, в постановлении от 27 июня 2013 г. № 19 (ред. от 29 ноября 2016 г.) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности».

Рассматриваемое примечание к ст. 145^1 УК РФ регламентирует один из так называемых специальных видов освобождения от уголовной ответственности. В этой связи в названном постановлении Пленума Верховного Суда РФ нас, прежде всего, должны интересовать положения, предусмотренные в пп. 7 и 8. Согласно п. 7 постановления освобождение от уголовной ответственности за преступление небольшой или средней тяжести в случаях, специально предусмотренных примечаниями к соответствующим статьям Особенной части УК РФ, производится по правилам, установленным такими примечаниями. При этом выполнения общих условий, предусмотренных ч. 1 ст. 75 УК РФ, не требуется. Другими словами, для освобождения от уголовной ответственности на основании нового примечания к ст. 145^1 УК РФ требуется выполнить только три условия: 1) в полном объеме погасить задолженность по выплате заработной платы, пенсии, стипендии, пособия и иной установленной законом выплате; 2) уплатить проценты (выплатить денежную компенсацию) в порядке, предусмотренном ст. 236 ТК РФ; 3) выполнить названные два требования в течение двух месяцев со дня возбуждения уголовного дела в полном объеме. Подчеркнем: несмотря на то, что обязательным признаком субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 145^1 УК РФ, является совершение его руководителем организации, работодателем из корыстной или иной личной заинтересованности, что, казалось бы, свидетельствует об особой общественной опасности лица, его совершившего, вывод правоприменителя об утрате такой опасности, предусмотренный как условие применения ч. 1 ст. 75 УК РФ, здесь не требуется. Более того, в случае, предусмотренном в примечании к ст. 145^1 УК РФ, освобождение от уголовной ответственности происходит не по усмотрению правоприменителя, а в императивном порядке.

Следует обратить внимание и на второй абзац п. 7 рассматриваемого постановления Пленума Верховного Суда РФ, который гласит: невозможность применения примечания (в нашем случае – примечания к ст. 145^1 УК РФ) не исключает освобождение от уголовной ответственности по ч. 1 ст. 75 УК РФ, если лицом выполнены условия, установленные последней нормой, и вследствие этого

оно перестало быть общественно опасным. Это означает, что, например, может быть освобождено от уголовной ответственности лицо, не выполнившее в силу объективных причин требования, предусмотренные в примечании к ст. 145^1 УК РФ, в полном объеме или в срок, указанный в примечании, но при этом оно явилось с повинной, способствовало раскрытию и расследованию данного преступления.

Для правильного применения нового примечания к ст. 145^1 УК РФ важно помнить содержание и п. 8 рассматриваемого постановления Пленума Верховного Суда РФ: в тех случаях, когда условием освобождения от уголовной ответственности в соответствии с примечанием к статье Особенной части УК РФ является отсутствие в действиях лица иного состава преступления (а такая оговорка содержится в новом примечании), правоприменителю следует иметь в виду, что применение примечания допускается и в случае совершения лицом совокупности преступлений. Это означает, что освобождению от уголовной ответственности лица, выполнившего все требования примечания к ст. 145^1 УК РФ, не препятствует привлечение его к уголовной ответственности за совершение любого другого преступления, в том числе предусмотренного, например, ст. 144^1, 145 УК РФ.

Важным условием применения новой уголовно-правовой льготы является то, что она распространяется только на лиц, впервые совершивших преступление, предусмотренное ч. 1 или 2 ст. 145^1 УК РФ. Эта законодательная оговорка близка по смыслу содержанию ст. 76^1 УК РФ и означает, что лицо, которое до этого или наряду с этим совершило любое другое деяние, предусмотренное в УК РФ как преступное, признается впервые совершившим преступление. Однако буквальное толкование рассматриваемого примечания приводит и к парадоксальному выводу о том, что к числу последних следует отнести и тех лиц, которые до момента совершения преступлений, предусмотренных ч. 1 или 2 ст. 145^1 УК РФ, совершили преступление, предусмотренное ч. 3 этой же статьи, что, естественно, противоречит социально-правовому значению новой уголовно-правовой льготы.

В итоге в трактовке понятия лица, впервые совершившего преступления, используемого в примечании к ст. 145^1 УК РФ, как представляется, следует исходить из юридического его понимания, заложенного в п. 2 названного ранее постановления Пленума Верховного Суда РФ, суть которого сводится к следующему правилу: для целей примечания к ст. 145^1 УК РФ лицо признается впервые совершившим преступление, если оно не имеет неснятую или непогашенную судимость за преступление, предусмотренное данной статьей.

Так или иначе, но сомнения, подобные приведенным выше, возникают и в других случаях применения норм УК РФ, адресованных лицу, впервые совершившему конкретное преступление (ст. 127^1, 145^1, 195, 198, 199, 199^1, 199^3, 199^4, 205^5, 208, 282^1, 282^2, 282^3, 337, 338 УК РФ). Такая законодательная практика не всегда поддается логике и заслуживает более серьезного анализа, что будет сделано в дальнейшем.

2.2. Понятие и значение факта совершения преступления впервые в зарубежном уголовном законодательстве

В методологии исследования законодательства зарубежных стран, их правовых систем приоритет, как правило, отдается той, которая в свое время была обстоятельно разработана и предложена специалистам в области права, философии и истории французским ученым Р. Давидом. Во второй половине прошлого столетия она была доведена до сведения и российского читателя[164]. Во всех изданиях своей книги автор придерживается следующей структуры сравнительного правоведения: «романо-германская правовая семья», социалистическое право, «семья общего права» (Англии, США), «другие виды общественного строя и права» (в первых изданиях она именовалась «религиозные и традиционные правовые системы»)[165]. Вместе с тем сам автор отмечает, что группировка правовых систем современности, порядок их рассмотрения, в

[164] Давид Р. Основные правовые системы современности (сравнительное право). М., 1967. 496 с.

[165] Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988. С. 8.

зависимости от элементов сравнения и целей, при этом преследуемых, может быть иной. «Все зависит от того, *что* хотят изучить, и от поставленных целей»[166].

Анализ зарубежного уголовного законодательства на предмет отражения в нем кратности преступлений вообще и особенно факта совершения преступления впервые имеет своей целью, прежде всего, обнаружить прототипы, аналоги подобных законодательных решений, а в случае отсутствия такой практики – найти возможные варианты объяснений такого отсутствия. «Научное исследование, – утверждал Н. Д. Сергиевский, – не может ограничиться положительным правом одного какого-либо народа (правом отечественным). В качестве необходимого материала должны быть привлекаемы определения права других государств… Вся задача, при пользовании чужеземным материалом, заключается в том, чтобы не дать ему того значения, которого он не имеет, – он должен служить средством для ознакомления с опытом других народов и запасом готовых знаний, но не предметом слепого подражания»[167]. Другими словами, чужой опыт – это тоже опыт, его можно не внедрять, но не учитывать и не считаться с ним вряд ли целесообразно.

В определении круга стран, уголовное законодательство которых показательно при сравнительном анализе с УК РФ 1996 г., мы исходим из того, что этот Уголовный кодекс по многим концептуальным позициям изначально был схож с уголовными кодексами стран Содружества Независимых Государств (СНГ), образовавшегося в свое время на бывшем постсоветском пространстве. Вместе с тем за прошедшее время некоторые из этих УК претерпели серьезные изменения и дополнения и уже только по этой причине заслуживают внимания.

Второе обстоятельство, диктующее выбор стран, уголовное законодательство которых представляет интерес в решении рассматриваемой нами проблемы, обусловлено тем, что в УК РФ 1996 г. в первоначальной редакции нашли отражение идеи континентальной (романо-германской) системы права, и особенно немецкого уголовного законодательства.

---

[166] Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988. С. 40.
[167] Сергиевский Н.Д. Русское уголовное право. Часть общая. СПб., 1910. С. 2-3.

Кроме того, как отмечает Е. Г. Кольцов, немаловажным фактором при выборе государств для сравнительно-правового исследования является уровень правовой культуры в том или ином государстве, который в современных условиях легко проследить по количеству правовой информации, относящейся к этому государству, в том числе в Интернете[168].

Итак, в стремлении выявить общее и особенное в отражении кратности преступлений в уголовном законодательстве зарубежных стран[169], прежде всего, обратимся к УК тех стран, которые до недавнего времени входили в состав одного государства вместе с Россией. Сделаем это вот почему.

Анализируя уголовные кодексы стран СНГ, а также других стран, ранее входивших в состав СССР, нельзя не сказать о том, что многие из них в первоначальной редакции испытали на себе серьезное влияние Модельного УК для государств – участников СНГ, принятого в 1996 г.[170], в том числе и в плане отражения в них некоторых аспектов кратности преступлений[171]. Примечательно, однако, то, что к регламентации интересующей нас проблемы Модельный УК отнесся весьма сдержанно. Факт совершения преступления впервые здесь традиционно упоминается в качестве обстоятельства, смягчающего «ответственность и наказание», правда, с оговоркой «совершение впервые преступления небольшой тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств» (п. «а» ч. 1 ст. 62). Наличие указанного обстоятельства определяет освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ч.

---

[168] Кольцов Е. Г. Субъект преступления в уголовном праве Российской Федерации и зарубежных стран: Сравнительно-правовой анализ : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. С. 6.

[169] Флетчер Дж., Наумов А. В. Основные концепции современного уголовного права. М., 1988. С. 9.

[170] Модельный Уголовный кодекс для государств-участников СНГ. Рекомендательный законодательный акт : с изм. и доп. по состоянию на 27 ноября 2015 г. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс». Следует отметить, что целый ряд положений Модельного УК несколько ранее наше свое отражение в Теоретической модели Уголовного кодекса, см.: Уголовный закон: опыт теоретического моделирования. М. : Наука, 1987. 277 с.

[171] См. об этом, напр.: Шкредова Э. Г. Влияние модельного уголовного кодекса для государств-участников СНГ на уголовное законодательство ряда стран (на примере множественности преступлений) // Милиция/полиция третьего тысячелетия. Совершенствование подготовки сотрудников органов внутренних дел к взаимодействию с населением. Смоленск, 2001. Вып.1. С. 238-241.

1 ст. 74), изменением обстановки (ст. 76) и несовершеннолетних (ст. 98). Другая сторона кратности преступлений – «повторность совершения преступлений, рецидив, совершение преступлений в виде промысла» – изначально предусматривалась в качестве обстоятельства, «отягчающего ответственность и наказание» (п. «а» ч. 1 ст. 63). Однако в последующем это положение было исключено из Модельного УК[172].

Многие уголовные кодексы стран СНГ, а также других стран, ранее входивших в состав СССР, в регламентации вопросов кратности преступлений в первоначальной редакции оказались однотипными УК РФ 1996 г. Значительная часть из них, несмотря на обновления, и по настоящее время принципиальных изменений в этом вопросе не претерпела (УК Азербайджанской Республики, Республики Армения, Кыргызской Республики, Республики Таджикистан, Туркменистана, Республики Узбекистан[173]).

Возможно, сказанное в меньшей степени касается двух УК – Грузии и Армении. В УК Грузии на сегодняшний день в отдельных главах регламентируются виды единого преступления (гл. 4) и множественность преступлений (гл. 5). Именно в рамках последней главы за истекший период времени произошли значительные изменения, в результате которых

---

[172] Это было сделано Рекомендательным законодательным актом СНГ от 16 ноября 2006 г. : постановление № 27-6. Документ опубликован не был. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=n20600143&q_id (дата обращения: 08 августа 2024).

[173] Уголовный кодекс Азербайджанской Республики : утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 года № 787-IQ : с изм. и доп. по состоянию на 23 февраля 2024 г. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 23.08.2024) ; Уголовный кодекс Республики Армения от 18.04.2023. URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus#4 (дата обращения: 23.08.2024) ; Уголовный Кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 127 : с изм. и доп. по состоянию на 07 августа 2024 г. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065 (дата обращения: 23.08.2024) ; Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 574 : с изм. и доп. по состоянию на 20 июня 2024 г. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 23.08.2024) ; Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 года № 222-I : с изм. и доп. по состоянию на 25 ноября 2023 г. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31295286 (дата обращения: 23.08.2024) ; Уголовный кодекс Республики Узбекистан : утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2012-XII) : с изм. и доп. по состоянию на 07 августа 2024 г. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110 (дата обращения: 23.08.2024).

множественность преступлений, согласно грузинскому УК, проявляется в таких составах, как «неоднократное преступление» (ст. 15 в ред. от 04.07.2007 № 5196), «совокупность преступлений» (ст. 16 в ред. от 30.05.2000 № 333), «рецидив преступлений» (ст. 17 в ред. от 22.06.2007 № 5035), «рэкет, занимающаяся рэкетом группировка, рэкетир» (ст. 17.1 введена 24.06.2004 № 212)[174]. Проявлением множественности в данном случае, по-видимому, считается рэкет, понимаемый как «неоднократная и организованная деятельность, осуществляемая в целях систематического извлечения дохода или иной имущественной выгоды, связанная с совершением умышленного преступления (если судимость не погашена или не снята), если она осуществлялась не менее чем дважды в течение пяти календарных лет, в которые не входят срок ареста и отбытия наказания рэкетиром» (ч. 1 ст. 17.1 УК Грузии).

Весьма ограниченно регламентирован факт совершения преступления впервые и в УК Республики Армения от 10 апреля 2023 г. Это сделано применительно к освобождению от уголовной ответственности в случае деятельного раскаяния (ст. 72) и в случае изменения обстановки (ст. 74)[175].

Более продвинутыми в регламентации кратности преступлений, причем даже в сравнении УК РФ 1996 г., являются на сегодняшний день два уголовных кодекса из рассматриваемой группы кодексов.

Так, УК Республики Беларусь, прежде всего, в «Разъяснениях отдельных терминов» в специальной статье дает определение понятия повторного преступления: «Под преступлением, совершенным повторно, понимается преступление, совершенное лицом, ранее совершившим какое-либо из преступлений, предусмотренных одной и той же статьей либо статьями, специально оговоренными (указанными) в Особенной части настоящего Кодекса. Преступление не признается повторным, если за ранее совершенное преступление

---

[174] Уголовный кодекс Грузии от 22 июля 1999 года № 2287-вс : с изм. и доп. по состоянию на 15 декабря 2023 г. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37199724 (дата обращения: 23.08.2024).

[175] Уголовный кодекс Республики Армения от 18.04.2023. URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus#4 (дата обращения: 23.08.2024).

лицо было освобождено от уголовной ответственности либо судимость за это преступление была погашена или снята в установленном законом порядке» (п. 14^1 ст. 4)[176]. Аналогичное положение предусмотрено в ч. 4 ст. 21 УК Республики Армения: «Повторность отсутствует, если за ранее совершенное преступление лицо было освобождено от уголовной ответственности по предусмотренным законом основаниям либо судимость за это была погашена или снята».

Белорусский законодатель придает особое значение факту совершения преступления впервые в нормах об осуждении без назначения наказания: «Если в процессе судебного рассмотрения уголовного дела в отношении лица, совершившего впервые преступление, не представляющее большой общественной опасности, или менее тяжкое преступление, будет признано, что вследствие длительного безупречного поведения после совершения преступления это лицо доказало свое стремление к законопослушному поведению и с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного его дальнейшее исправление возможно без применения наказания, но при осуществлении за ним профилактического наблюдения, суд может вынести такому лицу обвинительный приговор без назначения наказания» (ст. 79). Заметим, что данная норма является чуть ли не единственным примером того, как в уголовном законе называется конкретный случай постановления обвинительного приговора без назначения наказания. Это та ситуация, которая до настоящего времени, будучи обозначенной в п. 3 ч. 5 ст. 302 УПК РФ, даже не упоминается в УК РФ.

О факте совершения преступления впервые в УК Республики Беларусь идет речь при регламентации вопросов об освобождении от уголовной ответственности с привлечением лица, совершившего впервые преступление, к административной ответственности (ст. 86), в связи с деятельным раскаянием (ст. 88), с примирением с потерпевшим от менее тяжкого преступления (ст. 89), при

[176] Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-З : с изм. и доп. по состоянию на 12 июля 2024 г. URL: https://www.legislationline.org /ru/documents/section/criminal-codes (дата обращения: 23.08.2024).

назначении наказания в виде лишения свободы несовершеннолетним (ст. 115), при освобождении их от уголовной ответственности (ст. 118). Следует отметить, что в УК Республики Беларусь, как и в УК РФ, слово «впервые» увязывается не только с совершением преступления, но и с фактом осуждения к наказанию в виде лишения свободы (ст. 77, 78), несовершеннолетних, осуждаемых за менее тяжкое преступление (ч. 1 ст. 117). Вместе с тем, в отличие от УК РФ (примечания к ст. 127^1, 145^1 198, 199, 199^1, 199^3, 199^4, 205^5, 208, 282^1, 282^2, 282^3, 337, 338 УК РФ), ни в одном из примечаний к статьям Особенной части УК Республики Беларусь, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием в конкретном преступлении, не предусмотрено требование о совершении преступления впервые.

Своеобразно белорусский законодатель отражает учет кратности преступлений при назначении наказания. Совершение преступления впервые ни само по себе, ни в совокупности с иными обстоятельствами, как это имеет место в УК РФ (п. «а» ч. 1 ст. 61 УК РФ), не предусмотрено в перечне смягчающих уголовную ответственность (ст. 63 УК Беларусь), а обратная сторона кратности – «совершение преступления лицом, ранее совершившим какое-либо преступление, если не истекли сроки давности либо не погашена или не снята судимость за предшествующее преступление» – выступает обстоятельством, отягчающим уголовную ответственность. При этом суд вправе в зависимости от характера преступлений не признать это обстоятельство отягчающим (п. 1 ч. 1 ст. 64 УК Беларусь). Подобная ситуация отражена в УК Республики Узбекистан, в котором кратность преступлений при назначении наказания учитывается также только в значении обстоятельства, отягчающего наказание, хотя и в более ограниченных пределах: лишь «повторное или новое умышленное преступление после осуждения за ранее совершенное умышленное преступление» может выступать в таком значении (п. «н» ч. 1 ст. 56).

Отметим, что в уголовных кодексах стран рассматриваемой группы есть пример обратного рода, когда кратность преступлений учитывается при назначении наказания в качестве обстоятельства, смягчающего ответственность, и

не учитывается как обстоятельство, ее отягчающее. Такая ситуация, например, имеет место в УК Республики Молдова, в котором «совершение впервые незначительного преступления или преступления средней тяжести» без каких-либо иных условий выступает смягчающим ответственность обстоятельством (п. «а» ч. 1 ст. 76), а отягчающим – лишь такое своеобразное обстоятельство, как «совершение преступления лицом, ранее осужденным за аналогичные преступления или за другие деяния, имеющие отношение к делу» (п. «а» ч. 1 ст. 77)[177].

Наиболее же равноценно противоположные стороны кратности преступлений учитываются при назначении наказания в УК Республики Казахстан: совершение впервые уголовного проступка либо впервые преступления небольшой или средней тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств признается обстоятельством, смягчающим уголовную ответственность и наказание (п. 1 ч. 1 ст. 53), а неоднократность уголовных правонарушений, рецидив преступлений, опасный рецидив преступлений – обстоятельством, отягчающим уголовную ответственность и наказание (п. 1 ч. 1 ст. 54). Правда, не совсем логичной выглядит ситуация, при которой уголовный проступок сам по себе является смягчающим ответственность и наказание, а преступление – только в совокупности с другими обстоятельствами.

Даже безотносительно к рассматриваемой нами проблеме, одно обстоятельство в УК Республики Беларусь, связанное с кратностью преступлений, должно, на наш взгляд, стать предметом неотложного внимания российского законодателя. Речь идет о правилах назначения наказания при рецидиве преступлений, когда, согласно одному из них, при этом должны учитываться не только «характер и степень общественной опасности *ранее совершенных преступлений* (курсив наш. – *Д. П.*), обстоятельства, в силу которых исправительное воздействие предыдущего наказания оказалось недостаточным, а

[177] Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 года № 985-XV : с изм. и доп. по состоянию на 23.08.2024 г. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923&doc_id2=30394923#activate_doc=2&pos=109;-96&pos2=1044;-78 (дата обращения: 23.08.2024).

также характер и степень общественной опасности вновь совершенного преступления», но и их *количество* (ч. 1 ст. 65).

Не меньший интерес с точки зрения отражения в уголовном законе факта совершения преступления впервые представляет новый (2014 г.) УК Республики Казахстан[178]. В разделе 2 «Уголовные правонарушения», регламентируя формы множественности преступлений, в рамках первой из них – «Неоднократность уголовных нарушений» (ст. 12) – казахский законодатель определяет, в частности, что «уголовное правонарушение не признается совершенным неоднократно, если за ранее совершенное уголовное правонарушение лицо было осуждено либо освобождено от уголовной ответственности по основаниям, установленным законом». Ни о погашении судимости, ни о снятии судимости при этом речь не идет, что, однако, регламентируется общим правилом о значении судимости в ч. 9 ст. 79 УК Казахстана: «Погашение или снятие судимости аннулирует все правовые последствия, связанные с судимостью, за исключением ограничений, установленных назначенным пожизненно дополнительным видом наказания».

Как уже отмечалось, кратности преступлений казахский законодатель придает двоякое уголовно-правовое значение при назначении уголовного наказания: с одной стороны, совершение впервые уголовного проступка либо впервые преступления небольшой или средней тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств признается фактором, смягчающим уголовную ответственность и наказание (п. 1 ч. 1 ст. 53 УК Казахстана); с другой – не только рецидив преступлений, как это предусмотрено в п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ, но еще и неоднократность всех уголовных правонарушений оцениваются здесь в качестве обстоятельства, отягчающего уголовную ответственность и наказание (п. 1 ч. 1 ст. 54 УК Казахстана). Подобная позиция представлена и в УК Республики Таджикистан (ст. 61, 62) с той лишь разницей, что в нем сам по себе факт «совершения преступления впервые» без каких-либо дополнительных условий рассматривается в качестве обстоятельства, смягчающего наказание (п. «а» ч. 1 ст.

[178] Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V.

61). Предусмотрено такое же правило и в УК Туркменистана, но лишь в связи с «совершением впервые преступления небольшой тяжести» (п. «а» ч. 1 ст. 57).

Заслуживает внимания позиция казахского законодателя при отражении факта совершения преступления впервые в рамках действия института освобождения от уголовной ответственности. Во-первых, в отличие от ч. 1 ст. 75 УК РФ, освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием по основаниям, предусмотренным ст. 65 УК Казахстана, ограничивается не категориями совершенного преступления, а отдельными видами преступлений, перечень которых весьма ограничен и носит исчерпывающий характер (террористическое преступление, экстремистское преступление, преступление, совершенное в составе преступной группы, преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетних, тяжкое или особо тяжкое преступление против личности, за исключением случаев, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК Казахстана)[179]. Во-вторых, в отличие от УК РФ, в УК Казахстана освобождение от уголовной ответственности с учетом категории преступления, совершенного лицом впервые, по другим основаниям имеет более дифференцированный характер: с установлением поручительства (при совершении уголовного проступка, преступлений небольшой или средней тяжести) в последнем случае принимается во внимание еще и наличие штрафа в числе основных видов наказания (ст. 69 УК Казахстана); в связи с утратой общественной опасности лица, совершившего уголовный проступок либо преступление небольшой или средней тяжести, – без каких-либо дополнительных условий (ч. 2 ст. 70 УК Казахстана)[180]; в связи с примирением с потерпевшим освобождение от уголовной ответственности может состояться и при совершении тяжкого преступления, но лишь в отношении определенного в законе круга лиц (несовершеннолетних,

[179] Ограничения подобного рода предусмотрены и для некоторых других видов освобождения от уголовной ответственности, в частности, предусмотренных ст. 68, 69 УК Республики Казахстан.

[180] Вместе с тем вызывает сомнение, что освобождение от уголовной ответственности по данному основанию представляет частный случай изменения обстановки, как это следует из названия ст. 70 УК Республики Казахстан.

беременных женщин и т. д.) (ч. 2 ст. 68 УК Казахстана). Заметим, что, согласно ч. 1 ст. 68 УК Республики Казахстан, освобождение от уголовной ответственности лиц, совершивших уголовный проступок, преступление небольшой или средней тяжести, примирившихся с потерпевшим, во-первых, имеет характер императива и, во-вторых, не ставится в зависимость от кратности преступлений, точнее – от факта совершения преступления впервые.

Наконец, не может не привлекать внимания и то, насколько избирательно и в сочетании с дополнительными условиями казахский законодатель оперирует условием совершения преступления впервые применительно к освобождению от уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних. Для наглядности приведем эту статью УК Республики Казахстан полностью:

«Статья 83. Освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности и наказания

1. Несовершеннолетний, совершивший уголовный проступок или преступление небольшой тяжести либо впервые совершивший преступление средней тяжести, может быть освобожден судом от уголовной ответственности, если установлено, что его исправление возможно без привлечения к уголовной ответственности. При освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности к нему применяются принудительные меры воспитательного воздействия.

2. Несовершеннолетний, впервые осужденный за совершение уголовного проступка или преступления небольшой или средней тяжести, может быть освобожден судом от наказания, если будет признано, что его исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия.

3. Несовершеннолетний, впервые совершивший тяжкое преступление, не связанное с причинением смерти или тяжкого вреда здоровью человека, может быть освобожден судом от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных частью второй статьи 68 настоящего Кодекса».

В части рассматриваемой нами проблемы УК Республики Казахстан примечателен еще и тем, что факт совершения впервые дачи и получения незаконного вознаграждения, если его размер не превышал «двух месячных расчетных показателей», при отсутствии предварительной договоренности о таком вознаграждении либо «не влечет уголовной ответственности» (в первом случае) (примечание 1 к ст. 367), либо «не является преступлением в силу малозначительности» (во втором случае) (примечание к ст. 366)[181].

Наконец, нельзя оставить без внимания один из самых последних новых уголовных кодексов рассматриваемой группы – УК Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г., в котором с регламентацией в качестве принципа идеи неотвратимости ответственности (наказания) (ст. 10) факт совершения преступления впервые вообще безразличен для уголовного закона.

Изучение в интересующем нас аспекте уголовных кодексов стран СНГ, а также ряда стран, ранее входивших в состав СССР, позволяет сделать общий вывод об отсутствии особо значимых отличий в регламентации кратности преступлений вообще и факта совершения преступления впервые в частности. Как и в российском УК, в рассматриваемых УК акцент делается на регламентацию множественности преступлений и более всего такую ее форму, как рецидив преступлений. Помимо этого можно заключить следующее:

1. В ряде зарубежных УК рассматриваемой группы, как и в УК РФ, слово «впервые» используется не только применительно к совершенному преступлению, но и к факту осуждения, назначения наказания, обычно в виде лишения свободы.

2. Ни в одном УК рассматриваемой группы не отражен факт совершения преступления в первый раз в жизни. Как и в УК РФ, понятия преступления, совершенного впервые, или лица, впервые совершившего преступление, имеют не фактическое, а юридическое значение, что обусловлено наличием во всех УК

[181] Насколько нам известно, ни в одном из действующих на сегодняшний день Уголовных кодексов (Уголовных законов) нет нормы, предусматривающей возможность устранения уголовно-правовых обременений для взяткополучателя подобным образом.

положений о том, что погашение или снятие судимости аннулирует (прекращает) все правовые (уголовно-правовые) последствия, связанные с осуждением (судимостью).

3. В некоторых УК стран СНГ или стран, ранее входивших в состав СССР, присутствуют легальные определения разновидностей множественности преступлений, из содержания которых можно вывести понятие преступления, совершенного впервые. Между тем, при наличии в ряде УК специальных статей, посвященных разъяснению понятий, используемых в УК (в частности, ст. 4 УК Республики Беларусь, ст. 3 УК Казахстана), было бы логично именно в них дать такое разъяснение или определение.

4. Как и в УК РФ, наиболее активно факт совершения преступления впервые в УК рассматриваемой группы учитывается при регламентации различных видов освобождения от уголовной ответственности. Ни в одном из УК факт совершения преступления впервые не влияет на применение того или иного вида наказания и, как правило, на освобождение от наказания или от его отбывания.

5. Отражая с разной степенью факт совершения преступления впервые в нормах Общей части уголовного законодательства, УК рассматриваемой группы, в отличие от УК РФ, за редким исключением не отражают названное обстоятельство в так называемых поощрительных примечаниях к статьям Особенной части. Другими словами, факт совершения преступления впервые здесь никак не влияет на решение вопроса о применении специальных видов освобождения от уголовной ответственности.

6. В качестве опыта, заслуживающего внимания российского законодателя в регламентации факта совершения преступления впервые, выступает практика более дифференцированной «привязки» данного факта не только к отдельным категориям преступлений, но и отдельным видам преступлений, в зависимости от формы вины совершенного преступления. Особого внимания заслуживает идея освобождения от уголовной ответственности (либо от наказания) лиц, впервые

совершивших неосторожное преступление в совокупности с дополнительными условиями и с учетом степени тяжести таких преступлений.

Наконец, нельзя не отметить и тот факт, что в некоторых случаях в УК рассматриваемой группы вместо понятия «лицо, впервые совершившее преступление» используются иные законодательные конструкции, отражающие наличие или отсутствие кратности преступлений. Например, в ст. 72 УК Азербайджанской Республики установлено ограничение предельно допустимого количества раз освобождения одного и того же лица от уголовной ответственности. В ст. 68 УК Республики Казахстан определено правило, согласно которому положения отдельных статей уголовного закона, устанавливающих возможность освобождения от уголовной ответственности, не распространяются на лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений отдельных категорий или видов в течение срока давности привлечения к уголовной ответственности после освобождения от ответственности ранее. В ст. 66-1 УК Республики Узбекистан установлен запрет на освобождение от уголовной ответственности лиц, имеющих судимость за отдельные виды преступлений[182].

Анализ уголовного законодательства других зарубежных стран в интересующем нас аспекте приводит к выводу об отсутствии необходимости обычно принятой в этом случае дифференциации такого законодательства в зависимости от правовой системы (романо-германской, англосаксонской, мусульманской) либо по каким-то иным основаниям. Это объясняется практически полным отсутствием прямого отражения в уголовном законе факта совершения преступления впервые. В этой группе уголовных кодексов (уголовных законов) кратность преступлений если и учитывается, то, как правило, в части регламентации неоднократной преступной деятельности.

Примечательно, однако, то, что таковая принимается во внимание не только в момент избрания меры уголовно-правового характера (в том числе наказания)

[182] См. об этом также: Овсянников И. В. Совершение преступления впервые как условие освобождения от уголовной ответственности // Современное право. 2023. № 4. С. 114-117.

при осуждении за очередное преступление, но и при исполнении этой меры. В качестве наглядного примера такой законодательной практики может служить УК ФРГ[183], в котором, в частности, предусмотрено следующее: «Если кто-либо совершил несколько наказуемых деяний, если по ним одновременно выносится приговор и вследствие этого назначается несколько наказаний в виде лишения свободы или несколько денежных штрафов, то определяется совокупное наказание (ч. 1 § 53). При этом «если одним из наказаний является пожизненное лишение свободы, то совокупной мерой наказания является пожизненное лишение свободы» (ч. 1 § 54). «Если кто-либо совершил три преднамеренных наказуемых деяния, за совершение которых он был лишен свободы на срок не менее одного года, и, если за одно или несколько таких деяний осуждался к лишению свободы на срок не менее трех лет, то суд на основании положений, указанных в абз. 1, № 3, помимо наказания, может назначить превентивное заключение…» (ч. 2 § 66).

В связи с отмеченным обстоятельством, следует напомнить, что в УК РФ факт совершения лицом нового преступления в процессе исполнения той или иной меры уголовно-правового характера по предыдущему преступлению (преступлениям) отражается обычно сам по себе, как это имеет место, например, в случаях, предусмотренных п. «б» ч. 1 ст. 73, ч. 4, 5 ст. 74, п. «б», «в» ч. 7 ст. 79, ч. 6^2 ст. 88 УК РФ. В приведенном же извлечении мы имеем пример самостоятельного учета кратности (неоднократности) преступлений на стадии исполнения наказания, существовавшей еще на момент осуждения, что никак не учитывается в УК РФ, и на это обстоятельство, на наш взгляд, российскому законодателю следовало бы обратить внимание.

Что касается факта совершения преступления впервые, то повторим: за редким исключением это обстоятельство прямо в уголовном законодательстве стран этой группы никак не отражается. Одно из немногих упоминаний об этом

[183] Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: научно-практический комментарий и перевод текста закона / П. В. Головенков. М., 2021. 312 с.

факте мы нашли в УК Швейцарии[184], в котором при регламентации одной из мер безопасности («интернирование “привычных” преступников»), в частности, отмечается: такая мера «исполняется в открытых или закрытых учреждениях, но ни в коем случае в учреждениях для лиц, впервые совершивших преступление…» (ст. 42). Более это обстоятельство в данном УК не упоминается несмотря на то, что в нем несовершеннолетние лица подразделяются на три категории (дети, подростки, молодежь), по отношению к которым выбор конкретных мер ответственности (наказания), казалось бы, должен особенно зависеть от факта совершения преступления впервые. Вместе с тем УК Швейцарии примечателен другим. Регламентируя особенности мер ответственности подростков за «деяния, наказуемые по данному закону», применение одной из них – условного осуждения – этот УК ставит в зависимость от такого условия, как «в дальнейшем не совершит преступных деяний, особенно если он до этого не совершал их вообще…» (курсив наш. – Д. П.) (ст. 96).

О факте совершения преступления впервые упоминает и УК Испании[185], когда в качестве одного из необходимых условий для приостановления исполнения наказания называется «совершение преступления данным лицом первый раз». Причем в этой связи не учитываются предыдущие приговоры, вынесенные за совершение преступлений по неосторожности, и снятые судимости в соответствии с общими основаниями их погашения и снятия (ч. 1 ст. 81). Таким образом, перед нами опять же юридическое толкование факта совершения преступления впервые, но более, на наш взгляд, рациональное в части учета судимости за неосторожные преступления в сравнении с российской правоприменительной практикой[186].

---

[184] Уголовный кодекс Швейцарии от 21.12.1937 : по состоянию на 01 июля 2020 г. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/20007 (дата обращения: 23.08.2024).

[185] Уголовный кодекс Испании от 10.11.1995 : с изменениями на 01 марта 2019 г. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/18760 (дата обращения: 23.08.2024).

[186] Подобная избирательность проявляется в ст.87 УК Турции при определении уголовно-правового значения рецидива преступлений (Law № 5237 of September 26, 2004) (consolidated version of 2015). URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/15936 (дата обращения: 23.08.2024).

Косвенно о факте совершения преступления впервые говорит УК Австрии[187], когда среди особых смягчающих обстоятельств называет такое, как «ведет до этого законопослушный образ жизни, и деяние противоречит его обычному поведению» (п. 2 ч. 1 ст. 34).

Уголовные кодексы (уголовные законы[188]) этой группы характеризуются предоставлением органам, их применяющим, весьма широких пределов усмотрения (особенно судебного), что, в частности, находит свое отражение в кратких перечнях обстоятельств, смягчающих наказание, в регламентации всего лишь одного такого обстоятельства[189] и даже вообще в отсутствии указаний на конкретные из них, как это имеет место, например, в УК Бельгии[190]. В этой связи нельзя не отметить УК Сан-Марино[191], который регламентирует не только возможность судебного усмотрения, но и необходимость мотивировки реализации такого права. Согласно ст. 87 этого УК «Право судебного усмотрения», в пределах одной степени судья, назначая наказание по своему усмотрению, в каждом случае должен мотивировать целесообразность использования права судебного усмотрения, предоставленного ему в предыдущих частях настоящей статьи. Регламентируя смягчающие обстоятельства и правила их учета при назначении наказания, УК Республики Корея[192] предусматривает «дискреционное смягчение» (ст. 53), «факультативное наказание и дискреционное смягчение» (ст. 54), «обязательное смягчение» (ст. 55).

---

[187] Уголовный кодекс Австрии. СПб., 2004. 352 с.

[188] См., напр.: Закон об уголовном праве Израиля 1977 г.: постатейный перевод с иврита на русский язык / автор перевода Марат Дорфман. М., 2010. 259 с.

[189] Как это предусмотрено, например, в ст.42 УК Японии («Явка с повинной и признание в совершенном преступлении»).

[190] Уголовный кодекс Бельгии от 08.06.1867 г. : в редакции от 01 января 2012 г. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/11657 (дата обращения: 23.08.2024). Несмотря на то, что и в этом УК предусмотрена гл.IX «Об обстоятельствах, смягчающих наказание», в которой называются правила снижения или смягчения наказания.

[191] Уголовный кодекс Сан-Марино. СПб., 2002. 253 с.

[192] Уголовный кодекс Республики Корея : вступил в силу 16 октября 2018 г. : Закон № 15793 от 16 октября 2018 г., в частичной редакции. URL: https://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=204772&efYd=20181016#0000 (дата обращения: 23.08.2024).

Широкие, даже в сравнении с российским УК, полномочия судов в оценке личности виновного в совершенном преступлении и в этой связи – в применении уголовного наказания в какой-то степени объясняют тот факт, что в УК этой группы несколько чаще слово «впервые» употребляется применительно к факту осуждения лица, совершившего преступление. Так, согласно ст. 133-12 УК Франции, «реабилитация по закону предоставляется осужденному физическому лицу, которое в течение срока, определенного ниже, не было подвергнуто никакому новому осуждению за преступление или проступок:

п. 1. При назначении штрафа или штрафодней – в течение трех лет со дня уплаты штрафа или общей суммы штрафодней, прекращения действия мер принуждения должника, предусмотренных статьей 131-25, либо по истечении срока давности;

п. 2. При осуждении впервые и назначении наказания в виде тюремного заключения на срок не более одного года, либо наказания иного, нежели уголовное заключение, уголовное заточение, тюремное заключение, штраф или штрафодни – так в течение пяти лет со дня исполнения наказания, либо по истечении срока давности;

п. 3. При осуждении впервые и назначении наказания в виде тюремного заключения на срок не более десяти лет, либо при нескольких осуждениях с назначением наказаний в виде тюремного заключения, общий срок которых не превышает пяти лет – в течение десяти лет со дня исполнения назначенного наказания, либо по истечении срока давности»[193].

Согласно ст. 26 УК Аргентины[194] «в случае, когда лицо впервые приговаривается к тюремному заключению и при условии, что его срок не превышает трех лет, суд вправе при вынесении приговора распорядиться о приостановлении исполнения наказания».

[193] Уголовный кодекс Франции : с изм. и доп. по состоянию на 06 декабря 2019 г. URL: https://constitutions.ru/?p=25017 (дата обращения: 23.08.2024).

[194] Уголовный кодекс Аргентины. СПб., 2003. 240 с.

В УК ФРГ слово «впервые» характеризует отбывание наказания в виде лишения свободы (когда оно не превышает двух лет), что может служить условием условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (ч. 2 § 57)[195].

Крайне редкое отражение в уголовном законодательстве зарубежных стран факта совершения преступления впервые, скорее всего, можно объяснить тем, что в нем данное обстоятельство, в числе прочих называемых и не называемых в законе, охватывается более широкими по значению понятиями «случайный», «закоренелый» преступник (ст. 87 УК Испании, ст. 40 УК Таиланда[196]), «профессиональный преступник» (ст. 7.03 Примерного УК США[197]). При весьма широких полномочиях судов в части характеристики личности виновного и совершенного им деяния уголовное законодательство этих стран порой легализует понятия, которые в российской практике если и употребляются, то не иначе как в уголовно-правовой доктрине, в криминологических исследованиях. Так, УК Сан-Марино в этой связи предусматривает специальный раздел, посвященный характеристике «виновного в совершенном преступлении» (раздел второй), в рамках которого выделяется глава «Криминальная опасность». Называя целый ряд категорий «предполагаемо опасных лиц» с учетом возраста, формы вины и прочих обстоятельств (ст. 13), этот УК к числу «криминально опасных» лиц допускает отнесение даже тех, которые «не подлежали обвинению и наказанию, в случае, если они ранее совершили умышленное преступление или некоторые из иных деяний, предусмотренных статьями 26, 28 и 29 настоящего Кодекса, и если судья считает, что такие лица могут совершить новые деяния, предусмотренные в настоящем Законе как умышленные преступления» (ст. 11).

---

[195] Согласно ст. 23 УК Таиланда «лицо, совершившее преступление, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы, и срок лишения свободы не превышает трех месяцев применительно к данному лицу, и если данное лицо в прошлом не осуждалось к лишению свободы, а если и осуждалось, то за преступление, совершенное по небрежности или за незначительное преступление, в этих случаях суд может приговорить к ограничению свободы не более чем на три месяца вместо лишения свободы».

[196] Уголовный кодекс Королевства Тайланд. СПб., 2005. 200 с.

[197] Примерный Уголовный кодекс (США). URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/part-I (дата обращения: 23.08.2024).

Отмеченное выше обстоятельство характерно и для уголовного законодательства США. Так, согласно ст. 7.01 Примерного УК США, к числу критериев, обосновывающих невынесение приговора к тюремному заключению и направлению подсудимого на испытание относятся:

«g) в предшествующей жизни подсудимого нет фактов прежней делинквентности или преступной деятельности или он в течение значительного периода времени перед совершением настоящего преступления вел законопослушную жизнь;

h) преступное поведение подсудимого было результатом действия обстоятельств, повторение которых маловероятно;

i) свойства личности и жизненная установка подсудимого указывают на то, что совершение им другого преступления является маловероятным» (курсив наш. – Д. П.).

В числе смягчающих обстоятельств этот УК называет такое, как «у подсудимого не было в прошлом значительной преступной деятельности» (п. «а» ч. 4 ст. 210.6). Подобный подход к законодательной регламентации обстоятельств, характеризующих личность виновного в преступлении, находит свое отражение и в уголовных кодексах отдельных штатов, когда, например, согласно § 65.10 УК штата Нью-Йорк[198], «условия пробации и условного освобождения» называются такие, «какие суд по своему усмотрению считает разумно необходимыми для обеспечения того, чтобы обвиняемый в будущем вел законопослушный образ жизни или для оказания ему в этом помощи».

Выводы, ранее сделанные нами по итогам анализа уголовного законодательства стран СНГ и других стран, в свое время входивших в состав СССР, можно дополнить следующим.

Факт совершения преступления впервые в уголовном законодательстве зарубежных стран рассматриваемой группы практически не отражается. В тех весьма немногочисленных случаях, когда это понятие регламентируется в законе,

[198] Уголовный кодекс штата Нью-Йорк. URL: http://constitutions.ru/?p=5849 (дата обращения: 23.08.2024).

оно при системном толковании его значения употребляется в юридическом, а не фактическом смысле.

Отсутствие прямых указаний на факт совершения преступления впервые в зарубежном уголовном законодательстве обусловлен, скорее всего, полным доверием законодателя суду, что избавляет от необходимости детальной регламентацией многообразных обстоятельств, учет которых объективно необходим при избрании конкретной меры уголовно-правового характера к лицу, совершившему преступление, в том числе и такого, как совершение преступления в первый раз.

Следует отметить, что в уголовном законодательстве некоторых зарубежных стран отсутствуют вообще какие-либо указания на факт совершения преступления впервые, что, по-видимому, объяснимо общей ориентацией такого законодательства на сам факт совершения преступления, а не на лицо, его совершившее. При таком подходе оттеняется не однократная преступная деятельность, регламентации которой подчинен уголовный закон, а отклонения от нее в сторону многократности – совокупность преступлений и рецидив преступлений. Показателен в этом отношении УК Китая, в котором смягчение уголовно-правовой «участи» лица, совершившего преступление, возможно не ранее, чем на стадии назначения наказания. При этом значимыми для этого могут быть два обстоятельства – явка с повинной и искупление вины заслугами (§ 3). В этой связи, например, ст. 68 данного УК предусматривает: «Преступнику, разоблачившему преступные деяния других лиц, которые были доказаны, или представившему важную информацию, что помогло раскрытию другого преступления, а также другим способом искупившему вину заслугами, можно назначить более мягкое наказание в пределах санкции либо наказание ниже низшего предела санкции; при значительном искуплении вины заслугами можно назначить наказание ниже низшего предела либо освободить от наказания».

Собственно смягчение наказания по УК Китая возможно лишь на стадии его исполнения (ст. 78), при этом основания такого смягчения не имеют ничего

общего с обстоятельствами, смягчающими наказание, предусмотренными в российском Уголовном кодексе[199].

С точки зрения отражения кратности преступлений УК Китая, в сравнении с УК РФ, интересен еще и тем, что в нем говорится и о рецидиве преступлений (§ 2 гл. 4), и о рецидивистах (ст. 65, 66).

[199] Уголовный кодекс Китая / под ред. А. И. Коробеева, А. И. Чучаева ; пер. с китайского Хуан Даосю. М., 2017. 256 с.

ГЛАВА 3. ЛИЦО, ВПЕРВЫЕ СОВЕРШИВШЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ, В ПРАВОПРИМЕНЕНИИ И В СТАТИСТИКЕ

3.1. Понятие и значение лица, впервые совершившего преступление, в правоприменении

При отсутствии легального определения понятия лица, впервые совершившего преступление, в УК РФ 1996 г. определенным компенсатором этого недостатка в законе долгое время выступало положение, в нем же и предусмотренное, о том, что «погашение или снятие судимости аннулирует все правовые последствия, связанные с судимостью» (ч. 6 ст. 86 УК РФ)[200]. Как уже отмечалось ранее, вплоть до принятия Федерального закона от 8 декабря 2003 г. уяснению содержания понятия лица, впервые совершившего преступление, способствовало и одно из положений о неоднократности преступлений, предусмотренное в ч. 2 ст. 16 УК РФ: «Преступление не признается совершенным неоднократно, если за ранее совершенное преступление лицо было в установленном законом порядке освобождено от уголовной ответственности либо судимость за ранее совершенное лицом преступление была погашена или снята»[201]. Это правило было еще более универсальным и, по сути, охватывало то, которое предусмотрено ч. 6 ст. 86 УК РФ.

Несмотря на законодательные изменения в трактовке отдельных форм множественности, связанные с исключением из их числа неоднократности преступлений (2003 г.), изменения в части ограничения пределов уголовно-правового и общеправового значения погашения или снятия судимости (2015 г.), правоприменительная практика изначально ориентировалась на эти два обстоятельства в понимании лица, впервые совершившего преступление. Другими словами, задолго до постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства,

---

[200] Воспроизводится первоначальная редакция ч. 6 ст. 86 УК РФ.

[201] О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», впервые предложившего более или менее общее определение понятия лица, впервые совершившего преступление, таковым бесспорно признавались три категории лиц: ранее вообще не совершавших преступление; ранее совершавших преступление, но безусловно освобожденных от уголовной ответственности за него; ранее совершавших преступление, но признанных не имеющими судимости за него. При желании две последние категории лиц, совершавших ранее преступления, можно было детализировать и выделить в их числе лиц, совершивших очередное преступление впервые, например, постольку, поскольку за предыдущее преступление истекли сроки давности уголовного преследования либо потому, что они были освобождены от наказания. Однако такая детализация будет излишней, если при определении понятия лица, впервые совершившего преступление, во главу угла ставить не юридические факты, обусловливающие освобождение от уголовной ответственности, например, в силу истечения сроков давности, не «промежуточные» уголовно-правовые последствия, например, в виде освобождения от наказания, а «финишные» уголовно-правовые последствия, наступление которых восстанавливает уголовно-правовой статус лица, совершившего преступление, – безусловное освобождение от уголовной ответственности либо погашение или снятие судимости. В этой связи заметим, что, возможно, не случайно определение понятия лица, впервые совершившего преступление, было дано впервые в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, посвященного именно освобождению от уголовной ответственности, хотя это понятие определяет действие и других институтов уголовного права (назначения наказания, освобождения от наказания). С другой стороны, можно усомниться в целесообразности упоминания об освобожденных от уголовной ответственности в юридической трактовке понятия лица, впервые совершившего преступление, поскольку при этом всегда упоминается более широкое по содержанию понятие судимости. Заметим, однако, что в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, посвященного вопросам

судимости, вопрос о понятии лица, впервые совершившего преступление, даже не упоминается[202].

Так или иначе, как мы убедились, отсутствие легального определения понятия лица, впервые совершившего преступление, не являлось непреодолимым препятствием для его практического применения. Другой вопрос, что такое положение дел не способствовало единообразному применению уголовного закона. Как отмечает М. Б. Кострова, термин «лицо, впервые совершившее преступление» используется в УК РФ, начиная с первоначальной его редакции, не будучи разъясненным в тексте уголовного закона, в связи с чем всегда существуют сложности в уяснении его содержания[203].

Посмотрим сначала на практику, связанную с применением уголовного законодательства о понятии лица, впервые совершившего преступление, имевшую место до издания названного ранее постановления Пленума Верховного Суда РФ.

С момента вступления в силу УК РФ 1996 г. вопрос о неоднозначном толковании понятия лица, впервые совершившего преступление, нашел свое отражение в общероссийских материалах судебной практики уже после того, как вступил в силу УПК РФ 2001 г., как были устранены противоречия между этими кодексами в 2003 г. в части определения категорий преступлений, после совершения которых лицо могло претендовать на освобождение от уголовной ответственности. В Обзоре судебной практики прекращения военными судами уголовных дел в связи с примирением с потерпевшим и деятельным раскаянием от 1 июня 2005 г.[204] в этой связи были озвучены позиции по двум вопросам.

Положительный ответ в Обзоре был дан на вопрос о том, можно ли считать лицо впервые совершившим преступление, если ранее оно освобождалось от

---

[202] О практике применения судами при рассмотрении уголовных дел законодательства, регламентирующего исчисление срока погашения и порядок снятия судимости : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07 июня 2022 № 14 // БВС РФ. 2022. № 8.

[203] Кострова М. Б. Термин «лицо, впервые совершившее преступление», в контексте взаимосвязи уголовного и иных отраслей российского права // Lex russica. 2015. № 8. С. 73.

[204] Документ опубликован не был.

уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям. Обоснование такого ответа происходило следующим образом:

«уголовно-правовые последствия совершенного деяния зависят от его юридической оценки (курсив наш. – *Д. П.*), а в случае прекращения уголовного дела, как и в случае погашения или снятия судимости за ранее совершенное преступление, лицо считается несудимым, оно при решении вопроса о возможности прекращения нового уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим должно признаваться впервые совершившим преступление».

По сути правильное в рамках действующего законодательства решение, но с двумя, на наш взгляд, не совсем удачными параллелями. Во-первых, погашение или снятие судимости – это вопрос материального уголовного права, прекращение уголовного дела – вопрос процессуального уголовного права. Как уже отмечалось выше, сопоставляться в данном случае как равнозначные должны акты погашения или снятия судимости с актами освобождения уголовной ответственности. Во-вторых, апеллируя к юридической оценке при наступлении уголовно-правовых последствий в виде освобождения от уголовной ответственности и погашения или снятия судимости, авторы Обзора не сказали о том, что в последнем случае в основе такой оценки обычно лежат все-таки более или менее формализованные обстоятельства (сроки судимости). Что же касается самой по себе оценки, то она лежит в основе применения любой нормы права, однако при этом она не может (не должна) влиять на нарушение объективно существующей зависимости между правовым поведением и его правовыми последствиями. Как представляется, лицо, ранее освобожденное от уголовной ответственности, можно считать лицом, впервые совершившим преступление, с юридической точки зрения потому, что правоотношение, порожденное фактом совершения таким лицом ранее преступления, последующим за этим актом освобождения от уголовной ответственности было прекращено, а соответственно,

все уголовно-правовые последствия совершенного преступления были аннулированы[205].

Авторы рассматриваемого Обзора вспоминают про значение юридической оценки и в ситуации, связанной с совокупностью преступлений, когда говорят о невозможности признания совершенным впервые одного из преступлений, ее образующих:

«Наличие в действиях лица множественности преступлений исключает оценку всех их, как совершенных впервые, поскольку хотя первое из них в совокупности противоправных деяний действительно и может рассматриваться как впервые совершенное, но остальные объективно уже таковыми не будут, а следовательно, и все содеянное как первый и единственный факт совершения общественно опасных деяний впервые признаваться не должно.

Вместе с тем представляется, что при толковании указанного положения закона не следует забывать и то, что согласно УК РФ *преступлением признается общественно опасное деяние, запрещенное Кодексом под угрозой наказания, а не его юридическая оценка»* (курсив наш. – *Д. П.*).

Тем самым юридической оценке придается значение диаметрально противоположное тому, которое придали ей авторы Обзора в первом случае: применительно к уголовно-правовым последствиям деяния. Небесспорна предложенная позиция и в части интересующего нас вопроса потому, что никаких ограничений для преступлений, совершенных при реальной совокупности, ч. 1 ст. 75, ст. 76 УК РФ в редакции, существовавшей на момент подготовки Обзора, не предусматривали. К тому же в Обзоре остался без внимания вопрос о категориях преступлений, при совершении которых лицо могло претендовать на освобождение от уголовной ответственности, особенно когда имели место комбинации преступлений различных категорий тяжести, в том числе с

[205] См.: Уголовное право России. Практический курс. 4-е изд. / под ред. А. В. Наумова. М., 2010. С. 230 ; Кибальник А. Понимание Пленумом Верховного Суда освобождения от уголовной ответственности // Уголовное право. 2014. № 1. С. 38-39.

«участием» тех, которые не предусмотрены в названных статьях (тяжких, особо тяжких).

По мнению О. С. Стадниченко, изменение приведенной позиции Верховного Суда РФ произошло с принятием постановления Пленума от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», которым в п. 20 была «фактически установлена возможность прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям в отношении лиц, ранее привлекавшихся к уголовной ответственности»[206]. Автор также полагает, что аналогичный подход сохранился и с принятием постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»[207]. Однако нельзя не отметить то, что в приведенном выше Обзоре значение понятия лица, впервые совершившего преступление, раскрывалось применительно к институту освобождения от уголовной ответственности, а в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 (ныне не действующем) это понятие трактовалось в контексте одного из правил назначения наказания в виде лишения свободы несовершеннолетним. При этом примечательно, что ни в Обзоре, ни в названном постановлении Пленума не делалось никаких оговорок о возможности распространения даваемых разъяснений на другие институты уголовного права. Не делалось при этом ссылок и на ч. 6 ст. 86 УК РФ об уголовно-правовом значении судимости[208].

Итак, согласно п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г., впервые совершившим преступление небольшой или средней тяжести следовало считать лицо, совершившее одно или несколько преступлений, ни за одно из которых оно ранее не было осуждено, либо когда предыдущий

---

[206] Стадниченко О. С. Превентивная составляющая некоторых оснований освобождения от уголовной ответственности, содержащих понятие «лицо, впервые совершившее преступление» // Законность. 2016. № 8. С. 37-38.

[207] Там же.

[208] Статья 16 УК РФ к этому времени была исключена из Уголовного кодекса.

приговор в отношении его не вступил в законную силу[209]. Столь широкая трактовка понятия лица, впервые совершившего преступление, во главу угла ставила фактически только одно обстоятельство – наличие или отсутствие судимости у лица на момент совершения им очередного преступления. При этом не имело никакого значения количество совершенных до этого преступлений, наличие или отсутствие по ним актов освобождения от уголовной ответственности, причем даже безотносительно к «реабилитирующим» или «нереабилитирующим» основаниям такого освобождения. Как отмечает М. Б. Кострова, несмотря на иную «тематическую» направленность рассматриваемого постановления[210] (иную, в сравнении с институтом освобождения от уголовной ответственности), в тот период времени суды были сориентированы именно на него. Так, в справке по результатам обобщения судебной практики прекращения судами Республики Башкортостан в 2009 г. уголовных дел в связи с примирением сторон и деятельным раскаянием указывалось, что при решении вопроса о том, что понимается под совершением преступления впервые, «необходимо учитывать разъяснения Пленума Верховного Суда РФ в Постановлении от 11.01.2007 № 2 “О практике назначения судами РФ уголовного наказания” (п. 20)»[211].

М. Б. Кострова, рассмотревшая в различных аспектах изменение значения понятия лица, впервые совершившего преступление, отмечая «последовательное расширение» круга таких лиц, на момент издания постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 насчитала три категории лиц, признаваемых в «правоприменительной» и «праворазъяснительной» практике

---

[209] БВС РФ. 2007. № 4.

[210] Кострова М. Б. Указ. соч. С. 74.

[211] Справка по результатам обобщения судебной практики прекращения судами Республики Башкортостан в 2009 г. уголовных дел в связи с примирением сторон и деятельным раскаянием. Подготовлена Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда Республики Башкортостан: обсуждена и одобрена на заседании Президиума Верховного суда Республики Башкортостан 21 июля 2010 г. URL: http://vs.bkr.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=811 (дата посещения: 19.09.2017) ; См. также: Кассационные определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14.10.2008. № 48-О08-77 ; 29.04.2009 № 16-О09-11. Документы опубликованы не были. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

совершившими преступление впервые. Первые две категории, по мнению автора, называются в п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2: впервые совершившим преступление следует считать: 1) лицо, совершившее одно или несколько преступлений, *ни за одно из которых оно ранее не было осуждено*, 2) лицо, совершившее одно или несколько преступлений, *когда предыдущий приговор в отношении его не вступил в законную силу*. Третью категорию лиц, впервые совершивших преступление, М. Б. Кострова называет со ссылкой на п. 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»[212]: «помимо указанных выше двух категорий лиц, впервые совершившим преступление… следует считать лицо… *когда судимости за ранее совершенные преступления сняты и погашены в установленном законом порядке*»[213]. При этом автор особо подчеркивает, что в обоих постановлениях Пленума Верховного Суда РФ толкование понятия «лицо, впервые совершившее преступление» происходит применительно к вопросам назначения наказания и только в отношении несовершеннолетних[214].

Так или иначе, во всех трех названных случаях перед нами лицо, уже совершившее однажды, как минимум, одно преступление. Чем же принципиально отличны эти случаи в свете приведенного нами ранее положения о целесообразности детализации таких лиц? *В первом случае* лицо не было осуждено ни за одно из совершенных им преступлений, то есть перед нами *несудимое лицо*. *Во втором случае* лицо, вроде бы и осужденное, но обвинительный приговор в отношении него так и не вступил в законную силу. Если это так, то, согласно ч. 1 ст. 86 УК РФ, перед нами опять же *несудимое лицо*: «Лицо, осужденное за совершение преступления, считается судимым со дня вступления обвинительного приговора суда в законную силу…». *В третьем*

---

[212] БВС РФ. 2011. № 4. В п. 20 этого постановления Пленума Верховного Суда РФ названы все три случая, которые воспроизводит М.Б. Кострова.

[213] Кострова М. Б. Указ. соч. С. 75-76.

[214] Там же.

случае судимости за ранее совершенные лицом преступления «сняты и погашены» в установленном законом порядке, следовательно, и здесь в уголовно-правовом смысле перед нами *несудимое лицо*, поскольку погашение или снятие судимости аннулирует все правовые последствия, предусмотренные уголовным законом, связанные с судимостью (ч. 6 ст. 86 УК РФ). Таким образом, во всех вариантах, приведенных в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1, определяющим для признания лица впервые совершившим преступление выступает отсутствие судимости. И с этой точки зрения принципиальных различий в трактовках понятия лица, впервые совершившего преступление, в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 и 1 февраля 2011 г. № 1 мы не усматриваем.

Подводя итог анализу трактовок понятия лица, впервые совершившего преступление, данных Верховным Судом РФ в период времени, предшествовавший постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19, тем не менее нельзя не отметить в них некоторую двойственность. Показательна в этом отношении позиция судей Верховного Суда РФ, изложенная в нескольких изданиях «Практики применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации…». На вопрос «Что понимается под совершением преступления впервые как одним из условий прекращения дела за примирением сторон?» ответ давался такой:

«*Термин “впервые” в ст. 76 УК законодатель указал применительно к одному преступлению*, т. е. в отношении лиц, менее общественно опасных, не вставших на преступный путь, *для которых совершенное преступление является случайным эпизодом в жизни* (курсив наш. – *Д. П.*). Прекращение дела за примирением допускается за впервые совершенное преступление. В п. 20 постановления Пленума ВС РФ от 11 января 2007 г. № 2 впервые совершившим преступление небольшой или средней тяжести рекомендовано считать лицо, совершившее одно или несколько преступлений, ни за одно из которых оно ранее не было осуждено, либо когда предыдущий приговор в отношении его не вступил в законную силу.

При идеальной совокупности преступлений, когда впервые совершенное преступление квалифицируется по двум статьям УК, юридическая оценка содеянного не исключает признание его впервые совершенным применительно к институту освобождения лица от уголовной ответственности. Ведь привлекается оно к уголовной ответственности фактически за одно реальное деяние.

Если лицо ранее освобождалось от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям (например, прекращение другого дела за примирением сторон), то оно считается совершившим преступление впервые. В случае прекращения дела уголовно-правовые последствия совершенного деяния зависят не от его юридической оценки. Как и в случае погашения или снятия судимости за ранее совершенное преступление, лицо считается несудимым. Оно при решении вопроса о прекращении нового дела за примирением сторон должно признаваться впервые совершившим преступление»[215].

Двойственность в понимании лица, впервые совершившего преступление, в приведенной позиции заключается в том, что в ней присутствует одновременно и фактическое (выделенное курсивом), и юридическое (весь последующий текст) понимание такого лица. Нашу оценку приведенной выдержки можно было бы признать ошибочной, но она высказана и другими авторами[216].

Еще раз подчеркнем, что принципиальных различий в трактовках понятия лица, впервые совершившего преступление, в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 и 1 февраля 2011 г. № 1 мы не усматриваем. Обращаем особое внимание на данное обстоятельство потому, что 27 июня 2013 г. Пленум Верховного Суда РФ принял постановление № 19

---

[215] Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: актуальные вопросы судебной практики, рекомендации судей Верховного Суда РФ по применению уголовно-процессуального законодательства на основе новейшей судебной практики / под ред. В. М. Лебедева. 3, 5, 6-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2009, 2011, 2013.

[216] См.: Ларина Л. Ю. Понятие лица, впервые совершившего преступление // Юридическая наука. 2014. № 1. С. 89. Как ни странно, но практически дословно эта позиция воспроизводится и в седьмом издании названной Практики. Она лишь дополняется абзацем о понимании лица, впервые совершившего преступление, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19. См.: Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В 2 т. Т. 2 : практ. пособие / под ред. В. М. Лебедева. 7-е изд.., перераб. и доп. М., 2016. С. 79.

«О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»[217], в котором рассматриваемый нами вопрос получил развернутое решение. Вместе с тем последнее не получило однозначной оценки у специалистов. Если, по мнению М. Б. Костровой, перечень лиц, образующих понятие лица, впервые совершившего преступление, в данном постановлении «предстал, наконец, в завершенном виде»[218], то, по мнению И. Э. Звечаровского, Пленум, назвав пять, по его собственному признанию, «частных» ситуаций, в которых раскрывается значение понятия лица, впервые совершившего преступление, так и не назвал общее правило, которым должен руководствоваться правоприменитель, применяя названную формулировку[219]. А.Г. Кибальник, отметив бесспорность двух оснований юридического признания преступления «совершенным впервые» (истечение сроков давности ответственности за ранее совершенное преступление и (или) аннулирование имевшейся судимости), позитивно оценил отнесение Пленумом к кругу впервые совершивших преступление еще четырех категорий лиц: а) совершивших одно или несколько преступлений, при отсутствии осуждения ни за одно из них; б) в отношении которых не вступил в законную силу приговор за ранее совершенное преступление; в) осужденных за деяния, впоследствии подвергшиеся декриминализации; г) ранее освобожденных от уголовной ответственности[220]. С. Н. Сабанин и Д. А. Гришин отметили, что, помимо случаев, перечисленных Пленумом при определении понятия лица, впервые совершившего преступление, следовало учесть еще и тот, который связан с положением ч. 2 ст. 86 УК РФ, согласно которому лицо, освобожденное от наказания, считается несудимым[221].

---

[217] БВС РФ. 2013. № 8.

[218] Кострова М. Б. Указ. соч. С. 76.

[219] Звечаровский И. Э. О чем не сказал Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 27 июня 2013 г. № 19 // Российский следователь. 2014. № 7. С. 37.

[220] Кибальник А. Понимание Пленумом Верховного Суда освобождения от уголовной ответственности // Уголовное право. 2014. № 1. С. 38.

[221] Сабанин С. Н., Гришин Д. А. Применение судом института деятельного раскаяния // Уголовное право. 2015. № 2. С. 54.

Оставляя пока без внимания приведенные суждения, обратимся к тексту постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19. Пункт 2 данного постановления гласит: «В статьях 75, 76 и 76.1 УК РФ впервые совершившим преступление следует считать, в частности, лицо:

а) совершившее одно или несколько преступлений (вне зависимости от квалификации их по одной статье, части статьи или нескольким статьям Уголовного кодекса Российской Федерации), ни за одно из которых оно ранее не было осуждено;

б) предыдущий приговор в отношении которого на момент совершения нового преступления не вступил в законную силу;

в) предыдущий приговор в отношении которого на момент совершения нового преступления вступил в законную силу, но ко времени его совершения имело место одно из обстоятельств, аннулирующих правовые последствия привлечения лица к уголовной ответственности (например, освобождение лица от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности исполнения предыдущего обвинительного приговора, снятие или погашение судимости);

г) предыдущий приговор, в отношении которого вступил в законную силу, но на момент судебного разбирательства устранена преступность деяния, за которое лицо было осуждено;

д) которое ранее было освобождено от уголовной ответственности»[222].

Прежде всего, следует отметить, что употребляемая Пленумом в начале п. 2 оговорка «в частности» действительно наводит на мысль о том, что приведенный перечень ситуаций, когда лицо может быть признано совершившим преступление впервые, не является исчерпывающим и может быть дополнен.

Далее, категории лиц, указанные в подп. «а», «б» п. 2 рассматриваемого постановления, перекликаются с теми, о которых шла речь в п. 20 постановления

[222] Воспроизводится в первоначальной редакции без учета изменений, внесенных Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 56 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // БВС РФ. 2017. № 1.

Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 и которые были продублированы позднее в п. 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1. Созвучна с ситуацией, приведенной в п. 26 последнего постановления («*когда судимости за ранее совершенные преступления сняты и погашены в установленном законом порядке*»), и та, которая называется в подп. «в» п. 2 постановления Пленума от 27 июня 2013 г., только ее описание здесь носит более казуистический характер. Не совсем верно, на наш взгляд, с логической точки зрения сформулировано и само положение в данном пункте. Согласно ему, впервые совершившим преступление следует считать лицо, «предыдущий приговор в отношении которого на момент совершения нового преступления вступил в законную силу, но ко времени его совершения имело место одно из обстоятельств, аннулирующих правовые последствия привлечения лица к уголовной ответственности (например, освобождение лица от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности исполнения предыдущего обвинительного приговора, снятие или погашение судимости»). Таким образом, перед нами лицо, имеющее судимость, ко времени совершения очередного преступления «утрачивает ее» (перестает быть судимым) в силу одного из «*обстоятельств, аннулирующих правовые последствия привлечения лица к уголовной ответственности».* Однако, как отмечалось ранее, судимость как *правовое последствие привлечения лица к уголовной ответственности,* и обстоятельства, в силу которых она погашается или снимается, – это разнопорядковые явления. Называя в числе обстоятельств, аннулирующих правовые последствия привлечения лица к уголовной ответственности, в качестве примера освобождение от отбывания наказания по ст. 83 УК РФ, не делая при этом ссылок на ч. 4 ст. 86 УК РФ, Пленум невольно побуждает правоприменителя признать другим таким примером и любой другой вид освобождения от отбывания наказания. И почему в качестве более яркого примера здесь не называется просто освобождение от наказания (ч. 2 ст. 86 УК РФ)?

В связи с положением, предусмотренным в подп. «г» п. 2 рассматриваемого постановления, возникает вопрос о том, почему Пленум Верховного Суда РФ,

обратив внимание на один вариант уголовно-правовых последствий декриминализации деяния – когда это произошло после вступления в силу обвинительного приговора суда, – не высказался по поводу уголовно-правовых последствий декриминализации до указанного момента? Согласно ч. 2 ст. 24 УПК РФ, «уголовное дело подлежит прекращению по основанию, предусмотренному пунктом 2 части 1 настоящей статьи, в случае, когда до вступления приговора в законную силу преступность и наказуемость этого деяния были устранены новым уголовным законом». В случае же, описываемом Пленумом, когда преступность и наказуемость деяния устраняются после вступления приговора в законную силу, применяется другой порядок – освобождение осужденного от наказания судом в рамках стадии исполнения приговора (п. 13 ст. 397 УПК). Таким образом, декриминализация деяния здесь влияет лишь на отбытие осужденным наказания и не влечет отмены вступившего в силу приговора суда[223]. Будучи освобожденным от наказания, такое лицо считается несудимым (ч. 2 ст. 86 УК РФ), но тогда эта ситуация полностью охватывается правилом, изложенным в предыдущем пункте (подп. «в»). Таким образом, Пленум не раскрыл полного значения декриминализации для решения вопроса о признании лица совершившим преступление впервые, не сказал он и о значении акта освобождения от наказания для решения этого же вопроса.

В подп. «д» п. 2 рассматриваемого постановления Пленума Верховного Суда РФ речь идет о лице, «которое ранее было освобождено от уголовной ответственности». Примечательно, что о данной категории лиц в связи с трактовкой понятия лица, впервые совершившего преступление, Пленум Верховного Суда РФ упомянул впервые, не считая ранее рассмотренного Обзора судебной практики 2005 г. Это упоминание можно объяснить только тематической направленностью постановления Пленума 27 июня 2013 г., поскольку при наличии положения, предусмотренного в подп. «а» п. 2, лица, освобожденные от уголовной ответственности, полностью охватываются лицами,

[223] Из практики прокурорского надзора по гражданским делам // Законность. 2013. № 3. С. 72-73.

совершившими одно или несколько преступлений (вне зависимости от квалификации их по одной статье, части статьи или нескольким статьям Уголовного кодекса Российской Федерации), ни за одно из которых они ранее не были осуждены. Примечательно и то, что, упоминая о лицах, ранее освобожденных от уголовной ответственности, Пленум Верховного Суда РФ ничего не сказал при этом о реабилитирующих или нереабилитирующих обстоятельствах (основаниях). Данный вопрос заслуживает самостоятельного рассмотрения, однако несколько суждений в этой связи мы выскажем.

Как отмечается в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19, освобождение от уголовной ответственности является отказом государства от ее реализации в отношении лица, совершившего преступление (в частности, от осуждения и наказания такого лица). Поэтому освобождение от уголовной ответственности за преступление может иметь место только по нереабилитирующим основаниям, реабилитация же может являться следствием, как правило, изначально непреступных деяний (ст. 133, 134 УПК РФ)[224]. Таким образом, если не отождествлять понятия исключения уголовной ответственности и освобождения от уголовной ответственности, то основания последнего всегда являются нереабилитирующими и обозначать такие основания в этом качестве, как это порой делается в литературе[225], нет никакой необходимости. Вместе с тем вполне уместно говорить о реабилитирующих и нереабилитирующих основаниях прекращения уголовного дела и уголовного преследования[226].

---

[224] Эта оговорка обусловлена тем, что УПК РФ предусматривает ряд реабилитирующих оснований прекращения уголовного дела (уголовного преследования), которые непосредственно не связаны с выводом о невиновности лица, об отсутствии в деянии состава преступления или события преступления (п. 2 ч. 2 ст. 133 УПК РФ).

[225] См., напр.: Скрипченко Н. Ю. Судебный штраф: проблемы реализации законодательных новелл // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 112 ; Кудрявцев А. В., Сутягин К. И. Судебный штраф // Уголовное право. 2016. № 6. С. 105 ; Крылова Н. Е. Гуманизация уголовного законодательства продолжается? // Анализ проектов федеральных законов, одобренных Пленумом Верховного Суда РФ 31 июля 2015 г. // Закон. 2015. № 8. С. 96.

[226] См. об этом, напр.: Виноградова О. Б. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования: вопросы теории и практики // Новый юридический журнал. 2013. № 4. С. 46-53 ;

Подводя итог анализу трактовки понятия лица, впервые совершившего преступление, предложенной в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19, можно сделать вывод о том, что ключевым в данной трактовке выступает факт *наличия или отсутствия судимости на момент решения вопроса о признании лица таковым*. Поэтому нет никакой надобности дополнять это общее правило подтверждающими его частностями. Именно так рационально поступил Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности»[227], сформулировав свое определение понятия лица, впервые совершившего преступление, для ст. 76^1 УК РФ: для целей этой статьи *«лицо признается впервые совершившим преступление, если оно не имеет неснятую или непогашенную судимость за преступление, предусмотренное той же статьей, от ответственности по которой оно освобождается».* Отсюда можно сделать вывод: если лицо имеет непогашенную или неснятую судимость по любой другой статье (части статьи) УК РФ, то при наличии к тому оснований оно может претендовать на освобождение его от уголовной ответственности по ст. 76^1 УК РФ, несмотря на то, что общему определению понятия лица, впервые совершившего преступление (данному в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19), такое правило противоречит.

Изложенная позиция логично нашла свое подтверждение и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2019 г. № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления», в п. 24 которого сказано: «Вопрос о наличии указанных в статье 76^1 УК РФ оснований для освобождения от уголовной ответственности лиц, обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных статьями 198–199^1 УК РФ, должен разрешаться

Артамонов А. Н. Прекращение уголовного дела (уголовного преследования) по нереабилитующим основаниям // Законодательство и практика. 2015. № 2. С. 71-78.

[227] БВС РФ. 2017. № 1.

судом с учетом примечаний к этим статьям. Исходя из этого, судам следует иметь в виду, что лицо признается впервые совершившим налоговое преступление, если оно не имеет неснятую или непогашенную судимость за преступление, предусмотренное той же статьей, от ответственности по которой оно освобождается»[228].

Логика авторов рассматриваемых разъяснений Пленума Верховного Суда РФ понятна: она направлена на расширение практики освобождения от уголовной ответственности, в частности, за налоговые преступления в случае деятельного раскаяния в них, и в свете этих постановлений правоприменитель может «закрыть глаза» на то, что лица, в юридическом понимании впервые совершившие такие преступления, являются юридически судимыми за другие – неналоговые преступления. Неясно только, почему лицо, имеющее неснятую или непогашенную судимость по ст. 199^2 УК РФ (устанавливающей уголовную ответственность также за налоговое преступление), при совершении одного из преступлений, предусмотренных ст. 198–199^1 УК РФ, может претендовать на освобождение от уголовной ответственности согласно примечаниям к этим статьям?

Верховный Суд РФ стабильно поддерживает повышенное внимание законодателя в последние годы к институту освобождения от уголовной ответственности. Это проявилось, в частности, в том, что и применительно к ст. 76^2 УК РФ Пленум предпринял попытку назвать особые правила применения. В постановлении от 29 ноября 2016 г. № 56 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» Пленум разъяснил: «Исходя из положений статьи 76.2 УК РФ освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа возможно при наличии указанных в ней условий: лицо впервые совершило преступление небольшой или средней тяжести, возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред. *Совершение* таким *лицом*

[228] БВС РФ. 2019. № 11.

впервые нескольких преступлений небольшой и (или) средней тяжести не препятствует освобождению его от уголовной ответственности на основании статьи 76.2 УК РФ» (подп. 12 п. 1) (курсив наш. – *Д. П.*).

Оригинальность данного разъяснения можно усмотреть только в том, что оно сделано в форме постановления Пленума Верховного Суда РФ и применительно к одному из видов освобождения от уголовной ответственности. По конкретным уголовным делам Верховный Суд РФ и ранее не видел препятствий считать лицо впервые совершившим преступление, когда фактически оно совершало не одно, а несколько преступлений. Правда, при этом речь шла не об освобождении от уголовной ответственности, а о назначении наказания и применении положений ч. 1 ст. 56 УК РФ[229]. Такой позиции Верховный Суд придерживался даже в том случае, когда в совокупности преступлений было одно преступление небольшой тяжести, а все остальные – особо тяжкие[230].

Новое разъяснение Пленума Верховного Суда РФ, очевидно, следует понимать так, что совокупность преступлений небольшой и (или) средней тяжести не является препятствием для освобождения от уголовной ответственности по ст. 76^2 УК РФ лишь за то преступление, по которому возмещен ущерб или иным образом заглажен причиненный преступлением вред. Представляется, однако, что и без разъяснения Пленума Верховного Суда РФ уголовный закон не предусматривал иного правила, поскольку *во всех случаях освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных в УК РФ, такое освобождение, основание и условия его применения всегда увязываются с конкретным преступлением, независимо от того, единично оно или совершено в рамках той или иной формы множественности преступлений.*

Таким образом, с принятием постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 56 в рамках действия только одного института уголовного

---

[229] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16.03.2012 № 5-Д12-16. Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[230] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17.04.2014 № 49-О14-4. Документ опубликован не был Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

права – освобождения от уголовной ответственности – мы имеем три формально различные трактовки понятия лица, впервые совершившего преступление: первая касается применения ст. 75, 76 УК РФ, вторая – ст. 76^1 УК РФ, третья – ст. 76^2 УК РФ. С учетом высказанной выше оценки правил применения ст. 76^2 УК РФ, предложенных Пленумом Верховного Суда РФ[231], содержательно отличными являются все-таки первые две трактовки. Согласно первой из них, имеющей общее значение для института освобождения от уголовной ответственности (ч. 1 ст. 75, ч. 2 ст. 75 и поощрительные примечания к статьям (частям статей) Особенной части УК РФ, ст. 76 УК РФ), *лицо признается совершившим преступление впервые, если ранее оно не совершало преступления либо хотя и совершало, но было освобождено от уголовной ответственности за него или, будучи осужденным за него, не является судимым на момент такого признания.* Согласно второй трактовке, имеющей значение для ст. 76^1 УК РФ, *лицо признается совершившим преступление впервые, если ранее оно не совершало преступления либо хотя и совершало, но не является судимым за преступление, предусмотренное статьей (частью статьи), от ответственности по которой оно освобождается.*

Подчеркнем, что данные определения, а точнее первое из них как основное, могут быть детализированы лишь для удобства правоприменения. В этой связи, сохраняя незыблемым фактическое значение понятия лица, впервые совершившего преступление, в части юридического (уголовно-правового) его толкования можно говорить о лицах, ранее совершивших преступление, но:

а) освобожденных от уголовной ответственности и наказания;

б) в отношении которых приговор не вступил в законную силу, а вступивший в законную силу приговор не был исполнен по основаниям, предусмотренным в законе;

---

[231] См. также: Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ) : утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 10 июля 2019 г. Документ опубликован не был.

в) в отношении которых судимости сняты или погашены в установленном законом порядке;

г) преступность и наказуемость деяний которых была устранена.

Так или иначе, но в приведенных выше трактовках определяющим для признания лица впервые совершившим преступление в юридическом (уголовно-правовом смысле) выступает факт *наличия или отсутствия судимости на момент решения вопроса о признании лица таковым*. К слову сказать, и на практике освобождение от уголовной ответственности по рассматриваемым основаниям нередко происходит со ссылкой не на факт совершения преступления впервые, а на отсутствие судимости. Из 52 изученных нами судебных решений о прекращении уголовного дела по ст. 75, 76 УК РФ (ст. 25, 28 УПК РФ) в 19 присутствовала ссылка на данное обстоятельство[232].

Так, прекращая уголовное дело по ст. 28 УПК РФ, судья мотивировал свое решение следующим образом: «Ильгов К. А. не имеет судимости, совершил преступление небольшой тяжести, вину признал, после совершения преступления добровольно явился с повинной, активно способствовал раскрытию и расследованию преступления, возместил ущерб потерпевшей, вследствие деятельного раскаяния перестал быть общественно опасным»[233]. В другом подобном постановлении о прекращении уголовного дела в этой связи приведено следующее обоснование: «Подсудимый Майоров С. С. ранее не судим, способствовал раскрытию преступления, ущерб от преступления не причинен, вину признал, в содеянном раскаялся, вследствие чего перестал быть общественно опасным»[234]. Прекращая уголовное дело по ст. 25 УПК РФ и ст.76 УК РФ, мировой судья отмечал: «Сафин Р. И. ранее не судим (…), по месту жительства охарактеризован удовлетворительно (...), на учете у нарколога и психиатра не состоит (…), впервые совершил преступление небольшой тяжести, примирился с

[232] URL: https://rospravosudie.com/law/Статья 75 УК РФ (дата обращения: 12.02 2023).
[233] Архив Тамбовского областного суда. Уголовное дело № 1-30/2018.
[234] Архив Калининградского областного суда. Уголовное дело № 1-44/2018.

потерпевшим, раскаялся в содеянном (…), загладил причиненный ему вред, что установлено из пояснений, заявления потерпевшего (…)»[235].

В решении проблемы юридического толкования понятия лица, впервые совершившего преступление, как бы в тени всегда оставался и остается вопрос о сфере, или, как говорит М. Б. Кострова, «о тематической направленности» данного понятия. Высшая судебная инстанция страны, давая трактовку этого понятия в форме постановления Пленума в 2011 г. применительно к назначению наказания несовершеннолетних, а в 2013 и 2016 гг. – к освобождению от уголовной ответственности и его отдельным видам, как бы не замечает того, что оно (это понятие) употребляется при регламентации в законе и других институтов уголовного права, применение которых также требует какого-то единообразия в понимании. Более того, Пленум Верховного Суда РФ считает возможным прямо рекомендовать руководствоваться данными разъяснениями и при применении других институтов уголовного права. Например, такая рекомендация содержится в п. 35^2 постановления о судебной практике по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств: «Для определения лица как впервые совершившего преступление, указанное в части 1 статьи 82.1 УК РФ, следует учитывать положения пункта 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 года № 19 “О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности”»[236].

Ради справедливости следует отметить, что однажды вопрос о сфере применения «судебной» трактовки понятия лица, впервые совершившего преступление, попал в поле зрения Верховного Суда РФ. Так, на вопрос, поступивший из судов в связи с применением некоторых федеральных законов, принятых в 2011 г., «Будет ли лицо, освобожденное от уголовной ответственности

---

[235] Архив Курганского областного суда. Уголовное дело № 1-30/2018.

[236] О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 : ред. от 16 мая 2017 г. // БВС РФ. 2006. № 8.

согласно ст. 76.1 УК РФ, при совершении нового аналогичного преступления считаться совершившим преступление впервые?» Верховный Суд РФ ответил: «Да, это общее правило. Лицо будет считаться совершившим преступление впервые, т. к. это правило распространяется на весь институт освобождения от уголовной ответственности и исключений не имеется»[237]. Перед нами ситуация, когда правилу, имеющему частное значение, придается значение общего характера, распространяемое на весь институт, в данном случае – освобождения от уголовной ответственности. Однако при этом без ответа остается другой уже давно назревший вопрос: можно ли разъяснениями Верховного Суда РФ, даваемыми в рамках применения одних институтов, руководствоваться при применении других институтов уголовного права без специальной рекомендации по этому поводу?

Напомним, что на сегодняшний день понятие лица, впервые совершившего преступление, присутствует в ч. 1 ст. 53^1, ч. 1 ст. 56, п. «а» ч. 1 ст. 61, ч. 1 ст. 75, ст. 76, ч. 1, 2 ст. 76^1, ст. 76^2, 80^1, ч. 6 ст. 88, примечаниях к ст. 127^1, 145^1, 195, 198, 199, 199^1, 199^3, 199^4, 205^5, 208, 282^1, 282^2, 282^3, 337, 338 УК РФ. Таким образом, рассматриваемое понятие определяет действие:

– *института освобождения от уголовной ответственности* (ч. 1 ст. 75, ст. 76, ч. 1, 2 ст. 76^1, ст. 76^2, примечания к ст. 127^1, 145^1, 195, 198, 199, 199.1, 199^3, 199^4, 205^5, 208, 282^1, 282^2, 282^3, 337, 338 УК РФ);

– *института назначения наказания* (ч. 1 ст. 56, п. «а» ч. 1 ст. 61, ч. 6 ст. 88 УК РФ);

– *института замены наказания на более мягкий вид* (ч. 1 ст. 53^1 УК РФ);

– *освобождения от наказания* (ст. 80^1 УК РФ).

Учитывая, что приведенные выше суждения об определении в правоприменении понятия лица, впервые совершившего преступление, касались в

---

[237] См.: Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению Федеральных законов от 7 марта 2011 года «26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 июня 2012 г. // БВС РФ. 2012. № 11.

основном института освобождения от уголовной ответственности, попытаемся ответить на вопрос о том, в каком значении названное условие трактовалось и трактовалось ли вообще в рамках применения трех последних институтов уголовного права?

Говоря о значении факта совершения преступления впервые в рамках применения *института назначения наказания,* заметим, что по-прежнему действующим остается постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 (ред. от 29.11.2016) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», в котором, хотя и в отношении только несовершеннолетних, и в рамках применения к ним наказания только в виде лишения свободы (ч. 6 ст. 86 УК РФ) предусмотрена редакционно отличная от каждой из названных ранее трактовок формулировка понятия лица, впервые совершившего преступление: *«Впервые совершившим преступление небольшой или средней тяжести следует считать лицо, совершившее одно или несколько преступлений, ни за одно из которых оно ранее не было осуждено, либо когда предыдущий приговор в отношении его не вступил в законную силу или судимости за ранее совершенные преступления сняты и погашены в установленном законом порядке»*[238]. Как представляется, по своей сути эта формулировка содержательно ничем не отличается от ранее рассмотренных, поскольку и в ней определяющим для признания лица впервые совершившим преступление в юридическом (уголовно-правовом смысле) выступает факт *наличия или отсутствия судимости на момент решения вопроса о признании лица таковым*. Вместе с тем следует отметить, что вопрос о возможности использования приведенной трактовки понятия лица, впервые совершившего преступление, в других случаях, предусмотренных уголовным законом, связанных с упоминанием о таком лице применительно к стадии назначения наказания (ч. 1 ст. 56, п. «а» ч. 1 ст. 61 УК РФ), остался открытым.

[238] БВС РФ. 2011. № 4 ; 2017. № 1.

Рассматривая значение факта совершения преступления впервые применительно к стадии назначения наказания, следует обратить внимание еще на одно обстоятельство. Как известно, учет личности виновного в совокупности с обстоятельствами, смягчающими и отягчающими наказание, выступает одним из общих требований (общих начал), которыми суд обязан руководствоваться при назначении наказания (ч. 3 ст. 60 УК РФ). Также известно, что закон не определяет даже примерный круг обстоятельств, характеризующих такую личность, а смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства, как справедливо замечает Т. В. Непомнящая, не исчерпывают такую характеристику[239]. В этой связи показателен тот факт, что при постоянной актуализации перед судами требования об учете данных, характеризующих виновного, Пленум Верховного Суда РФ, предлагая в своих постановлениях примерный перечень таких данных (наличие или отсутствие у подсудимого инвалидности, наличие государственных или ведомственных наград, почетных, воинских и иных званий, данных о прежних судимостях; данные о семейном и имущественном положении совершившего преступление лица, состоянии его здоровья, поведении в быту, наличии у него на иждивении несовершеннолетних детей, иных нетрудоспособных лиц (супруги, родителей, других близких родственников) и т. п.), ни разу не назвал среди них такое обстоятельство, как совершение преступления в первый раз[240]. Между тем последнее, по нашему мнению, как никакое другое, характеризует личность виновного и должно приниматься во внимание при избрании вида и меры уголовного наказания, порядка его исполнения. Приведенную позицию Верховного Суда РФ, скорее всего, можно объяснить тем, что при указании на кратность преступлений со стороны одного и того же лица в вводной части приговора необходимо будет

[239] Непомнящая Т. В. Назначение уголовного наказания: теория, практика, перспективы. СПб., 2006. С. 56-57.

[240] См., напр.: О судебном приговоре : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. № 1 // БВС РФ. 1996. № 7 ; О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 // БВС РФ. 2016. № 2 ; 2019. № 2 ; О судебном приговоре : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 // БВС РФ. 2017. № 1.

указывать на впервые совершенное им преступление не только в фактическом значении этого понятия, но и в юридическом его понимании, а также указывать на снятые или погашенные судимости, что, конечно же, не соответствует судебной трактовке понятия лица, впервые совершившего преступление, и уголовно-правовому значению судимости.

Обратив внимание на приведенную нами ситуацию, М. Н. Становский в свое время предложил ее решение, не лишенное, как представляется, противоречия. По мнению автора, погашенная или снятая судимость не может учитываться в качестве обстоятельства, влияющего на вид и размер наказания, однако в качестве характеристики виновного она должна иметь определенное значение. В противном случае цели уголовного наказания будут труднодостижимы[241]. На наш взгляд, а мы исходим из содержания уголовного закона, погашенная или снятая судимость и «до», и «после» изменения редакции ст. 86 УК РФ не имела и не имеет уголовно-правового значения. Может ли и должен ли суд, назначая наказание в соответствии с принципами законности, справедливости и гуманизма (в значении, определенном в ч. 1 ст. 7 УК РФ), игнорировать при оценке личности виновного наличие у него в прошлом нескольких судимостей, безразличных в настоящее время для уголовного закона? На наш взгляд, вряд ли, потому что всесторонняя оценка и такого рода обстоятельств формирует представление о личности виновного, хотя, например, А. В. Гриненко категоричен в обратном: «Суд ни в тексте приговора, ни при формировании внутреннего убеждения не должен принимать снятую или погашенную судимость во внимание»[242].

Более реально подошел к разрешению рассматриваемого противоречия Л. Л. Кругликов, когда признал, что судимость является не менее (а, пожалуй, даже более) важным показателем общественной опасности личности, чем совершение в прошлом преступления, поскольку за ней скрывается не просто

---

[241] Становский М. Н. Назначение наказания. СПб., 1999. С. 166-167.

[242] Гриненко А. В. Приговор суда первой инстанции как итоговый акт уголовного судопроизводства // Российский судья. 2017. № 1. С. 30-31.

прежняя преступная деятельность, но и применение к лицу мер уголовно-правового воздействия, оказавшихся неэффективными, что свидетельствует о необходимости усиления наказания за вновь совершенное преступление. Вместе с тем автор, предварительно отметив, что соответствующие положения закона в этом случае применяются в режиме усмотрения, подчеркнул: погашение или снятие судимости исключает для суда возможность усилить наказание лишь со ссылкой на прежнюю судимость[243]. Представляется, что в рамках действующего уголовного законодательства *усилить наказание со ссылкой на* прежнюю *снятую или погашенную судимость* нельзя ни при каких обстоятельствах. Вряд ли реализуемо в этой связи и в целом разумное предложение И. Г. Возжанниковой о том, чтобы дополнить постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» пунктом следующего содержания: «Если подсудимый ранее привлекался к уголовной ответственности, то это обстоятельство принимается во внимание судом в качестве характеристики личности виновного при назначении наказания или выборе иных мер уголовно-правового характера»[244]. Это противоречит действующему уголовному законодательству. Созвучно этому и уже упомянутое выше разъяснение Пленума Верховного Суда РФ, в преамбуле которого отмечается, что, руководствуясь положениями ч. 6 ст. 86 УК РФ, «суды не должны учитывать в качестве отрицательно характеризующих личность подсудимого данные, свидетельствующие о наличии у него погашенных или снятых в установленном порядке судимостей». Но повторим еще раз: кто или что помешает суду принять во внимание данное обстоятельство при назначении наказания, не отражая его в приговоре? Изученная нами практика назначения наказания свидетельствует об отсутствии для этого каких-либо препятствий, тем более что зачастую в приговорах если и отражается кратность преступлений, то лишь в той ее части, которая связана с непогашенной или неснятой судимостью,

[243] Кругликов Л. Л. Проблемы теории уголовного права: Избранные статьи. 1982-1999 гг. Ярославль,1999. С. 57, 61.

[244] Возжанникова И. Г. Указ. соч. С. 14-15.

вся иная информация скрывается обычно за формулировками «данные, характеризующие личность подсудимого (подсудимой)»[245].

В рамках многообразных проявлений *института замены наказания* на более мягкий или более строгий вид (предусмотренных, в частности, ч. 5 ст. 46, ч. 3 ст. 49, ч. 4 ст. 50, ч. 5 ст. 53, ч. 1, 6 ст. 53^1, ст. 80 УК РФ) условие совершения преступления впервые определяет только одно такое проявление, предусмотренное ч. 1 ст. 53^1 УК РФ. Принимая во внимание, что наказание в виде принудительных работ применяется только с 1 января 2017 г., говорить о какой-то стабильной сформировавшейся практике учета интересующего нас обстоятельства, наверное, преждевременно, учитывая к тому же отсутствие до настоящего времени надлежащих условий для исполнения этого вида наказания[246]. Приведем лишь следующие данные, обнародованные Судебным департаментом при Верховном Суде РФ. По итогам первого полугодия 2017 г. из 333 057 осужденных принудительные работы как вид уголовного наказания были применены только к 169 осужденным. Показательны, однако, данные, характеризующие количество осужденных, к которым могла быть применена эта мера: число осужденных к лишению свободы на срок не более пяти лет за преступление небольшой тяжести составило **17 792** (общее количество – 18194), фактически ст. 53^1 УК РФ применена всего лишь к **82** осужденным; по преступлениям средней тяжести эти показатели составили **24 594** (25242), **40**. Из 35 930 осужденных за тяжкое преступление к наказанию в виде лишения свободы 33 018 осуждены на срок не более пяти лет. Если учесть, что из общего количества осужденных по данной категории преступления (72 544) только около 30% имели неснятую или непогашенную судимость, то можно предположить, что как минимум половина осужденных за тяжкое преступление к наказанию в виде лишения свободы на срок до пяти лет, то есть около **30** тыс., могли претендовать

---

[245] Судебная практика по уголовным делам // Решения судов, основанные на применении нормы статьи 158 Уголовного кодекса Российской Федерации (ст.158 УК РФ) судами России. URL: https://sudact.ru/practice/po-krazham/?page=10 (дата обращения: 06.09.2019).

[246] На создание таких условий, в частности, был направлен Федеральный закон от 18 июля 2019 г. № 179-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 29 (Ч.I). Ст. 3846.

на замену лишения свободы принудительными работами, фактически же такая замена состоялась в отношении лишь **127** осужденных.

В целом по итогам 2017 г. при общем количестве осужденных в **697 174** человека к наказанию в виде принудительных работ были осуждены **523** (0,08%), что является самым низким показателем среди наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, примененных в качестве основного вида наказания. Отметим, что количество осужденных, отвечающих требованиям ч. 1 ст. 53^1 (без учета ограничений, предусмотренных ч. 7 этой статьи УК РФ), только по преступлениям небольшой и средней тяжести составило **89 817** осужденных (12,9%).

По итогам 2018 г. на назначение принудительных работ в порядке замены лишения свободы по нашим подсчетам могли претендовать около **35 тыс.** осужденных за тяжкое преступление впервые, фактически же такая замена состоялась в отношении лишь **194** осужденных (19% от общего числа осужденных к этому виду наказания). В 2019 г. при общем количестве осужденных к этому виду наказания в порядке ч. 2 ст. 53^1 УК РФ в **1 462** лица **259** (18%) из них – это лица, осужденные за тяжкие преступления. По итогам 2020 г. эти показатели составили **947** и **162** (17%) соответственно, а на конец 2022 г. – **3 139** и **440** (14%). В 2023 г. ситуация с назначением данного вида наказания заметно изменилась: всего было осуждено к принудительным работам **15 342** лица, из них **2 263** – это лица, совершившие тяжкие преступления (14,75%)[247].

При отсутствии разъяснений Верховного Суда РФ законодательной трактовки «совершение тяжкого преступления впервые» в рамках ч. 2 ст. 53^1 УК РФ показателен такой пример: Президиум Забайкальского краевого суда не увидел оснований для замены Б. наказания в виде лишения свободы за тяжкое

[247] Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания // Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2023 год. URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 06.09.2024).

преступление на принудительные работы в связи с тем, что Б. «ранее судим»[248]. Однако в ч. 1 ст. 53^1 УК РФ данное обстоятельство вообще не предусмотрено, и единственным препятствием для такой замены может выступать лишь тот факт, что Б. ранее совершал тяжкое преступление. По крайней мере, говоря о судимости Б., суду следовало указать, за преступление какой категории тяжести Б. был осужден ранее, не снята ли и не погашена эта судимость.

При крайне редком применении на практике *института освобождения от наказания* в связи с изменением обстановки (ст. 80^1 УК РФ) предусмотренное законом одно из условий такого освобождения – совершение преступления небольшой или средней тяжести впервые – определяется на практике формулировками «ранее к уголовной ответственности не привлекался», «привлекается к уголовной ответственности впервые»[249]. Однако очевидно, что в свете предлагаемого Верховным Судом РФ юридического (уголовно-правового) понимания лица, впервые совершившего преступление, не будет препятствием для применения данного вида освобождения от наказания, например, факт привлечения к уголовной ответственности с последующим освобождением от нее, осуждение лица с последующим погашением либо снятием судимости.

Так или иначе, но на сегодняшний день при отсутствии в уголовном законе определения понятия лица, впервые совершившего преступление, органы, применяющие уголовный закон, безоговорочно руководствуются судебной трактовкой этого понятия, суть которого такова: *лицо признается совершившим преступление впервые, если ранее оно не совершало преступления, либо хотя и совершало, но не является судимым на момент такого признания*[250]. Можно ли

---

[248] Постановление Президиума Забайкальского краевого суда от 26 января 2017 г. № 44у-16/2017. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

[249] Определение Верховного Суда РФ от 29 марта 2007 г. по делу № 21-007-2 ; Постановление Президиума Курганского областного суда от 28 марта 2016 г. № 44У-21/2016. Документы опубликованы не были. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

[250] В этой связи диссонансом звучит один из комментариев ст. 75 УК РФ, согласно которому «данная норма распространяется только на лицо, совершившее одно или несколько преступлений впервые, ни за одно из которых оно ранее не было осуждено либо когда ранее

упрекать Верховный Суд РФ в том, что такая трактовка лица, впервые совершившего преступление, противоречит уголовному закону? Наверное, нет, так как последний вообще не регламентирует данный вопрос. По этой же причине нельзя говорить и о расширительном толковании уголовного закона. Включая в содержание юридической трактовки понятия лица, впервые совершившего преступление, лиц, которые ранее вообще не совершали преступления, и лиц, которые, совершив преступление, имеют уголовно-правовой статус лиц, его не совершавших, в силу положений ст. 86 УК РФ, формально мы ничего не нарушаем. *Перед нами вопрос целесообразности широкого понимания лица, впервые совершившего преступление.* И проблема состоит лишь в том, что такая «целесообразность», во-первых, вступает в противоречие со ст. 86 УК РФ, когда предусматривает особую трактовку судимости применительно к ст. 76^1 УК РФ[251] и, во-вторых, распространяется Верховным Судом РФ только на институт освобождения от уголовной ответственности и всего лишь на назначение наказания в виде лишения свободы несовершеннолетним. Тем самым, применяя другие нормы и институты уголовного права, действие которых обусловлено рассматриваемым условием, правоприменитель, по-видимому, имеет право трактовать понятие лица, впервые совершившего преступление, иначе, чем это делает Верховный Суд РФ, например, только в значении лица, совершившего преступление в первый раз в жизни. Будет ли он это делать, имея в виду авторитет судебной власти и ситуацию, при которой в процедуре уголовно-правовой оценки содеянного так или иначе «все дороги ведут в суд»? Вопрос, на наш взгляд, риторический. Хотя сами судьи, правда, под другим предлогом такую возможность не исключают. Так, по мнению А. А. Тришевой, судьи Верховного Суда РФ в отставке, лицо, освобожденное однажды от уголовной

совершенные им деяния не влекут правовых последствий». См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г. А. Есакова. М., 2017.

[251] По справедливому замечанию И. С. Алихаджиевой, высказанному в свое время по поводу п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2, таким образом, мы имеем два понятия: «лицо, впервые совершившее преступление» и «лицо, впервые совершившее конкретное преступление». См.: О соотношении категорий «судимость» и «лицо, впервые совершившее преступление»: Теория и судебная практика (на примере статей 240-241 УК РФ) // Современное право. 2010. № 2. С. 105.

ответственности, в случае совершения нового преступления независимо от времени, прошедшего после освобождения от ответственности за первое преступление, вполне может быть не признано впервые совершившим преступление с учетом предусмотренного законом усмотрения суда, а, соответственно, суд вправе не освобождать такое лицо от уголовной ответственности[252]. Однако в свете существующих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ такое решение суда необходимо специально аргументировать и, чего, как это ни странно, не требует Пленум в ситуации, когда, например, лицо одновременно осуждается за совершение преступления небольшой и средней тяжести, несколько преступлений небольшой тяжести или несколько преступлений средней тяжести, ни за одно из которых оно не было осуждено. В этой связи решение в литературе предлагается вполне ожидаемое, хотя и не лишенное абсурда: «Следует признать, что оно впервые совершило преступление, и, если это лицо перестало быть общественно опасным или преступление утратило общественную опасность, такое лицо должно быть освобождено от наказания в связи с изменением обстановки»[253].

Существующая судебная трактовка понятия лица, впервые совершившего преступление, вызывает сомнение и содержательного свойства. Насколько состоятельно с точки зрения именно уголовного закона в решении данного вопроса ориентироваться лишь на одно из двух обстоятельств, влияющих на восстановление уголовного правового статуса лица, совершившего преступление, – на наличие или отсутствие судимости? Равнозначным в этом смысле акту погашения или снятия судимости является акт освобождения от уголовной ответственности. И, по-видимому, не случайно в этой связи в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 категория лиц, совершивших преступление, но освобожденных от уголовной ответственности, выделялась самостоятельно (подп. «д» п. 2). Непонятно, однако, зачем это

---

[252] Тришева А. А. Освобождение от уголовной ответственности: Комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ // Уголовный процесс. 2013. № 8. С.15.

[253] Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. А. В. Бриллиантова. М. : Проспект, 2015.

делалось, если здесь же выделялась и другая самостоятельная категория лиц, признаваемых совершившими преступление впервые: «совершившими одно или несколько преступлений (вне зависимости от квалификации их по одной статье, части статьи или нескольким статьям Уголовного кодекса Российской Федерации), ни за одно из которых они ранее не были осуждены» (подп. «а» п. 2)? Очевидно, в число последних могли входить лица, совершившие преступление, как освобожденные, так и не освобожденные от уголовной ответственности.

Вместе с тем еще раз подчеркнем, что Верховный Суд РФ и к уголовно-правовому значению судимости в вопросах освобождения от уголовной ответственности относится избирательно. Так, согласно разъяснению Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2022 г. № 39 «О судебной практике по уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (статья 157 Уголовного кодекса Российской Федерации)», освобождению от уголовной ответственности в соответствии с п. 3 примечания к ст. 157 УК РФ, в отличие от освобождения от уголовной ответственности по иным нереабилитирующим основаниям, не препятствует то обстоятельство, что лицо имеет неснятую или непогашенную судимость за другое преступление» (п. 12)[254]. Однако, на наш взгляд, судимость не препятствует освобождению от уголовной ответственности во всех случаях, предусмотренных уголовным законом, когда отсутствует оговорка о лице, совершившем преступление впервые. Так, согласно п. 1 примечания к ст. 222 УК РФ, лицо, добровольно сдавшее предметы, указанные в данной статье, должно освобождаться от уголовной ответственности по этой статье даже при наличии судимости, например, за кражу чужого имущества.

При сопоставлении уголовно-правового значения актов погашения или снятия судимости с актами безусловного освобождения от уголовной ответственности не следует упускать из вида тот факт, что за «судебным» определением понятия лица, впервые совершившего преступление, порой скрывается точечная привязка данного понятия в уголовном законе. И это

[254] БВС РФ. 2023. № 3.

обстоятельство не учитывается в таком определении. Например, буквальное толкование первого примечания к ст. 127^1 УК РФ приводит к выводу о том, что оно распространяется на любое «лицо, впервые совершившее деяния, предусмотренные частью первой или пунктом «а» части второй настоящей статьи, добровольно освободившее потерпевшего и способствовавшее раскрытию совершенного преступления…», в том числе и то, которое совершило до этого преступления, не предусмотренные ст. 127^1 УК РФ, в том числе вне зависимости от наличия или отсутствия судимости за них. Поэтому вряд ли для таких ситуаций сохраняет свое значение разъяснение Пленума Верховного Суда РФ от 7 июня 2022 № 14 «О практике применения судами при рассмотрении уголовных дел законодательства, регламентирующего исчисление срока погашения и порядок снятия судимости» о том, что «наличие у лица на момент совершения нового преступления не погашенной или не снятой в установленном порядке судимости может… препятствовать освобождению лица от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям…» (п. 1)[255].

И еще на одно обстоятельство в судебной трактовке понятия лица, впервые совершившего преступление, в связи с изложенным выше нельзя не обратить внимание. При отсутствии в законе определения общего понятия такого лица, оно (это понятие) всегда употребляется в нем применительно либо к конкретным категориям преступлений (ч. 1 ст. 53^1, ч. 1 ст. 56, п. «а» ч. 1 ст. 61, ч. 1 ст. 75, ст. 76, ст. 76^2, 80^1, ч. 6 ст. 88 УК РФ), либо к конкретным преступлениям (ст. 76^1, примечания к ст. 195, 198, 199, 199^1, 199^3, 199^4, 205^5, 208, 282^1, 282^2, 282^3, 337, 338 УК РФ), либо к конкретным составам преступлений (ст. 127^1, 145^1 УК РФ).

Между тем высшая судебная инстанция страны, решая этот вопрос, обычно не придает значения данному обстоятельству и в определяющей части своих трактовок лица, впервые совершившего преступление, «теряет» указание на категории преступлений.

Так, в ч. 6 ст. 88 УК РФ речь идет о *«несовершеннолетнем осужденном, совершившем… преступление небольшой или средней тяжести впервые…*

[255] БВС РФ. 2022. № 8.

несовершеннолетних осужденных, совершивших преступления небольшой тяжести впервые». В ранее названных постановлениях Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. (п. 20), от 1 февраля 2011 г. (п. 26) акценты в этой связи расставляются иначе: «*впервые совершившим преступление небольшой или средней тяжести* следует считать *лицо, совершившее одно или несколько преступлений*…»[256]. О преступлениях каких категорий в последнем случае говорит Верховный Суд РФ? И почему бы в этом случае прямо не сказать: «названных категорий», чтобы исключить другое понимание указанных разъяснений: в смысле «преступлений любой категории тяжести». А такая позиция встречается не только в специальной литературе[257], но и в решениях высшей судебной инстанции страны[258].

Еще более заметно отсутствие указания на категории преступлений в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ понятия лица, впервые совершившего преступление, применительно к институту освобождения от уголовной ответственности. В то время как в ч. 1 ст. 75, ст. 76, 76^2 УК РФ речь идет о *«лице, впервые совершившем преступление небольшой или средней тяжести»,* в ранее названном постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. (п. 2) о категориях преступлений вообще не упоминается и речь идет о «впервые совершившим преступление» лице в различных ситуациях, регламентированных уголовным законом. В этой связи уместен вопрос: может ли претендовать на освобождение от уголовной ответственности по ч. 1 ст. 75 УК РФ лицо, совершившее сначала тяжкое преступление, а затем преступление, например, небольшой тяжести и деятельно раскаявшееся в последнем? На наш

---

[256] БВС РФ. 2007. № 4 ; 2011. № 4 ; 2017. № 1.

[257] См., напр.: Сверчков В. В. Освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела (преследования), отказ в его возбуждении: проблемы теории и практики. СПб., 2008. С. 99. Хотя в этой же работе позднее автор признает, что буквальное толкование ст. 75, 76 УК РФ «свидетельствует, что закон допускает освобождение от уголовной ответственности, если лицо ранее совершило тяжкое или особо тяжкое преступление» (Там же. С. 109).

[258] См., напр.: Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 20 июля 2016 г. № 72-АПУ 16-17 ; Определение Верховного Суда РФ от 6 апреля 2005 г. № 56-о05-8 ; Определение Верховного Суда РФ от 22 декабря 2003 г. № 45-о03-139. Документы опубликованы не были. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

взгляд, да. Однако при отсутствии прямых указаний на этот счет в соответствующих разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ нельзя исключать принятие правоприменителем и иного решения. Примечательно, что еще до издания названного выше постановления Пленума Верховного Суда РФ в Обзоре судебной практики прекращения уголовных дел судами одного из субъектов РФ прямо отмечалось, что «если лицо обвиняется в совершении нескольких преступлений, часть из которых относится к категории небольшой или средней тяжести, а другая часть к иным категориям (тяжким или особо тяжким), то прекращение уголовного дела в отношении преступлений небольшой и средней тяжести допускается»[259]. Однако по истечении более чем десяти лет это разъяснение вызвало негодование со стороны одного из специалистов, назвавшего его недопустимым[260]. Между тем оно вытекает из буквального толкования уголовного закона.

Завершая рассмотрение вопроса о трактовке понятия и значений лица, впервые совершившего преступление, существующих в судебной практике, будет уместным вспомнить сделанное нами ранее замечание о том, что слово «впервые» в УК РФ 1996 г. определяет не только совершение преступления, но и назначение наказания в виде лишения свободы (п. «а»–«в» ч. 1 ст. 58, ст. 82^1 УК РФ)[261]. Отсюда можно сделать вывод о том, что отечественный законодатель придает значение не только кратности преступлений, но и кратности мер уголовно-правового реагирования на него, в данном случае одной из самых суровых таких мер – наказанию в виде лишения свободы. К сожалению, объединяет эти ситуации не только их законодательная неопределенность, но и позиция правоприменителя в их трактовке. Так, в постановлениях Пленума Верховного

[259]Справка по результатам обобщения судебной практики прекращения судами Республики Башкортостан в 2009 году уголовных дел в связи с примирением сторон и деятельным раскаянием. URL: http://vs.bkr.sudrf.ru (дата обращения 12.12.2020).

[260] Семенова Д. М. Проблемы освобождения от уголовной ответственности за повторные преступления // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М., 2021. С. 435.

[261] В УК РСФСР 1960 г. в этой связи речь шла об «осуждаемых впервые к лишению свободы» (ст. 24), «ранее осуждавшихся к лишению свободы» (п. 1 ч. 1 ст. 24^1), о «лицах, ранее два раза в любой последовательности осуждавшихся к лишению свободы» (п. 2 ч. 1 ст. 24^1), о «лице, впервые осуждаемом к лишению свободы на срок до трех лет)» (ст. 46^1).

Суда РФ, изданных в разное время и посвященных различным аспектам назначения наказания, весьма непросто найти ответ на вопрос, кто понимается под лицами, «ранее не отбывавшими лишение свободы» (пп. «а»–«в» ч. 1 ст. 58 УК РФ). В разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ, непосредственно посвященных вопросам назначения наказания, этот вопрос обходится стороной[262]. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебном приговоре» в этой связи говорится просто о необходимости учета судами данных о личности виновного[263]. Между тем исчерпывающая характеристика уголовно-правового значения рассматриваемого понятия содержится в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, принятого раньше, чем названные постановления: в пп. 11, 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2014 г. № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений»[264]. Заметим, однако, что положения последнего документа крайне редко находят свое отражение в решениях Верховного Суда РФ по конкретным уголовным делам, в которых рассматриваемое обстоятельство обычно обозначается двумя констатациями: «судим», «не судим»[265].

Гораздо более сложная ситуация на практике складывается с трактовкой положения, предусмотренного в ч. 1 ст. 82^1 УК РФ: «Осужденному, которому *впервые назначено наказание в виде лишения свободы* (курсив наш. – *Д. П.*) за совершение преступления, предусмотренного частью первой статьи 228, частью первой статьи 231 и статьей 233 настоящего Кодекса…». Разъясняя эту норму, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 15 июня 2006 г. № 14 пишет:

«Обратить внимание судов на то, что при наличии условий, указанных в части 1 статьи 82.1 УК РФ (лицо осуждено к лишению свободы, признано

---

[262] О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 декабря 2018 г. № 43 // БВС РФ. 2019. № 2.

[263] О судебном приговоре : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 (п.27) // БВС РФ. 2017. № 1.

[264] О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2014 г. № 9 // БВС РФ. 2014. № 7.

[265] См., напр.: Апелляционные определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 31 января 2017 г. № 33-АПУ17-1СП, от 15 декабря 2015 г. № 44-АПУ15-30, от 19 декабря 2014 г. № 51-АПУ14-42сп.

больным наркоманией, *совершило впервые преступление* (курсив наш. – *Д. П.*), предусмотренное частью 1 статьи 228, частью 1 статьи 231 и статьей 233 УК РФ… Для определения *лица как впервые совершившего преступление* (курсив наш. – *Д. П.*), указанное в части 1 статьи 82.1 УК РФ, следует учитывать положения пункта 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 года № 19 "О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности"» (п. 35.2)[266].

Таким образом, вместо комментария назначения наказания в виде лишения свободы впервые, Верховный Суд РФ предлагает комментарий определения лица, впервые совершившего преступление.

3.2. Лицо, впервые совершившее преступление, в данных статистики преступности и судимости

Как уже отмечалось, понятие лица, впервые совершившего преступление, достаточно широко употребляется в действующем уголовном законодательстве России. Такая практика имеет место в нормах Общей (ч. 1 ст. 53^1, ч. 1 ст. 56, п. «а» ч. 1 ст. 61, ч. 1 ст. 75, ст. 76, ч. 1,2 ст. 76^1, ст. 76^2, 80^1, ч. 6 ст. 88 УК РФ) и Особенной (примечания к ст. 127^1, 145^1, 198, 199, 199^1, 199^3, 199^4, 205^5, 208, 282^1, 282^2, 282^3, 337, 338 УК РФ) части УК РФ, в рамках действия различных институтов уголовного права (освобождения от уголовной ответственности, назначения и замены наказания, освобождения от него). В этой связи закономерен вопрос о том, как названное обстоятельство отражается и отражается ли вообще в данных статистики преступности и судимости в стране. Определенная сложность ответа на поставленный вопрос объясняется не столько «разбросанностью» рассматриваемого понятия в нормативном материале уголовного права, сколько известной неопределенностью его содержания в тексте уголовного закона, которую время от

[266] О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 : в редакции от 16 мая 2017 г. // БВС РФ. 2006. № 8 ; 2017. № 7.

времени преодолевает Верховный Суд РФ в своих постановлениях[267], решениях по конкретным уголовным делам[268] либо в ответах на вопросы, поступающие от судов в связи с изменением УК РФ 1996 г.[269]

Так или иначе, для разъяснений Верховным Судом РФ значения понятия лица, впервые совершившего преступление, характерно то, что все они имеют не бытовую, не фактическую, а юридическую окраску; в них акцентируется внимание не столько на количестве совершенных преступлений, сколько на сохранении или утрате уголовно-правовых последствий совершенных ранее преступлений. Учитывая это обстоятельство, на сегодняшний день можно назвать два значения рассматриваемого понятия: 1) лицо, впервые совершившее преступление, – лицо, действительно впервые совершившее преступление (совершившее преступление в первый раз в жизни). В таком значении понятие лица, впервые совершившего преступление, в правоприменительной практике употребляется крайне редко, а в документах официальной статистики – не

---

[267] См.: О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 года № 2 // БВС РФ. 2008 № 4 ; О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 года № 1 // БВС РФ. 2011. № 4 ; О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 года № 19 // БВС РФ. 2013. № 8 ; О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 года № 48 // БВС РФ. 2017. № 1 ; О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 года № 56 // БВС РФ. 2017. № 1 ; О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 года № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» и от 22 декабря 2015 года № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 декабря 2018 г. № 43 // БВС РФ. 2019. № 2.

[268] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16 марта 2012 года № 5-Д12-16 ; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17 апреля 2014 года № 49-О14-4. Документы опубликованы не были. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[269] См., напр.: Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению федеральных законов от 7 марта 2011 года № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 июня 2012 г. // БВС РФ. 2012. № 11.

употребляется вообще; 2) лицо, впервые совершившее преступление, – лицо, совершившее преступление хотя и не в первый раз в жизни, но признаваемое таковым в силу положений об освобождении от уголовной ответственности и погашении либо снятии судимости, предусмотренных уголовным законом. Именно таким значением понятия лица, впервые совершившего преступление, оперирует правоприменительная, и прежде всего судебная, практика. Вместе с тем в документах официальной судебной статистики понятие лица, впервые совершившего преступление, ни в таком, ни в каком ином значении не употребляется. Вместо него встречается понятие «ранее юридически несудимые» лица[270], которое, совершенно очевидно, не совпадает по содержанию с понятием лица, впервые совершившего преступление, во втором значении. Не совпадает потому, что: во-первых, среди «освобожденных от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям» (включаемых в число ранее юридически несудимых) есть и такие, которые были освобождены условно (ст. 76^2, 90 УК РФ); во-вторых, при включении «осужденных, имеющих судимости за преступления, совершенные позднее, чем по текущему обвинению» в число ранее юридически несудимых приоритет отдается не судимости, а преступлению, что противоречит собственной концепции трактовки лиц, впервые совершивших преступление; в-третьих, Верховным Судом РФ установлены различные оттенки в понимании такого лица применительно к ст. 75, 76, 76^1, 76^2 УК РФ.

Что касается документов судебной статистики и отражения в них интересующего нас вопроса, следует отметить, что приказом Судебного Департамента при Верховном Суде РФ от 5 июня 2014 г. № 136 утверждена Методика расчета показателя «Доля лиц, ранее осаждавшихся за совершение преступлений, в общем количестве лиц, осужденных на основании обвинительных приговоров, вступивших в законную силу (проценты)», согласно которой «относительный показатель в процентах рассчитывается Судебным

[270] Отчет о составе осужденных, месте совершения преступления (ф. 11) // Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2013-2022 годы. URL: cdep.ru. (дата обращения: 18. 08.2023).

департаментом при Верховном Суде Российской Федерации (далее – Судебный департамент) на основе представленных судами общей юрисдикции предварительных сведений о состоянии судимости в субъектах Российской Федерации, сформированных из базы данных статистических карточек на подсудимых, в отношении которых приговоры вступили в законную силу, по следующему алгоритму: количество лиц, имевших на момент судебного рассмотрения неснятые и непогашенные судимости, делится на общее количество осужденных лиц и умножается на 100 (источник информации: форма статистической отчетности № 11 «Отчет о составе осужденных, месте совершения преступления» (далее – форма № 11), утверждаемая приказами Судебного департамента)[271]. В этой связи в ежегодных данных судебной статистики, подготавливаемых Судебным Департаментом при Верховном Суде РФ, начиная с 2013 г. (по итогам этого года) отдельно выделяются статистические сведения по показателю «Доля лиц, ранее осаждавшихся за совершение преступлений, в общем количестве лиц, осужденных на основании обвинительных приговоров, вступивших в законную силу».

Однако и новый показатель мало что проясняет в получении ответа о количестве лиц, впервые совершивших преступление, поскольку он рассчитывается исходя из существующих форм отчетности, оперирующих юридическим пониманием такого лица. Следует заметить, что такое – юридическое – понимание было изначально заложено в официальные документы судебной статистики. Так, согласно п. 2.2.4 приказа Судебного департамента при Верховном Суде РФ «Об утверждении Инструкции по ведению судебной статистики», значение «Совершил впервые одно преступление» указывается в показателе «Подсудимый юридически не судимый» при отсутствии дополнительных составов преступлений, по которым осуждено лицо, в показателе «Другие статьи приговора» раздела «Составы преступлений». Соответственно, значение «Совершил два и более преступлений» указывается только в случае

[271] Гарант.РУ. URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70617664/(дата обращения: 13.08.2023).

совершения преступления впервые и при наличии дополнительных составов преступлений, предусмотренных УК РФ, по которым лицо осуждено по приговору, отраженных в показателе «Другие статьи приговора» раздела «Составы преступлений» (п. 2.2.5)[272].

В ежегодных докладах о состоянии преступности в России, подготавливаемых ГИАЦ МВД РФ, о лицах, впервые совершивших преступление, равно как и о «юридически несудимых» лицах, речь не идет. Традиционно здесь имеет место дифференциация лиц, совершивших преступление не в первый раз: из общего количества выявленных лиц, совершивших преступления, выделяются лица: 1) «ранее совершавшие преступления», а в их числе называется количество 2) «ранее судимых за преступления»[273]. При этом можно только догадываться о содержании названных понятий и корректности сопоставления их с теми, которыми оперирует судебная статистика.

Таким образом, в данных официальной открытой статистики преступности и судимости в стране на сегодняшний день при обозначении лиц, впервые совершивших преступление, либо используется понятие, не предусмотренное уголовным законом – «ранее юридически несудимые» лица (в данных судебной статистики), либо такие лица вообще не выделяются, их количество можно установить лишь по остаточному принципу: от общего количества «выявленных лиц, совершивших преступления», вычесть количество лиц, «ранее совершавших преступления» (в данных статистики МВД РФ).

Следует отметить, что понятие лица, впервые совершившего преступление, отсутствует и в межведомственном приказе «О едином учете преступлений», в том числе в статистических карточках на лицо, совершившее преступление

---

[272] Об утверждении Инструкции по ведению судебной статистики : приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29 декабря 2007 г. № 169. Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[273] Характеристика лиц, совершивших преступления // Состояние преступности в России за январь-декабрь 2009-2022 годов. М. : ФКУ «ГИАЦ» МВД РФ, 2009-2022. URL: mvd.ru (дата обращения: 23.08.2024).

(форма № 2), и о результатах рассмотрения дела судом первой инстанции (форма № 6)[274].

В свете изложенного выше вызывают сомнения попытки некоторых специалистов-криминологов «привязать» криминологическую терминологию в части оценки неоднократной преступной деятельности к существующим формам статистического учета преступности. Насколько состоятельна в этом направлении, например, идея Т. В. Филоненко о терминологической «модели криминологического рецидива», если она основана на учете не только никем не учитываемого «латентного криминологического рецидива», но и учете «преступлений, впервые совершенных в несовершеннолетнем возрасте, включая как учтенные [выявленные государством], так и неучтенные [невыявленные] преступления, то есть показателях, не менее неопределенных, чем первый»[275].

Представленная картина с отражением в данных официальной статистики преступности и судимости понятия лица, впервые совершившего преступление, возможно, объясняется тем, что в вопросах борьбы с преступностью первостепенное значение придается вопросам борьбы с рецидивной, групповой преступностью, то есть явлениями, по сложившимся представлениям, более социально опасными для государства и общества, в сравнении, например, с преступлениями, совершаемыми в первый раз в жизни, индивидуально, одним лицом. Внимание специалистов более приковано к негативной динамике доли лиц, ранее осаждавшихся за совершение преступлений, в общем количестве лиц, осужденных на основании обвинительных приговоров, вступивших в законную силу, чем такая же динамика лиц, однажды совершивших преступление и сделавших это повторно. В этой связи закономерно, что в документах и материалах ведомственной отчетности «первичная преступность» если и отражается, то лишь как остаточное явление от «вторичной», рецидивной

---

[274] О едином учете преступлений : приказ Генпрокуратуры РФ № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 : ред. от 20 февраля 2014 г. // БНА ФОИВ. 2006. № 5.

[275] Филоненко Т. В. К вопросу о понятии криминологического рецидива // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 2. С. 119–129.

преступности. Такая же ситуация, как мы уже убедились ранее, по сути, имеет место и в уголовном законодательстве при неопределенном понятии лица, впервые совершившего преступление.

Между тем специалистов в области уголовного права и криминологии, уголовно-исполнительного права вряд ли есть необходимость убеждать в том, что состояние (структура и динамика) именно «первичной преступности», эффективность мер уголовно-правового реагирования на нее во многом определяют состояние «вторичной», в том числе и рецидивной, преступности. О том, что состояние последней признать удовлетворительным нельзя, свидетельствуют следующие данные.

По данным ГИАЦ МВД РФ, в 2023 г. удельный вес лиц, ранее совершавших преступления, в общем количестве выявленных лиц, совершивших преступления, составил 58,6%, из них ранее судимых – 53,4%. В 2022 г. эти показатели составили соответственно 59,1 и 52,1%, в 2021 г. – 58,2 и 51,7%; в 2020 г. – 57,7 и 51,9%; в 2019 г. – 57 и 51,9%; в 2018 г. – 56,4 и 51,6%; в 2017 г. 56 и 50,5%; в 2016 г. – 54 и 49,8%; в 2015 г. – 51,8 и 54,5%; в 2014 г. – 50,8 и 60,5%; в 2013 г. – 47,7 и 66,7%; в 2012 – 44,7 и 72,3%; в 2011 – 38,6 и 74,4%; в 2010 – 35,8 и 74%; в 2009 – 32 и 74,6%[276]. Приведенные показатели позволяют сделать однозначный вывод о том, что на протяжении последних почти 15 лет мы наблюдаем устойчивую тенденцию роста, причем значительного (с 32 до 59%), удельного веса лиц, ранее совершавших преступления, в общем количестве выявленных лиц, совершивших преступления. Что, однако, обращает на себя внимание, так это столь же устойчивое и прямо противоположное отмеченной выше тенденции снижение показателя ранее судимых лиц в числе ранее совершавших

[276] Показатели воспроизводятся из раздела «Характеристика лиц, совершивших преступления» ежегодного сборника ГИАЦ МВД РФ «Состояние преступности в России». В другом разделе этого же сборника, где речь идет о расследованных преступлениях «Социально-криминологическая характеристика преступности», эти показатели еще выше. Так, например, показатель количества лиц, ранее совершивших преступление, по итогам 2019 г. равен не 57, а 58,7%, по итогам 2018 г. не 56,4, а 58,3%, в 2017 г. не 56, а 58,2%, в 2016 г. 54 и 56,7%, в 2015 г. 52 и 55,1%. См.: Состояние преступности в России (январь - декабрь) 2009-2023 годы.

преступления: с 74,6% в 2009 г. до 52,1% – в 2022 г. По итогам 2023 г. этот показатель составил 53,4%.

На фоне приведенных показателей удивительно низкими выглядят показатели рецидивной преступности: по итогам 2023 г. при показателе в 58,6% ранее совершавших преступления и ранее судимых из них – в 53,4%, показатель лиц, совершивших преступления при рецидиве, равен всего лишь 3,7% от первого из приведенных показателей.

И такое положение стабильно наблюдается в последние неполных 15 лет (в 2021 г. последний показатель был равен 3,8%; 2020 г. – 3,9%; 2019 г. – 3,9%; 2018 г. – 3,8%; 2017 г. – 4,0%; 2016 г. – 4,1%; 2015 г. – 4,2%; 2014 г. – 4,3%; 2013 г. – 4,1%; 2012 г. – 4,0%; 2011 г. – 3,9%; 2010 г. – 3,8%; 2009 г. – 3,6%). Не результат ли это повышенного внимания уголовной политики и ее субъектов к рецидиву во всех его разновидностях? Правда, следует отметить, что приведенные показатели по какой-то причине отражают только два вида рецидивной преступности: при опасном и особо опасном рецидиве. Между тем традиционно наиболее многочисленным является простой рецидив преступлений, однако показатели количества лиц, совершивших преступления при таком рецидиве, отсутствуют в данных ГИАЦ МВД РФ. В данных же статистики судимости картина наблюдается такая: вплоть до 2018 г. показатель осужденных, признанных совершившими преступления при рецидиве, опасном и особо опасном рецидиве составлял свыше 50% от числа осужденных, имевших непогашенные и неснятые судимости на момент судебного рассмотрения (например, 50% в 2018 г., 52,4% в 2017 г. и 54,73% – в 2016 г.). И лишь в последние 3–-5 лет он опустился ниже 50%, составив в 2021 г. 47,2%, а в 2023 г. – 46,1%.

Завершая анализ данных ГИАЦ МВД РФ по интересующему нас вопросу, можно сделать вывод о том, что в общем числе «выявленных лиц, совершивших преступления», удельный вес лиц, впервые совершивших преступление, составлял: в 2023 г. – 42%, в 2022 г. – 40,9%, в 2021 г. – 41,8%, в 2020 г. – 42,3%, в 2019 г. – 43%, в 2018 г. – 43,6%, в 2017 г. – 44%, в 2016 г. – 46%, в 2015 – 48,2%, в 2014 – 49,2%, в 2013 – 52,35%, в 2012 – 55,26%, в 2011 – 61,4%, в 2010 – 64,24%, в

2009 – 68%. Данные показатели, определенные как остаток от количества лиц, ранее совершавших преступления, в общем количестве выявленных лиц, совершивших преступления, приводят к мысли о сомнительности в эффективности уголовно-правовой политики в отношении лиц, впервые совершивших преступление: за неполных 15 лет удельный вес лиц, впервые совершивших преступление, снизился почти на 30%. И это в юридическом понимании таких лиц. Искусственное снижение показателя судимости посредством использования юридической трактовки таких лиц успокаивать может только тех, кто безучастно относится к вопросам борьбы с преступностью в нашей стране.

Согласно данным Судебного Департамента при Верховном Суде РФ, в последние 2–3 года в общем числе осужденных удельный вес лиц, «имеющих неснятые и непогашенные судимости», составляет 39–40%, имея небольшую тенденцию к росту[277]. В 2018 г. этот показатель был равен 37%, в 2017 г. – 34%, в 2016 г. – 31%, в 2015 г. – 33%, в 2014 – 35%, в 2013 – 35%[278]. Как это ни странно, но при ожидаемом в этой связи росте показателя количества «ранее юридически несудимых» лиц происходило обратное: этот показатель также снижался. Так, в 2021 г. удельный вес «ранее юридически несудимых»[279] в общем количестве осужденных составлял 9,35%, в 2019 г. – 10%, в 2018 г. – 10,8%, в 2017 г. – 11,9%, в 2016 г. – 12,5%, в 2015 г. – 12,3%, в 2014 – 11,62%, в 2013 – 11,76%. Выравнивалась эта ситуация за счет лиц, количество которых получалось по

[277] Показатель рассчитан на основе данных из Ф.11 «Отчет о составе осужденных, месте совершения преступления». Аналогичный показатель, рассчитывается на основе данных из Ф.10.1 «Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания».

[278] Данные ограничены 2013 г. в силу того, что до этого момента «Отчет о составе осужденных…» (Ф.11) в открытых «Сводных статистических сведениях о состоянии судимости в России» отсутствовал. Начиная с 2014 г. аналогичные показатели в «готовом виде» присутствуют в Статистических сведениях по показателю «Доля лиц, ранее осуждавшихся за совершение преступлений, в общем количестве лиц, осужденных на основании обвинительных приговоров, вступивших в законную силу».

[279] В число «ранее юридически несудимых» в данном случае мы включаем только две категории осужденных: в отношении которых судимости сняты и погашены, и осужденных, которые ранее освобождались от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям.

названному ранее остаточному принципу: путем вычитания от общего количества осужденных, во-первых, количества лиц, «имеющих непогашенную и неснятую судимости на момент судебного рассмотрения», и, во-вторых, «ранее юридически несудимых» лиц. В результате такого подсчета количество осужденных, которых, наверное, условно можно именовать «совершившими преступление в первый раз», составило, например, в 2018 г. – 52,9%, в 2017 г. – 54,9%, в 2016 г. – 56,5%, в 2015 г. – 55%, в 2014 – 54,8%, в 2013 – 53,5%. На первый взгляд, благоприятные показатели, однако они почему-то не согласуются с постоянно растущим показателем количества лиц, ранее совершавших преступления, в данных ГИАЦ МВД РФ. Не можем мы, наверное, игнорировать и тот факт, что по этим же данным за период 2007–2017 гг. в общем количестве выявленных лиц, совершивших преступления, удельный вес лиц, совершивших преступления, признанные опасным или особо опасным рецидивом, возрос с 3,4 до 4,1%, достигая в 2014 г. значения 4,3% (по итогам 2018 г. – 3,8%, 2019 г. – 3,9%, 2023 г. – 3,8%).

Сомнительность данных официальной статистики в плане отражения реальной картины соотношения лиц, впервые совершивших преступление, и сделавших это не в первый раз, усиливается тем, что приведенные выше тенденции в судебных показателях в силу необъяснимых обстоятельств по итогам 2017 г. кардинально и «согласованно» между собой изменились: в то время как в 2016 г. удельный вес лиц, «имеющих непогашенную и неснятую судимости», был равен 30,9%, в 2017 г. он составил 33,2%. Удельный вес «ранее юридически несудимых» в общем количестве осужденных с 12,5% в 2016 г. понизился в 2017 г. до 11,9%. Таким образом, за один год изменилась устойчивая тенденция, которую мы наблюдали по итогам предшествующих четырех лет. Естественно, это не могло не отразиться и на показателе количества лиц (осужденных), впервые совершивших преступление: по сравнению с 2016 г. этот показатель «вдруг» опустился в 2017 г. с 67 до 55%. Это снижение можно было бы объяснить активным применением на практике в 2017 г. ст. 76^2 УК РФ. Однако, как

известно, применяемая в конечном итоге судами к осужденным эта статья и мера, в ней предусмотренная, отношения к ним не имеют.

На основании приведенного анализа бесспорен, на наш взгляд, только один вывод: предусмотренное в уголовном законе понятие лица, впервые совершившего преступление, в данных официальной открытой статистики преступности и судимости в стране на сегодняшний день отражается весьма завуалированно. Получить корректное представление о количестве таких лиц в числе совершивших зарегистрированные преступления и в числе осужденных за них практически невозможно. Возможно ли в этой связи делать выводы об эффективности действия соответствующих институтов уголовного права, а соответственно, и об обоснованности их законодательной корректировки? Вряд ли. Поэтому представляется целесообразным в существующих формах статистики преступности и судимости выделить категорию лиц, впервые совершивших преступление, ежегодно фиксируя количество и виды (категории) преступлений, ими совершенных; меры уголовного наказания и иные меры уголовно-правового характера, к ним применяемые. Показатели такой фиксации должны иметь унифицированный характер хотя бы для того, чтобы сопоставлять их значение в процессе «движения» уголовного дела на досудебных и судебных стадиях, в процессе исполнения мер уголовно-правового характера. Вместе с тем следует признать, что реализация названного предложения лишь тогда будет иметь смысл, когда не только правоприменитель, но и, прежде всего, законодатель придадут рассматриваемому понятию значение, соответствующее его обыденному пониманию. Нужно ли это делать? Это отдельный вопрос – вопрос уголовно-правовой, а возможно, и уголовной политики в целом. Пока же следует признать, что у нас нет открытых официальных данных о первичной и вторичной преступности. Манипулирование показателями той и другой может быть и оправданно в деле борьбы, в частности, с рецидивной преступностью. Однако данные, приведенные выше, говорят о ее безуспешности. Подтверждают их косвенно и другие.

Так, согласно «Отчету о составе осужденных, месте совершения преступления» Сводных статистических сведений о состоянии судимости в России за 2014–2016 гг. (форма № 11), удельный вес лиц, имеющих непогашенную или неснятую судимости на момент судебного рассмотрения, а также лиц, «ранее юридически несудимых», то есть лиц, однажды уже совершивших преступление и после этого вновь преступивших черту уголовного закона, составлял в указанный период по ст. 105 УК РФ 59,0–59,5%, ст. 111 УК РФ – 47,44-47,67%, ст. 131 УК РФ – 67,12-70,65%, ст. 157 УК РФ – 47,1-45,5%, ст. 158 УК РФ – 63,34-63,3%. Удивительная стабильность!

Подводя итог рассмотрению вопроса об отражении лица, впервые совершившего преступление, в статистических данных, можно сделать вывод только об одном: адекватное отражение факта кратности совершения преступления одним и тем же лицом возможно при условии введения в такие данные понятий «лицо, совершившее преступление в первый раз» и «лицо, неоднократно совершившее преступление». Однако смысл такого решения будет в том случае, когда подобная терминология будет присутствовать и в уголовном законодательстве.

ГЛАВА 4. ЛИЦО, ВПЕРВЫЕ СОВЕРШИВШЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ, В НАУКЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА И В КРИМИНОЛОГИИ

4.1. Понятие лица, впервые совершившего преступление, в науке уголовного права

Учитывая давний российский опыт отражения понятия лица, впервые совершившего преступление, в уголовном законодательстве, в практике Верховного Суда РФ, обращение к вопросу о состоянии теоретических разработок этого понятия, на первый взгляд, выглядит естественным и вполне ожидаемым. Причем по сложившейся в российском правоведении традиции теоретическая часть исследования той или иной проблемы обычно предваряет практическое ее звучание, и мы имеем дело с триадой, подчиненной такой логике: закон, теория, практика. Дело, однако, в том, что если в 2007 г. В. Т. Корниенко отмечала полное отсутствие «глубоких научных исследований рассматриваемого понятия»[280], то на сегодняшний день при сохраняющемся отсутствии таких исследований данное понятие стало предметом рассмотрения всего лишь в нескольких журнальных публикациях[281]. Причем пик таких публикаций пришелся на издание известного постановления Пленума Верховного Суда РФ по вопросам освобождения от уголовной ответственности в 2013 г., а также последовавшее за этим расширение

---

[280] Корниенко В. Т. Понятие лица, впервые совершившего преступление // Российская юстиция. 2007. № 8. С. 51.

[281] Наиболее обстоятельно и всесторонне этот вопрос рассмотрен М.Б. Костровой по состоянию законодательства и правоприменения на 2015 г. См.: Кострова М. Б. Термин «лицо, впервые совершившее преступление» в контексте взаимосвязи уголовного и иных отраслей российского права // Lex russica. 2015. № 8. С.70-83) ; См. также: Овсянников И. В. Совершение преступления впервые как условие освобождения от уголовной ответственности // Современное право. 2023. № 4. С. 114-117 ; Хлебницына Е. А. Совершение преступления впервые как условие освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ) // Российский следователь. 2019. № 1. С. 58-60 ; Стадниченко О. С. Превентивная составляющая некоторых оснований освобождения от уголовной ответственности, содержащих понятие «лицо, впервые совершившее преступление» // Законность. 2016. № 8. С. 37-38 ; Ларина Л. Ю. Понятие лица, впервые совершившего преступление // Юридическая наука. 2014. № 1. С. 87-90 ; Михайлов А. И. Совершение преступления впервые как одно из условий прекращения уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием // Вестник СЮИ ФСКН России. 2013. № 1 (12). С. 118-122 ; Шнитенков А. В. Совершение преступления впервые как условие освобождения от уголовной ответственности // Российская юстиция. 2009. № 4. С. 21-22.

перечня оснований освобождения от уголовной ответственности, сформулированных главным образом в ст. 761, 762 УК РФ.

Как известно, в УК РФ 1996 г. наиболее значимо факт совершения преступления впервые определяет действие института освобождения от уголовной ответственности. В этой связи можно было бы ожидать, что в фундаментальном исследовании данного института, представленном в 2008 г. В. В. Сверчковым, эта проблема найдет достойное отражение. Такие ожидания были связаны еще и с тем, что автор дважды в своем труде обращается к типологии лиц, освобождаемых от уголовной ответственности: «сквозь призму ответственности/наказания» и с точки зрения «достижения целей освобождения от уголовной ответственности»[282]. Однако ни в том, ни в другом случае автор так и не называет тип лица, впервые совершившего преступление, в какой бы то ни было его трактовке: юридической или фактической.

В более современном монографическом исследовании проблемы освобождения от уголовной ответственности рассматриваемый вопрос вообще остается без внимания, автор ограничился предложением о том, чтобы не считать лицо впервые совершившим преступление в том случае, если оно в течение одного года после освобождения совершает новое преступление[283].

Упоминания о преступлениях, совершенных впервые, и лицах, их совершивших, порой можно встретить в работах, посвященных множественности преступлений, когда последняя оттеняется от разновидностей так называемых единичных преступлений (составных, длящихся, продолжаемых). Однако очевидно, что последние – единичные преступления – могут совершаться и не в первый раз, а потому отношения к рассматриваемому нами вопросу не имеют. Другими словами, с точки зрения интересующей нас проблематики не важно,

---

[282] Сверчков В. В. Концептуальные основы решения проблем освобождения от уголовной ответственности : дис. … д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2008. С. 34-50, 66-75.

[283] Дуюнов В. К., Подройкина И. А., Закомолдин Р. В. Освобождение от уголовной ответственности и от уголовного наказания в механизме уголовно-правового воздействия. М., 2022. С. 31.

сколько преступлений совершило одно и то же лицо, важно, что когда-то это лицо совершило преступление в первый раз в жизни.

Различия между преступлением, совершенным впервые, и единичным преступлением можно усмотреть еще и в том, что если понятие последнего, по замечанию Н. С. Таганцева, во многих отношениях зависит от законного его определения[284], то к определению первого понятия законодатель до сих пор относится безучастно и в этой связи его роль нередко выполняет высшая судебная инстанция страны.

Следует отметить, что, по мнению некоторых специалистов, отсутствие легального определения понятия лица, впервые совершившего преступления, – это не самый главный его недостаток. Критически оценивая нашу позицию в этом вопросе[285], И. В. Овсянников проблему видит в другом: если лицо, совершившее преступление, освобождается от уголовной ответственности, обвинительный приговор, то есть решение о его виновности в этом преступлении, не постановляется. А если нет вступившего в законную силу обвинительного приговора в отношении этого лица, то его именование в уголовном законе и впервые совершившим преступление, и совершившим преступление противоречит принципу презумпции невиновности (ч. 1 ст. 49 Конституции РФ и ч. 1 ст. 14 УПК РФ). Поэтому в институте освобождения от уголовной ответственности от таких именований следует отказаться, а учитывая, что освобождаемое от уголовной ответственности лицо участвует в уголовном судопроизводстве и имеет процессуальный статус либо подозреваемого, либо обвиняемого (подсудимого), было бы логично именно так именовать его и в Общей части УК РФ[286]. Представляется, что автор от одной нерешенной проблемы перешел к другой, решение которой также никак не аргументировав. Во-первых, с постановлением обвинительного приговора лицо, совершившее

---

[284] Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т.2. М.,1994. С. 300-302.

[285] См.: Пархоменко Д. А. Недостатки судебного толкования понятия лица, впервые совершившего преступление // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9. С. 147-153.

[286] Овсянников И. В. Совершение преступления впервые как условие освобождения от уголовной ответственности // Современное право. 2023. № 4. С. 115-116.

преступление, можно освободить от наказания или от его отбывания, но не от уголовной ответственности. Во-вторых, решение о виновности лица, совершившего преступление, принимается не только при постановлении обвинительного приговора суда, но и, например, при возбуждении уголовного дела. В противном случае содеянное нельзя признать преступлением и квалифицировать по соответствующей статье (части статьи) Особенной части УК РФ. Ссылка на Конституцию РФ имеет значение в данном случае только для признания лица виновным при постановлении обвинительного приговора суда, в результате чего лицо, совершившее преступление (в том числе впервые или не в первый раз), признается преступником или осужденным. Названная ссылка сомнительна еще и потому, что в ранее опубликованной статье И. В. Овсянников[287] в обоснование своей позиции ссылается на авторов, полагающих, что «освобождать от уголовной ответственности допустимо лишь тогда, когда в материалах уголовного дела есть достаточные доказательства виновности лица в совершенном преступлении»[288].

В-третьих, вряд ли следует смешивать уголовно-правовые и уголовно-процессуальные отношения, а соответственно, и их субъектов. До момента получения того или иного процессуального статуса лицо, совершившее преступление, уже приобретает статус субъекта уголовно-правовых – материальных – правоотношений. Положение последнего может изменяться безотносительно к его «именованию» в уголовно-процессуальных отношениях. Следуя логике И. В. Овсянникова, в нормах не только Общей, но и Особенной части УК РФ в соответствующих случаях необходимо вести речь о подозреваемом, обвиняемом, подсудимом, впервые совершивших преступление. Однако об этом автор не говорит.

При отсутствии легального определения понятия лица, впервые совершившего преступление, полемика вокруг уяснения содержания этого

---

[287] Овсянников И. В. Овсянников И. В. Об общих процессуальных условиях освобождения от уголовной ответственности // Современное право. 2022. № 10. С.121.

[288] Аликперов Х. Д. Освобождение от уголовной ответственности. М., 2001. С. 11.

понятия фокусируется на известной судебной его трактовке. При этом формирующееся все более отчетливо в последние годы отрицание юридического понимания лица, впервые совершившего преступление, с предложением трактовать это понятие в буквальном, фактическом значении происходит не столько в теоретической, сколько в прагматической плоскости. Например, в этой связи задается такой вопрос: почему от уголовной ответственности освобождаются лица, до этого совершившие несколько преступлений и не один раз уже освобождавшиеся от уголовной ответственности?[289] Однако, прежде чем дать оценку состоятельности подобных вопросов, попытаемся посмотреть на возможное содержание понятия лица, впервые совершившего преступление, в теоретической плоскости.

Механизм уголовно-правового регулирования представляет собой систему последовательно связанных элементов: предмет правового регулирования, чьи свойства обусловливают границы использования обществом мер, ограничивающих свободу, честь, достоинство и имущественные интересы личности, а стало быть, и возможность посягательства на них; уголовно-правовые нормы; юридические факты; регулятивно-охранительные уголовно-правовые отношения; уголовную ответственность[290]. С точки зрения такого механизма, в главном построенного по схеме норма – правоотношение – ответственность, механизма правового регулирования, в котором любая правовая реальность имеет свои сроки действия, «жизни»[291], понятие лица, впервые совершившего преступление, вполне может быть юридическим, а точнее – уголовно-правовым. Естественно, что при этом наряду с юридическим (уголовно-правовым) пониманием лица, впервые совершившего преступление, никто не отменяет

---

[289] См., напр.: Николаев П. М., Уразбаев Р. Ш. Закон допускает совершение некоторых преступных деяний многократно и безнаказанно // Законность. 2016. № 8. С. 35.

[290] Кропачев Н. М. Механизм уголовно-правового регулирования : дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 2000. С. 7-8.

[291] В этой связи сроки в уголовном праве иногда называют «одним из средств механизма правового регулирования общественных отношений». См.: Маликов С. В. Сроки в уголовном праве : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. С. 7.

значение этого понятия в буквальном (фактическом) смысле слова: лицо, совершившее преступление в первый раз в жизни[292].

При отсутствии в уголовном законе вообще какого-либо определения понятия лица, впервые совершившего преступление – в фактическом или юридическом его значении, – это определение может быть дано с учетом положений уголовного закона, определяющих наличие или отсутствие правовых отношений, порожденных фактом совершения преступления. Такое определение понятия лица, совершившего преступление, неюридическим быть не может. Предусматривать ли в уголовном законе, наряду с юридическим, еще и фактическое понимание лица, впервые совершившего преступление, – это вопрос целесообразности, вопрос уголовно-правовой политики. К слову, заметим: в случае легализации определения понятия лица, впервые совершившего преступление, в обыденном, фактическом значении, оно также станет юридическим и вопрос лишь в том, будет ли оно единственным в таком качестве.

Итак, принимая во внимание неоднократные, отличающиеся между собой попытки Верховного Суда РФ дать определение понятия лица, впервые совершившего преступление, отличное от его обыденного понимания, то есть юридическое (уголовно-правовое) определение понятие лица, впервые совершившего преступление, поставим вопрос так: каким *должно быть* такое определение с точки зрения действия механизма уголовно-правового регулирования?

1. Считается, что лицо, совершившее преступление, в рамках уголовно-правовых отношений, порожденных данным фактом, может утратить уголовно-правовой статус лица, совершившего преступление, а тем самым и перестать быть субъектом таким отношений, в силу двух обстоятельств: 1) истечения сроков

[292]Поэтому некорректной представляется позиция некоторых авторов, противопоставляющих сторонников трактовки понятия лица, впервые совершившего преступление, якобы только в фактическом понимании сторонникам якобы только юридической его трактовки. См.: Нечепуренко А. А., Бабурин В. В. «Совершение преступления впервые» как ключевое понятие для оптимизации применения института освобождения от уголовной ответственности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 30. С. 71.

давности, предусмотренных ст. 78 УК РФ, либо 2) истечения, а равно – погашения[293], сроков судимости, предусмотренных ст. 86 УК РФ[294]. Сразу заметим, что истечение названных сроков может порождать не только обязанность, но и право у соответствующих органов освободить от уголовной ответственности (например, в силу положений, предусмотренных ч. 4 ст. 78 УК РФ) либо снять судимость (ч. 5 ст. 86 УК РФ) и тем самым восстановить у лица, совершившего преступление, статус лица, с уголовно-правовой точки зрения его не совершавшего.

Может быть, не совсем точно с юридической точки зрения, но по сути верно А. Г. Кибальник и А. П. Попов говорят о том, что «юридический статус лица, освобожденного от уголовной ответственности, является “нейтральным”»[295]. Не совсем точно потому, что такой статус является нейтральным по отношению только к совершенному преступлению, то есть в уголовно-правовом, а не в общеправовом – юридическом смысле. Да и в уголовно-правовом значении такая нейтральность может быть условной, если иметь в виду положения, предусмотренные ч. 4 ст. 90 УК РФ, а сегодня еще и касающиеся условного характера освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76^2, 104^4 УК РФ).

Далее, делая ссылку на ст. 78 УК РФ, следует иметь в виду, что уголовно-правовые последствия применения этой статьи тождественны уголовно-правовым последствиям любого акта освобождения от уголовной ответственности. Статья 78 УК РФ называет лишь предельные сроки, в рамках которых лицо, совершившее преступление, «интересует» уголовный закон именно как лицо, совершившее преступление. Если орган, применяющий уголовный закон, найдет иные основания для прекращения такого статуса раньше сроков,

---

[293] В том числе досрочного, что предусмотрено ст. 6 Федерального закона от 24 июня 2023 № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции».

[294] В данном случае мы оставляем без внимания случаи декриминализации ранее совершенного преступления либо смерти лица, совершившего преступление.

[295] Кибальник А. Г., Попов А. П. О смысле освобождения от уголовной ответственности // Общество и право. 2012. № 5 (42). С. 123.

предусмотренных в ст. 78 УК РФ, и освободит такое лицо от уголовной ответственности по другим основаниям, правовой результат будет тот же самый. Другими словами, *именно акт освобождения от уголовной ответственности, а не основания, его обусловливающие (в том числе истечение давностных сроков), «восстанавливает» нормальный уголовно-правовой статус лица, совершившего преступление*[296]. Поэтому, на наш взгляд, не точен в суждении А. З. Рыбак, когда пишет, что «основанием погашения всех юридических последствий совершенного преступления в случае освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием и примирением с потерпевшим должен быть не сам факт освобождения от уголовной ответственности, а истечение сроков давности привлечения к уголовной ответственности»[297]. Не совсем корректным в этой связи представляется и вопрос, которым задаются А. Г. Кибальник и А. П. Попов: «Каковы правовые последствия освобождения от уголовной ответственности, если не истекли сроки давности уголовной ответственности»[298]? Уголовно-правовые последствия освобождения от уголовной ответственности таковы, что лицо перестает быть обязанным подлежать уголовной ответственности за ранее совершенное преступление. Тот факт, что при этом не истекли сроки давности по последнему, что освобождение от уголовной ответственности состоялось по иному основанию, уголовно-правового значения не имеет.

Заметим, что вопрос, поставленный А. Г. Кибальником и А. П. Поповым, ранее уже возникал в теории и практике уголовно-правового регулирования. Полемика по этому вопросу фокусировалась на одном из решений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, согласно которому лицо, освобожденное от уголовной ответственности, может быть за те же действия привлечено к уголовной ответственности в пределах срока давности привлечения

---

[296] Рассматривая влияние акта освобождения от уголовной ответственности на признание лица, впервые совершившего преступление, мы имеем в виду случаи только безусловного освобождения от уголовной ответственности.

[297] Рыбак А. З. Сопутствующее преступлению поведение, как обстоятельство, устраняющее уголовную ответственность и (или) наказуемость деяния: Юридическая характеристика и правоприменительная практика : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003. С. 6.

[298] Кибальник А. Г., Попов А. П. Указ. соч. С. 121.

к уголовной ответственности[299]. Это решение нашло свое обоснование и в ряде источников специальной литературы[300]. Под сомнение поставил эту позицию В. П. Малков, указав, что новое преступление, совершенное после освобождения от уголовной ответственности за первое преступление, не может считаться повторным, так как решение об освобождении означает досрочное снятие правовых последствий совершенного преступления до истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности[301]. В свете сказанного выше представляется, что приведенная позиция Верховного Суда РСФСР могла быть признана обоснованной, но лишь том случае, если бы речь шла только об условном освобождении от уголовной ответственности, то есть о виде такого освобождения, предусмотренного в ст. 52 УК РСФСР 1960 г. В этом случае действительно лицо, освобожденное от уголовной ответственности, могло быть привлечено к уголовной ответственности в пределах срока давности привлечения к уголовной ответственности в соответствии с ч. 4 данной статьи: «Если лицо, взятое на поруки, в течение года не оправдало доверия коллектива, нарушило обещание примерным поведением и честным трудом доказать свое исправление, не подчиняется нормам социалистического общежития или оставило трудовой коллектив с целью уклониться от общественного воздействия, то общественная организация или трудовой коллектив, взявшие его на поруки, выносят решение об отказе от поручительства и направляют это решение в прокуратуру или суд для рассмотрения вопроса о привлечении этого лица к уголовной ответственности за то деяние, содержащее признаки преступления, в связи с совершением которого

---

[299] Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР. 1938-1978 / сост. С. В. Бородин и Г. Л. Левицкий. М., 1980. С. 89.

[300] См., напр.: Гальперин И. М. Взаимодействие государственных органов и общественности по борьбе с преступностью. М., 1972. С. 113 ; Келина С. Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. М., 1974. С. 17-18.

[301] Малков В. П. Квалификация повторных преступлений, совершенных освобожденными от уголовной ответственности // Советская юстиция. 1967. № 6. С. 25 ; См. также: Наумов А. В. Правовые последствия освобождения от уголовной ответственности // Советская юстиция. 1976. № 20 С. 10-11. Этой позиции автор последовательно придерживается и в последующих своих работах. См., напр.: Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. 6-е изд. М., 2017. С. 641-642.

оно было передано на поруки (в ред. Указов Президиума ВС РСФСР от 11.03.77, от 03.12.82)».

В свою очередь, позиция В. П. Малкова, на наш взгляд, верна лишь в отношении безусловных видов освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных в уголовном законодательстве того времени в ст. 50^1, 51, п. «б» ст. 64, примечания к ст. 77^2, 174, ч. 1 ст. 218, ст. 224 УК РСФСР 1960 г.

2. Оставляя в данном случае без внимания критические замечания, имеющиеся в литературе, по поводу судебных трактовок понятия лица, впервые совершившего преступление, трактовок, фактически равнозначных понятию лица, не имеющего судимости в уголовно-правовом смысле[302], отметим только то, что лицо, совершившее преступление, не освобожденное за него от уголовной ответственности, совершившее новое преступление, вряд ли можно считать лицом, совершившим последнее преступление впервые. И делать этого нельзя именно с юридической (уголовно-правовой) точки зрения, поскольку уголовное правоотношение, порожденное фактом совершения первого преступления, еще не реализовано до конца, а лицо, его совершившее, еще не утратив статус субъекта одного преступления, стало субъектом другого преступления. Другими словами, *даже в рамках юридической трактовки понятия лица, впервые совершившего преступление, следует ориентироваться не только на снятие, погашение судимости или ее отсутствие, но и на акт освобождения от уголовной ответственности, также прекращающий уголовное правоотношение, порожденное фактом преступления.* С. Г. Келина, одна из первых обратившая внимание на это обстоятельство, одновременно подчеркнула его значимость для любого вида освобождения от уголовной ответственности[303].

---

[302] См., напр.: Николаев П. М., Уразбаев Р. Ш. Закон допускает совершение некоторых преступных деяний многократно и безнаказанно // Законность. 2016. № 8. С. 34-36 ; Кострова М. Б. Термин «лицо, впервые совершившее преступление» в контексте взаимосвязи уголовного и иных отраслей российского права // Lex russica. 2015. № 8. С. 75-83 ; Ларина Л. Ю. Понятие лица, впервые совершившего преступление // Юридическая наука. 2014. № 1. С. 89-90 ; Корниенко В. Т. Понятие лица, впервые совершившего преступление // Российская юстиция. 2007. № 8. С. 51-53.

[303] Келина С. Г. Теоретические проблемы освобождения от уголовной ответственности : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1976. С. 9.

3. С наступлением обстоятельств первого (освобождения от уголовной ответственности) или второго (погашения или снятия судимости) рода лицо, совершившее преступление, утрачивает статус субъекта уголовного правоотношения, порожденного фактом совершения преступления, оно, как и раньше (до момента совершения преступления), – «только» лицо, обязанное соблюдать требования уголовного закона, оно – «просто» субъект уголовной ответственности. Отметим, что полное восстановление статуса лица, однажды совершившего преступление, происходит только применительно к уголовному праву, в то время как для иных отраслей права это лицо может быть по-прежнему лицом, совершившим преступление, лицом, привлекавшимся к уголовной ответственности, судимым и т. п. (например, для семейного, трудового, конституционного права)[304]. По-видимому, и такого рода соображения лежали в основе изменения редакции ч. 6 ст. 86 УК РФ Федеральным законом от 29 июня 2015 г. № 194-ФЗ[305]. Они объясняют и смысл ранее уже упомянутого разъяснения Пленума Верховного Суда РФ о том, что «если на момент совершения подсудимым преступления, в котором он обвиняется по рассматриваемому судом уголовному делу, его судимости сняты или погашены, то суд, исходя из положений части 6 статьи 86 УК РФ, не вправе упоминать о них в вводной части приговора. В таком случае суд указывает, что лицо является не судимым»[306].

4. Лицо, совершившее преступление, утратившее статус такого лица в силу освобождения от уголовной ответственности или погашения либо снятия судимости, и вновь после этого совершившее преступление, для уголовного закона – это лицо, впервые совершившее преступление. И хотя это фикция

---

[304] См., напр.: ст.331, 351.1 Трудового кодекса РФ ; ст.127, 146 Семейного кодекса РФ ; ст.3 ФЗ «О выборах Президента РФ» ; ст.4 ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ» ; ст.29 ФЗ «О полиции» ; ст.16 ФЗ «О Следственном комитете».

[305] О внесении изменения в статью 86 Уголовного кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 194-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 27. Ст. 3985.

[306] О судебном приговоре : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 (п.3) // БВС РФ. 2017. № 1. Впервые разъяснение подобного рода было дано в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания» от 29 октября 2009 г. № 20 // БВС РФ. 2010. № 1.

(И. А. Клепицкий) – это юридическая фикция, обусловленная действием механизма уголовно-правового регулирования. Она вполне пригодная для применения уголовного закона, и вопрос лишь в ее единообразном толковании. Употребление слова «впервые» в данном случае несет только уголовно-правовую нагрузку, оно оттеняет совершенное преступление, а точнее – лицо, его совершившее, от лиц, неоднократные преступные деяния которых не утратили уголовно-правовой актуальности с учетом опять же положений ст. 78 или ст. 86 УК РФ. С этой точки зрения Э. Г. Шкредова права, когда совершение одного преступного деяния рассматривает как антипод множественности преступлений[307]. Вместе с тем здесь нельзя рассуждать так: если множественность преступлений отсутствует, то налицо совершение преступления впервые. Нельзя потому, что, как уже отмечалось ранее, и несколько преступлений сразу, и только одно преступление могут быть совершены одним лицом впервые, а, например, длящееся преступление как разновидность единичного преступления может совершаться и не в первый раз. Наверное, не совсем прямолинейна и другая зависимость, презумпция, связанная с множественностью преступлений, когда исходят из того, что лицо, совершившее несколько преступлений, представляет повышенную общественную опасность в сравнении с совершившим одно преступление[308].

Таким образом, при наличии в уголовном законе положений об освобождении от уголовной ответственности и погашении либо снятии судимости вопрос об определении понятия лица, впервые совершившего преступление, предрешен этим же самым уголовным законом. В такой ситуации дополнение уголовного закона определением понятия лица, впервые совершившего преступление, – это, на наш взгляд, вопрос удобства правоприменения, и не более того.

---

[307] Шкредова Э. Г. Множественность преступлений в современной доктрине: понятие и признаки. // Журнал российского права. 2014. № 10 (214). С. 78-87.

[308] Кругликов Л. Л., Васильевский А. В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2003. С. 91. Этот небесспорный тезис сродни тому, когда утверждается, что преступление, совершенное в соучастии, более общественно опасно, в сравнении с преступлением, совершенным индивидуально.

Вопрос о законодательном определении понятия лица, впервые совершившего преступление, становится актуальным сам по себе уже тогда, когда-либо в самом законе, либо на правоприменительном уровне предлагается трактовка понятия лица, впервые совершившего преступление, отличная от той, которая вытекает из названных выше положений уголовного закона.

Принимая во внимание наличие на сегодняшний день в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ нескольких самостоятельных определений понятия лица, впервые совершившего преступление, применительно к (1) ст. 75, 76 УК РФ, (2) ст. 76^1 УК РФ, (3) ст. 76^2 УК РФ, (4) ст. 88 УК РФ, попытку предусмотреть легальное определение понятия лица, впервые совершившего преступление, в связи с введением в УК РФ 1996 г. категории уголовных проступков, решение вопроса о легальном определении понятия лица, впервые совершившего преступление, становится более чем актуальным. Такое определение в рамках действующего уголовного законодательства России, по нашему мнению, можно сформулировать следующим образом: *«лицо признается совершившим преступление впервые, если ранее оно не совершало преступления, либо, хотя и совершало его, но было освобождено от уголовной ответственности или, будучи осужденным за преступление, не является судимым за него на момент такого признания»*[309].

С предложенным определением понятия лица, впервые совершившего преступление, определением, хотя и отсутствующим в уголовном законе, но основанном на нем, следует обратить внимание на ряд обстоятельств.

Во-первых, необходимо еще раз подчеркнуть, что в данном случае речь идет об определении понятия *лица, впервые совершившего преступление*, а не *преступления, совершенного впервые.* По мнению А. Савкина, «впервые

[309] Несколько в иной редакционной форме и с небольшими содержательными отличиями подобные определения давали и другие авторы. См., напр.: Савкин А. Распространить норму о деятельном раскаянии на совершивших преступления средней тяжести // Рос. юстиция. 2002. № 5. С. 44 ; Завидов Б. Д., Борбат А. В. Общие проблемы и отдельные особенности некоторых положений уголовного права. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Владимирова О. А. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2015. С. 18.

совершенное преступление – это предусмотренное УК РФ деяние, которое лицо фактически совершает в первый раз…»[310]. Да, но после нескольких совершенных лицом преступлений преступлением, совершенным им впервые, может быть, например, кража. А потом, здесь нельзя делать акцент на совершенном преступлении, поскольку в законе акцент делается на лице, его совершившем, и в трактовке лица, совершившего преступление впервые, акцент делается именно на уголовно-правовом статусе такого лица, а не на уголовно-правовой значимости содеянного им. При разграничении рассматриваемых понятий интересно привести пример, решаемый в свое время Ю. В. Голиком при определении соотношения понятий «случайный преступник» и «случайное совершение лицом преступления». Справедливо критикуя авторов, отождествляющих эти понятия, Ю. В. Голик пишет, что «случайное преступление и случайный преступник – два различных понятия, отражающих два совершенно разных явления из нашей жизни: преступление – определенное законом деяние; преступник – лицо, совершившее это деяние»[311]. Однако, как представляется, называемые автором «явления из нашей жизни» без раскрытия их случайности не соответствуют понятиям, призванным их отражать. Это подтверждает и сам автор, в последующем называя различные комбинации сочетания случайных преступников, совершающих в том числе неслучайные преступления, и случайных преступлений, совершаемых в том числе неслучайными преступниками[312].

Данный пример, по нашему мнению, наглядно иллюстрирует одно: сравниваться и сопоставляться должно лишь сравнимое и сопоставимое. *Лицам, впервые совершившим преступление, должны противопоставляться* не преступления, совершенные впервые, не лица, их совершившие, а лишь *лица, сделавшие подобное не в первый раз, – лица, совершившие преступление неоднократно*. Игнорирование этого – в общем-то элементарного – требования

[310] Савкин А. Указ. соч. С. 44.
[311] Голик Ю. В. Случайный преступник. Томск, 1984. С. 26.
[312] Там же. С. 26-33 и др.

приводит к результатам, которые мало в чем убеждают, и пример такого рода, имеющий непосредственное отношение к рассматриваемой нами проблеме, приведем опять же из работы Ю. В. Голика. Изучение автором рецидива среди случайных преступников показало, что из них 12% вновь совершили преступление. Однако вместо ожидаемого показателя рецидива среди неслучайных преступников он приводит показатель рецидива среди «воров» (от 76 до 89%), «хулиганов» (47%), «бродяг» (60%)[313].

Во-вторых, поскольку уголовный закон в части определения сроков судимости не знает избирательности в отношении конкретных преступлений, постольку и позиция Пленума Верховного Суда РФ, допускающая такую избирательность в связи с применением ст. 76^1, 76^2 УК РФ, и подобные мнения некоторых ученых на этот счет[314], на наш взгляд, представляются уязвимыми.

В-третьих, в связи с приведенной выше формулировкой понятия лица, впервые совершившего преступление, нельзя оставить без внимания возражения некоторых специалистов по поводу «восстановительной» функции акта освобождения от уголовной ответственности.

Прежде всего, подчеркнем еще раз, что в данном случае речь идет о восстановлении статуса лица, совершившего преступление, только в уголовно-правовом, а не в общеправовом значении: акт освобождения от уголовной ответственности по «нереабилитирующим основаниям»[315] «превращает» (восстанавливает) лицо, совершившее преступление, в лицо, его не совершавшее, в уголовно-правовом смысле. Верно утверждение о том, что «всякое освобождение от уголовной ответственности нейтрализует правовые последствия совершенного преступления, а значит, освобожденное от уголовной

---

[313] Голик Ю. В. Случайный преступник. С. 57.

[314] О лицах, совершивших впервые конкретные преступления, говорит применительно к освобождению от уголовной ответственности, например: Дадакаев Э. Д. Институт деятельного раскаяния и его реализация при освобождении от уголовной ответственности : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2002. С. 6.

[315] Берем в кавычки только потому, что, как уже отмечалось ранее, освобождение от уголовной ответственности не может происходить по реабилитирующим основаниям, не может даже в случае, предусмотренном ст. 78 УК РФ, на чем настаивают А. Г. Кибальник и А. П. Попов. См.: Кибальник А. Г., Попов А. П. Указ. соч. С. 123.

ответственности по любым основаниям лицо, вновь совершившее преступление, юридически считается совершившим его впервые»[316]. Однако, как отмечалось ранее, верно оно только в части нейтрализации уголовно-правовых последствий совершенного преступления.

Дело в том, что некоторые специалисты и в этом качестве не видят восстанавливающей роли акта освобождения от уголовной ответственности. Так, В. Ч. Песлякас считает, что если лицо, совершившее преступление, ранее освобождалось от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, то оно не может считаться совершившим преступление впервые, поскольку такое освобождение не аннулирует уголовно-правовые последствия совершения преступления и означает недостаточность ранее принятых мер воздействия для исправления лица[317].

Р. К. Плиско считает недопустимым повторное освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим лица, к которому ранее применялась ст. 76 УК РФ, на том основании, что это будет провоцировать рецидив со стороны такого лица[318]. Об отсутствии рецидива при характеристике лица, претендующего на освобождение от уголовной ответственности по ст. 75 УК РФ, предлагает говорить Х. С. Шакиров[319].

Л. Ю. Ларина отказывает освобождению от уголовной ответственности в способности нейтрализовать уголовно-правовые последствия совершенного преступления постольку, поскольку таким образом «теряется исключительность

---

[316] См.: Уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. М., 1997. С. 482.

[317] Песлякас В. Ч. Уголовная ответственность и освобождение от нее : учебное пособие. Минск, 1988. С. 44.

[318] Плиско Р. К. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Владивосток,2009. С. 7. При этом автор считает, что и потерпевший не вправе вновь ставить вопрос о привлечении к уголовной ответственности лица, освобожденного от уголовной ответственности по ст. 76 УК РФ. См. также: Владимирова О. А. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2015. С. 18.

[319] Шакиров Х. С. Общий и специальные виды освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2005. С. 8.

уголовно-правовых норм, призванных применяться к лицам, не имеющим преступного опыта»[320].

Как представляется, в приведенных суждениях вместо аргументов о несостоятельности освобождения от уголовной ответственности в плане восстановления нормального уголовно-правового статуса лица приводятся главным образом соображения о недопустимости, нецелесообразности освобождения от уголовной ответственности лица, ранее уже совершавшего преступление, в том числе с освобождением от уголовной ответственности за него. Тем самым вместо полемики о юридической природе акта освобождения от уголовной ответственности, его значении в механизме уголовно-правового регулирования мы имеем полемику о целесообразности либо нецелесообразности такого освобождения не один раз. Первый вопрос – это вопрос юридического факта, второй – практической целесообразности и ее законодательной регламентации.

Весьма своеобразно обосновывают недопустимость юридической (уголовно-правовой) трактовки понятия лица, впервые совершившего преступление, А. А. Нечепуренко и В. В. Бабурин.

В дополнение к ранее высказанным положениям об уголовно-правовом значении акта освобождения от уголовной ответственности отметим, что, будучи состоявшимся, такой акт, за исключением применения его под условие (ст. 76^2, 90 УК РФ), исключает возможность возобновления уголовного преследования не только с теоретической точки зрения, но и с точки зрения действующего уголовного законодательства; он, бесспорно, аннулирует уголовно-правовые последствия ранее совершенного преступления путем освобождения лица, совершившего преступление, от обязанности подлежать уголовной ответственности за него. Никакой иной обязанности в рамках уголовного правоотношения, порожденного фактом совершения преступления, в этом случае просто нет. Поэтому названные выше сомнения в состоятельности юридического

[320] Ларина Л. Ю. Указ. соч. С. 90.

(уголовно-правового) понимания лица, впервые совершившего преступление, на наш взгляд, юридическими (уголовно-правовыми) не являются.

Самую большую степень нелогичности широкого понимания значения понятия «лицо, впервые совершившее преступление» в уголовном законодательстве высшей судебной инстанцией М. Б. Кострова видит в том, что оно сопровождается одновременным ужесточением неуголовного законодательства в этом вопросе: наличием целого ряда ограничений и запретов в сфере госслужбы, трудовых, семейных, избирательных прав, осуществления предпринимательской, общественной деятельности и т. п. для таких лиц. Как отмечает автор, «сегодня в России складывается парадоксальная ситуация: если по нормам самой репрессивной отрасли права человеку, неоднократно совершавшему преступления, в том числе и ранее судимому, но по формальным основаниям не считающемуся таковым, положена льгота-награда, то нормами иных отраслей права, регулирующих позитивные общественные отношения, для него установлено немало негативных последствий»[321]. По наблюдениям М. Б. Костровой, эти две тенденции особенно ярко пересекались между собой в 2010–2011 гг., в связи с чем автор высказывает предположение, что отечественный законодатель использует в УК РФ анализируемый термин совсем не в том значении, которое придается ему Верховным Судом РФ[322]. Это предположение поддерживает и О. С. Стадниченко, называя такую ситуацию абсурдной, когда «самая репрессивная отрасль права, направленная именно на защиту личности, общества, государства от преступных посягательств и восстановление социальной справедливости, является самой гуманной по отношению к лицам, имеющим устойчивую криминальную направленность. Это недопустимо и не позволяет в полной мере решать задачи, установленные ст. 2 УК»[323]. И М. Б. Кострова, и О. С. Стадниченко выход из создавшейся ситуации видят в одном – в легальном

[321] Кострова М. Б. Указ. соч. С. 81-82.
[322] Там же.
[323] Стадниченко О. С. Указ. соч. С. 38.

определении понятия лица, впервые совершившего преступление, в его фактическом буквальном значении.

Для того чтобы оценить приведенную ситуацию, следует напомнить, что Федеральным законом от 29 июня 2015 г. № 194-ФЗ ч. 6 ст. 86 УК РФ приняла следующий вид: «Погашение или снятие судимости аннулирует все правовые последствия, предусмотренные настоящим Кодексом, связанные с судимостью». Получается, что предположение М. Б. Костровой не лишено оснований, и российский законодатель, не давая определения понятия лица, впервые совершившего преступление, отличное от его судебного понимания, продолжает практику обособления уголовно-правовых последствий осуждения лица, совершившего преступление, от общеправовых последствий данного вида правонарушения, что в конечном итоге позволяет сохранять названную выше рассогласованность уголовного и неуголовного законодательства в реакции на совершенное преступление. Результатом такого подхода является то, что, с одной стороны, по воле законодателя отрицательные общеправовые последствия совершения преступления доминируют над отрицательными его уголовно-правовыми последствиями, с другой – манипулируя последними, правоприменитель вслед за законодателем минимизирует еще и отрицательные уголовно-правовые последствия в рамках уголовно-правовых отношений. Следует заметить, что последнее происходит не просто так, а в большинстве случаев за деятельное раскаяние в совершенном преступлении, доминирующей формой в котором все настойчивее становится возмещение причиненного преступлением вреда нередко в совокупности с дополнительными штрафными санкциями.

Приведенную выше ситуацию, наверное, можно объяснить соображениями какой-либо целесообразности, но с точки зрения механизма правового регулирования она выглядит странной. Правоотношение, порожденное фактом совершения преступления по поводу уголовной ответственности за содеянное, уже исчерпано, прекращено вместе с реализованной уголовной ответственностью или без таковой (в случае освобождения от нее), действие же ограничений в неуголовных отраслях права на лицо, совершившее преступление, продолжается,

и нередко оно носит пожизненный характер. В такой ситуации невольно напрашивается вопрос, а насколько такой общеправовой политике в отношении лиц, совершивших преступление, соответствует собственно уголовно-правовая политика в отношении этого же контингента?

В качестве промежуточного ответа на поставленный вопрос можно констатировать только одно: в уголовном законодательстве России отсутствует должная дифференциация уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в первый раз, и лиц, сделавших это неоднократно. Не отрицая юридической состоятельности и практической целесообразности определения понятия лица, впервые совершившего преступление, через призму ст. 78 и 86 УК РФ, представляется, что лица, охватываемые этим понятием, не должны поглощать первую категорию лиц, совершивших преступление: каждая из них может выступать самостоятельным объектом уголовно-правового воздействия. Оставаясь пока только в рамках законодательной «типологизации» лиц, совершивших преступление, к названным двум группам можно было бы добавить тех, кто не укладывается в юридическое (судебное) понимание лиц, впервые совершивших преступление, и лиц, совершивших преступления при различных видах рецидива.

Таким образом, на основе теоретико-прикладного анализа существующего законодательного понятия лица, впервые совершившего преступление, условно можно выделить четыре группы лиц, совершивших преступление:

– лица, впервые совершившие преступление, в значении лиц, совершивших преступление в первый раз в жизни (как самостоятельный объект уголовно-правового воздействия не выделяются ни в законодательстве, ни в официальном правоприменении);

– лица, впервые совершившие преступление, в значении судебного толкования (выделяются как самостоятельный объект уголовно-правового воздействия в законодательстве и в правоприменении, охватывают первую категорию лиц, совершивших преступление);

– лица, совершившие преступления не в первый раз, не входящие в круг лиц предыдущей категории (как самостоятельный объект уголовно-правового воздействия не выделяются ни в законодательстве, ни в правоприменении);

– лица, совершившие преступления не в первый раз при различных видах рецидива (выделяются как самостоятельный объект уголовно-правового воздействия в законодательстве и в правоприменении). Следует отметить, что из всех четырех названных категорий это единственная категория лиц, совершивших преступление, имеющая установленные законом параметры, соблюдаемые в правоприменении.

Посмотрим на то, как понятие лица, впервые совершившего преступление, и лица, им обозначаемые, отражаются в криминологии – общетеоретической и прикладной отрасли научного знания о преступности, исследующей сущность, содержание и формы проявления преступности, причины и закономерности ее возникновения и изменения, возможности и приемы ее уменьшения, изучающей особенности личности преступников, а также методы и средства общественного воздействия на причины и условия преступности в целях ее предупреждения[324].

4.2. Лицо, впервые совершившее преступление, в криминологии

Характеристика состояния законодательной регламентации понятия лица, впервые совершившего преступление, практической реализации законодательства в этой части и отражения попытки такой реализации в данных статистики преступности и судимости была бы неполной, если бы мы, рассмотрев «чисто» юридический (уголовно-правовой) аспект, оставили без внимания криминологическую характеристику данной проблемы.

Как отмечает А. И. Долгова, «ни один криминолог, какую бы научную школу он ни представлял, не может обойти проблемы, связанные с человеком,

[324] Козаченко И. Я., Корсаков К. В. Криминология : учебник и практикум для бакалавриата и специалитета. М., 2018. С. 15.

совершающим преступления»[325]. В этой связи уместны несколько вопросов: попадает ли в орбиту криминологических исследований лицо, впервые совершившее преступление, если попадает, какое значение ему при этом придается и имеет ли оно практическое звучание?

Тот факт, что понятие лица, впервые совершившего преступление, в криминологии мы рассматриваем в заключительных положениях раздела работы, посвященного состоянию проблемы, в какой-то степени уже предрешает ответ на поставленные выше вопросы.

Применительно к поставленному нами вопросу интересно звучит мысль, сформулированная и изложенная В. Н. Косаревым, о том, как и надолго ли личность человека, совершившего преступление, становится личностью преступника: «…начальным моментом, с которого личность человека становится специфической категорией – личностью преступника, признается момент совершения преступления. С этого времени социальный тип личности переходит во временное качественно новое состояние и социальное положение – в категорию личности преступника. И это состояние определяется не на всю оставшуюся жизнь, а лишь временно, до истечения определенных законом сроков, а именно до истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности, погашения либо снятия судимости. После истечения этих сроков состояние личности преступника прекращается, и лицо не считается преступником. Но приобретенные этим лицом качества, будучи в состоянии личности преступника, дают основания для изучения их криминологами с целью разработки мер по профилактике и предупреждению рецидива преступлений»[326]. Наверное, самая небесспорная часть приведенного суждения состоит в четко определенных автором границах существования категории «личность преступника»: момент совершения преступления – момент истечения сроков, определенных в ст. 78 и 86 УК РФ. Если за рамками этих сроков личность

---

[325] Криминология : учебник / под ред. А. И. Долговой. М., 2010. С. 375.

[326] Косарев В. Н. Структура и типология личности преступника и их значение для правоохранительных органов // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 9. С. 233.

преступника не существует, то кого и как изучает криминология «с целью разработки мер по профилактике и предупреждению рецидива преступлений», остается не совсем ясным. И может быть, не лишенным разумности в этой связи было предложение, высказанное в свое время авторами учебника под редакцией В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова о том, чтобы лиц, совершивших преступление, именовать просто «личностями людей, совершивших преступление»[327], которые отличаются от «личностей непреступников» только фактом совершения преступления[328]. Как представляется, названное предложение не утрачивает своей актуальности и в свете суждений, более гибко определяющих рамки «существования» личности преступника, когда, в частности, утверждается, что «совокупность качеств личности, детерминирующих преступление, возникает не в момент его совершения, а складывается в процессе всей предшествующей социальной практики индивида. Также эта совокупность не исчезает одновременно с совершением преступного деяния. Последующие события и обстоятельства жизни индивида, в особенности репрессивная часть, проблемы социальной адаптации, несомненно, влияют на личность преступника, изменяя в той или иной степени различные ее черты»[329].

Отметим, что в издании под редакцией В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова чуть ли не в единственном мы встретили указание на лиц, совершивших преступление впервые, в качестве самостоятельного типа. По такому основанию, как «длительность и устойчивость преступного поведения», этот тип выделяется наряду: 1) с особо злостными преступниками, для которых совершение преступлений является профессией и (или) которые объединяются в организованные группы, 2) злостными преступниками, совершившими несколько

---

[327] Криминология : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. М., 1997. С.17-19. Примечательно, что параграф пятый главы этого учебника, посвященной предмету криминологии, называется «Лицо, совершившее преступление», хотя и в этом параграфе, и в гл. 4 «Личность преступника» повсеместно речь идет только о «личности преступника» (С. 48-62).

[328] Криминология : курс лекции / сост. И. В. Розумень. Новосибирск, 2015. С. 39. Указывая на эти позиции, мы не предрешаем ответа на вопрос о состоятельности понятия «личность преступника», рассмотрение которого заслуживает отдельного исследования.

[329] Афанасьева О. Р., Гончарова М. В. Криминологический потрет личности преступника // Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. 2016. № 3. С. 41.

преступлений и находящимися в устойчивой оппозиции к обществу, но это не стало для них профессией и образом жизни, 3) лицами, повторно совершившими преступления в силу таких своих личностных особенностей, как неумение сопротивляться неблагоприятным обстоятельствам[330]. Вместе с тем следует отметить, что о лицах, впервые совершивших преступление, как о самостоятельной классификационной группе, типе личности преступника, более в учебнике речь не идет. Весьма эпизодически упоминаются такие лица и при характеристике рецидивной преступности. Так, отмечается, что «у преступников-рецидивистов система мотивов беднее и уже, чем система социальной мотивации поведения законопослушных граждан и лиц, совершивших преступление впервые»[331].

Большинство же специалистов, обращавшихся к исследованию проблемы личности преступника, если и называют тех, кто совершил преступление впервые, то в рамках других самостоятельных классификационных типов и групп, противопоставляя их тем, кто совершил преступление не в первый раз, «повторно», «неоднократно»[332]. Вместе с тем, при последующем рассмотрении отдельных категорий (групп, видов) лиц, совершивших преступление, мы не нашли ни одной работы, в которой бы содержалась характеристика лиц, впервые совершивших преступление. В этой связи не совсем ясно, чему (или кому) противопоставляется предпринимаемая время от времени криминологическая характеристика отдельных форм множественности преступлений (например, повторности, рецидива) и ее «личностей». Почему при характеристике лиц, совершающих преступления, по такому показателю, как интенсивность преступной деятельности, авторами известного курса по криминологии в свое время выделялись только повторность, рецидив, в том числе многократный,

---

[330] Криминология : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. М., 1997. С.54.

[331] Там же. С. 147.

[332] См., напр.: Антонян Ю. М., Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Личность преступника. СПб., 2004. С. 143-149.

специальный, особо опасный и т. п.[333], и ни слова не говорилось о первичной преступности? Если рецидивная преступность – это составная часть всей преступности, то почему не называется и не изучается вторая часть последней – первичная преступность. Повсеместно приводятся характеристика и отличия рецидивной преступности, однако при этом не говорится, в сравнении с чем называются такие особенности. При характеристике рецидивной преступности, ее причин и условий мы крайне редко находим упоминания о первичной преступности, о том, насколько эффективно состоялось и состоялось ли вообще уголовно-правовое, уголовно-исполнительное и прочее воздействие на первичную преступность. И такое положение характерно практически для всех криминологических работ в этом направлении. Правда, говоря об этом, нельзя не сказать и о том, что, по мнению Я. И. Гилинского, «каждый взрослый гражданин совершал в своей жизни преступления (то есть деяния, предусмотренные действующим уголовным законом) и неоднократно. В этом (криминологическом!) смысле – все мы преступники-рецидивисты…»[334]. Но если это так, то говорить о проблеме кратности преступлений в однократной или неоднократной ее разновидности вообще теряет всякий смысл. И может быть, тогда настало время уголовному закону реагировать лишь на деяния наиболее отъявленных рецидивистов, то есть только тех, кто, говоря словами автора, совершает «систематические грабежи и разбои»[335].

Отметим, что в работах криминологической направленности характеристика лица, совершившего преступление, нередко вообще не обособляется от характеристики преступного поведения. Между тем при всей взаимосвязанности таких характеристик они, на наш взгляд, все-таки самостоятельны. Говоря о классификации преступников, по характеру преступного поведения А. И. Долгова выделяет «первичное и повторное»

---

[333] Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник. М., 1985. С. 305-306.

[334] Гилинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб., 2014. С. 444.

[335] Там же.

преступное поведение, наряду с умышленным или неосторожным, насильственным и корыстным преступным поведением[336]. Более о первичном преступном поведении в этом издании не упоминается, и все внимание акцентируется на характеристике даже не повторного преступного поведения, а рецидивной преступности. Между тем в более раннем подобном издании А. И. Долгова справедливо отмечает, что «вероятность повторных преступлений во многом зависит от реагирования на первое преступление, а оценка лица, совершившего несколько преступлений, зависит от того, подвергалось ли оно мерам уголовно-правового воздействия»[337].

Упоминание о лицах, впервые совершивших преступление, лишено единообразия и в части отнесения таких лиц к той или иной классификационной группе или типу личности преступника. Показательна в этом отношении типология личности преступника, приведенная в одном из учебников по криминологии в конце прошлого века. В зависимости от «социального генезиса становления личности на преступный путь» авторы данного учебника выделили следующие «типы личности преступника»: «случайный», «ситуационный», «неустойчивый», «злостный» и «особо опасный». При этом первые три типа – это лица, впервые совершившие преступления[338]. Аналогичную классификацию преступников, но «по глубине и стойкости мотивационной направленности» мы встречаем в работе И. В. Розуменя, который лиц, впервые совершивших преступление, также включает в первые три классификационные группы, правда, наряду с другими лицами, совершившими преступление[339]. Отметим, что эта же позиция ранее была высказана в учебнике по криминологии под редакцией профессора В. Д. Малкова[340]. Такие же типы личности преступника («преступные типы»), но по характеру, степени общественной опасности нередко называются в

[336] Криминология : учебник / под ред. А. И. Долговой. М., 2010. С. 402-403.
[337] Криминология : учебник / под ред. А. И. Долговой. М., 1997. С. 746.
[338] Криминология : учебник / под ред. В. В. Орехова. СПб., 1992. С. 94.
[339] Криминология : курс лекций / сост. И. В. Розумень. Новосибирск, 2015. С. 45-46.
[340] Криминология : учебник для вузов / под ред. В. Д. Малкова. М., 2006. С. 93-94.

других изданиях. При этом лица, впервые совершившие преступление, как правило, упоминаются в группах лишь «случайного» и «неустойчивого» типов[341].

Фрагментарное упоминание в учебно-научной литературе по криминологии о лицах, совершивших преступление впервые, сопровождается немалым количеством таких источников, в которых эта категория лиц вообще не вспоминается. Это имеет место даже в таком фундаментальном и, как его назвал сам автор (В. В. Лунеев), «уникальном» курсе мировой и российской криминологии. Отмеченное обстоятельство можно было бы объяснить тем, что кратность преступлений вообще не интересует автора как криминологическое явление. Однако, подразделяя личности преступников «по глубине и стойкости антисоциальной направленности», автор называет среди них «ситуационных» и «неустойчивых» преступников, а в числе «злостных» прямо говорит о «неоднократно совершающих преступления»[342].

Подводя итог обзору учебной литературы по криминологии, следует признать, что в ней проблема лиц, впервые совершивших преступление, сама по себе или в плане сравнения с рецидивной преступностью, если и обозначается, то без какой-либо конкретной характеристики. Что касается специальных научных исследований, в которых названная проблема могла бы затрагиваться и, прежде всего, работ, посвященных личности преступника, рецидивной преступности, то и в них определенного ответа на вопрос об отличиях вторичной (рецидивной) преступности от первичной, о необходимости и обоснованности избирательного реагирования на преступления, совершенные впервые, мы не нашли.

Для работ, посвященных рецидивной преступности, личности рецидивиста, характерно то, что в них предмет исследования ограничивается анализом характера поведения лиц, уже имеющих судимость и совершающих новое преступление. Лица, совершившие преступление, не имеющие судимости, остаются, как правило, вне рамок таких исследований и вне криминологического

---

[341] См., напр.: Латыпов Р.И. Шпаргалка по криминологии. М., 2005. С. 13-14.

[342] Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии : учебник. В 2 т. Т. 1. Общая часть. М., 2011. С. 660.

внимания вообще. Попытку исправить этот недостаток предприняла Т. В. Серкова, которая, основываясь на судебной трактовке понятия лица, впервые совершившего преступление, отметила, что за время действия УК РФ в среднем более половины лиц, в отношении которых уголовное преследование прекращалось по нереабилитирующим основаниям, было осуждено за вновь совершенные ими преступления, причем тяжкие либо особо тяжкие. Таким образом, продолжает автор, «происходит фальсификация уровня уголовно-правового рецидива путем неучитывания умышленных преступлений, в связи с которыми виновные лица освобождались от уголовной ответственности при совершении ими новых умышленных преступлений. Получается, что фактически повторное преступное поведение наличествует, в то время как юридически его нет». Автор анализирует структуру личности преступника, совершившего повторное общественно опасное деяние, по отдельным ее элементам. При этом отмечает, что для лиц, неоднократно привлекаемых к уголовной ответственности, характерно то, что они не собираются исправляться, намеренно ведут антиобщественный образ жизни, пытаются не следовать требуемой в обществе форме поведения[343]. Но в работе даже не предпринимается попытка ответить на вопрос, почему произошла повторность преступлений. Без ответа остается и, пожалуй, не менее интересный вопрос: отличается ли характеристика личности рецидивиста от личности преступника, совершившего повторное уголовно-противоправное деяние без осуждения за него?

Раскрывая такой показатель уголовно-правовой характеристики личности преступника, как интенсивность преступной деятельности, О. Р. Афанасьева и М. В. Гончарова называют в качестве его параметров «впервые совершенное преступление, прошлые судимости или фактический рецидив». Отмечая, что в 2015 г. каждый второй ранее совершал преступления и около одной трети из них были ранее судимыми, авторы делают вывод: «Подобная особенность

[343] Серкова Т. В. Личность преступника, совершившего повторное общественно опасное деяние // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2015. Т. 25. Вып. 4. С. 141-143.

свидетельствует об антиобщественной направленности таких лиц, о низкой эффективности постпенитенциарной профилактики преступлений»[344]. Во-первых, трудно признать корректными названные параметры интенсивности преступной деятельности, поскольку в уголовно-правовой характеристике не может быть, например, «прошлых судимостей», а если уж о них идет речь, следует учитывать и «настоящие судимости». Сказанное касается и «фактического рецидива», в связи с чем остается неясным, подлежит ли здесь учету «юридический рецидив»? Во-вторых, представляется не лишенной наивности предлагаемая авторами зависимость количества вновь совершаемых преступлений от низкой эффективности «постпенитенциарной профилактики преступлений». При этом как бы презюмируется эффективность предшествующей профилактики, включая допенитенциарную и пенитенциарную профилактику. С чем не поспоришь в позиции О. Р. Афанасьевой и М. В. Гончаровой, так это с тем, что «развитие преступности во многом обусловлено тем, что одни и те же лица повторно совершают преступления, приобретая устойчивые криминальные навыки, антиобщественные установки и интересы»[345]. Так, может быть, в этой связи и следует посмотреть на то, как реагирует уголовный закон на первичную преступность и почему повторно совершаются преступления; может быть, следует не только бороться с рецидивом, когда он уже есть, а предупреждать его различными, в том числе уголовно-правовыми, средствами, действуя избирательно на лицо, впервые совершившее преступление. В этой связи по-прежнему не лишенной актуальности является мысль Н. П. Дубинина, И. И. Карпеца и В. Н. Кудрявцева о том, что социальный эффект, достигаемый путем предупреждения преступлений, несравненно больше, чем эффект от применения наказаний за каждое правонарушение[346].

Так или иначе, но в тех криминологических работах, в которых содержатся упоминания о лицах, впервые совершивших преступление, они обычно

---

[344] Афанасьева О. Р., Гончарова М. В. Указ. соч. С. 43.

[345] Там же. С. 46.

[346] Дубинин Н. П., Карпец И. И., Кудрявцев В. Н. Генетика, поведение, ответственность: О природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения. М., 1989. С. 295-296.

рассредоточиваются в трех типах личности преступника – «случайный», «ситуационный», «неустойчивый». Для полноты представления о таком методе поиска лиц, впервые совершивших преступление, более внимательно посмотрим на работу Ю. В. Голика «Случайный преступник».

Автор, на наш взгляд, справедливо критически относится к утверждению В. Д. Филимонова о том, что «отсутствие в прошлом преступной деятельности является обязательным условием отнесения лица к категории случайных преступников»[347]. Вместе с тем более низкий показатель рецидива среди таких преступников, в сравнении с другими типами личности, закономерен и может свидетельствовать о небольшой степени их общественной опасности[348].

Ю. В. Голик определяет случайного преступника как «лицо с общей положительной направленностью, совершившее преступление в результате временного проявления несвойственной для него активности антиобщественных свойств, вызванного сильным воздействием на его сознание и волю обстоятельств внешнего мира»[349]. Но это определение настолько «многофакторно», что вызывает сомнение в возможности действительно изучить личность такого преступника и, что не менее важно, найти практическое применение результатам такого изучения. Это признает и сам автор, когда отмечает разнородность группы случайных преступников. Последующее же выделение им видов случайных преступников еще более растворяет эту категорию преступников среди других, в том числе неслучайных преступников. Даже неосторожные преступления, по мнению Ю. В. Голика (и мы его разделяем), – это удел не только случайных преступников[350].

Рассматривая «уголовно-правовые проблемы случайного преступника», Ю. В. Голик постоянно подчеркивает «сравнительно небольшую (пониженную)

---

[347] Голик Ю. В. Случайный преступник. Томск, 1984. С. 55.
[348] Там же. С. 57.
[349] Там же. С. 38.
[350] Там же. С. 79. См. также: Дагель П. С. Проблема типологии и классификации личности неосторожных преступников // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1978. Вып. 28. С. 12.

степень» общественной опасности совершаемых им преступлений[351]. Вместе с тем наиболее существенным основанием смягчения уголовной ответственности таких преступников автор называет «небольшую общественную опасность личности случайного преступника», воспроизводя при этом мысль В. Д. Филимонова о том, что «степень опасности преступника зависит *от степени опасности возможного в будущем нового преступления* и, кроме того, от степени *его вероятности*»[352]. При этом Ю. В. Голик отмечает, что случайные преступники, как правило, никаких новых преступлений в будущем не совершают[353]. В стремлении отразить названные обстоятельства в уголовном законе автор предлагает в противовес понятию особо опасного рецидивиста (ст. 24^1 УК РСФСР 1960 г.) ввести в закон понятие малоопасного (случайного) преступника с пониженной уголовной ответственностью за совершаемые им преступления, круг которых будет определен в законе[354]. Автором предлагается также ряд иных льготных мер уголовно-правового воздействия на малоопасного преступника, в том числе на стадии назначения и применения наказания[355].

Для своего времени работа Ю. В. Голика, несомненно, имела прогрессивное значение в плане обоснования дифференциации уголовной ответственности с учетом одного из параметров, характеризующих личность преступника. В связи с переносом акцентов в уголовной ответственности с личности на деяние, ею совершенное, в УК РФ 1996 г. наиболее оптимальной законодательной конструкцией, отражающей такую дифференциацию, на наш взгляд, выступает понятие «лицо, впервые совершившее преступление». При этом подчеркнем еще раз, по нашему мнению, бесспорное.

В первый раз в жизни может быть совершено преступление любой категории тяжести, при этом случайным преступником может быть тот, кто совершил особо тяжкое преступление, а особо злостным – тот, кто совершил

---

[351] Голик Ю. В. Указ. соч. С. 129-135.
[352] Филимонов В. Д. Общественная опасность личности преступника. С. 228.
[353] Голик Ю. В. Указ. соч. С. 136.
[354] Там же. С. 143-146.
[355] Там же. С. 146-164.

преступление небольшой тяжести. Поэтому, на наш взгляд, тщетны попытки искать особенности характеристики таких лиц в рамках существующей в криминологии типологизации преступников. Важно, адекватно реагируя на факт совершения преступления впервые, эту адекватность подчинять предупреждению совершения лицом нового преступления.

В криминологии, как бы мы ее ни называли – «общетеоретической» или «обычной»[356], – нет личности впервые совершившего преступление, есть личность «просто» преступника, которой противостоит личность рецидивиста[357]. При этом в понятии личности преступника «растворяются» все возможные типологии таковых: тех, кто совершил преступление в первый раз, но признается совершившим преступление впервые в юридическом (уголовно-правовом) значении, или тех, кто совершил несколько преступлений, но ни за одно из них не был осужден и т. д. Таким образом, искать решение проблемы лиц, впервые совершивших преступление, в криминологии бессмысленно, потому что для нее (криминологии) этой проблемы нет, для традиционной криминологии проблема – рецидив[358]. Не случайно, что в преддверии принятия УК РФ 1996 г. внимание специалистов фокусировалось не вообще на проблеме кратности преступлений и ее отражении в уголовном законе, а лишь на «институте рецидивной преступности», в связи с чем, например, предлагалось отказаться от понятия особо опасного рецидивиста, но более строго наказывать все виды рецидива[359],

---

[356] Горшенков Г. Н. Наказание как объект общетеоретической криминологии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 2 (45). С. 19.

[357] В контексте рассматриваемой нами проблемы мы не упоминаем в данном случае о «личностях» корыстного, насильственного и т. п. преступников.

[358] Следует отметить, что одним из первых в отечественном уголовном праве характеристику рецидива преступлений дал А. В. Лохвицкий в своем авторском курсе, изданном в 1867 г. При этом речь шла именно об уголовно-правовой характеристике этого понятия в противопоставлении его совокупности преступлений. См.: Лохвицкий А. В. «Курс Русскаго уголовнаго права». СПб., 1867. С. 165-180. Легальное закрепление понятия рецидива произошло впервые в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. («совершено ли деяние профессиональным преступником (рецидивистом) или первичным» (п. «г» ст. 12).

[359] Келина С. Г. Современные тенденции развития уголовного законодательства и уголовно-правовой теории // Современные тенденции развития уголовной политики и уголовного законодательства. М., 1994. С. 43.

включить в ряд статей Особенной части УК такой квалифицирующий признак, как совершение ранее тождественного или однородного деяния[360].

Почему в криминологии не выделяется и не изучается личность впервые совершившего преступление? Осмелимся предположить, что в этом не видят практической полезности, подобной, например, той, которая видится в связи с изучением личности рецидивиста. Парадокс в том, что мы более обеспокоены угрозой совершения новых преступлений со стороны рецидивистов, чем со стороны тех, кто совершил преступление впервые. Между тем очевидно, что решение последней проблемы предопределяет решение первой, выступает как минимум одним из наиболее действенных средств воздействия на нее[361]. Однако как это можно принять, если на уровне практически официальной доктрины озвучивается несколько иная логическая установка: существование преступности лиц, ранее совершивших преступления, обусловлено факторами, характерными для преступности в целом. «Основные факторы, детерминирующие первичные преступления, действуют и при повторных деликтах»?[362]

Для криминологии нет проблемы эффективности уголовной ответственности и наказания[363], а соответственно, нет и проблемы дифференциации того и индивидуализации другого. Последняя на сегодняшний день всецело в поле зрения уголовно-правовой науки, но почему-то и в этом «поле» не особенно заметно лиц, впервые совершивших преступление.

---

[360] Побегайло Э.Ф. О криминологической обоснованности реформы уголовного законодательства // Современные тенденции развития уголовной политики и уголовного законодательства. М., 1994. С. 26.

[361] И не является ли такая зависимость одной из тех, о которых в своей работе говорит М. Гудман?. См.: Goodman M. Future Crimes: Everything is Connected, Everyone is Vulnerable, and What We Can Do About It./ M. Goodman. Doubleday, 2015. 392 p.

[362] Состояние и тенденции преступности в Российской Федерации: криминологический и уголовно-правовой справочник / под ред. А. Я. Сухарева, С. И. Гирько. М., 2007. С. 88.

[363] Хотя и в криминологии стали привлекать внимание к идее определения возможностей результативного предупреждения преступлений через принуждение как цели общетеоретического учения о наказании. См., напр.: Горшенков Г. Н. Указ. соч. С. 22.

Раздел II. РАЗВИТИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, ВПЕРВЫЕ СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

В предыдущем разделе работы мы предприняли попытку охарактеризовать современное состояние уголовно-правовой политики в отношении лиц, впервые совершивших преступление. Содержательно такая характеристика, как представляется, охватила и правотворчество, и правоприменение (применение уголовного законодательства) в интересующем нас аспекте, то есть все основные формы реализации уголовно-правовой политики. С постановкой задачи дальнейшего развития последней наше внимание в силу отмеченного обстоятельства будет фокусироваться главным образом только на одной из названных форм – совершенствовании уголовного, а в некоторых случаях и уголовно-процессуального, законодательства.

ГЛАВА 1. ОБ ОБЩИХ ВОПРОСАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, ВПЕРВЫЕ СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

1.1. Совершение преступления впервые: обоснованность введения в уголовный закон и значение среди других обстоятельств

Предваряя освещение вопроса об отражении в уголовном законе факта совершения преступления впервые в различных аспектах его понимания с точки зрения должного, следует *выяснить уголовно-правовую значимость данного обстоятельства среди других обстоятельств, определяющих принятие того или иного уголовно-правового решения* в действующем уголовном законодательстве.

При характеристике отечественного уголовного законодательства на предмет отражения в нем факта совершения преступления впервые мы уже обращали внимание на то, что данное обстоятельство само по себе, как правило, не имеет самостоятельного уголовно-правового значения, для чего требуется наличие дополнительных условий. Причем в ряде случаев, предусмотренных в уголовном законе, такие *условия* имеют значение *основания* применения той или

иной меры уголовно-правового характера (например, деятельное раскаяние, примирение с потерпевшим). В этой связи посмотрим на то, *как* совершение преступления впервые на сегодняшний день определяет действие норм, предусмотренных в соответствующих статьях УК РФ. Рассмотрим поставленный вопрос, следуя хронологии текста УК РФ, хотя очевидно, что в этой хронологии есть свои закономерности, определяющие суть той или иной стадии уголовного преследования.

В **ч. 1 ст. 53[1] УК РФ** предусмотрена возможность назначения наказания в виде принудительных работ как альтернативы лишению свободы. Уголовно-правовая значимость факта совершения преступления впервые здесь осложняется дополнительными условиями: 1) категорией совершенного преступления (тяжкое преступление); 2) назначением наказания в виде лишения свободы; 3) назначением наказания в виде лишения свободы на срок не более пяти лет; 4) выводом суда о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания в местах лишения свободы.

Обоснованность замены лишения свободы принудительными работами на стадии назначения наказания в зависимости от факта совершения преступления впервые сомнительна потому, что подобный механизм «замены наказания», причем не только лишения свободы, но и некоторых других видов наказания, уже предусмотрен при регламентации условного осуждения (ст. 73, 74 УК РФ)[364]. К тому же в последнем случае отсутствует обусловленность условного осуждения категорией преступления, да и максимальный срок наказания в виде лишения свободы (восемь лет) охватывает тот, который установлен в ст. 53[1] УК РФ. Показательно, что с началом реального применения наказания в виде принудительных работ с 1 января 2017 г. число условно осужденных к лишению свободы принципиально не изменилось. Если в 2015 г. этот показатель составлял

[364] На схожесть регламентации принудительных работ и условного осуждения уже обращалось внимание в литературе. См., напр.: Габараев А. Ш., Дикопольцев Д. Е. Принудительные работы в системе наказаний, альтернативных лишению свободы: проблемы теории и практики // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2019. № 2. С. 25-27.

172 942 осужденных, то по итогам 2018 г. – 172 820 осужденных. Снижение названного показателя в 2019 г. до 161 625 осужденных объясняется общим снижением количества осужденных на 60 000 лиц по сравнению с предшествующим 2018 г., которое отразилось на показателях количества осужденных по всем основным видам наказаний[365]. Что касается периода 2020–2023 гг., то показатели условного осуждения к лишению свободы не только не снизились по сравнению с 2015 г. (23,3%), но возросли, достигнув 28% в 2021 г. (2020 г. – 27,8%, 2023 г. – 23,7%). Как представляется, отмеченное обстоятельство дополнительно усиливает сомнения в целесообразности наказания в виде принудительных работ в том виде, как они регламентированы в ст. 53^1 УК РФ[366], хотя нельзя не отметить и рост показателя осужденных к этому виду наказания в период 2017–2019 гг. с 587 до 2 117 осужденных, с последующим его снижением до 917 осужденных по итогам 2021 г. В 2022 г. количество осужденных к наказанию в виде принудительных работ резко и значительно возросло, достигнув показателя в 3 566 человек. Однако при этом количество представлений о замене принудительных работ лишением свободы в связи с уклонением осужденного от отбывания принудительных работ либо признанием осужденного к принудительным работам злостным нарушителем порядка и условий отбывания принудительных работ (ч. 6 ст. 53^1 УК РФ, п. 2^1 ст. 397 УПК РФ) превысило первый показатель, составив 3 998, из них удовлетворено 2 820. Ситуация с назначением данного вида наказания серьезно изменилась по итогам 2023 г.: принудительные работы были назначены 17 333 осужденным. Вместе с тем по-прежнему высоким является показатель замены этого вида наказания более

---

[365] Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2015-2019 гг. В дальнейшем в рамках данного раздела показатели, характеризующие состояние судимости в России, приводятся из названного источника.

[366] О замечаниях по поводу законодательной регламентации ст.53^1 УК РФ см., напр.: Рарог А. И. Ошибка законодателя: виды, причины, пути исправления // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4. С. 95-103 ; Торговченков В. И., Плужников Д. Ю. Принудительные работы - самостоятельный вид наказания или только альтернатива лишению свободы? // Законность. 2018. № 12. С. 32-35 ; Якубина Ю. П. Проблемы исполнения уголовного наказания в виде принудительных работ и пути их решения // Современное право. 2018. № 4. С. 114-116.

строгим (лишением свободы): из 11 519 оконченных производством представлений начальников исправительных центров о замене неотбытой части наказания в виде принудительных работ лишением свободы судами было удовлетворено 7 574, что составило 44% от общего числа осужденных к этому виду наказания[367].

Что касается формальной значимости факта совершения преступления впервые в назначении наказания в виде принудительных работ, то, согласно данным судебной статистики, при осуждении за тяжкое преступление этот вид наказания назначается примерно 20% осужденных. Об эффективности такой практики трудно говорить потому, что в данных судебной статистики показатель замены принудительных работ (ч. 6 ст. 53^1 УК РФ), который, например, по итогам 2018 г. (один из самых активных периодов назначения этого вида наказания) составил 35%[368], не дифференцируется по категориям преступлений, за совершение которых лицо, их совершившее, осуждено к принудительным работам.

Следует признать также, что учет факта совершения преступления впервые при назначении наказания в виде принудительных работ отступает на второй план в сравнении с общими проблемами в регламентации и назначении данного вида наказания[369].

В **ч. 1 ст. 56 УК РФ** предусмотрено положение, согласно которому наказание в виде лишения свободы не должно назначаться осужденному, совершившему впервые преступление небольшой тяжести. Это правило, которое

---

[367] Данные приводятся из Отчета о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции (разделы 2, 4) за 2023 год. URL: www.cdep.ru (дата обращения: 27 августа 2024 г.).

[368] Рассчитан как результат соотношения между числом осужденных к принудительным работам за 2018 г. (1038) и числом осужденных, которым данный вид наказания заменен наказанием в виде лишения свободы (359) // Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции Сводных статистических сведений о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018 год. URL: www.cdep.ru (дата обращения: 23.08.2024).

[369] См. об этом, напр.: Бриллиантов А. В. Принудительные работы // Уголовное право. 2023. № 8. С. 21-27 ; Лапшин В. Ф. Принудительные работы как вид «внесистемного» уголовного наказания // Журнал российского права. 2021. № 5. С. 55-67.

сам Верховный Суд РФ называет «общим»[370], может не соблюдаться при наличии отягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 63 УК РФ, за исключением преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ, или только если соответствующей статьей Особенной части УК РФ лишение свободы предусмотрено как единственный вид наказания.

Оценивая уголовно-правовую значимость факта совершения преступления впервые, следует отметить, что она в данном случае достаточно серьезна и ограничивается только одним дополнительным условием: одной категорией преступлений – небольшой тяжести. Вместе с тем, возможно, в силу предусмотренных в законе изъятий либо в силу высокого удельного веса лиц, не подпадающих под признаки впервые совершивших преступление, на практике удельный вес лиц, осуждаемых за преступления небольшой тяжести к наказанию в виде лишения свободы, весьма значителен. Так, по итогам 2021 г. из 287 832 осужденных за преступления небольшой тяжести (51% от общего числа осужденных) 44 740 лиц были осуждены к реальному и еще 45 797 осужденных к условному лишению свободы, что в сумме составило около 32% от общего числа осужденных за преступления небольшой тяжести. Схожие показатели наблюдаем и по итогам 2023 г.: из 272 027 осужденных за преступления небольшой тяжести (48,9% от общего числа осужденных) 43 940 лиц осуждены к реальному и еще 33 755 к условному лишению свободы, что в сумме составило примерно те же самые показатели от общего количества осужденных за преступления небольшой тяжести (28,6%)[371].

Общее правило, предусмотренное в ч. 1 ст. 56 УК РФ, несомненно, заслуживает одобрения, даже несмотря на то, что ответ на вопрос о понятии осужденного, совершившего впервые преступление небольшой тяжести, до настоящего времени в судебной практике остается открытым. В этой связи,

---

[370] См. п.5: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2013 года : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04 июня 2014 г. // БВС РФ. 2014. № 9.

[371] О практике назначения наказания в виде лишения свободы, см. также: Федотова Е. Н. Современная практика назначения уголовного наказания в виде лишения свободы на определенный срок // Адвокатская практика. 2022. № 4. С. 33-36.

например, в одном случае Верховный Суд РФ исходит из того, что к лицам, впервые совершившим преступление небольшой тяжести, следует относить ранее не судимых осужденных[372]. В другом случае Верховный Суд РФ допускает признание таковым лицо, осужденное по совокупности преступлений, включающей в себя два особо тяжких преступления и одно небольшой тяжести[373].

Однако в целом позиция законодателя в рассматриваемом вопросе, на наш взгляд, не лишена противоречия. Если по общему правилу лишение свободы не назначается за впервые совершенное преступление небольшой тяжести, то непонятно, почему этот вид наказания в ряде санкций статей Особенной части УК РФ вообще предусмотрен за такое преступление. Если это обусловлено названными в ч. 1 ст. 56 УК РФ исключениями, то логично было бы учесть уголовно-правовое значение таких обстоятельств либо в разнообразии видов наказания, не связанных с лишением свободы, в сроках и размерах отдельных из них, либо в сочетании того и другого. Если это обусловлено совершением преступления небольшой тяжести не в первый раз, то, может быть, следовало данное обстоятельство отразить в квалифицированном составе преступления, как это имело место в Положении о воинских преступлениях от 31 октября 1924 г. в отношении уголовной ответственности за побег (ст. 6, 7). В противном случае мы имеем ситуацию, при которой «частности» по сути поглощают значимость общего правила, «невидимость» которого в статьях (частях статей) Особенной части УК РФ приводит к выводу о том, что, например, норма, предусмотренная в ч. 1 ст. 158 УК РФ, изначально ориентирована на лицо, совершившее кражу не в первый раз.

Небеспочвенность высказанных нами сомнений подтверждается ответом Верховного Суда РФ на вопрос, поступивший из судов по применению амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.:

---

[372] См., напр. п. 2: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16 февраля 2017 г. : ред. от 26 апреля 2017 г. // БВС РФ. 2018. № 1-3.

[373] См., напр. п.5: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2013 года : утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 04 июня 2014 г. // БВС РФ. 2014. № 9.

«6. Вопрос: Подлежит ли прекращению уголовное дело на основании подпункта 3 пункта 6 Постановления об амнистии в отношении лица, совершившего преступление небольшой тяжести, *если санкция статьи предусматривает наказание в виде лишения свободы,* однако данный вид наказания не может быть применен к лицу в соответствии с положениями ч. 1 ст. 56 УК РФ?

Ответ: Нет, не подлежит, поскольку подпункт 3 пункта 6 Постановления об амнистии предполагает прекращение уголовных дел в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, за которые *санкцией статьи Особенной части УК РФ не предусмотрено наказание, связанное с лишением свободы*»[374] (курсив наш. – *Д. П.*).

Согласно **п. «а» ч. 1 ст. 61 УК РФ** совершение впервые преступления небольшой или средней тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств признается смягчающим наказание обстоятельством. Уголовно-правовая значимость факта совершения преступления впервые здесь осложняется двумя дополнительными условиями: 1) категорией совершенного преступления (небольшой или средней тяжести) и 2) совершением преступления одной из названных категорий вследствие случайного стечения обстоятельств.

Согласно ч. 2 ст. 61 УК РФ при назначении наказания в качестве смягчающих его обстоятельств могут учитываться и такие, которые не предусмотрены в ч. 1 этой статьи. Это означает, что суд, во-первых, может признать смягчающим наказание обстоятельством факт совершения впервые преступления любой категории тяжести, а не только небольшой или средней тяжести, а во-вторых, признать уголовно-правовую значимость такого факта

---

[374] Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению постановлений Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 24 апреля 2015 г. № 6576-6 ГД «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» и от 24 апреля 2015 г. № 6578-6 ГД «О порядке применения Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29 июля 2015 г. // БВС РФ. 2015. № 12.

безотносительно к случайному стечению обстоятельств[375]. Сделанные выводы находят свое подтверждение и в практике Верховного Суда РФ. Так, по одному из дел в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ прямо говорится о том, что в соответствии с ч. 2 ст. 61 УК РФ признание совершения преступления впервые смягчающим обстоятельством не исключается и при других условиях, помимо указанных в п. «а» ч. 1 данной статьи[376]. В такой ситуации представляется излишним осложнение факта совершения преступления впервые какими-либо иными требованиями, да и указание на совершение преступления впервые – не более чем ориентир уголовно-правовой политики на стадии назначения наказания.

Вместе с тем следует отметить, что в судебной практике Верховного Суда РФ есть примеры и прямо противоположного толкования ч. 1, 2 ст. 61 УК РФ. По одному из дел в определении Верховного Суда РФ отмечается, что «совершение З. преступлений впервые согласно п. “а” ч. 1 ст. 61 УК РФ не является обстоятельством, смягчающим его наказание, поскольку им совершены преступления, не относящиеся к преступлениям небольшой тяжести, и совершены они не вследствие случайного стечения обстоятельств»[377]. В другом определении судебной коллегии по уголовным делам говорится о том, что «предусмотренное п. “а” ч. 1 ст. 61 УК РФ смягчающее наказание обстоятельство – совершение преступления впервые относится только к преступлениям небольшой и средней тяжести, совершенным вследствие случайного стечения обстоятельств, а преступление, за которое осужден Черных Л. И. в соответствии с ч. 5 ст. 15 УК

---

[375] Вместе с тем в литературе присутствует и другая позиция по этому вопросу. Так, в одном из комментариев УК РФ говорится, что суд может учитывать в качестве смягчающих наказание и иные обстоятельства, не указанные в законе, но, если они указаны, изменять их содержание суд не вправе. См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). В 2 т. Т.1 / под ред. А. В. Бриллиантова. М., 2015.

[376] Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 марта 2017 г. №78-АПУ17-5. Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» ; См. также: Кассационное определение Верховного Суда РФ от 23 июля 2009 г. № 93-о09-10сп. Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[377] Кассационное определение Верховного Суда РФ от 28 октября 2010 г. № 66-О10-156сп. Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

РФ, относится к особо тяжким преступлениям»[378]. Как представляется, и в том, и в другом случае суд оставил без внимания положения ч. 2 ст. 61 УК РФ.

Статья **80^1 УК РФ** предусматривает правило, согласно которому «лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, освобождается судом от наказания, если будет установлено, что вследствие изменения обстановки это лицо или совершенное им преступление перестали быть общественно опасными». Заметим, что до 2003 г.[379] рассматриваемое правило, но с другим уголовно-правовым последствием было предусмотрено в ст. 77 УК РФ, в которой речь шла об освобождении от уголовной ответственности. Прежняя и действующая нормы об уголовно-правовом значении изменения обстановки отличаются еще и двумя менее заметными обстоятельствами. Во-первых, норма, предусмотренная в ст. 77 УК РФ, имела диспозитивный характер (в ней шла речь о возможности освобождения от уголовной ответственности), а норма, предусмотренная сегодня в ст. 80^1 УК РФ, имеет императивный характер («освобождается судом от наказания»). Следует, однако, заметить, что при наличии и в том, и в другом случаях оговорки «если будет установлено» обе нормы применялись и применяются в режиме усмотрения, и в этой связи содержание ст. 80^1 УК РФ лишь более корректно с точки зрения юридической техники. Во-вторых, изменение уголовно-правового последствия изменения обстановки с освобождения от уголовной ответственности на освобождение от наказания, скорее всего, обусловило и замену слова «деяние» на слово «преступление» в словосочетании «совершенное им…».

Если до 2003 г. проблемы применения ст. 77 УК РФ в основном были связаны с неоднозначностью формулировок изменения обстановки и ее влияния на утрату общественной опасности, то после этого к ним добавились проблемы иного рода. Так, очевидно, что изменение обстановки, обусловившее утрату

---

[378] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.12.2020 по делу № 10-УД20-9. Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[379] О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 08 декабря 2003 г. № 162-ФЗ : ред. от 07 декабря 2011 г. // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

общественной опасности преступления или лица, его совершившего, может иметь место еще на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, но освободить лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, в такой ситуации невозможно ни от уголовной ответственности (потому что в законе такое основание отсутствует), ни от наказания (потому что уголовное преследование еще не дошло до стадии его назначения), и требуется рассмотрение дела по существу в судебном порядке. В этой связи возникает вопрос: должно ли такое рассмотрение завершаться постановлением обвинительного приговора с назначением наказания или без назначения наказания? Из трех видов обвинительного приговора, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством, в данном случае, скорее всего, речь может идти только о двух: об обвинительном приговоре с назначением наказания и освобождением от его отбывания (п. 2 ч. 5 ст. 302 УПК РФ) либо об обвинительном приговоре без назначения наказания (п. 3 ч. 5 ст. 302 УПК РФ). Однако в ст. 80^1 УК РФ речь идет об освобождении от наказания, а не от его отбывания, и тогда здесь речь должна идти о постановлении последнего вида обвинительного приговора[380].

На практике судебные решения со ссылкой на ст. 80^1 УК РФ принимаются не только на стадии назначения наказания, но и в процессе его исполнения, когда уголовно-правовым последствием названного обстоятельства может быть только акт освобождения от отбывания наказания. Между тем таковой не предусмотрен

[380] В судебной практике обвинительный приговор без назначения наказания нередко постановляется в связи с истечением срока давности уголовного преследования. См., напр.: Апелляционные определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 05 ноября 2019 г. № 44-АПУ 19-14 ; 05 сентября 2019 г. № 82-АПУ 19-9. Такая практика представляется не бесспорной в тех случаях, когда при этом речь идет об освобождении от наказания со ссылкой еще и на ст. 78 УК РФ. См., напр.: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 19 июня 2019 г. № 66-П 19пр ; Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19 июля 2017 г. № 11-АПУ 17-16. Документы опубликованы не были. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». Постановление обвинительного приговора без назначения наказания, по мнению Верховного Суда РФ, должно иметь место и при освобождении от наказания несовершеннолетнего на основании ч. 1 ст. 92 УК РФ. См. п.35: О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 : в редакции от 29 ноября 2016 г. // БВС РФ. 2011. № 4 ; 2017. № 1.

данной статьей, а в рамках гл. 12 УК РФ отличия между актами освобождения от наказания и от отбывания наказания просматриваются достаточно четко и, например, только в случае освобождения от наказания, а не от его отбывания, лицо считается несудимым (ч. 2 ст. 86 УК РФ). Наглядным примером того, как суды не замечают отмеченное обстоятельство, может служить кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу Старостиной, согласно которому осужденная была освобождена от наказания на основании ст. 80^1 УК РФ в период реального отбывания наказания в виде исправительных работ[381]. Подтверждением того, что такая практика носит не единичный характер, являются и другие подобные решения, а в одном из них прямо говорится о том, что «по усмотрению суда подсудимому с учетом положений ст. ст. 64, 73 и 80.1 УК РФ могут быть назначены более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление, условное осуждение или он может быть *освобожден от отбывания наказания*»[382] (курсив наш. – *Д. П.*). Противоречащей закону представляется и обратная ситуация, когда, например, в одном из постановлений Государственной Думы Федерального Собрания РФ предлагается освободить от наказания лиц, условно-досрочно освобожденных от оставшейся неотбытой части наказания. Более того, в этом же постановлении предусмотрен императив о том, чтобы «снять судимость с лиц, освобожденных от наказания на основании настоящего Постановления»[383], что применительно к ст. 79 УК РФ прямо противоречит ч. 2, 4 ст. 86 УК РФ. Названные замечания, к сожалению, актуальны в отношении и других подобных актов, принятых Государственной Думой Федерального Собрания РФ[384].

---

[381] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 сентября 2019 г. № 74-УД19-4. Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[382] Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18 июля 2018 г. № 46-АПУ18-5. Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[383] Об объявлении амнистии : постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 02 июля 2013 г. № 2559-6 ГД // СЗ РФ. 2013. № 27. Ст. 3558.

[384] Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов : постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 24 апреля 2015 г. № 6576-6 ГД // СЗ РФ. 2015. № 17 (Ч.4). Ст. 2542.

Что же касается уголовно-правовой значимости факта совершения преступления впервые, то она осложняется здесь как минимум двумя дополнительными условиями: 1) категорией совершенного преступления (небольшой или средней тяжести) и 2) изменением обстановки, повлекшей утрату общественной опасности либо лица, либо совершенного им преступления.

Среди специалистов уголовного права общепризнанно положение о том, что решающим условием для принятия решения об освобождении от наказания (ранее – уголовной ответственности) в данном случае выступает последнее, а точнее последняя его часть – утрата общественной опасности. В такой ситуации, как представляется, указание на факт совершения преступления впервые утрачивает свое значение, поскольку такая утрата может состояться при совершении преступления любой категории тяжести, а с учетом сложившейся практики применения этого института, – и безотносительно к кратности преступлений, по крайней мере, в части утраты общественной опасности преступления[385]. Интересно, что в наиболее «свежих» УК на постсоветском пространстве указание на факт совершения преступления впервые при регламентации рассматриваемого института в частности (ч. 1 ст. 70 УК Республики Казахстан, ст. 87 УК Республики Беларусь) и института освобождения от уголовной ответственности в целом (гл. 10 УК Кыргызской Республики) отсутствует[386].

Согласно **ч. 6 ст. 88 УК РФ** наказание в виде лишения свободы не назначается (а) несовершеннолетним осужденным, совершившим преступления небольшой тяжести впервые, а также (б) несовершеннолетним осужденным,

---

[385] Вместе с тем мы не разделяем мнение Е. В. Благова о том, что отпадение или существенное снижение общественной опасности виновного следует считать основанием освобождения от уголовной ответственности для всех его разновидностей, за исключением ст. 90 УК РФ. В этой связи автор сожалеет о перемещении института изменения обстановки из ст. 77 УК РФ в ст. 80^1 УК РФ. См.: Благов Е. В. Основание освобождения от уголовной ответственности // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 17. С. 166-167.

[386] Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 года № 19 : с изм. и доп. по состоянию на 07 августа 2024 г. ; Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ; См. также: Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-З.

совершившим в возрасте до шестнадцати лет преступление средней тяжести впервые.

В данном случае уголовно-правовое значение факта совершения преступления впервые определяется категорией преступления и возрастом осужденного. Применение рассматриваемого правила, в отличие от правила, предусмотренного ч. 1 ст. 56 УК РФ, никакими иными условиями не ограничивается, что, очевидно, объясняется принципиально меньшим потенциалом репрессивности уголовной политики в отношении несовершеннолетних[387]. Что, однако, объединяет законодательную регламентацию рассматриваемого правила в ч. 1 ст. 56 и ч. 6 ст. 86 УК РФ, так это нарушение логики построения норм, определяющих порядок назначения наказания в виде лишения свободы. Выше мы не случайно по-своему сформулировали правило о неприменении лишения свободы к несовершеннолетним. Сделали мы это потому, что, во-первых, по сравнению со всеми рассмотренными выше случаями регламентации факта совершения преступления впервые на стадии назначения наказания в данном случае этот факт в законе практически невидим, а во-вторых, он трудно соотносим с дифференциацией возраста несовершеннолетнего и категорией совершенного им преступления[388]. С точки зрения юридической техники представляется не совсем правильным и объединение в одном абзаце общего и специального правил

---

[387] Хотя в современных исследованиях, в том числе специально посвященных воздействию на преступность несовершеннолетних, эта закономерность нередко остается без внимания. См., напр.: Демидова-Петрова Е. В. Преступность несовершеннолетних в современной России: теоретико-методологические и прикладные проблемы ее познания и предупреждения : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Казань, 2019. 52 с ; Степашин В. М. Экономия репрессии как принцип уголовного права и его реализация в назначении мер уголовной ответственности : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Омск, 2019. 39 с.

[388] Корреляция между фактом совершения преступления впервые и несовершеннолетним возрастом выступает обязательным условием неназначения лишения свободы несовершеннолетнему осужденному либо назначения его в льготном режиме. В этой связи в судебных решениях зачастую встречаются такие словосочетания: «преступление совершено впервые в несовершеннолетнем возрасте». См., напр.: Определение Верховного Суда РФ от 17 сентября 2013 г. № 46-Д13-24. Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

назначения лишения свободы, то есть определение случаев его применения и неприменения. К тому же эти правила неудачно оформлены редакционно.

Единообразному применению положений ст. 86 УК РФ о лице, впервые совершившем преступление, несомненно, способствует имеющееся разъяснение этого понятия Пленумом Верховного Суда РФ: «Впервые совершившим преступление небольшой или средней тяжести следует считать лицо, совершившее одно или несколько преступлений, ни за одно из которых оно ранее не было осуждено, либо когда предыдущий приговор в отношении его не вступил в законную силу или судимости за ранее совершенные преступления сняты и погашены в установленном законом порядке»[389]. Как уже отмечалось ранее, такое разъяснение не во всем согласуется с тем, которое Верховный Суд РФ дал применительно к институту освобождения от уголовной ответственности в 2013 г. Напомним, что в нем лицом, впервые совершившим преступление, признавалось и лицо, которое ранее было освобождено от уголовной ответственности (подп. «д» п. 2). Однако не менее важен и другой вопрос: можно ли разъяснением понятия лица, впервые совершившего преступление, данным применительно к ч. 6 ст. 86 УК РФ, руководствоваться в случае применения ч. 1 ст. 56, п. «а» ч. 1 ст. 61, ст. 80^1 УК РФ? Анализ правоприменительной практики, в том числе приведенной выше, дает основание ответить на этот вопрос безоговорочно положительно. Но тогда следует еще раз подчеркнуть, что в применении различных институтов уголовного права – освобождения от уголовной ответственности и назначения наказания – правоприменитель в лице Верховного Суда РФ по-разному трактует одно и то же законодательное понятие: понятие лица, впервые совершившего преступление.

Во всех рассмотренных выше случаях отражения в уголовном законе факта совершения преступления впервые, случаях, связанных со стадией назначения наказания, в документах судебной практики Верховного Суда РФ (разъяснениях,

[389]См. абз. 2 п. 26: О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01 февраля 2011 г. № 1 : ред. от 29 ноября 2016 г. // БВС РФ.2011. № 4 ; 2017. № 1.

определениях, обзорах), за исключением ситуации, предусмотренной ч. 6 ст. 88 УК РФ, мы не встретили определения понятия такого факта, а точнее – лица, впервые совершившего преступление. Описание данного обстоятельства в названных документах, как правило, ограничивается ссылкой «ранее не судим (не судима)» или, что крайне редко – «к уголовной ответственности привлекается впервые», «совершил преступление впервые».

В судебном порядке также применимы нормы об освобождении от уголовной ответственности. Действие значительного числа таких норм, особенно предусмотренных в Общей части УК РФ, обусловлено фактом совершения преступления впервые. Отметим, что такие нормы применимы и на более ранних стадиях уголовного преследования – стадиях досудебного производства (возбуждения уголовного дела и предварительного расследования).

В случаях освобождения от уголовной ответственности по нормам Общей части УК РФ факт совершения преступления впервые определяет действие четырех из семи видов такого освобождения – в связи с деятельным раскаянием (ч. 1 ст. 75 УК РФ), в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), в связи с возмещением ущерба (ст. 76^1 УК РФ), с назначением судебного штрафа (ст. 76^2 УК РФ). В названных случаях, а также тех, которые предусмотрены в нормах-примечаниях Особенной части УК РФ, уголовно-правовое значение факта совершения преступления впервые наиболее весомо, поскольку он, во-первых, может влечь за собой освобождение от уголовной ответственности, а соответственно, и прекращение уголовного правоотношения, порожденного фактом совершения преступления, во-вторых, как правило, дополняется только одним требованием – о деятельном раскаянии.

Отсутствие указания на факт совершения преступления впервые в ст. 78 УК РФ вполне естественно и объяснимо принципиально иной природой действия института давности в праве вообще и уголовном праве в частности. Факт совершения преступления одним и тем же лицом в первый раз или неоднократно не влияет на установленные безотносительно к этому обстоятельству сроки, в пределах которых лицо, совершившее преступление, «интересует» уголовный

закон в таком статусе. И, хотя порой освобождение от уголовной ответственности по данному основанию принято объяснять утратой общественной опасности лица, совершившего преступление[390], это все-таки, во-первых, далеко не обязательное следствие истечения определенного периода времени с момента совершения преступления[391], а во-вторых, такая зависимость не предусмотрена в уголовном законе, вместо нее здесь обозначена связь между категорией преступления, обусловленной степенью общественной опасности деяния, и сроком, по мысли законодателя, ей (категории) соответствующим.

Освобождение от уголовной ответственности может выступать и одним из возможных уголовно-правовых последствий издания акта амнистии (ст. 84 УК РФ). Однако с учетом юридической природы, социально-правового значения и многообразия уголовно-правовых последствий акта амнистии вполне естественно, что при регламентации в уголовном законе такого рода возможности смягчать уголовно-правовую «участь» лиц, совершивших преступление, она не ставится в зависимость от факта совершения преступления впервые. Вместе с тем в рамках конкретных актов амнистии наступление уголовно-правовых последствий, указанных в ст. 84 УК РФ, всегда обусловливается отдельными обстоятельствами, характеризующими как лицо, совершившее преступление, так и само преступление. Среди них вполне может быть указание и на лиц, совершивших преступление впервые. Так, например, в подп. 1 п. 16 Постановления Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 24 апреля 2015 г. № 6578-6 ГД прямо говорилось о том, что «при применении акта об амнистии не учитываются… судимости, снятые или погашенные в установленном законом порядке. Лица, у которых снята или погашена судимость, считаются впервые совершившими преступление»[392]. Ранее, в Постановлении Государственной Думы

---

[390] См., напр.: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под ред. Ю. В. Грачевой. М., 2019. С. 334.

[391] Маликов С. В. Сроки в уголовном праве России: понятие, виды, характеристика. М., 2009. С. 55.

[392] О порядке применения Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» // СЗ РФ. 2015. № 17 (Ч.IV). Ст. 2544.

Федерального Собрания РФ от 2 июля 2013 г. № 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии» слово «впервые» характеризовало не факт совершения преступления, а осуждение за преступление. В этой связи, в частности, предусматривалось освобождение от наказания в виде лишения свободы независимо от назначенного срока лиц, впервые осужденных за преступления, предусмотренные в п. 1 данного постановления[393].

В свете сказанного выше нельзя не обратить внимание на отсутствие указания на факт совершения преступления впервые в ч. 1 ст. 90 УК РФ, где речь идет об освобождении от уголовной ответственности несовершеннолетнего, а также в ст. 92 УК РФ, предусматривающей освобождение несовершеннолетнего от наказания. Как представляется, дополнение уголовного закона в последнем случае указанием на факт совершения преступления впервые хоть как-то бы оправдывало применение различных мер уголовно-правового характера практически при одинаковых условиях. К тому же нельзя забывать о том, что и в том, и в другом случаях итогом освобождения от уголовной ответственности и наказания выступает применение принудительных мер воспитательного воздействия, субъект применения которых также един – суд (ст. 427 УПК РФ).

Оценивая в целом существующую законодательную практику придания уголовно-правового значения факту совершения преступления впервые, следует признать, что она наиболее широко и всесторонне присутствует при регламентации института освобождения от уголовной ответственности. Из всех случаев употребления в статьях (частях статей) УК РФ интересующего нас понятия на долю названного института приходится 19 упоминаний из 24. В этой связи, констатируя особую уголовно-правовую значимость освобождения от уголовной ответственности с учетом статуса освобождаемого лица (лица, впервые совершившего преступление), принятие такого уголовно-правового решения в большинстве случаев лишь с учетом одного дополнительного обстоятельства в виде деятельного раскаяния, нельзя не обратить внимание и на другое.

---

[393] СЗ РФ. 2013. № 27. Ст. 3558.

Если в нормах Общей части УК РФ, регламентирующих освобождение от уголовной ответственности (ч. 1 ст. 75, ст. 76, ч. 1, 2 ст. 76^1, ст. 76^2 УК РФ), указание на факт совершения преступления впервые в целом не только корректно с юридической точки зрения, но и социально оправданно, то решение данного вопроса в нормах Особенной части УК вряд ли может сопровождаться такой же оценкой.

Во-первых, следует отметить тот факт, что из примечаний к 48 статьям (частям статей) Особенной части УК РФ (110^2, 126, 127^1, 145^1, 157, 178, 184, 195, 198, 199, 199^1, 199^3, 199^4, 200^1, 200^3, 200^5, 200^7, 204, 204^1, 204^2, 205, 205^1, 205^3, 205^4, 205^5, 206, 208, 210, 212, 222, 222^1, 222^2, 223, 223^1, 228, 228^3, 275, 282^1, 282^2, 282^3, 284^1, 291, 291^1, 291^2, 322^2, 322^3, 337, 338), принятым законодателем в развитие установления, предусмотренного ч. 2 ст. 75 УК РФ[394], только 15 (к ст. 127^1, 145^1, 195, 198, 199, 199^1, 199^3, 199^4, 205^5, 208, 282^1, 282^2, 282^3, 337, 338) содержат указание на факт совершения преступления впервые. Таким образом, законодатель сужает возможности освобождения от уголовной ответственности в последнем случае. При прочих равных условиях, предусмотренных в примечаниях, рассчитанных на лицо, совершившее преступление впервые, и лицо, сделавшее это не в первый раз, это означает более серьезную общественную опасность преступлений первого рода. Если придерживаться такой логики, а другая – здесь вряд ли применима, можно сделать вывод о большей общественной опасности преступлений, предусмотренных, например, ч. 1, п. «а» ч. 2 ст. 127^1 УК РФ, в сравнении с преступлениями, предусмотренными ст. 126 УК РФ[395]. Однако примечание к ст. 127^1 УК РФ не предусматривает ожидаемого освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших другие преступления из числа предусмотренных в этой статье, сделавших это не в первый раз. Если действие

---

[394] А в Особенной части УК РФ предусмотрены примечания и другого рода, например, содержащие нормы-дефиниции (примечания к ст. 158), нормы-правила (примечание ст. 134), нормы об обстоятельствах, исключающих уголовную ответственность (примечание к ст. 308).

[395] Обстоятельной критике подвергают ограничение действия примечания к ст. 127^1 УК РФ лицами, впервые совершившими преступление, и ограниченным кругом таких преступлений А. Войтович и А. Рарог. См.: Войтович А., Рарог А. Примечания в уголовном законе // Законность. 2008. № 2. С. 4.

примечания 3 к ст. 198 УК РФ рассчитано на лицо, впервые совершившее преступление, то не совсем ясно, почему такое ограничение не предусмотрено в примечаниях к статьям УК РФ об уголовной ответственности за терроризм (205, 205^1, 205^3, 205^4). Вряд ли такую законодательную практику можно объяснять и стремлением законодателя предупредить наступление более тяжких последствий, чем те, которые уже наступили, как это порой предлагается в литературе[396], потому что по характеру и степени общественной опасности преступления последнего рода более социально опасны, что подтверждается отнесением большей части из них к категории тяжких и особо тяжких преступлений.

Во-вторых, в УК РФ в целом и среди примечаний об освобождении от уголовной ответственности лиц, впервые совершивших преступление, по нормам Особенной части в частности, нет единообразия в определении границ уголовно-правового значения данного обстоятельства. На сегодняшний день действие норм, адресованных лицу, впервые совершившему преступление, ограничено либо отдельными категориями преступлений, либо конкретными преступлениями:

1) Лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности (ч. 1 ст. 75, ч. 1 ст. 76, ст. 76^2 УК РФ).

Лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, освобождается судом от наказания (ст. 80^1 УК РФ).

2) Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное ст. 198–199^1, 199^3, 199^4 (ч. 1 ст. 76^1 УК РФ).

Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное ч. 1 и 2, п. «в» ч. 3 ст. 146, ч. 1 ст. 147, ч. 5–7 ст. 159, ч. 1 ст. 159.1, ч. 1 ст. 159.2, ч. 1 ст. 159.3, ч. 1 ст. 159.5, ч. 1 ст. 159.6, ч. 1 ст. 160, ч. 1 и п. «б» ч. 2 ст. 165, ст. 170.2, ч. 1 и п. «б» ч. 2 ст. 171, ч. 1 и 1.1 ст. 171.1, ст. 171.5, ч. 1 и п. «б» ч. 2 ст. 172, ст. 176, 177,

---

[396] См., напр.: Звечаровский И. Э. Уголовно-правовые нормы, поощряющие посткриминальное поведение личности. Иркутск, 1991. С. 107-115 ; Босхолов С. С. Основы уголовной политики: конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. М., 1999. С. 148 ; Фильченко А. П. Возникновение, смягчение и прекращение уголовной ответственности : монография / под ред. А. В. Наумова. М., 2014. С. 205.

ч. 1 и п. «в» ч. 2 ст. 178, ч. 1–3 ст. 180, ч. 1 и 2 ст. 185, ст. 185.1, ч. 1 ст. 185.2, ч. 1 ст. 185.3, ч. 1 ст. 185.4, ст. 185.6, ч. 2 и 4 ст. 191, ст. 192, ч. 1 и п. «а» ч. 2 ст. 193, ч. 1 и 2 ст. 194, ст. 195–197 и 199.2 УК РФ, освобождается от уголовной ответственности, если возместило ущерб, причиненный гражданину, организации или государству в результате совершения преступления, и перечислило в федеральный бюджет денежное возмещение в размере двукратной суммы причиненного ущерба, либо перечислило в федеральный бюджет доход, полученный в результате совершения преступления, и денежное возмещение в размере двукратной суммы дохода, полученного в результате совершения преступления, либо перечислило в федеральный бюджет денежную сумму, эквивалентную размеру убытков, которых удалось избежать в результате совершения преступления, и денежное возмещение в размере двукратной суммы убытков, которых удалось избежать в результате совершения преступления, либо перечислило в федеральный бюджет денежную сумму, эквивалентную размеру совершенного деяния, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ, и денежное возмещение в двукратном размере этой суммы.

Лицо, впервые совершившее деяния, предусмотренные частью первой или пунктом «а» части второй настоящей статьи (примечание 1 к ст. 127^1 УК РФ).

Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное частью первой настоящей статьи, освобождается судом от наказания (примечание 1 к ст. 134 УК РФ).

Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное частями первой или второй настоящей статьи (примечание 2 к ст. 145^1 УК РФ).

Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей или статьей 196 (примечание к ст. 195 УК РФ).

Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей (примечание 3 к ст. 198 УК РФ).

Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей (примечание 2 к ст. 199 УК РФ).

Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей (примечание 2 к ст. 199^1 УК РФ).

Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей (примечание 2 к ст. 199^3 УК РФ).

Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей (примечание 2 к ст. 199^4 УК РФ).

Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей (примечание к ст. 205^5 УК РФ).

Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное частями первой или второй настоящей статьи (примечание к ст. 208 УК РФ).

Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей (примечание 1 к ст. 282^1 УК РФ).

Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей (примечание к ст. 282^2 УК РФ).

Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей (примечание к ст. 282^3 УК РФ).

Таким образом, ни одна из норм, адресованных лицу, впервые совершившему преступление, не распространяет свое действие на все преступления, предусмотренные в Особенной части УК РФ. Ни одно из примечаний об освобождении от уголовной ответственности лиц, впервые совершивших преступление, не распространяется на лиц, впервые совершивших любое преступление. Законодатель решает данный вопрос весьма точечно, ориентируясь, судя по всему, не на типовую и даже не на видовую принадлежность преступления (принадлежность преступления к определенной категории или к определенному виду соответственно), а на совершенно конкретные преступления. В этой связи чаще всего действие рассматриваемых примечаний распространяется на лиц, совершивших впервые преступления, уголовная ответственность за которые предусмотрена отдельной статьей Особенной части УК РФ (ст. 198, 199, 199^1, 199^3, 199^4, 205^5, 208, 282^1–282^3, 337, 338), и значительно реже – на лиц, впервые совершивших преступления,

подпадающие под признаки лишь отдельных составов из всего множества, предусмотренных статьей Особенной части УК РФ (примечания к ст. 127^1, 145^1). В последнем случае неизбежно возникает коллизия в уголовно-правовых последствиях при деятельном раскаянии в преступлениях, предусмотренных различными частями одной и той же статьи. Не всегда однозначно на практике решается вопрос о возможности освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших впервые одно из преступлений первой группы, по правилам ст. 75 УК РФ.

В-третьих, не всегда последователен законодатель и в решении вопроса о дополнении факта совершения преступления впервые дополнительными обстоятельствами, а также в их описании. Так, в большинстве случаев таким дополнительным условием выступает деятельное раскаяние, характер которого обусловлен, как правило, объективными признаками преступления. Вместе с тем Пленум Верховного Суда РФ в развитие ч. 1 ст. 28^1 УПК РФ дополняет это требование временными рамками применительно к деятельному раскаянию в налоговых преступлениях, когда разъясняет, что возмещение ущерба, причиненного бюджетной системе Российской Федерации в результате преступлений, предусмотренных ст. 198–199^1 УК РФ, влекущее за собой освобождение от уголовной ответственности, допускается только до назначения судом первой инстанции судебного заседания; позже – лишь возможность признания данного обстоятельства смягчающим наказание (п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48). При постановке вопроса о приоритете возмещения ущерба от преступления данное временное ограничение представляется необоснованным, поэтому и здесь, как и в ч. 2 ст. 25^1 УПК РФ, разумнее было бы руководствоваться правилом о том, что прекращение уголовного дела или уголовного преследования допускается в любой момент производства по уголовному делу до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора, а в суде апелляционной инстанции – до удаления суда апелляционной инстанции в совещательную комнату для вынесения решения по делу.

Таким образом, изложенное выше, подтверждая в целом на конкретных примерах обоснованность введения в уголовное законодательство факта совершения преступления впервые в качестве основания дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности, обнаруживает определенные недостатки в решении этой проблемы. Как представляется, они во многом производны от того, что при этом не решен на законодательном уровне главный вопрос: об определении понятия факта совершения преступления впервые и лица, его совершившего. Как мы уже убедились ранее, неоднозначно этот вопрос решается и на уровне правоприменения.

1.2. О необходимости законодательного определения понятия лица, впервые совершившего преступление, и видах такого понятия

В российском уголовном законодательстве не было и нет определения понятия лица, впервые совершившего преступление. Между тем необходимость в таком определении в уголовном законе была, по нашему мнению, очевидна даже в те незначительные по времени периоды, когда это понятие использовалось в отечественном законодательстве в буквальном (фактическом) его значении (ст. 25 УК РСФСР 1922 г., ст. 6, 7 Положения о воинских преступлениях от 31 октября 1924 г.). Это было необходимо потому, что наряду с таким пониманием лица, впервые совершившего преступление, в законе присутствовала трактовка этого же самого понятия в юридическом значении, значении, ориентированном на уголовно-правовой статус лица, совершившего преступление, и в частности на наличие или отсутствие в этой связи судимости. Во все иные периоды состояния и развития российского уголовного законодательства лицами, впервые совершившими преступление, признавались три категории лиц: ранее вообще не совершавшие преступления; ранее совершавшие преступление, но освобожденные от уголовной ответственности за него; ранее совершавшие преступление, но признанные не имеющими судимости за него. Если первая категория лиц, впервые совершивших преступление, всегда

имела бесспорное признание, то две другие категории бесспорными стали считаться, наверное, лишь с принятием постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19, да и то лишь в рамках действия института освобождения от уголовной ответственности.

Напомним, что на сегодняшний день нормативный материал, рассчитанный на лицо, впервые совершившее преступление, содержится и в Общей (ч. 1 ст. 53^1, ч. 1 ст. 56, п. «а» ч. 1 ст. 61, ч. 1 ст. 75, ст. 76, ч. 1, 2 ст. 76^1, ст. 76^2, 80^1, ч. 6 ст. 88 УК РФ), и в Особенной (примечания к ст. 127^1, 145^1, 195, 198, 199, 199^1, 199^3, 199^4, 205^5, 208, 282^1, 282^2, 282^3, 337, 338) частях УК РФ. Заметим, что в двух случаях, из числа приведенных, в УК РФ акцент делается не на лицо, впервые совершившее преступление, а на факт совершения преступления впервые (ч. 1 ст. 53^1, п. «а» ч. 1 ст. 61 УК РФ), от чего значение рассматриваемого понятия, на наш взгляд, не изменяется. Как представляется, о лице, впервые совершившем именно преступление, идет речь в примечаниях к ст. 127^1 и ст. 337 УК РФ, хотя на самом деле здесь используется понятие лица (военнослужащего), впервые совершившего «деяния». Аналогичный вывод, на первый взгляд, следует и из содержания примечания к ст. 338 УК РФ, где говорится о «военнослужащем, впервые совершившем дезертирство». Однако более внимательный анализ этого примечания в совокупности с диспозицией ч. 1 ст. 338 УК РФ заставляет усомниться в корректности первого. Дезертирством является не любое самовольное оставление части или места службы, а лишь то, которое происходит с целью уклонения от прохождения военной службы. Отсутствие таковой исключает дезертирство, оно по определению не может выступать следствием стечения тяжелых обстоятельств, о которых, в частности, идет речь в п. 49 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 мая 2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы»[397].

Таким образом, еще раз подчеркнем: понятие лица, впервые совершившего преступление, определяет действие по сути всех основных институтов уголовного права – освобождения от уголовной ответственности, назначения наказания, его

[397] БВС РФ. 2023. № 7.

замены и освобождения от него. Такая законодательная практика является неотъемлемым атрибутом УК РФ 1996 г., она вполне закономерна, поскольку полностью согласуется и с решением одной из отраслевых задач (предупреждения преступлений – ч. 1 ст. 2 УК РФ), и с достижением одной из целей уголовного наказания, одноименной данной задаче (ч. 2 ст. 43 УК РФ). Если же выводить эту идею на уголовно-политический уровень, то, как представляется, предупреждение совершения нового преступления именно лицом, впервые совершившим преступление, а не субъектом рецидивной преступности, должно выступать приоритетным направлением уголовно-правовой политики в целом.

Между тем, несмотря на распространенность и многоаспектность употребления в уголовном законе понятия лица, впервые совершившего преступление, постоянное увеличение количества норм, действие которых определяет это понятие (одна из последних из них введена Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ «О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»[398]), легальное его определение по-прежнему отсутствует. Только 27 июня 2013 г. в известном постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» впервые на официальном уровне была сформулирована, на первый взгляд, развернутая, а на самом деле неисчерпывающая позиция, анализ которой при определенных усилиях позволял установить содержание понятия лица, впервые совершившего преступление[399]. При этом как бы в тени осталось действующее на тот момент разъяснение Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения Судами Российской Федерации уголовного наказания», п. 20 которого предусматривал гораздо более лаконичное определение: «Впервые совершившим преступление небольшой или средней тяжести следует считать лицо, совершившее одно или несколько преступлений, ни за одно из которых оно ранее

[398] СЗ РФ. 2018. № 53 (Ч.1). Ст. 5489.
[399] БВС РФ. 2013. № 8.

не было осуждено, либо когда предыдущий приговор в отношении его не вступил в законную силу»[400]. Также незамеченным (хотя и действующим до настоящего времени) остался п. 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»: «Впервые совершившим преступление небольшой или средней тяжести следует считать лицо, совершившее одно или несколько преступлений, ни за одно из которых оно ранее не было осуждено, либо когда предыдущий приговор в отношении его не вступил в законную силу или судимости за ранее совершенные преступления сняты и погашены в установленном законом порядке»[401].

Примечательно, что в каждом из названных постановлений Пленума Верховного Суда РФ значение понятия лица, впервые совершившего преступление, раскрывалось не только по-разному, но и в отношении разных институтов уголовного права: освобождения от уголовной ответственности, назначения наказания, уголовной ответственности несовершеннолетних. Причем отмеченное обстоятельство в таких документах специально не оговаривалось. И как здесь не вспомнить слова Чезаре Беккариа о том, что «Недостатки, связанные с точным следованием букве уголовного закона, ничтожны по сравнению с недостатками, вызываемыми толкованием»[402].

Можно предположить, что последовавшая вслед за постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 неоднократная корректировка значения понятия лица, впервые совершившего преступление, была обусловлена не столько стремлением усовершенствовать определение этого понятия, сколько попыткой активизировать применение на практике отдельных видов освобождения от уголовной ответственности (ст. 76^1, 76^2 УК РФ)[403]. В итоге

---

[400] БВС РФ. 2007. № 4.

[401] БВС РФ. 2011. № 4.

[402] Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. / пер. с итал. Ю. М. Юмашева. М., 2000. С. 78.

[403] БВС РФ. 2017. № 1.

активность Пленума Верховного Суда РФ в этом вопросе привела к тому, что, как уже отмечалось ранее, на сегодняшний день в рамках действия только одного института уголовного права – освобождения от уголовной ответственности – мы имеем три формально различные трактовки понятия лица, впервые совершившего преступление: первая касается применения ст. 75, 76 УК РФ, вторая – ст. 76^1 УК РФ, третья – ст. 76^2 УК РФ[404]. Апогеем такой разъяснительной работы, по существу представляющей собой не что иное, как скрытое правотворчество, стало второе предложение, предусмотренное в п. 16^1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 в редакции от 29 ноября 2016 № 56: «Совершение таким лицом (лицом, претендующим на освобождение от уголовной ответственности по ст. 76^2 УК РФ) впервые нескольких преступлений небольшой и (или) средней тяжести не препятствует освобождению его от уголовной ответственности на основании статьи 76.2 УК РФ». Это разъяснение представляется слишком неопределенным. Его можно понимать так, что совокупность преступлений небольшой и (или) средней тяжести не является препятствием для освобождения от уголовной ответственности по ст. 76^2 УК РФ лишь за то преступление, по которому возмещен ущерб или иным образом заглажен причиненный преступлением вред. Однако и без разъяснения Пленума Верховного Суда РФ уголовный закон не предусматривал иного правила, поскольку во всех случаях освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных в УК РФ, такое освобождение, основание и условия его применения всегда увязываются с конкретным преступлением, независимо от того, единично оно или совершено в рамках той или иной формы множественности преступлений.

Восприятие приведенной позиции Пленума Верховного Суда РФ может быть и иным. По мнению Т. В. Кленовой, такое разъяснение свидетельствует о том, что Пленум Верховного Суда РФ необоснованно отождествляет впервые

[404] И это не считая определений понятия лица, впервые совершившего преступление, предлагаемых самим законодателем при регламентации так называемых специальных видов освобождения от уголовной ответственности (например, во втором примечании к ст. 145^1 УК РФ).

совершенное преступление с впервые совершенными несколькими преступлениями[405]. Наверное, рассматриваемая позиция в силу своей неопределенности может вызывать и другие комментарии, что, конечно же, недопустимо при решении вопроса о полном прекращении уголовного преследования лица, совершившего преступление.

Поскольку нам уже приходилось детально анализировать приведенные (а также – и неприведенные) разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по вопросу определения понятия лица, впервые совершившего преступление[406], в данном случае обратим внимание на другие обстоятельства, с этим связанные.

1. Действующие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ значения понятия лица, впервые совершившего преступление, не охватывают вопросов понимания этого понятия в ч. 1 ст. 53^1, ч. 1 ст. 56, п. «а» ч. 1 ст. 61, ст. 80^1 УК РФ. При разноречивости определения понятия лица, впервые совершившего преступление, в рамках действия института освобождения от уголовной ответственности и нормы, предусмотренной ч. 6 ст. 88 УК РФ, существующие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ к названным случаям вряд ли применимы, а потому здесь нельзя говорить даже об аналогии в праве. Неоднозначность этой ситуации подтверждают и результаты проведенного нами опроса в форме анкетирования: большинство судей считают возможным при решении рассматриваемого вопроса исходить из фактического и юридического понимания лица, впервые совершившего преступление (71%), незначительная часть из них (17%) считают возможным руководствоваться при этом разъяснениями, касающимися применения законодательства об освобождении от уголовной ответственности, остальные – только из юридического понимания лица, впервые совершившего преступление. Первый вариант ответа разделяют и подавляющее число прокурорских работников (81%) и специалистов (95%).

---

[405] Кленова Т. В. Об уголовно-правовой политике в условиях роста рецидива преступлений // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М., 2018. С. 27.

[406] Пархоменко Д. А. Недостатки судебного толкования понятия лица, впервые совершившего преступление // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9. С. 147-153.

2. Ничем не обоснованное и никем не объяснимое на официальном уровне разнообразие значения понятия лица, впервые совершившего преступление, в рамках применения института освобождения от уголовной ответственности, придаваемое ему время от времени Пленумом Верховного Суда РФ, при отсутствии со стороны последнего разъяснений данного понятия в отношении других институтов уголовного права – это не что иное, как систематическое нарушение принципа законности, предусмотренного ст. 3 УК РФ.

3. Во всех без исключения разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ значения понятия лица, впервые совершившего преступление, присутствует юридическая, а не фактическая трактовка этого понятия. При этом ни «до», ни «после» таких разъяснений никто на подобном уровне так и не пояснил, почему в применении уголовного законодательства о лице, впервые совершившем преступлении, следует исходить именно из юридического (по сути – уголовно-правового, а по форме – судебного), а не фактического (житейского, бытового) его понимания? К тому же, как справедливо заметила М. Б. Кострова, общеправовое значение факта совершения преступления, в том числе и впервые, для лиц с погашенными или снятыми судимостями гораздо более многогранно и ощутимо[407].

4. Не менее интересен и вопрос о том, почему при юридической трактовке понятия лица, впервые совершившего преступление, во главу угла ставится только судимость, в то время как уголовный закон в таком аспекте «интересует» и другое обстоятельство: возможность уголовного преследования в сроки, определенные ст. 8 УК РФ? По общему правилу акт освобождения от уголовной ответственности, как и акт погашения или снятия судимости, также исключает лицо, совершившее преступление, в таком качестве из поля зрения уголовно-правового внимания.

5. В ситуации, когда понятие, используемое в уголовном законе, применяется на практике в значении, отличном от его буквального понимания,

[407] Кострова М. Б. Термин «лицо, впервые совершившее преступление» в контексте взаимосвязи уголовного и иных отраслей российского права // Lex russica. 2015. № 8. С. 79-81.

отсутствие в законе его легального определения тем более странно, что отдельные проявления обратной стороны кратности преступлений – множественности – в форме рецидива и совокупности трактуются именно законодателем, а не правоприменителем.

В заключение, обратим внимание на обстоятельство, не имеющее прямого отношения к рассматриваемой проблеме. Складывается впечатление, что постоянное расширение содержания понятия лица, впервые совершившего преступление, в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, начинавшееся с ограничения круга категорий преступлений (небольшой и средней тяжести) и дошедшее до ограничения преступлениями, предусмотренными в конкретных частях отдельных статей Особенной части УК РФ, – это своеобразная психологическая подготовка законодателя для последующей легализации такого правоприменительного опыта, который не имеет ничего общего с принципами справедливости и юридического равенства лиц, совершивших преступление. Такая практика формирования содержания категории лиц, впервые совершивших преступление, может привести к тому, что однажды все лица, выявленные в совершении преступления по итогам календарного года, будут лицами, однажды преступавшими черту уголовного закона. О небеспочвенности таких предположений свидетельствуют официальные данные о состоянии преступности, ежегодно публикуемые ГИАЦ МВД РФ. Согласно этим данным, по итогам 2023 г. более чем каждое второе (59,8%) расследованное преступление совершено лицами, ранее совершавшими преступления (в 2022 г. – 60,4%). Между тем в 2015 г. этот показатель был равен 55,1%, а в 2009 г. – всего лишь 32,2%. Еще более красноречивы другие показатели. Из числа выявленных в 2023 г. лиц, совершивших преступление, 58,6% ранее совершали преступления, а 53,4% из них ранее судимые. Между тем в 2003 г. показатели лиц, ранее совершавших преступление и ранее судимых, были равны 24,4 и 86,6% соответственно[408].

[408] Состояние преступности в России за январь-декабрь 2003-2023 годов. М. : ФКУ «ГИАЦ» МВД РФ, 2003-2023. URL: mvd.ru (дата обращения: 23.08.2024). В дальнейшем в

В свете сказанного выше вопрос о том, каким должно быть легальное определение понятия лица, впервые совершившего преступление, не кажется риторическим. Нормальным для уголовного закона является и такое положение, при котором многие житейские понятия, попадая в текст уголовного закона, получают весьма специфическое звучание, порой даже не совсем совпадающее с его буквальным значением (например, определение понятия хранилища – п. 3 примечания к ст. 158 УК РФ). Многообразие вариантов использования понятия лица, впервые совершившего преступление, в действующем уголовном законе и еще большее многообразие в трактовке его Пленумом Верховного Суда РФ не исключает и такой ситуации, когда в уголовном законе одно и то же понятие будет иметь различное по объему содержание и вопрос будет состоять лишь в том, чтобы определить сферы уголовно-правового регулирования, в рамках которых будет использоваться то или иное понятие.

Итак, напомним и подчеркнем, что в рамках действующего уголовного законодательства России с учетом правоприменительного опыта в этом направлении о лицах, впервые совершивших преступление, можно говорить в трех значениях: как о лицах, совершивших преступление: 1) в первый раз в жизни, 2) ранее его уже совершавших, но освобожденных от уголовной ответственности за него[409], 3) ранее его уже совершавших, осужденных за него, но утративших статус ранее судимого лица на момент совершения нового преступления. Первая трактовка понятия лица, впервые совершившего преступление, имеет буквальное (фактическое) значение, две последующих – юридическое (уголовно-правовое) значение. Как уже отмечалось ранее, в данных официальной судебной статистики две последние категории лиц, совершивших преступление, называются «юридически несудимыми лицами». Также заметим, что трактовка понятия лица, впервые совершившего преступление, в юридическом (уголовно-правовом) значении в настоящее время применяется либо

рамках данного раздела показатели, характеризующие состояние преступности в России, приводятся из названного источника.

[409] Речь идет о лицах, освобожденных от уголовной ответственности безусловно либо под условие (ст. 76^2, ч. 1, 4 ст. 90 УК РФ), которое ими было выполнено.

ко всем преступлениям (как правило, небольшой или средней тяжести), что имеет место в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19, либо к совершенно конкретным преступлениям в рамках определенного вида (например, в таком значении понятие лица, впервые совершившего преступление, должно применяться согласно п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2019 г. № 48).

Совершенно очевидно, что при определении понятия лица, впервые совершившего преступление, не только можно, но и должно придерживаться его буквального значения как лица, совершившего преступление в первый раз в жизни. Однако действующий УК РФ в таком значении это понятие не использует, не оперирует им и судебная практика. Совершение лицом преступления в первый раз в жизни в судебных решениях обычно скрывается за формулировкой «совершил преступление впервые». Можно предположить, что такая практика имеет место потому, что закон не знает понятия «совершения преступление в первый раз» и не дает определения понятия, в нем предусмотренного – «лицо, впервые совершившее преступление», – в котором такой аспект мог быть отражен. В свою очередь, последнее понятие определяется в судебной практике только в юридическом значении и только в отношении института освобождения от уголовной ответственности.

Необходимость отражения в уголовном законе понятия совершения лицом преступления в первый раз в жизни, помимо соображений целесообразности, диктуется еще и четко наметившейся в последние годы тенденцией дифференциации уголовно-правового значения уже существующего в законе понятия лица, впервые совершившего преступление.

Исторически сложилось так, что изначально трактуемое судебной практикой, без каких-либо оговорок в отношении совершенного преступления, значение понятия лица, впервые его совершившего, сначала было ограничено и «привязано» к определенным категориям преступлений (небольшой, небольшой и средней тяжести), а в последующем – даже не к преступлениям определенного вида, а к конкретным преступлениям. На сегодняшний день понятие «лицо,

впервые совершившее преступление» трактуется не только безотносительно к тому, какое преступление совершено этим лицом вновь, но и с учетом данного обстоятельства. В этой связи все более не только в правоприменении на уровне разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, но и на законодательном уровне получает распространение практика употребления названного выше понятия в значении *лица, впервые совершившего конкретное преступление* (что имеет место, например, в первом примечании к ст. 27^1, втором примечании к ст. 145^1 УК РФ). Как представляется, она в немалой степени схожа с ситуацией, когда самостоятельное уголовно-правовое значение в прежнем уголовном законодательстве России имела такая форма множественности, как повторность. Аналогом такой практики является и не что иное, как понятие специального рецидива. Другими словами, и вчера и сегодня законодатель пытается придать особое уголовно-правовое значение ситуации, при которой лицо, однажды совершившее конкретное преступление определенного вида, вновь его совершает. В такой ситуации лицо подлежит более суровой уголовной ответственности в сравнении не только с первичным преступлением, но и с общей повторностью, когда новое преступление не является однородным ранее совершенному преступлению.

На основании изложенного позволим себе сделать следующие выводы: 1) с учетом распространенности и уголовно-правовой значимости, определяющей действие основных институтов уголовного права, содержание понятие лица, впервые совершившего преступление, основные признаки этого понятия должны быть раскрыты именно в уголовном законодательстве. Отметим, что данное предложение разделяют большинство опрошенных нами судей (62%), прокурорских работников (74%) и специалистов (83%); 2) в рамках действующего уголовного законодательства России лицо может признаваться совершившим преступление впервые, если (а) ранее оно не совершало преступления, либо (б) хотя и совершало его, но было освобождено от уголовной ответственности или, (в) будучи осужденным за преступление, не является судимым за него на момент такого признания. Следовательно, определение понятия лица, впервые

совершившего преступление, может быть регламентировано в УК РФ в обычном (фактическом) и юридическом (уголовно-правовом) его понимании. В последнем случае рассматриваемое понятие может использоваться в отношении всех преступлений (либо преступлений определенного вида, категории) или конкретных преступлений; 3) из трех возможных значений определения понятия лица, впервые совершившего преступление (одного – в фактическом, двух – в юридическом), определение конкретной сферы их применения (а до этого – регламентации в рамках уголовного закона) – вопрос целесообразности, решение которого может и должно быть подчинено задачам уголовно-правового регулирования, определенным в ч. 1 ст. 2 УК РФ, принципам, на которых оно осуществляется (ст. 3–7 УК РФ), и, прежде всего, – принципу справедливости (ст. 6 УК РФ), целям отдельных институтов уголовного права и одному из центральных из них – уголовного наказания (ч. 2 ст. 43 УК РФ).

Легальное определение понятия лица, впервые совершившего преступление, во всех указанных выше значениях могло быть дано в главе УК РФ, специально посвященной лицам, подлежащим уголовной ответственности, то есть в гл. 4. В этой связи данную главу следовало бы дополнить ст. 23^1 с названием «Лицо, впервые совершившее преступление». Содержание этой статьи могло бы включать примерно следующее правило: «*Лицо признается совершившим преступление впервые, если ранее оно не совершало преступления, либо, хотя и совершало его, но было освобождено от уголовной ответственности или, будучи осужденным за преступление, не является судимым за него на момент такого признания».*

С дополнением УК РФ приведенным положением было бы логичным дополнить УК РФ положением, противоположным по значению названному выше, т. е. о лице, совершившем преступление неоднократно. Однако такое решение будет дезориентировать правоприменителя, поскольку понятие неоднократности уже присутствует в УК РФ и в значении принципиально ином: объединяющем несколько правонарушений (как правило, административных),

последнее из которых «становится» преступным (ст. 151^1, 154, 157, 171^4, 180, 212^1, 215^4, 282^4, 314^1 УК РФ).

ГЛАВА 2. ОБ ОТРАЖЕНИИ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ ФАКТА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ВПЕРВЫЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ДОЛЖНОГО

2.1. Об отражении в уголовном законе факта совершения лицом преступления в первый раз в жизни

Характеристика уголовно-правовой политики в отношении лица, впервые совершившего преступление, представленная в предыдущих разделах работы, по-видимому, подводит к выводу о том, что дифференциация уголовной ответственности в зависимости от кратности преступлений не только может, но и должна претерпеть изменения. Столь же очевиден, на наш взгляд, и другой вывод: если мы реальную уголовную ответственность за преступление ставим в зависимость от факта совершения преступления впервые, то и сам этот факт должен быть, прежде всего (или и в том числе), реальным, а не выдуманным, будучи облеченным в юридическую форму. В этой связи интересны следующие данные. При проведении нами опроса практических и научно-педагогических работников им был задан такой вопрос: «Разделяете ли Вы мнение о том, что в отношении лица, совершившего преступление в первый раз в жизни, при прочих равных условиях ответственность за преступление должна менее суровой, чем ответственность лица, совершившего преступление впервые в юридическом понимании»? Положительно безоговорочно ответили на этот вопрос 32% практических работников и 37% специалистов; с оговорками о том, что при этом необходимо учитывать характер и степень общественной опасности «впервые» совершенного преступления, обстоятельства его совершения и другие данные о личности преступника – еще примерно столько же. В целом же это мнение поддержали около 65–70% опрошенных.

Напомним также то, что, например, в УК РСФСР 1922 г. «совершение преступления в первый раз» учитывалось при определении меры наказания, наряду с тем, как «совершено ли преступление профессиональным преступником или рецидивистом» (п. «е» ст. 25).

Говоря о необходимости законодательного определения понятия лица, впервые совершившего преступление, в отношении такого его проявления, как совершение преступления в первый раз в жизни, мы оставляем данный вопрос, казалось бы, открытым. Однако делаем мы это сознательно потому, что такая интерпретация понятия лица, впервые совершившего преступления, на наш взгляд, исчерпывающим образом раскрывает его значение и дополнительной характеристики не требует. Следующий за этим вопрос – это определение конкретных случаев учета уголовно-правового значения данного обстоятельства.

Определяя возможную сферу уголовно-правового регулирования, в рамках которой может происходить учет факта совершения лицом преступления в первый раз в жизни, следует сказать о том, что такое в принципе может иметь место при применении любой меры уголовно-правового характера, включая уголовное наказание. И, как показали результаты проведенного нами исследования, данное обстоятельство, хотя и не всегда, но достаточно часто фактически учитывается правоприменителем. Несмотря на то, что понятие совершения преступления в первый раз в жизни вообще не предусмотрено в уголовном законе, это обстоятельство принимают во внимание 44% прокурорских работников и 62% опрошенных нами судей.

Вместе с тем из всех субъектов, правомочных применять меры уголовно-правового характера, только один наделен правом применять любую из них и делать это гласно в строго установленном законом порядке – это суд. Немаловажно и то, что судебная власть самостоятельна и действует независимо от законодательной и исполнительной властей (ч. 2 ст. 1 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации»[410]). Если же учесть, что в данном случае нас интересует не любое судебное решение, но лишь то, в котором отражается реакция государства на совершенное преступление, и что в большинстве случаев такая реакция выражается в форме

[410] О судебной системе в Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ : ред. от 30 октября 2018 г. //СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1 ; 2018. № 45. Ст. 6823.

уголовного наказания, то все наше внимание, связанное с оценкой содеянного и лица, его совершившего, фокусируется **на стадии назначения наказания**. Именно здесь может происходить всесторонняя оценка личности виновного с точки зрения полноценного уголовно-правового воздействия на нее.

Согласно ст. 6 УК РФ справедливость наказания заключается в его соответствии характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. По нашему мнению, важнейшей характеристикой последнего выступает кратность преступлений, субъектом которых он выступает. В этой связи вполне закономерно, что рецидив преступлений как одно из самых острых проявлений неоднократной преступности предусмотрен в качестве обстоятельства, отягчающего наказание (п. «а» ч. 1 ст.63 УК РФ). Но если эта сторона кратности попадает в поле зрения законодателя, то остается необъяснимым отсутствие в этом случае другой стороны кратности – совершения преступления в первый раз в жизни, – заметим, также самой привлекательной с точки зрения теории и практики трактовки понятия лица, впервые совершившего преступление.

В этой связи, принимая во внимание, что перечень смягчающих наказание обстоятельств является открытым, а их учет происходит в режиме аргументированного усмотрения суда, рассматриваемое нами обстоятельство можно было бы регламентировать в законе без каких-либо дополнительных оговорок, ограничивающих его действие, то есть без указания на категории совершенного преступления и случайное стечение обстоятельств, вследствие которых преступление совершено (что имеет место в действующем уголовном законодательстве – п. «а» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Как представляется, факт совершения преступления в первый раз в жизни по аналогии с тем, как регламентирован рецидив преступлений в ст. 63 УК РФ, должен быть регламентирован в ч. 1 ст. 61 УК РФ.

Предложение о том, чтобы факт совершения преступления в первый раз в жизни получил статус обстоятельства, смягчающего наказание, без каких-либо дополнительных условий (безотносительно к категории совершенного

преступления, случайному стечению обстоятельств) поддержали 78% опрошенных нами специалистов и 63% судей и прокурорских работников. Вместе с тем следует сказать и о том, что среди правоприменителей существует позиция, прямо противоположная предлагаемому нами решению. Так, по мнению судьи Верховного Суда РФ А. С. Червоткина, «сам по себе факт совершения преступления впервые не является смягчающим наказание обстоятельством, поскольку отсутствие судимостей является нормальным состоянием человека, а не его заслугой»[411]. Суждение не бесспорное хотя бы потому, что с точки зрения ч. 2 ст. 61 УК РФ такой факт сам по себе может быть признан смягчающим наказание обстоятельством. В общечеловеческом же плане нормальным состоянием человека все-таки является не отсутствие судимостей, а несовершение им преступлений. Если же уголовный закон особо реагирует даже на частный случай наличия судимостей (при рецидиве преступлений – ст. 18 УК РФ), то он вполне логично должен реагировать и фактически реагирует на отсутствие таких случаев в сравнении хотя бы с наличием таких случаев. В этой связи уместно вспомнить, что в УК РСФСР 1960 г. в числе отягчающих (ответственность) обстоятельств предусматривалось такое, как совершение преступления лицом, ранее совершившим какое-либо преступление (п. 1 ч. 1 ст.39 УК РСФСР), что означало ненормальность ситуации, в сравнении с той, когда человек ограничивался совершением только одного преступления в жизни.

Принимая во внимание, что в практике применения УК РФ 1996 г. понятие лица, впервые совершившего преступление, равно как и понятие совершения преступления впервые, которое используется в п. «а» ч. 1 ст. 61 УК РФ, трактуются в юридическом (уголовно-правовом) значении, этот пункт можно было бы сохранить в существующей редакции, но лишь при условии

[411] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. М., 2011. С. 217. Эта позиция в несколько иной редакции и со ссылкой на Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 11 сентября 2013 г. № 66-АПУ13-42 воспроизводится в другом аналогичном издании: «Сам по себе факт совершения преступления впервые, *а тем более тяжкого преступления* (курсив наш. *Д. П.*), не является смягчающим наказание обстоятельством, поскольку отсутствие судимостей является нормальным состоянием человека, а не его заслугой». См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: В 4 т. Общая часть (постатейный) (том 1) / отв. ред. В. М. Лебедев. М.,2017.

специального разъяснения его в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (в редакции от 18 декабря 2018 г.). В противном случае с реализацией нашего предложения такое смягчающее наказание обстоятельство, как «совершение впервые преступления небольшой или средней тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств», следует исключить. Это следует сделать и в том случае, если именно в уголовном законе, а не в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ найдет свое отражение определение понятий «лицо, впервые совершившее преступление» и «лицо, впервые совершившее конкретное преступление».

Помимо законодательного решения рассматриваемого вопроса, на наш взгляд, не только он, но и вся проблема кратности преступлений должна привлечь более серьезное внимание в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ, чем это имеет место на сегодняшний день. Так, в преамбуле названного выше постановления от 22 декабря 2015 г. № 58 Пленум, обращая внимание судов на необходимость исполнения требований уголовного закона о строго индивидуальном подходе к назначению наказания и говоря в этой связи о необходимости учета личности виновного при назначении наказания, в числе сведений, ее (личность) характеризующих, называет, «в частности… данные о семейном и имущественном положении совершившего преступление лица, состоянии его здоровья, поведении в быту, наличии у него на иждивении несовершеннолетних детей, иных нетрудоспособных лиц (супруги, родителей, других близких родственников)»[412]. При этом в постановлении Пленума, посвященном вопросам назначения наказания, где собственно и появляется фигура личности преступника, ни слова не говорится о необходимости учета обстоятельств, характеризующих личность виновного в уголовно-правовом значении: о совершенных им ранее преступлениях (либо их отсутствии) и уголовно-правовой реакции на них, о наличии или отсутствии рецидива совершенных им преступлений, об отбывании наказания им в виде лишения

[412] БВС РФ. 2016. № 2 ; 2019. № 2.

свободы и виде исправительного учреждения (ст. 18, 56 УК РФ). Речь идет о данных, характеризующих личность виновного, которые обязательно должны быть отражены в обвинительном приговоре суда при его постановлении, на что Пленум обращает внимание в другом своем постановлении[413]. Однако вместо этого в постановлении от 22 декабря 2015 г. № 58 Пленум со ссылкой на ч. 6 ст. 86 УК РФ безапелляционно предупреждает, что «суды не должны учитывать в качестве отрицательно характеризующих личность подсудимого данные, свидетельствующие о наличии у него погашенных или снятых в установленном порядке судимостей». А может быть, без слова «отрицательно» такой учет не только может, но и должен происходить в контексте положений ранее названной ст. 6 УК РФ, а также ст. 60 УК РФ об обстоятельствах, характеризующих личность виновного[414]. Если же и сохранять рассматриваемое положение в этом постановлении Пленума Верховного Суда РФ, то его следует, на наш взгляд, предварить другим, например, такого содержания: *«Характеризующими виновного также признаются сведения, в частности, о совершенном им преступлении впервые или не в первый раз, о рецидиве преступлений и его видах, об отбывании ранее наказания в виде лишения свободы».* Этим положением следовало дополнить абзац 5 п. 1 рассматриваемого постановления Пленума Верховного Суда РФ, поставив его перед предложением, начинающимся со слов «Исходя из положений…».

Кратность преступлений на стадии назначения наказания имеет не только частное (в качестве одного из обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание), но и общее уголовно-правовое значение, которое определено в ч. 2 ст. 68 УК РФ: срок наказания при любом виде рецидива преступлений не может быть менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида

---

[413] См. п. 27: О судебном приговоре : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 // БВС РФ. 2017. № 1.

[414] По данным И. С. Дроздова, осужденные без лишения свободы, ранее не имевшие судимость, вновь совершают преступления в 22,5% случаев, в то время как среди имевших ранее судимость рецидив возрастает в полтора раза и составляет 35,8%. См.: Дроздов И. С. Рецидив преступлений при осуждении без лишения свободы : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2020. С. 10.

наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ. В этой связи вряд ли можно сделать вывод о том, что положения закона о назначении наказания, называемые «общими началами», относятся к случаям совершения преступления впервые. Такой вывод, на наш взгляд, нельзя сделать хотя бы потому, что рецидив преступлений в трактовке различных его видов в ст. 18 УК РФ – это лишь своеобразная вершина такого проявления кратности преступлений, как неоднократная преступная деятельность. Рецидив преступлений не исчерпывает всех проявлений такой кратности преступлений[415]. Но тогда резонно возникает вопрос, почему бы в законе не отразить и крайнюю точку первичной преступности (крайнюю – при юридической трактовке совершения преступления впервые) – не предусмотреть общее правило о назначении наказания при совершении преступления в первый раз в жизни? Профессор А. С. Горелик в свое время не без оснований замечал, что данные о личности, не отразившиеся в преступлении, могут оказывать настолько сильное влияние на вид и размер наказания, что они более будут соответствовать личности преступника, а не содеянному им. Положительные свойства личности могут привести к назначению не только минимального наказания, но и к назначению наказания ниже низшего предела, условному осуждению, отсрочке исполнения приговора и т. д. Отрицательные свойства личности, в свою очередь, могут повлечь назначение наказания более строгого, чем то, которое соответствовало бы содеянному при их отсутствии[416]. Несомненно прав М. А. Кауфман, когда пишет о том, что «факт совершения преступления впервые вряд ли можно поставить в заслугу

---

[415] Особенности назначения наказания по совокупности преступлений и совокупности приговоров (ст. 69, 70 УК РФ) в данном случае мы оставляем без внимания, поскольку они более характеризуют множественность, а не кратность преступлений.

[416] Горелик А. С. Взаимоотношение обстоятельств, влияющих на размер наказания // Вопросы уголовной ответственности и наказания : межвуз. сб. науч. трудов. Красноярск, 1986. С. 145. Эта проблема не утратила актуальности и в современной литературе. См., напр.: Замдиханова Л. Р. Характер и степень общественной опасности преступления и личность преступника как критерии назначения наказания // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 8. С. 137-145.

обвиняемого (подсудимого)»[417], но обратить внимание на данное обстоятельство при наличии в уголовном законе рецидива как обстоятельства, отягчающего наказание, суд не только может, но и должен, по нашему мнению. Если рецидив преступлений является проявлением отрицательных свойств личности, и этим свойствам уголовный закон придает отрицательное уголовно-правовое значение, которое выражается в более строгом наказании в сравнении с той ситуацией, когда рецидив отсутствует, то осмелимся предположить, что факт совершения преступления в первый раз в жизни, в сравнении с предыдущим, заслуживает льготной уголовно-правовой оценки: назначения наказания не просто в пределах санкции за совершенное преступление, но, очевидно, как минимум, менее строгого, чем при рецидиве преступлений.

В развитие изложенного выше, в уголовном законе можно было бы предусмотреть отдельную статью, например, ст. 67^1 УК РФ «Назначение наказания лицам, совершившим преступление в первый раз в жизни» следующего содержания:

«При назначении наказания за преступление, совершенное в первый раз в жизни, срок или размер наказания не может превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса, а при отсутствии отягчающих обстоятельств – более одной четверти.

Правила настоящей статьи не распространяются на лиц, виновных в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 105, ст. 131–135, 161–163, 205, … УК РФ».

Факт совершения преступления в первый раз в жизни безотносительно к каким-либо дополнительным условиям мог бы иметь уголовно-правовое значение и в других случаях.

---

[417] Кауфман М. А. Институт освобождения от уголовной ответственности в контексте реализации принципа экономии репрессии // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М., 2021. С. 400.

Так, известно, что отношение российского законодателя к **определению** преступности и **наказуемости общественно опасных деяний, совершаемых по неосторожности**, не лишено неоднозначности, а порой и противоречивости[418]. Оставляя в данном случае вопросы определения формы вины в конкретных составах преступлений, предусмотренных в Особенной части УК РФ (например, в случае, предусмотренном ст. 263^1 УК РФ), отметим отсутствие четких границ в уголовно-правовом значении между неосторожными и умышленными преступлениями в рамках одной и той же категории преступлений, равно как и в УК РФ в целом. По общему правилу, с дифференциацией форм вины в ст. 24–26 УК РФ увидеть четко выраженную дифференциацию уголовно-правового значения неосторожных и умышленных преступлений весьма непросто. Достаточно сказать, что применение (назначение) различных видов уголовного наказания (за исключением смертной казни и пожизненного лишения свободы) не увязывается с формой вины совершенного преступления. В уголовном законе отсутствует ожидаемая градация наказаний одного и того же вида по срокам и размерам в зависимости от данного обстоятельства, а, например, неосторожные преступления средней тяжести могут быть наказуемы лишением свободы более строго, чем умышленные преступления этой же категории – до десяти и до пяти лет соответственно. Каков удельный вес умышленных и неосторожных преступлений в рамках одной категории преступлений – это отдельный вопрос. Вряд ли уместно здесь сравнивать и другие аспекты уголовно-правового значения этих преступлений в рамках одной категории при наличии той принципиально различной качественной их характеристики в ст. 25, 26 УК РФ.

Федеральным законом от 17 июня 2019 г. № 146-ФЗ неосторожные преступления в очередной раз (после периода 1997–2001 гг.) были включены в

---

[418] Из последних публикаций об этом см., напр.: Яни П. С. Расширение состава халатности // Законность. 2019. № 10. С. 40-44 ; Донец С. П. Квалификация преступлений и назначение наказания при наличии квалифицирующих (привилегирующих) признаков с умышленной и неосторожной формой вины: теоретико-прикладные вопросы // Российский следователь. 2019. № 1. С. 51-57 ; Решетников А. Ю., Русскевич Е. А. Об уголовной ответственности за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274.1 УК России) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 2. С. 51-55.

содержание и категории тяжких преступлений, причем с определением максимальной их наказуемости лишением свободы на срок до 15 лет[419]. Этим решением законодатель еще более стер грань между умышленными и неосторожными преступлениями в рамках трех из четырех категорий преступлений, а соответственно, и в уголовном законодательстве России в целом.

Вместе с тем специалистами уголовного права общепризнанно положение и о том, что общественно опасные деяния, совершаемые по неосторожности, по общему правилу уголовно наказуемы лишь потому, что они связаны с причинением смерти, тяжкого вреда здоровью или серьезного имущественного ущерба. В этой связи в теории уголовного права, в частности, отмечается, что криминализация неосторожных деяний считается обоснованной лишь при наличии фактического существования вреда[420]. Возможно, неслучайно поэтому в последние годы законодатель все более последовательно принимает решения, связанные с исключением составов создания опасности[421]. В этой связи изменение редакции ст. 236 УК РФ Федеральным законом от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ, согласно которой уголовно наказуемым помимо прочего теперь считается нарушение санитарно-эпидемиологических правил, создавшее угрозу массового заболевания или отравления людей (ч. 1)[422], является более примером неудачного

---

[419] В этой связи в литературе отмечается, что принципиально допустима ситуация, когда за предусмотренное в уголовном законе неосторожное деяние будет установлен срок наказания в виде лишения свободы, превышающий пятнадцать лет, и вопрос будет заключаться лишь в том, к какой категории преступлений такое деяние будет относиться. См.: Звечаровский И. Тяжкие неосторожные преступления // Законность. 2020. № 1. С. 45.

[420] Нерсесян В. А. Ответственность за неосторожные преступления : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 8-9. По нашим сведениям, этот тезис впервые был обозначен во введении к теоретической модели уголовного закона. См.: Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. М., 1987. С. 7. Вместе с тем до настоящего времени высказываются предложения, например, о том, чтобы установить уголовную ответственность за умышленное нарушение некоторых специальных правил в отношении возможности наступления общественно опасных последствий. См., напр.: Скляров С. В. Вина и мотивы преступного поведения. СПб., 2004. С. 48.

[421] Одним из таких решений является изменение редакции ч. 1 ст. 217 УК РФ. См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 23 апреля 2018 г. № 114-ФЗ // СЗ РФ. 2018. № 18. Ст. 2584.

[422] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 1 апреля

законодательного решения внезапно возникшей острой и масштабной социальной проблемы, чем примером возобновления такой практики. Законодатель отверг текст этой новеллы, предложенный авторами пояснительной записки[423], и сделал, на наш взгляд, это обоснованно. Однако при этом без внимания осталось главное, что предлагалось в этой записке: в ней шла речь об умышленном создании такой угрозы. Исходя из этого и следовало формулировать новый состав преступления в части определения его субъективной стороны. С учетом этого замечания рассматриваемая новелла могла бы звучать принципиально по-другому: «Умышленное создание угрозы массового заболевания и отравления людей в результате нарушения санитарно-эпидемиологических правил».

В развитие позиции об избирательном отношении к законодательной регламентации неосторожных преступлений при проведении анкетирования научно-педагогических работников, сотрудников правоохранительных органов и судей нами был задан такой вопрос: *«Разделяете ли Вы предложение о том, что если лицо совершило преступление в первый раз в жизни и это преступление совершено по неосторожности, то при условии заглаживания вреда, причиненного преступлением, такое лицо может подлежать освобождению от наказания?»* С оговоркой о том, что, если неосторожное преступление не связано с причинением смерти, положительно ответили на этот вопрос 72% опрошенных. При этом 33% опрошенных заметили, что даже на случай причинения смерти в результате неосторожного преступления можно было бы установить максимальный срок наказания в виде лишения свободы не более трех лет, то есть тем самым считать такое преступление всегда преступлением небольшой тяжести[424].

2020 г. № 100-ФЗ : по состоянию на 1 апреля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 23.08.2024).

[423] В пояснительной записке к законопроекту в этой связи предлагалось установить уголовную ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических правил, повлекшее по неосторожности смерть человека либо сопряженное с умышленным созданием угрозы массового заболевания и отравления людей. Анализируется текст пояснительной записки, приведенной на сайте https://sozd.duma.gov.ru/ по состоянию на 25 марта 2020 г.

[424] См. Перечень № 8. Перечень преступлений, в результате совершения которых возможна смерть потерпевшего: О введении в действие перечня статей Уголовного кодекса

Подчеркнем, что названные выше вопросы и ответы на них не имеют своей целью поставить под сомнение уже состоявшуюся криминализацию общественно опасных деяний, совершаемых по неосторожности. Речь идет лишь о более серьезной дифференциации уголовной ответственности за такие деяния. Если качественная характеристика неосторожных преступлений, предусмотренная в ст. 26 УК РФ, состоятельна настолько, что принципиально отлична от содержания вины в умышленных преступлениях, то почему бы в развитие избирательного отношения к лицам, совершившим преступление в первый раз в жизни, при том, что это сделано по неосторожности, в уголовном законе не установить, как минимум, два правила. Согласно первому из них, «*лицо, совершившее преступление в первый раз в жизни, подлежит освобождению от наказания в случае совершения им неосторожного преступления, не связанного с причинением смерти, и заглаживания вреда, причиненного этим преступлением»*; согласно второму – *«лицу, совершившему преступление в первый раз в жизни, максимальный срок наказания в виде лишения свободы не может превышать трех лет, если такое преступление является неосторожным и оно не повлекло за собой гибель двух или более лиц»*. Первое правило следовало бы предусмотреть в гл. 12 УК РФ «Освобождение от наказания», а второе – в ст. 56 УК РФ «Лишение свободы на определенный срок».

Как представляется, последнее правило вполне согласуется с общей тенденцией в современной уголовно-правовой политике на сужение сферы применения наказания в виде лишения свободы. Что же касается первого правила, то его императивный характер, ограниченный круг требований для наступления указанных в нем льготных уголовно-правовых последствий, выделяет его из числа подобных и не дублирует их (например, предусмотренных в ч. 1 ст. 75, 76 УК РФ).

Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности : указание Генеральной прокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24 января 2020 г. Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Названные предложения, как представляется, согласуются с тем, в целом достаточно льготным, положением неосторожных преступлений, которое они имели до недавнего времени в уголовном законодательстве России. С 2001 по 2019 г. такие преступления были рассредоточены только по двум наиболее мягким категориям преступлений – небольшой и средней тяжести, что предопределяло их особое уголовно-правовое значение в сравнении с «чисто» умышленными преступлениями, образующими содержание категорий тяжких и особо тяжких преступлений (ст. 18, 30, 48, 53, 53^1, ч. 1 ст. 56, п. «а» ч. 1 ст. 58, п. «а» ч. 1 ст. 61, ч. 2 ст. 69, ст. 75–76^2, п. «а», «б» ч. 1 ст. 78, п. «а» ч. 3 ст. 79, ч. 2 ст. 80, ст. 81, п. «а», «б» ч. 2 ст. 83, п. «в» ч. 3 ст. 86 УК РФ). Немаловажно и то, что в структуре осужденных на долю осужденных за неосторожные преступления в последние годы приходится, как правило, не более 2% (1,99% – по итогам 2023 г., 2019 г. – 1,97%, 2014 г. – 2,09%).

Более широко и значимо в уголовно-правовом смысле факт совершения преступления в первый раз в жизни мог бы учитываться в совокупности с другими обстоятельствами. На той же стадии назначения наказания это обстоятельство одно из немногих могло бы оправдывать **назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за совершенное преступление** (ст. 64 УК РФ).

Как это следует из содержания ч. 1 ст. 64 УК РФ, исключительными обстоятельствами признаются такие, которые существенно уменьшают степень общественной опасности преступления. Очевидно, что в данном случае идет речь о той – типовой – степени общественной опасности, которая отражена в размере уголовного наказания, предусмотренного за конкретное преступление определенного вида. Вместе с тем в перечне обстоятельств, существенно уменьшающих такую опасность, законодатель называет обстоятельства, более характеризующие лицо, совершившее преступление, чем само преступление – как просто общественно опасное уголовно-противоправное деяние без субъективной его «окраски». В этой связи нельзя не обратить внимание на тот момент, что законодатель, говоря об исключительных обстоятельствах, связанных с

субъективной стороной преступления – «целями и мотивами преступления», – почему-то не называет обязательный признак субъективной стороны любого состава преступления – вину. Между тем что, как не форма вины в содеянном в совокупности с другими обстоятельствами, может повлиять на применение ст. 64 УК РФ? При прочих равных условиях, на наш взгляд, именно неосторожность, обусловившая наступление тяжких последствий, вследствие чего такого рода деяния по общему правилу и становятся преступными, должна привлекать внимание суда с точки зрения возможного выхода за пределы санкции в сторону ее смягчения. Однако такой ориентир в этой статье отсутствует, а на практике, например, по итогам 2018 г. всего лишь 68 осужденным за неосторожные преступления наказание было назначено с применением ст. 64 УК РФ. И это при общем количестве таких осужденных в 12 332 человека, при том, что ст. 64 УК РФ была применена всего лишь к 6 осужденным за нарушение специальных правил, в частности по ст. 143, 215–219 УК РФ (за исключением ст. 215^1 – 215^4 УК РФ).

Следует также отметить, что обстоятельствами, оправдывающими применение ст. 64 УК РФ, могут выступать и такие, которые лежат уже за рамками преступного поведения, в так называемой посткриминальной сфере (поведение виновного после совершения преступления, активное содействие участника группового преступления раскрытию этого преступления). В своей совокупности обстоятельства субъективного порядка и обстоятельства из сферы посткриминального поведения характеризуют, говоря словами Н. С. Таганцева, не деяние, а деятеля, то есть лицо, совершившее преступление. Вне всяких сомнений, выделять последнего из числа типичных субъектов совершения преступления может и такое обстоятельство, как факт совершения им преступления в первый раз в жизни. Так почему бы ему, особенно в совокупности с виной, целями и мотивами преступления, также не придать значение оправдывающего назначение уголовного наказания более мягкого, чем предусмотрено за данное преступление? В этой связи представляется целесообразным ч. 1 ст. 64 УК РФ до слов «а равно» изложить в такой редакции:

«*При совершении преступления в первый раз в жизни*, наличии исключительных обстоятельств, связанных *с виной*, целями и мотивами преступления, ролью виновного, его поведением во время или после совершения преступления, и других обстоятельств, существенно уменьшающих степень общественной опасности преступления…».

Мерой уголовно-правового характера, однопорядковой рассмотренной выше, выступает **условное осуждение к лишению свободы** (ст. 73 УК РФ). Следует отметить, что данная мера традиционно широко применяется в отечественной судебной практике. Стабильно опережая до 2013 г. реальное лишение свободы (по итогам 2012 г. удельный вес последнего составил 27,9%, а условного осуждения 30%), условное осуждение к лишению свободы, начиная с 2013 г., также стабильно занимает второе место в структуре мер уголовно-правового характера, применяемых судами при постановлении обвинительного приговора суда: 2013 г. – 27,4%; лишение свободы – 28,5%; 2014 г. – 27,5 и 29,1%; 2016 г. – 25,0 и 27,5%; 2018 г. – 25,7 и 28,5%; 2019 г. – 26,3 и 29,3%; 2020 г. – 27,8 и 28,2%; 2021 г. – 28,0 и 28,1%, 2022 г. – 26,6 и 28,9%, 2023 г. – 23,7 и 28,9% соответственно. Вместе с тем официальная судебная статистика свидетельствует и о том, что в отношении около половины условно осужденных к лишению свободы уголовно-исполнительными инспекциями страны ежегодно вносятся в суды представления о продлении условного осуждения или его отмене по основаниям, предусмотренным в ч. 2, 2^1, 3, 4 ст. 74 УК РФ[425]. При этом обращает на себя внимание и весьма высокий показатель удовлетворения судом таких представлений: в рассматриваемый период он составлял от 74,3 до 79%. По данным И. С. Дроздова, именно осужденные условно проявляют наибольшую криминальную активность в период постановки и нахождения на учете в уголовно-исполнительной инспекции, а также в течение года после снятия с

[425] И это без учета практики отмены условного осуждения по основанию, предусмотренному в ч. 5 ст. 73 УК РФ.

такого учета. При этом средний уровень их совокупного криминологического рецидива в указанный период составляет около 40%[426].

Среди специалистов, уделивших внимание исследованию условного осуждения, по нашим сведениям, нет ни одного, кто бы не предлагал реформирование этого института в целом либо отдельных его элементов[427]. Однако, учитывая практику применения условного осуждения, в том числе названные выше показатели, на наш взгляд, первостепенное внимание должно быть уделено вопросу обоснованности и в этой связи – избирательности применения этой меры уголовно-правового характера. Как представляется, именно отсюда – от стадии назначения условного осуждения проистекают основные проблемы условного осуждения, включая невысокую степень его исполнимости.

Практически все специалисты обращают внимание на очевидное несоответствие весьма невысокой степени карательного содержания испытательного срока назначенному виду и сроку наказания, которое чаще всего и применяется при условном осуждении, – лишению свободы. Причем «бросается в глаза» не столько вид наказания, назначенный и реально не исполняемый в этом случае, а его максимально возможный срок – до восьми лет (ч. 1 ст. 73 УК РФ). В свете этого правила на второй план отходят даже те ограничения в применении условного осуждения, которые предусмотрены в пп. «а»–«в» ч. 1 ст. 73 УК РФ.

В ситуации, когда закон не предусматривает по существу никаких формальных требований, на основе которых должен формироваться вывод суда о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания, необходимость в их наличии особенно очевидна, когда речь идет об условном осуждении к лишению свободы на срок свыше трех лет. Наказание меньшего

---

[426] Дроздов И. С. Указ. соч. С. 9-10.

[427] Условному осуждению в разные годы посвящены монографии и диссертации следующих авторов: И. Н. Алексеева, И. А. Бурлаковой, Б. С. Вайсмана, А. Б. Виноградова, Г. С. Гаверова, М. Г. Гусейнова, С. И. Зельдова, В. С. Ишигеева, Э. А. Казарян, А. Н. Кандалова, Г. А. Кригера, В. А. Ломако, Э. В. Лядова, А. К. Музеника, Н. В. Олховика, А. Г. Першутова, В. В. Пронникова, С. Н. Сабанина, Н. Ф. Саввина, Э. А. Саркисовой, С. Ю. Скобелина, О. В. Сукманова, А. С. Суховеева, А. Н. Тарасова, В. А. Уткина, М. И. Якубовича и др.

срока данного вида обычно и называется специалистами в качестве предельного для применения условного осуждения без каких-либо дополнительных формальных требований. В конкретных видах (категориях) преступлений «просматривается» наказание в виде лишения свободы на срок до шести лет, например, в ст. 78 УК Республики Беларусь, где при этом выдвигается еще и условие совершения преступления впервые.

В стремлении установить разумные границы предельного срока лишения свободы, допускающие применение условного осуждения, В. М. Степашин правильно пишет о том, что обоснованность условного осуждения должна определяться, прежде всего, относительно невысокой общественной опасностью преступника и совершенного им преступления, соответствующей границам, определяющим категорию преступлений небольшой тяжести, то есть трем годам лишения свободы при совершении умышленных и пяти – неосторожных преступлений[428]. Однако отечественный законодатель, однажды отказавшийся от того, чтобы считать условное осуждение альтернативой кратким срокам лишения свободы, вряд ли откликнется на данное предложение, учитывая к тому же четко выраженную в последние годы устремленность уголовной политики к ограничению количества реально лишенных свободы на этапе постановления обвинительного приговора суда. В такой ситуации, может быть, нужно поступить несколько иначе: возродить практику применения условного осуждения в зависимости от факта совершения преступления впервые, которая была предусмотрена и в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. (ст. 26), и в УК РСФСР 1922 г. (ст. 36^2)? Правда, в отличие от прежнего уголовного законодательства, в условиях современных российских реалий в зависимость от факта совершения преступления в первый раз в жизни следует поставить применение не в целом условного осуждения, а лишь при сроках лишения свободы более трех лет (сегодня – до восьми лет лишения свободы). При этом,

[428] Степашин В. М. Экономия репрессии как принцип уголовного права и его реализация в назначении мер уголовной ответственности : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Омск, 2019. С. 25-26.

конечно же, труднообъяснима с точки зрения принципа справедливости практика, при которой наибольший удельный вес условного осуждения к наказанию в виде лишения свободы приходится на тяжкие преступления, при осуждении за которые применение ст. 73 УК РФ, казалось бы, должно носить исключительный характер[429].

Это или подобные ему решения ограничат применение условного осуждения к лишению свободы, но, как представляется, они сделают более избирательным применение этой меры в зависимости от обстоятельств, характеризующих личность подсудимого, а потому и с более ожидаемым положительным результатом. Заметим также, что предложения об ограничении применения условного осуждения только к лицам, совершившим преступление впервые, равно как и с учетом при этом категорий совершенного преступления (в период действия УК РСФСР 1960 г. – степени общественной опасности), уже высказывались в специальной литературе, хотя и в несколько ином контексте[430].

Особое уголовно-правовое значение совершению преступления в первый раз в жизни, как представляется, можно придать не только на стадии назначения наказания, но и **на досудебных стадиях уголовно-правового реагирования** на совершенное преступление. Как уже отмечалось ранее, на сегодняшний день деятельное раскаяние само по себе или в совокупности с другими обстоятельствами выступает основанием освобождения от уголовной ответственности не только в диспозитивном, но и в императивном порядке. При этом речь идет о деятельном раскаянии не только в преступлениях небольшой или средней тяжести, как это предусмотрено в ч. 1 ст. 75 УК РФ, но и в тяжких (предусмотренных, например, ч. 1, п. «а» ч. 2 ст. 127^1 УК РФ) и даже в особо

---

[429] На это обстоятельство неоднократно обращалось внимание специалистами. В современных изданиях см. об этом, напр.: Фисенко Д. Ю. Современные тенденции применения условного осуждения // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2018. № 4 (57). С. 161.

[430] См., напр.: Горяйнова Е. А. Модель условного осуждения в диссертационном исследовании «Условное осуждение по советскому уголовному праву. М. ; СПб, 2018. С. 14 ; Социальная эффективность условного осуждения / под ред. Н. А. Лопашенко. М., 2014 ; Агзамов И. М. Условное осуждение (проблемы правовой регламентации и исполнения) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. С. 7.

тяжких (предусмотренных, например, ст. 208 УК РФ) преступлениях. Правда, в последних двух случаях речь идет о лице, впервые совершившем не любое преступление, относящееся к категории тяжких или особо тяжких преступлений, а конкретное преступление, указание на которое присутствует в примечаниях к названным статьям Особенной части УК РФ. О целесообразности и обоснованности такой законодательной практики речь пойдет ниже при рассмотрении должного отражения в уголовном законе понятия совершения преступления впервые в юридическом (уголовно-правовом) значении. Здесь же отметим следующее. Если при освобождении от уголовной ответственности по нормам Общей части УК РФ законодатель хоть как-то ориентируется на лицо, совершившее преступление, с точки зрения его (лица) общественной опасности (правда, прямо об этом говорится только в ч. 1 ст. 75 УК РФ), то во всех иных случаях такая ориентация на законодательном уровне просто отсутствует. В этой связи представляются малоубедительными суждения некоторых специалистов о том, что общим основанием освобождения от уголовной ответственности выступает отпадение общественной опасности лица, совершившего преступление, ее снижение или существенное снижение[431]. В противовес такой позиции ряд ученых не без оснований обращают внимание на то, что требование об утрате лицом, совершившим преступление, общественной опасности не выдвигается законодателем при освобождении от уголовной ответственности за деятельное раскаяние, регламентированное в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ, а в этом случае речь идет о преступлениях, порой более тяжких, чем те,

[431] См., напр.: Курск уголовного права. Общая часть. Том 2: Учение о наказании / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 2002. С. 151 ; Сверчков В. В. Освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела (преследования), отказ в его возбуждении: проблемы теории и практики. СПб., 2008. С. 153. Следует отметить, что некоторые специалисты в зависимость от общественной опасности деяния и лица, его совершившего, ставят действие и других институтов уголовного права, в частности института освобождения от отбывания наказания. См., напр.: Данелян С. В. Освобождение от отбывания наказания в уголовном законодательстве Российской Федерации: теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Махачкала, 2006. С. 9 ; Рамазанов Е. Р. Утрата лицом общественной опасности как основание освобождения от уголовной ответственности : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2022. С. 10-11.

которые названы в ч. 1 ст. 75 УК РФ. Отсутствует это требование и в других случаях, связанных с освобождением от уголовной ответственности, или с применением мер уголовно-правового характера, зависимых от посткриминального поведения[432]. Так, очевидно, что совершенно иными соображениями, чем наличие или отсутствие общественной опасности лица, совершившего преступление, законодатель руководствуется, например, и в случаях освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных в примечаниях к ст. 210, 275, 276, 278 УК РФ. И такие соображения оправданы. Неясно другое: почему законодатель не пытается аналогичным образом реагировать на другую сторону кратности преступлений, не предусматривает императивное освобождения от уголовной ответственности, например, за «простую» кражу (ч. 1 ст. 158 УК РФ) лица, совершившего ее в первый раз в жизни и вернувшего полностью похищенное им либо также полностью возместившего ущерб от содеянного им. Если императивное и безусловное освобождение от уголовной ответственности лица, совершившего, например, государственную измену, оправдано идеей предотвращения наступления более тяжких последствий, чем те, которые уже имеют место в результате совершенного преступления, то почему бы таким же образом не оправдать, не обосновать приведенный нами пример с кражей? Положительный результат здесь, на наш взгляд, не менее значим и, возможно, даже более заметен: преступление раскрыто, ущерб возмещен, лицо, совершившее преступление в первый раз в жизни, сохраняет нормальные социальные связи или, как минимум, не усугубляет свое социальное положение, существовавшее на момент совершения преступления.

В рамках непрекращающихся разговоров и дискуссий о гуманизации уголовного законодательства России в последние годы все настойчивее внедряется и обсуждается связанная с этим идея Верховного Суда РФ дополнить УК РФ 1996 г. категорией «уголовный проступок». А почему бы, не меняя

[432] См., напр.: Авсеницкая К. В. Деятельное раскаяние: понятие, формы выражения, стимулирование уголовно-правовыми мерами : дис. … канд. юрид. наук. М., 2014. С. 42-43.

принципиально существующей в УК РФ 1996 г. категоризации преступлений и системы мер уголовно-правового характера, обусловленных той или иной категорией преступления, чего не избежать при дополнении УК РФ новым понятием[433], не обусловить фактом совершения преступления в первый раз в жизни освобождение от уголовной ответственности за любое преступление из разряда небольшой тяжести при условии полного возмещения причиненного им вреда? В таком же порядке могло бы наступать освобождение от уголовной ответственности за примирение с потерпевшим в совокупности с заглаживанием причиненного ему вреда преступлениями небольшой или средней тяжести, совершенными в первый раз в жизни. Реализация этих предложений в уголовном законе с сохранением действия норм, предусмотренных в ч. 1 ст. 75, ст. 76 УК РФ, повысила бы социально-правовое значение институтов деятельного раскаяния и примирения с потерпевшим.

2.2. Об отражении в уголовном законе факта совершения лицом преступления впервые в юридическом (уголовно-правовом) значении в отношении отдельных категорий преступлений

Как это ни парадоксально, но наличие в уголовном законе понятия «совершение преступления лицом впервые» в значении, отличном от того, которое было рассмотрено выше, столь же естественно, как и совершение преступления в первый раз в жизни. Разница состоит лишь в том, что юридическая (уголовно-правовая) трактовка значения понятия лица, впервые совершившего преступление, изначально была дана в судебной практике, а в

[433] См. об этом, напр.: Головко Л. В. Законопроект об уголовном проступке: мнимые смыслы и реальная подоплека // Закон. 2018. № 1. С. 127-136 ; Кадников Н. Категоризация преступлений в зависимости от их тяжести как основа построения многих институтов общей части уголовного права // Уголовное право. 2017. № 4. С. 61 ; Кибальник А. Уголовный проступок и его правовые последствия // Уголовное право. 2017. № 4. С. 65 ; Иногамова-Хегай Л. Современные тенденции криминализации и декриминализации в российском уголовном праве // Уголовное право. 2017. № 4. С. 54-55 ; Акутаев Р. М. Об уголовных проступках и категоризации преступлений в свете Постановления Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2013 г. // Российская юстиция. 2013. № 5. С. 41-45.

последующем она постоянно напоминается, причем в разнообразных вариантах, в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ, в чем по определению не нуждается трактовка понятия, используемого в бытовом (фактическом) значении.

Юридическая трактовка понятия лица, впервые совершившего преступление, как уже отмечалось ранее, предопределена механизмом уголовно-правового регулирования: лицо, совершившее преступление, сохраняет статус субъекта такого преступления с момента его совершения и до момента погашения или снятия судимости при осуждении за такое преступление. Это идеальная схема полноценного уголовно-правового реагирования на совершенное преступление, которая может нарушаться только одним обстоятельством – безусловным освобождением лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности за него.

Естество обыденного значения понятия лица, впервые совершившего преступление, с таким же естественным юридическим его значением в рамках механизма уголовно-правового регулирования, будучи далеко не равнозначными, вместе с тем настолько близки, что порой это приводит комментаторов уголовного закона к стиранию обыденной и юридической значимости. Так, например, в единственном для своего времени комментарии УК РСФСР 1960 г. под редакцией заместителя Министра юстиции РФСР Ю. Д. Северина мы встречаем следующее суждение:

«Освобождение от уголовной ответственности в связи с передачей материалов в товарищеский суд допускается лишь в случае, когда малозначительное преступление совершено впервые. Это значит, что до малозначительного преступления… *лицо не совершало ни аналогичного, ни какого-либо иного преступления. Если ранее было совершено преступление, за которое лицо было освобождено от уголовной ответственности* в связи с применением мер административного воздействия, *материалы дела за вновь совершенное малозначительное преступление могут быть переданы в товарищеский суд. Если малозначительное преступление совершается фактически не в первый раз, но по ранее совершенному преступлению истек срок*

давности привлечения к уголовной ответственности либо судимость за ранее совершенное преступление погашена или снята, материалы дела могут быть переданы в товарищеский суд» (курсив наш. – *Д. П.*) [434].

Комментарий, не лишенный противоречия, которое, однако, не мешало на практике освобождать от уголовной ответственности по ст. 51 УК РСФСР 1960 г. лиц, фактически совершающих преступление не в первый раз в жизни. Такая практика не соответствовала житейской трактовке совершения преступления впервые, иной – юридической – трактовки этого понятия в уголовном законе не было. По умолчанию, основанному на системном анализе механизма уголовно-правового регулирования, на практике понятие лица, впервые совершившего преступление, применялось при необходимости и в том, и в другом значении.

Отмеченное противоречие присутствует и в первом официальном комментарии УК РФ 1996 г. Здесь вместо положения о том, что совершение впервые преступления как обстоятельство, смягчающее наказание (п. «а» ч. 1 ст. 61 УК РФ), включает в себя совершение преступления в первый раз в жизни и совершение преступления впервые в уголовно-правовом смысле, пишется иное:

«Лицо может считаться совершившим преступление впервые, если оно *ранее не совершало преступления* (курсив наш. – *Д. П.*). К указанной категории *относятся также и лица, которые ранее совершали преступления*, но в отношении их истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности (ст. 78), истекли сроки давности исполнения обвинительного приговора (ст. 83), если судимость с них снята вследствие актов амнистии (ст. 84), помилования (ст. 85), если судимость снята или погашена на общих основаниях (ст. 86)»[435].

Такая трактовка понятия лица, впервые совершившего преступления, не совсем точно отражала и уголовно-правовое его понимание, поскольку не сами по себе сроки давности, а освобождение от уголовной ответственности вследствие этого обстоятельства «превращало» лицо, ранее совершившее преступление, в

---

[434] Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / под ред. Ю. Д. Северина. М., 1980. С. 110.

[435] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Общая часть / под общей ред. Ю. И. Скуратова и В. М. Лебедева. М., 1996. С. 157.

лицо, его не совершавшее, и такой результат мог наступать в результате освобождения от уголовной ответственности не только в соответствии со ст. 78 УК РФ, но и по иным основаниям. Авторам комментария, на наш взгляд, следовало обратить внимание и на то, что в ст. 83 УК РФ, регламентирующей сроки неисполнения обвинительного приговора, речь идет об освобождении не от наказания, а от его отбывания. Несудимым же может считаться лицо, освобожденное от наказания (ч. 2 ст. 86 УК РФ), а не от его отбывания.

С определением уголовно-правовой значимости освобождения от уголовной ответственности для статуса лица, совершившего преступление, заметим, что мы не поддерживаем законодательную практику условного освобождения от уголовной ответственности, долгое время представленную в российском уголовном законодательстве одним видом: сначала освобождением от уголовной ответственности с передачей на поруки (ст. 52 УК РСФСР 1960 г.), а позднее – несовершеннолетних (ст. 90 УК РФ 1996 г.). Последний, как известно, в 2016 г. был дополнен еще одним видом – освобождением от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76^2, 104^4 УК РФ). Несмотря на то что такая практика порой находит поддержку со стороны ученых[436], а некоторые из них предлагают закрепить в законе исключительно условные виды[437], мы разделяем мнение Л. Головко о том, что если решение об освобождении от уголовной ответственности по безусловному основанию принимается законно и обоснованно, то оно должно быть окончательным и непоколебимым[438]. Более важно, однако, другое: акт освобождения от уголовной ответственности возвращает лицо, совершившее преступление, в статус лица, в уголовно-правовом

---

[436] См., напр.: Аликперов Х. Д. Освобождение от уголовной ответственности: учебно-методическое пособие. М., Воронеж, 2001. С. 18 ; Коробов П. В. Условные и безусловные виды освобождения от уголовной ответственности // Журнал российского права. 2011. № 9. С. 49-56 ; Сверчков В. В. Указ. соч. С. 85-86.

[437] См.: Сундуров Ф. Р. Освобождение от уголовной ответственности // Уголовное право России: Общая часть / под ред. Ф. Р. Сундурова, И. А. Тарханова. М., 2009. С. 587-588.

[438] Головко Л. Классификация оснований освобождения от уголовной ответственности // Законность. 1998. № 11. С. 39-40 ; Он же: Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002. С. 280. Правда в последней работе автор говорит и о том, что освобождение от уголовной ответственности по ч. 1 ст. 75, 76, 90 УК РФ должно носить условный характер (Указ. соч. С. 275, 284).

смысле его не совершавшего. В таком качестве он близок по своему значению погашению или снятию судимости (в том числе – в результате акта освобождения от наказания (ч. 2 ст. 86 УК РФ)). Правоотношение, порожденное фактом совершения преступления – охранительное уголовное правоотношение, – здесь прекращается, а возродиться оно может в силу только равнозначного по юридической силе факта – преступления, а не в силу «систематического неисполнения несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия» (ч. 4 ст. 90 УК РФ) либо «неуплаты судебного штрафа в установленный судом срок» (ч. 2 ст. 104^4 УК РФ).

В связи с изложенным выше российскому законодателю для юридической чистоты реализации идеи условного освобождения от уголовной ответственности можно было бы посмотреть законодательный опыт решения аналогичного вопроса в некоторых странах, ранее входивших в состав СССР. Например, по УК республик Беларусь и Молдовы решение об освобождении от уголовной ответственности в такой ситуации происходит уже после того, как в первом случае состоялась уплата «уголовно-правовой компенсации» (ст. 82), а во втором – после условного прекращения уголовного преследования (ст. 59).

Принимая во внимание, что ранее мы уже дали оценку отражения в уголовном законе факта совершения преступления впервые в юридическом значении, в данном случае обратим внимание на возможность дальнейшего развития уголовного законодательства в этом направлении.

Оценивая законодательную практику использования понятия лица, впервые совершившего преступление в уголовно-правовом смысле, на предмет перспективы ее совершенствования и дальнейшего развития, следует отметить, что «сквозное» значение этого понятия для всего УК не определялось ни в одной норме этого УК. Может быть, по этой причине не давал толкование этого понятия «на все случаи жизни» и Пленум Верховного Суда РФ. Правда, и он до настоящего времени, как уже отмечалось ранее, так и не дал разъяснения уголовно-правового значения понятия лица, впервые совершившего преступление в случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 53^1, ч. 1 ст. 56, п. «а» ч. 1 ст. 61 УК РФ. Такие

разъяснения ожидаемы правоприменителем потому, что имеющиеся трактовки в отношении других норм носят «тематический» характер и разнятся по своему содержанию.

В связи с отмеченным обстоятельством, к ранее данному нами ответу на вопрос, нужна ли легализация общего определения понятия лица, впервые совершившего преступление, добавим другой: насколько общий характер должно иметь такое определение в рамках Уголовного кодекса?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, попытаемся для начала выяснить, различается ли трактовка понятия лица, впервые совершившего преступление, в нормах Общей части УК РФ? А если да, то чем.

Из содержания ч. 1 ст. 53^1 УК РФ следует, что принудительные работы как альтернатива лишению свободы могут назначаться безотносительно к кратности за преступления небольшой или средней тяжести, за тяжкие преступления – только лицам, совершившим такое преступление впервые.

В ч. 1 ст. 56 УК РФ идет речь об осужденном, совершившем впервые преступление небольшой тяжести; в п. «а» ч. 1 ст. 61 УК РФ – о совершении впервые преступления небольшой или средней тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств; в ч. 1 ст. 75, ст. 76, 76^2, 80^1, ч. 6 ст. 88 УК РФ – о лице, впервые совершившем преступление небольшой или средней тяжести; в ч. 1 ст. 76^1 УК РФ – о лице, совершившем впервые преступление конкретного вида (предусмотренного конкретной статьей), либо даже – с конкретным составом преступлений (ч. 2 ст. 76^1 УК РФ).

Только последние два варианта указания на лицо, впервые совершившее преступление, из числа названных выше присутствуют в нормах Особенной части УК РФ. Первый из них отражается в примечаниях к ст. 195, 198, 199, 199^1, 199^3, 199^4, 205^5, 208, 282^1, 282^2, 282^3, 337 УК РФ; второй – в примечаниях к ст. 127^1, 145^1, 338 УК РФ.

Таким образом, анализ нормативных положений УК РФ, содержащих указание на лицо, совершившее преступление впервые, убеждает в том, что трактовка такого понятия едина для всех этих случаев: перед нами всегда лицо,

однажды уже совершившее преступление, и дело лишь в том, какое это преступление и какое преступление совершено им вновь. Другими словами, в уголовном законодательстве разнится не трактовка понятия лица, впервые совершившего преступление, а сфера применения этого понятия по кругу лиц в зависимости, как правило, от таких обстоятельств, как: совершение отдельного преступления определенного вида; совершение отдельного преступления определенного вида с конкретным составом (или составами); совершение преступления определенной категории (или категорий). Известное многообразие вариантов определения таких сфер применения понятия лица, впервые совершившего преступление, осуществляемое к тому же и законодателем, и правоприменителем (Верховным Судом РФ), порой приводит к путанице и неверной трактовке бесспорных положений уголовного закона в регламентации этого вопроса. В качестве примера можно привести разъяснение значения понятия лица, впервые совершившего преступление, в рамках примечания к ст. 127^1 УК РФ, сделанное авторами комментария к УК РФ под редакцией председателя Верховного Суда РФ В. М. Лебедева. В то время как в названном примечании речь идет о лице, впервые совершившем деяния, предусмотренные только ч. 1 или п. «а» ч. 2 ст. 127^1 УК РФ, авторы комментария, не замечая этого обстоятельства, пишут о лице, впервые совершившем любое преступление[439].

С изложенным выше возникает вопрос, почему законодатель по-разному определяет сферу действия понятия лица, впервые совершившего преступление? Для так называемых поощрительных примечаний Особенной части УК РФ важен еще один вопрос: почему лишь в некоторых из них содержится указание на лицо, впервые совершившее преступление?

Прежде чем попытаться ответить на поставленные вопросы, отметим, что изложенное выше подтверждает состоятельность нашего предложения о необходимости именно в уголовном законе дать легальное определение понятия лица, впервые совершившего преступление. Напомним: в нашем понимании лицо

[439] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Т. 2. Особенная часть. Разделы VII-VIII (постатейный) / отв. ред. В. М. Лебедев. М. : Юрайт, 2017.

должно признаваться таковым, *если ранее оно не совершало преступления, либо, хотя и совершало его, но было освобождено от уголовной ответственности или, будучи осужденным за преступление, не является судимым за него на момент такого признания.* На случай, если однажды представления отечественного законодателя о лице, впервые совершившем преступление, изменятся и они не будут вписываться в приведенную трактовку, предлагаемую нами ст. 23^1 можно было бы сопроводить обычным для такого случая положением *«Если иное не предусмотрено настоящим Кодексом».*

Отвечая на вопрос о том, какими соображениями руководствуется законодатель, ограничивая сферу действия понятия лица, впервые совершившего преступление, различными обстоятельствами, следует отметить, что все они, так или иначе, характеризуют совершенное преступление: либо его отдельные категории, либо конкретные преступления определенного вида, либо конкретные составы преступлений. При этом избирательность законодателя в представлении возможности получения тех или иных льгот уголовно-правового характера только лицам, впервые совершившим преступление[440], очевидно, основана на том, что такие лица ее заслуживают, а совершившие преступление не впервые – нет. Подчеркнем еще раз: в действующем уголовном законодательстве России понятие лица, впервые совершившего преступление, используется исключительно для того, чтобы влечь за собой (самому по себе или в совокупности с другими обстоятельствами) льготные уголовно-правовые последствия, в сравнении с ситуацией, когда наступление таких последствий не обусловлено названным понятием.

По нашему мнению, такой подход менее всего уязвим в том случае, когда понятие лица, впервые совершившего преступление, «увязывается» с отдельными категориями преступлений как элементами особой классификационной схемы, которая осуществляется законодателем на основе базовых критериев, определяющих на принципиальной основе пределы уголовной ответственности и,

[440] Здесь и далее в параграфе о лицах, впервые совершивших преступление, речь идет в юридическом (уголовно-правовом) значении.

соответственно, предпосылки для ее дифференциации[441]. Конечно, «святость» и незыблемость категоризации преступлений не могут не страдать от положений, предусмотренных в ч. 6 ст. 15 УК РФ[442], оттого что неосторожные преступления с принятием Федерального закона от 17 июня 2019 г. № 146-ФЗ вновь могут признаваться тяжкими (ч. 4 ст. 15 УК РФ). Однако это тема отдельного разговора, выходящая за рамки нашего исследования, мы же свое отношение к этому вопросу обозначили определенно.

В свете сказанного выше, ограничение сферы действия понятия лица, впервые совершившего преступление, отдельными категориями преступлений представляется обоснованным с учетом сделанной нами ранее оценки УК РФ в этом аспекте (§ 1.1 гл. 1 раздела II). Такая законодательная практика, в сравнении с другими подходами в использовании понятия лица, впервые совершившего преступление, распространяется на самый широкий круг таких лиц не только потому, что в ее основе лежат целые категории преступлений, как правило, преступлений небольшой и средней тяжести, но еще и потому, что это самые распространенные в УК РФ[443] и на практике категории преступлений. В последние пять лет удельный вес преступлений названных категорий стабильно составляет около 70% от общего числа зарегистрированных (выявленных) преступлений (в 2015 г. этот показатель был равен 78,2%, в 2019 г. – 75,6%, 2022 г. – 72,3%, 2023 г. – 69,8%)[444]. И, хотя названным выше Федеральным законом произошло «перераспределение» части неосторожных преступлений из этих

---

[441] Сундуров Ф. Р. Категории преступлений: вопросы законодательной регламентации и дифференциации уголовной ответственности // Ученые записки Казанского университета. 2013. Том 155. Книга 4. Гуманитарные науки. С. 227.

[442] И в этой связи весьма небесспорен тезис Пленума Верховного Суда РФ о том, что «изменение категории преступления на менее тяжкую в соответствии с частью 6 статьи 15 УК РФ позволяет обеспечить индивидуализацию ответственности осужденного за содеянное и является реализацией закрепленных в статьях 6 и 7 УК РФ принципов справедливости и гуманизма». См.: О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 мая 2018 г. № 10 // БВС РФ. 2018. № 5.

[443] См. Перечни № 4, 5 преступлений небольшой и средней тяжести: О введении в действие перечня статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности : указание Генеральной прокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24 января 2020 г.

[444] Состояние преступности в России за январь-декабрь 2015-2023 гг.

категорий в категорию тяжких преступлений, их значение в законодательстве и в правоприменении принципиально не изменится, учитывая и общий удельный вес неосторожных преступлений в общем количестве зарегистрированных преступлений[445], и еще более незначительный удельный вес таких преступлений в законе (наказуемых по УК РФ лишением свободы на срок свыше десяти и не более пятнадцати лет (ч. 3, 4 ст. 15 УК РФ)).

Таким образом, установление законодателем связи факта совершения лицом впервые преступления небольшой или средней тяжести с получением им той или иной льготы уголовно-правового характера представляется в целом и обоснованным, и целесообразным хотя бы потому, что перед нами самые мягкие категории преступлений из числа предусмотренных в ст. 15 УК РФ[446]. По крайней мере, содержание этих категорий образуют такие преступления, максимальный срок возможной уголовной наказуемости которых наказанием в виде лишения свободы составляет «всего» три и пять лет соответственно. «Всего» – по сравнению с известной наказуемостью тяжких и особо тяжких преступлений.

Рассматриваемый подход к использованию понятия лица, впервые совершившего преступление, оправдан еще и потому, что законодатель зачастую выдвигает при этом дополнительные требования к такому лицу, например деятельно раскаяться в содеянном, примириться с потерпевшим. В этой связи, как представляется, есть все основания утверждать, что любое лицо, совершившее впервые любое преступление небольшой или средней тяжести, при определенных условиях может претендовать на освобождение от уголовной ответственности на

---

[445] Следует отметить, что такой показатель отсутствует в данных официальной открытой статистики преступности, ежегодно публикуемых ГИАЦ МВД РФ и Генеральной прокуратурой РФ. О значении этого показателя можно судить по данным судебной статистики, согласно которым удельный вес осужденных за неосторожные преступления в последние годы не превышает 2%. Например, в 2015 г. он составлял 1,6%, в 2019 г. 1,98%.

[446] Своеобразным аналогом такого подхода законодательной регламентации факта совершения преступления впервые выступали п. 3 ст. 51 УК РСФСР 1960 г. (в первоначальной редакции), в котором шла речь о деяниях, содержащих признаки преступлений, не представляющих большой общественной опасности, и ст. 50^1, введенная в этот УК в 1977 г., в которой говорилось о преступлениях, наказуемых лишением свободы на срок не свыше одного года либо другим, более мягким наказанием.

основании ч. 1 ст. 75, ст. 76, 76^2 УК РФ[447]. Такой своеобразный «массовый» подход законодателя в использовании понятия лица, впервые совершившего преступления, приносит свои результаты. Так, например, по итогам 2019 г. из общего количества уголовных дел, рассмотренных по существу судами по первой инстанции (без учета применения принудительных мер медицинского характера к невменяемым), около 22% дел было прекращено по основаниям, предусмотренным в ч. 1 ст. 75, ст. 76 и ст. 76^2 УК РФ, а соответственно, в отношении лиц, впервые совершивших преступление небольшой или средней тяжести. Безусловно, это благоприятные показатели, однако, кое-что настораживает. Во-первых, в числе осужденных за преступления небольшой тяжести около 60% – это лица, совершившие преступление впервые в юридическом, а не фактическом понимании; среди осужденных за преступления средней тяжести таких лиц также более половины (около 52%). Почему они не откликнулись на предусмотренные законом льготы, названные выше, или не получили их, остается только догадываться. Во-вторых, в числе осужденных за преступления небольшой и средней тяжести самый высокий показатель ранее судимых (лиц, с неснятыми и непогашенными судимостями) – 38,9 и 47,2% соответственно (среди осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления – 31,2 и 28,3%). В свете приведенных показателей невольно возникают вопросы о том, насколько обоснованы многообразные юридические трактовки лица, совершившего преступление вообще и небольшой или средней тяжести в частности, как лица, впервые совершившего преступление, единообразна ли практика в этом вопросе? Не приведет ли такая уголовно-правовая политика в данном направлении к тому, что лицо, в юридическом смысле впервые совершившее преступление одной из названных категорий, по своим характеристикам, образующим в криминологии то, что называют «личностью преступника», принципиально не будет отличаться ни от тех, кто совершил

[447] Вместе с тем справедливо замечено, что эффективность реализации названных уголовно-правовых норм и им подобных, прежде всего, зависит от осведомленности лица, совершившего преступление, об их наличии в уголовном законе. См.: Звечаровский И. Э. Ответственность в уголовном праве. СПб., 2009. С. 95.

преступление в первый раз в жизни, ни от тех, кто не подпадает и под юридическую трактовку лица, впервые совершившего преступление? Напомним в этой связи и другие данные. Каждое второе расследованное преступление в 2019 г. совершено лицами, ранее совершавшими преступления, а более половины из них – ранее судимые. Среди осужденных в 2019 г. 38,5% имели неснятые и непогашенные судимости. В этой связи показателен пример семикратного освобождения гражданина К. от уголовной ответственности по основаниям, закрепленным в ст. 75 и 76 УК РФ, приведенный сотрудником прокуратуры Архангельской области в открытой печати. Несмотря на доводы, изложенные в апелляционном представлении, правомерность последнего судебного решения суда первой инстанции была подтверждена Архангельским областным судом. Предлагая внести изменения в уголовный закон или в соответствующее постановление Пленума Верховного Суда РФ в целях недопущения подобных ситуаций, указанный прокурор отмечает, что существующий подход неизбежно породит целую когорту ни разу не судимых «рецидивистов», каждый раз впервые совершающих очередное преступление[448].

Отдавая себе отчет в том, что современная уголовно-правовая политика вряд ли откажется от юридической трактовки лица, впервые совершившего преступление, ее достаточно широкого применения в УК РФ, приведенную характеристику законодательной практики использования данного понятия в отношении отдельных категорий преступлений дополним указанием еще на одно обстоятельство.

Очевидно, что такая законодательная практика если и допустима, то в силу специфики законодательной техники оправданна она только на самом общем уровне – на уровне нормативных положений, составляющих содержание Общей части УК РФ. Очевидно также и то, что на уровне общей регламентации нормативных установлений особенно заметны ее изъяны как формального, так и

[448] Стадниченко О. Превентивная составляющая некоторых оснований освобождения от уголовной ответственности, содержащих понятие «лицо, впервые совершившее преступление» // Законность. 2016. № 8. С. 37-38.

содержательного свойства. Сказанное, к сожалению, касается и рассматриваемого вопроса. В специальной литературе уже не раз обращалось внимание на отсутствие соответствия между нормами ч. 1 и 2 ст. 75 УК РФ[449]. Противоречие состоит в том, что в ч. 1 этой статьи речь идет о преступлениях только небольшой и средней тяжести[450], а в ч. 2 – об «иных» категориях преступлений. Исходя из того, что это части одной и той же статьи с названием «Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием», логично сделать вывод о том, что, во-первых, и в том, и в другом случае речь идет именно о деятельном раскаянии[451]. Неслучайно ст. 28 УПК РФ «Прекращение уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием» регламентирует обе эти ситуации (ч. 1, 2), а одно из оснований прекращения уголовных дел в данных статистики судимости так и называется «на основании примечания к статьям УК РФ (в том числе в связи с деятельным раскаянием)» (форма № 10.2). Во-вторых, очевидно, что в качестве «иных» категорий преступлений в данном случае могут быть только тяжкие или особо тяжкие преступления[452]. Между тем реальное содержание Особенной части УК РФ знает не один пример того, как в соответствующих примечаниях речь идет об освобождении от уголовной

---

[449] См., напр.: Авсеницкая К. В. Деятельное раскаяние: понятие, формы выражения, стимулирование уголовно-правовыми мерами : дис. … канд. юрид. наук. М., 2014. С. 118-125. Некоторые аспекты этого вопроса ранее рассматривали и мы. См.: Пархоменко Д. А. Формы выражения усмотрения в уголовном праве // Вестник РПА Минюста России. 2013. № 3. С. 64-67.

[450] Следует заметить, что некоторые комментаторы уголовного закона считают, что применению ч. 1 ст. 75 УК РФ препятствует совершение впервые преступления любой категории, в том числе тяжкого или особо тяжкого. См., напр.: Благов Е. В. Актуальные проблемы уголовного права (Общая часть). Ярославль, 2008. С. 210, что, на наш взгляд, не соответствует не только «букве закона», но и его «духу».

[451] По мнению некоторых авторов, освобождение от уголовной ответственности на основании примечаний к статьям Особенной части УК РФ не имеет отношения к деятельному раскаянию. См., напр.: Рубанова С. Н. Основные направления оптимизации нормативной регламентации примечаний к статьям Уголовного кодекса Российской Федерации // Общество и право. 2011. № 2. С. 167.

[452] Оригинальное объяснение такой ситуации дают А. А. Екимов, В. Ц. Идамжапов. Словосочетание «иной категории» авторы объясняют как установление запрета «на освобождение от уголовной ответственности за тяжкие и особо тяжкие преступления по ч. 1 ст. 75 УК РФ, то есть в связи с деятельным раскаянием». См.: Екимов А. А., Идамжапов А. А. Освобождение от уголовной ответственности на основании норм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: научно-практическое исследование. М., 2017. С. 8.

ответственности за деятельное раскаяние в преступлениях небольшой или средней тяжести (ч. 1 ст. 126, ч. 1 ст. 178, ч. 1, 5 ст. 184, ст. 198, ч. 1 ст. 199, ч. 1 ст. 199^1, 199^3, 199^4, ч. 1, 2 ст. 200^7, ч. 1, 2, 5, 6 ст. 204, ч. 1, 2, 4 ст. 204^1, 204^2, ч. 1, 4 ст. 222, ч. 1 ст. 222^1, ч. 1, 4 ст. 223, ч. 1 ст. 228, 228^3, ч. 1, 2 ст. 291, ч. 1 ст. 291.1, 291^2, ст. 307, 337 УК РФ), в том числе лиц, впервые совершивших такие преступления (ст. 195, 198, ч. 1 ст. 199, ч. 1 ст. 199^1, 199^3, 199^4, 337 УК РФ).

Предложения устранить названное противоречие высказывались в специальной литературе, в том числе и нами[453]. Однако они остались без внимания законодателя. Еще до момента публикации названных предложений в литературе по-своему реагировал на эту ситуацию Пленум Верховного Суда РФ. В своем постановлении от 27 июня 2013 г. № 19 Пленум определил, что «освобождение от уголовной ответственности за преступления небольшой или средней тяжести в случаях, специально предусмотренных примечаниями к соответствующим статьям Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, производится по правилам, установленным такими примечаниями. При этом выполнение общих условий, предусмотренных частью 1 статьи 75 УК РФ, не требуется» (ч. 1 п. 7)[454]. Решение верное по сути, но оно не устраняет названное выше противоречие, которое до настоящего времени сохраняется в уголовном законе.

Заметим, что ситуация, аналогичная приведенной выше, складывается и с поиском ответа на вопрос о том, какая норма УК РФ подлежит применению при деятельном раскаянии в некоторых налоговых преступлениях. В то время как в законе по-разному определяется структура и характер деятельного раскаяния в одних и тех же преступлениях (в ч. 1 ст. 76^1 УК РФ и в примечаниях к ст. 198–199^1 УК РФ), именно Пленум Верховного Суда РФ разрешает противоречивость такой ситуации, когда оглашает следующее правило:

---

[453] Пархоменко Д. А. Формы выражения усмотрения в уголовном праве. С. 67 ; См. также: Авсеницкая К. В. Указ. соч. С. 125.

[454] БВС РФ. 2013. № 8.

«Вопрос о наличии указанных в статье 76.1 УК РФ оснований для освобождения от уголовной ответственности лиц, обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных статьями 198–199.1 УК РФ, должен разрешаться судом с учетом примечаний к этим статьям. Исходя из этого, судам следует иметь в виду, что лицо признается впервые совершившим налоговое преступление, если оно не имеет неснятую или непогашенную судимость за преступление, предусмотренное той же статьей, от ответственности по которой оно освобождается»[455].

Как представляется, приведенные разъяснения трудно назвать примерами толкования уголовного закона. Скорее – перед нами новые уголовно-правовые нормы, созданные, однако, не законодателем, а правоприменителем.

Принимая во внимание масштабы законодательной практики, противоречащей содержанию ч. 2 ст. 75 УК РФ[456], скорее всего, нужно признать, что она действительно целесообразна и необходима, а потому должна быть сохранена. Но тогда норма, предусмотренная именно в ч. 2 ст. 75 УК РФ, должна ее «легализовать». В существующей редакции она это сделать не может, поэтому ее следует заменить примерно тем разъяснением, которое дал Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 июня 2013 г. № 19, дополнив его указанием на деятельное раскаяние. С учетом этой корректива ч. 2 ст. 75 УК РФ могла бы иметь следующую редакцию: *«В случаях, специально предусмотренных примечаниями к соответствующим статьям Особенной части настоящего Кодекса, освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием производится по правилам, установленным такими примечаниями».*

---

[455] См. п. 24: О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2019 г. № 48 // БВС РФ. 2020. № 1. Подобное разъяснение ранее было дано в п. 12: О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 // БВС РФ. 2017. № 1.

[456] По итогам 2019 г. по ч.2 ст. 75 УК РФ (ч. 2 ст. 28 УПК РФ) прекращено 6 685 уголовных дел, по ч.1 (ч.1 ст. 28 УПК РФ) этой ж е статьи 8 889 дел (Ф. № 10.2).

В дополнение к сказанному выше отметим, что в одном случае, предусмотренном в законе, указание на лицо, впервые совершившее преступление, сопровождает преступления не небольшой или средней тяжести, а тяжкие преступления. Согласно ч. 1 ст. 53^1 УК РФ принудительные работы как альтернатива лишению свободы могут назначаться и за тяжкие преступления (за преступления небольшой или средней тяжести этот вид наказания может назначаться безотносительно к кратности преступлений), но только лицам, совершившим такие преступление впервые. Поскольку ранее мы уже анализировали такую законодательную и правоприменительную практику, в данном случае обратим внимание на другой аспект.

Как это следует из действующей в настоящее время «лестницы наказаний», предусмотренной в ст. 44 УК РФ, принудительные работы по степени суровости уступают только самому строгому виду наказания – наказанию в виде лишения свободы (в двух своих разновидностях – на определенный срок и пожизненное)[457]. Если законодатель считает возможным назначение такого строгого вида наказания к осужденным, впервые совершившим тяжкое преступление, почему бы в зависимость от факта совершения впервые менее тяжких преступлений, чем названное, не поставить назначение одного или нескольких видов менее строгого наказания? Например, назначение наказания в виде обязательных работ как фактически самого мягкого вида наказания можно было бы на законодательном уровне определить только в отношении осужденных, совершивших впервые преступление небольшой тяжести. Такое решение, конечно бы, снизило удельный вес осуждаемых к обязательным работам (по итогам, например, 2019 г. из общего количества осужденных к этому виду наказания 82% осуждены за преступления небольшой тяжести). Однако можно предположить, что оно бы повысило качество исполнения обязательных работ и, в частности, повлекло за собой снижение показателя замены данного вида наказания более строгим видом в

[457] Самому строгому потому, что наказание в виде смертной казни и ареста не применяется, а наказание в виде содержания в дисциплинарной воинской части применяется к ограниченному контингенту осужденных (ст. 55 УК РФ).

процессе его исполнения. По итогам 2019 г. к данному виду наказания было осуждено 99 652 лица, а в отношении 29 785 лиц, отбывающих этот вид наказание (почти 30%), уголовно-исполнительными инспекциями направлены в суд представления о замене обязательных работ другим видом наказания в соответствии с ч. 3 ст. 49 УК РФ. В 2022 г. к наказанию в виде обязательных работ было приговорено 86 311 осужденных, а количество названных представлений составило 28 454 (почти 33%). По итогам 2023 г. количество осужденных к этому виду наказания составило 80 188 лиц (уступает только количеству осужденных к реальному и условному лишению свободы, к штрафу как основному виду наказания), а количество представлений о замене наказания на более строгий вид, оконченных производством, – 26 854 (33,5%), 12 009 из них удовлетворено. В соотношении с количеством осужденных к обязательным работам количество осужденных, в отношении которых состоялась замена, составило около 15%[458].

Решение, подобное приведенному, можно было бы распространить и на наказание в виде штрафа, ограниченного размером не более, например, 100 тыс. рублей, причем за впервые совершенное преступление не только небольшой, но и средней тяжести.

С рассмотрением вопроса о развитии уголовно-правовой политики в отношении лиц, впервые совершивших преступление определенной категории, обратимся к аналогичному вопросу о менее масштабной законодательной практике в этом направлении – в отношении отдельных преступлений.

[458] Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции (Разделы 3,4) // Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019-2023 годы.

2.3. Об отражении в уголовном законе факта совершения лицом преступления впервые в юридическом (уголовно-правовом) значении в отношении отдельных преступлений

Прежде всего, следует отметить, что законодательная практика установления юридически значимой связи факта совершения преступления впервые с отдельными преступлениями на предмет более льготной уголовно-правовой оценки лиц, их совершивших, обнаруживала себя в отечественном уголовном законодательстве достаточно давно и по-разному. Ранее приведенный нами краткий экскурс в историю данного вопроса показывает примеры того, как определенность преступления, избираемого при этом законодателем, осуществлялась указанием не на само преступление, а на характер его наказуемости («по которому Судом определено наказание в виде заключения под стражу», «по которому определено наказание в виде лишения свободы») либо на характер вновь совершенного преступления («тождественное или однородное с совершенным деянием») (Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г., УК РСФСР 1922 г). Только в Положении о воинских преступлениях от 31 октября 1924 г. уголовно-правовая значимость факта совершения преступления впервые определялась в отношении совершенно конкретного преступления – побега (ст. 6). Последний определялся следующим образом: «Самовольное… оставление военнослужащим своей части или места службы, продолжающееся свыше 6 суток, хотя бы военнослужащий и явился добровольно, а равно и продолжающееся менее 6 суток, если военнослужащий в течение указанного срока не возвратился добровольно, или неоднократная (не менее 3 раз) самовольная отлучка признаются побегом. Всякое самовольное оставление военнослужащим своей части или места службы в боевой обстановке влечет за собой применение мер социальной защиты, как за побег» (ст. 5).

Отмеченное многообразие способов «увязки» совершенного преступления с признанием его совершенным впервые проявилось и в ст. 51 УК РФСР 1960 г., причем уже в первоначальной ее редакции:

«Статья 51. Освобождение от уголовной ответственности с передачей дела в товарищеский суд

Лицо может быть освобождено от уголовной ответственности и наказания с передачей дела на рассмотрение товарищеского суда, если оно совершило впервые какое-либо из следующих деяний, предусмотренных Особенной частью настоящего Кодекса:

1) умышленное легкое телесное повреждение или нанесение побоев, не повлекшее расстройства здоровья (статья 112, часть вторая), распространение в коллективе ложных, позорящих члена коллектива измышлений (статья 130, часть первая), оскорбление (статья 131);

2) иное деяние, за которое, согласно статье Особенной части настоящего Кодекса, допускается применение мер общественного воздействия;

3) другое малозначительное преступление, если по характеру совершенного деяния и личности виновного он может быть исправлен без применения наказания, с помощью мер общественного воздействия».

Заметим, что в данном случае мы видим и пример того, как уголовно-правовая значимость совершения преступления впервые определяется указанием не просто на конкретное преступление определенного вида, но и на конкретный состав преступления (п. 1 ст. 51). Содержание ст. 51 УК РСФСР 1960 г. интересно еще и другим.

Употребление понятия лица, впервые совершившего преступление, при регламентации уголовной ответственности за конкретные преступления характерно для Особенной части Уголовного кодекса РФ. Однако такая законодательная практика и в прежнем (п. 1 ст. 51 УК РСФСР 1960 г.), и в действующем Уголовном кодексе в одном случае отражалась и отражается еще и в Общей части. В УК РФ 1996 г. это имеет место в ч. 1, 2 ст. 76^1 «Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба». Сама по себе такая законодательная практика, наверное, нареканий вызывать не должна, хотя вопрос об уголовной ответственности за конкретные преступления и уж тем более конкретные составы преступлений – это вопрос Особенной части УК РФ. Однако в

ст. 76[1] УК РФ изъяны рассматриваемого законодательного решения очевидны настолько, что не замечать их нельзя. Главное же в том, что эти недостатки затрудняют в целом применение уголовного закона в этой части и что не менее важно – единообразное его применение.

Статистика говорит о том, что, несмотря на многообразие оснований освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных в различных частях ст. 76[1] УК РФ (в связи с возмещением ущерба бюджетной системе Российской Федерации – ч. 1; в связи с возмещением ущерба бюджетной системе Российской Федерации и (или) перечислением в федеральный бюджет денежного возмещения – ч. 2; в связи с подачей специальной декларации – ч. 3[459]), суммарный итог их применения, мягко говоря, оставляет желать лучшего. За десять последних лет действия этой статьи (2013–2023 гг.) максимальный показатель количества уголовных дел, прекращенных судом в связи с возмещением ущерба (ст. 28[1] УПК РФ), пришелся на 2022 г., составив 93 дела. Показателен, однако, итог применения этой статьи в 2019 г. после очередной корректировки ст. 76[1] УК РФ Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ, он составил 62 дела. Если на долю тяжких и особо тяжких преступлений в общем числе выявленных преступлений экономической направленности по итогам 2019 г. приходится 60,3%, то на долю преступлений небольшой и средней тяжести (о которых идет речь в ч. 1, 2 ст. 76[1] УК РФ) около 40%. При общем количестве преступлений экономической направленности в 105 тыс. (5,2% в общем числе зарегистрированных)[460] и при условии, что за каждым таким преступлением «свое» уголовное дело, получается, что названные 62 дела, прекращенные по ст. 76[1] УК РФ (ст. 28[1] УПК РФ), это не более 2% от общего количества дел по преступлениям небольшой и средней тяжести экономической направленности, к тому же безотносительно к факту

[459] В связи с чем Е. В. Благов говорит о трех самостоятельных видах освобождения от уголовной ответственности, требующих отдельной законодательной регламентации. См.: Благов Е. В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8 (105). С. 119.

[460] Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 года. М. : ГИАЦ МВД РФ, 2020. С. 3, 42-46.

совершения их впервые. Результаты могут быть «грубого» подсчета, но и они показательны.

Анализ данных судебной статистики показывает и другое. Среди уголовных дел, прекращенных по рассматриваемому основанию, присутствуют, как правило, дела о преступлениях не только небольшой и средней тяжести, но и тяжкие преступления. Причем количество последних нередко превышает количество вторых: по годам, начиная с 2019 г., эти показатели равны соответственно 48, 3, 11; 15, 2, 14; 20, 5, 14; 30, 3, 7; 25, 2, 2; 19, 0, 2; 4, 0, 5. В 2019, 2017 и 2013 гг. среди лиц, в отношении которых уголовные дела были прекращены по ст. 76^1 УК РФ (ст. 28^1 УПК РФ), есть и лица с неснятыми и непогашенными судимостями (по 2, 1 и 1 делу соответственно), что, с учетом требований ч. 1, 2 ст. 76^1 УК РФ, недопустимо.

На фоне приведенных показателей, а также с учетом названного ранее разъяснения Пленума Верховного Суда РФ о приоритете примечаний к налоговым статьям УК РФ над положениями ч. 1 ст. 76^1 УК РФ невольно напрашивается вывод об отсутствии какой-либо необходимости вообще этих положений в законе[461]. Также обоснованно, по нашему мнению, в литературе делается упрек законодателю в том, что переименование этой статьи Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ, как и прежнее ее название, – не отражают ее действительного содержания, хотя бы потому, что возмещение ущерба от преступления выступает основанием применения и других видов освобождения от уголовной ответственности (ст. 75, 76, 76^2 УК РФ)[462]. Это не может не дезориентировать лицо, совершившее преступление, и правоприменителя.

Перечисленные обстоятельства[463], на наш взгляд, все-таки в большей мере сказываются на позиции правоприменителя, весьма сдержанно прекращающего

---

[461] Иной позиции по этому вопросу придерживается Е. В. Благов. См.: Благов Е. В. Указ. соч. С. 122-123. Другие авторы высказывают предположение о том, что в целях устранения конкуренции между налоговыми статьями и ст. 76^1 УК РФ будут исключены именно первые. См.: Соловьев О. Г., Князьков А. А. Об освобождении от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (статья 76.1 УК РФ) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 7. С. 80-82.

[462] Благов Е. В. Указ. соч. С.118-119.

[463] В литературе называются и другие недостатки ст. 76^1 УК РФ. См. напр.: Власенко В. В. Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической

уголовные дела по основаниям, предусмотренным в различных частях ст. 76^1 УК РФ. Сдержанность лица, впервые совершившего преступление, в этом случае объясняется, наверное, другим: необходимостью осуществления дополнительных денежных выплат помимо возмещения ущерба, причиненного преступлением. Попытку снижения таких выплат, состоявшуюся в 2016 г., как и другие корректировки ч. 2 этой статьи в 2018, 2019 и 2020 гг., вряд ли можно признать успешными.

Сказанное выше приводит нас к выводу о том, что наличие в УК РФ ст. 76^1 УК РФ носит символический характер демонстрации сдерживания уголовно-правового воздействия на бизнес. Как представляется, более ощутимый позитивный результат такое воздействие имело бы в том случае, когда уголовно-правовое стимулирование деятельного раскаяния в конкретных преступлениях, в том числе перечисленных в ч. 2 этой статьи, осуществлялось бы традиционным для российского уголовного законодательства способом – через примечания к соответствующим статьям (частям статей) Особенной части УК РФ. Тем более что, по справедливому замечанию А. И. Ситниковой, нормативные предписания, содержащиеся в ст. 76^1 УК РФ, по структуре и содержанию являются типичными примечаниями-исключениями, место которых – в конкретных статьях Особенной части УК РФ[464]. Как представляется, такой практике не будет противоречить и позиция Пленума Верховного Суда РФ, связанная с идеей введения в УК РФ понятия уголовного проступка, когда уголовно-правовое значение понятия лица, впервые совершившего преступление, будет определять значение понятия уголовного проступка применительно к отдельным группам преступлений на уровне Общей части УК РФ (ст. 15^1 проекта УК РФ)[465].

деятельности : автореф. дис. …канд. юрид. наук. М., 2014. С. 8, 19 ; Звечаровский И. Э., Иванов А. Л. Освобождение от уголовной ответственности // Уголовное право. 2015. № 4. С. 13-18 ; Благов Е. В. Указ. соч. С. 118-127.

[464] Ситникова А. И. Законодательная текстология уголовного права // Lex russica. 2017. № 3. С. 118.

[465] О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением

Рассматривая законодательную практику отражения факта совершения преступления впервые в нормах Особенной части УК РФ на предмет ее совершенствования и дальнейшего развития, следует заметить, что ни одно из так называемых поощрительных примечаний к статьям Особенной части УК РСФСР 1960 г. (к ст. 64, 77^2, 174, 218, 224) не содержало указания на лицо, впервые совершившее преступление. В УК РФ 1996 г. на момент вступления его в силу такое указание присутствовало лишь в двух примечаниях (к ст. 337 и 338 УК РФ) из тринадцати (к ст. 126, 204, 205, 206, 208, 222, 223, 228, 275, 291, 307, 337, 338 УК РФ). Напомним, что на сегодняшний день из таких примечаний к 48 статьям (частям статей) Особенной части УК РФ (110^2, 126, 127^1, 145^1, 157, 178, 184, 195, 198, 199, 199^1, 199^3, 199^4, 200^1, 200^3, 200^5, 200^7, 204, 204^1, 204^2, 205, 205^1, 205^3, 205^4, 205^5, 206, 208, 210, 212, 222, 222^1, 222^2, 223, 223^1, 228, 228^3, 275, 282^1, 282^2, 282^3, 284^1, 291, 291^1, 291^2, 322^2, 322^3, 337, 338), принятых законодателем в развитие установления, предусмотренного ч. 2 ст. 75 УК РФ[466], 15 примечаний (к ст. 127^1, 145^1, 195, 198, 199, 199^1, 199^3, 199^4, 205^5, 208, 282^1, 282^2, 282^3, 337, 338) содержат указание на факт совершения преступления впервые (лицо, впервые совершившее преступление). Однако интересен тот факт, что такое указание – атрибут примечаний, появившихся уже после вступления УК РФ 1996 г. в силу, и оно так и не появилось в тех примечаниях, которые были в нем изначально (за исключением примечаний к ст. 337, 338 УК РФ). И в этой связи, наверное, следует попытаться ответить на вопрос, а почему в том или ином случае в УК РФ появляется ссылка на такое лицо.

Как уже отмечалось ранее (§ 1.1 гл. 1 раздела II), характерной чертой законодательной практики указания на лицо, впервые совершившее преступление,

---

понятия уголовного проступка» : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 24. URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/?year=2020 (дата обращения: 15.10.2020).

[466] В Особенной части УК РФ предусмотрены примечания и другого рода, например, содержащие нормы-дефиниции (примечания к ст. 158), нормы-правила (примечание ст. 134), нормы об обстоятельствах, исключающих уголовную ответственность (примечание к ст. 308). Подробнее об этом см., напр.: Ситникова А. И. Указ. соч. С. 116-118 ; Войтович А., Рарог А. Примечания в уголовном законе // Законность. 2008. № 2. С. 2-6 ; Панько К. К. Виды примечаний в уголовном праве и проблема их квалификации // Российский судья. 2006. № 2. С. 18-22.

в примечаниях к статьям (частям статей) Особенной части УК РФ о деятельном раскаянии является отсутствие единообразного, основанного на единых критериях подхода. Складывается впечатление, что при этом законодатель нередко исходит из интересов, понятных только ему в уголовно-правовой реакции на то или иное преступление, «забывая» о том, что в другой подобной ситуации он руководствовался соображениями другого толка. Порой такая законодательная практика вообще никак не обосновывается.

Хронология появления в Особенной части УК РФ 1996 г. понятия лица, впервые совершившего преступление, такова, что на момент вступления в действие этого Уголовного кодекса оно было предусмотрено только в примечаниях к **ст. 337, 338**. Интересно, что уголовная ответственность за деяния, регламентированные этими статьями, предусматривалась и в УК РСФСР 1960 г. (ст. 246, 247). При этом ни о каком освобождении от уголовной ответственности, в том числе и лиц, впервые совершивших такие деяния, речь в них не шла. В специальной литературе периода действия УК РФ 1996 г. справедливо обращается внимание на то, что основаниями освобождения от уголовной ответственности в соответствии с примечаниями к ст. 337, 338 УК РФ выступает не позитивное посткриминальное поведение, то есть не деятельное раскаяние, а уважительные причины самого преступного поведения[467]. Более того, в судебной практике отмечается, что оно вызывается к жизни не только собственно уважительными причинами, но и стечением тяжелых жизненных обстоятельств, крайней необходимостью[468].

---

[467] Васильева Е. Г. Правовые и теоретические проблемы прекращения уголовного преследования и производства по уголовному делу. М., 2006. С. 201.

[468] См. п. 49: О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 мая 2023 г. № 11 // БВС РФ. 2023. № 7. Вместе с тем практика рассмотрения военными судами дел данной категории свидетельствует о неодинаковом толковании таких причин и обстоятельств. Например, под ними понимают возникновение оснований для увольнения военнослужащих с военной службы (ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»), для предоставления отпусков по личным обстоятельствам (п. 10 ст. 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих»), иные негативные жизненные ситуации служебного и неслужебного характера. В ряде случаев совокупность одних и тех же причин уклонения от военной службы расценивалась судами как стечение тяжелых обстоятельств, а в других случаях нет. См., напр., об этом: Белокуров С. В. Проблемы квалификации самовольного оставления части или места

Поэтому исключение из круга лиц, подлежащих уголовной ответственности тех, кто совершил такие деяния впервые, исключение их в режиме усмотрения правоприменителя посредством освобождения от уголовной ответственности, представляется разумным и обоснованным. Ответ на вопрос, почему отечественный законодатель ранее не использовал такую практику, мы не нашли ни в одном открытом источнике.

Как представляется, названное выше обоснование дифференциации уголовной ответственности лиц, совершивших преступление, могло бы иметь место в рамках УК РФ 1996 г. еще в одном случае – при совершении преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 328. Не множить количество судимых в стране[469], а посредством такого уголовно-правового средства попытаться дополнительно обеспечить достижение цели неукоснительного выполнения конституционной обязанности несения военной службы (ст. 59 Конституции РФ) или альтернативной гражданской службы. В этой связи можно было бы ст. 328 УК РФ дополнить примечанием, подобным тем, которые включены в ст. 337 и 338 УК РФ, и предусмотреть в нем императив об освобождении от уголовной ответственности лица, впервые уклонившегося от прохождения военной или альтернативной гражданской службы и добровольно явившегося после этого на призывной пункт, например, до истечения десяти дней с момента уклонения. Предлагаемую нами норму с теми, которые уже действуют, объединяет схожая психология лица, на которое они рассчитаны, на пороге его

службы // Закон и армия. 2004. № 7. С. 21-23 ; Фоков А. П. О практике рассмотрения судами дел в сфере военной или альтернативной гражданской службы // Российский судья. 2008. № 5. С. 2-3 ; Авдонкин В. С. Общие положения и особенности составления описательно-мотивировочной части оправдательного приговора гарнизонным военным судом // Право в Вооруженных Силах. 2013. № 12. С. 49-57 ; Степаненко Н. Е., Кожевников П. А. Вопросы уголовной ответственности военнослужащих за самовольное оставление части или места службы // Право в Вооруженных Силах. 2018. № 2. С. 55-61.

[469] При общей (весенний и осенний призывы) ежегодной численности призывников в ряды Вооруженных сил России от 236 тыс. (в 2017 г.) до 306 тыс. (в 2016 г.) численность уклонистов-осужденных по ст. 328 УК РФ составляла от 602 (в 2019 г.) до 742 (в 2015 г.). См.: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2015, 2016, 2017, 2018, 2019 годы. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 ; Grazhdaninu.com: https://grazhdaninu.com/voennoe/kolichestvo-prizyvnikov-po-godam.html#i-3 (дата обращения: 23.08.2024).

вхождения в такую специфическую сферу жизнедеятельности, какой является военная служба. При этом нельзя не учитывать и тот факт, что по характеру и степени общественной опасности преступления, регламентированные в ст. 337, 338 УК РФ, являются гораздо более тяжкими, чем те, которые предусмотрены в ст. 328 УК РФ, что и отражается в санкциях названных статей. На наш взгляд, такое законодательное решение позволило бы избегать и другой проблемы, о которой идет речь в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда от 3 апреля 2008 г. № 3 (ред. от 18 мая 2023 г.) «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы»:

«В случаях, когда предусмотренные законом основания, при наличии которых граждане не призываются на военную службу, возникли в период уклонения от призыва на военную службу (например, в случае рождения у гражданина второго ребенка или поступления лица в государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования и обучения по очной форме), суд освобождает лицо от наказания в связи с изменением обстановки при наличии условий, предусмотренных в статье 80.1 УК РФ»[470].

Впервые в Особенной части отечественного уголовного законодательства понятие лица, впервые совершившего преступление, в связи с проявлением деятельного раскаяния в конкретном преступлении (преступлениях) появилось лишь в 1998 г. Федеральным законом от 25 июня 1998 г. № 92-ФЗ с изменением редакции ст. 194, 198 и 199 УК РФ ст. 198 УК РФ одновременно была дополнена примечанием следующего содержания:

«Лицо, впервые совершившее преступления, предусмотренные настоящей статьей, а также статьями 194 или 199 настоящего Кодекса, освобождается от уголовной ответственности, если оно способствовало раскрытию преступления и полностью возместило причиненный ущерб»[471].

---

[470] БВС РФ. 2008. № 6 ; 2023. № 7.

[471] О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 25 июня 1998 г. № 92-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 26. Ст. 3012.

Заметим, что предпосылки для такой законодательной практики публично и – что не менее важно – официально были обнародованы несколько ранее, когда в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда от 4 июля 1997 г. № 8 было сказано:

«*Общественная опасность уклонения от уплаты налогов заключается в умышленном невыполнении конституционной обязанности каждого платить законно установленные налоги и сборы* (статья 57 Конституции Российской Федерации), что влечет непоступление денежных средств в бюджетную систему Российской Федерации»[472].

В последующем Пленум Верховного Суда РФ еще более конкретизировал свою позицию в этом вопросе, когда в постановлении от 28 декабря 2006 г. № 64 разъяснил:

«*Общественная опасность уклонения от уплаты налогов и сборов*, то есть умышленного невыполнения конституционной обязанности каждого платить законно установленные налоги и сборы, *заключается в непоступлении денежных средств в бюджетную систему Российской Федерации*»[473] (курсив наш. – *Д. П.*).

Эта позиция с небольшими редакционными правками нашла свое подтверждение и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2019 г. № 48[474]. Вполне сообразна ей и позиция современного законодателя, согласно которой лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное ст. 198 УК РФ, освобождается от уголовной ответственности, если оно полностью уплатило суммы недоимки и соответствующих пеней, а также сумму штрафа в размере, определяемом в соответствии с Налоговым кодексом Российской Федерации. Как известно, аналогичный подход законодателя присутствует и в примечаниях к ст.

---

[472] См. п. 1: О некоторых вопросах применения судами Российской Федерации уголовного законодательства об ответственности за уклонение от уплаты налогов : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 июля 1997 г. № 8 // БВС РФ. 1997. № 9.

[473] См. п. 1: О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 декабря 2006 г. № 64 // БВС РФ. 2007. № 3.

[474] См. п. 1: О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2019 г. № 48 // БВС РФ. 2020. № 1.

199, 199[1], 199[3], 199[4] УК РФ[475]. Между тем при стабильной позиции Верховного Суда РФ в рассматриваемом вопросе Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ примечание к ст. 198 УК РФ об освобождении от уголовной ответственности было исключено и возрождено оно было лишь Федеральным законом от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ[476]. Можно предположить, что в основе законодательного решения 2003 г. в рассматриваемом вопросе доминировало представление о том, что так называемая коллекторская криминализация, т. е. институт освобождения от уголовной ответственности за налоговые преступления при полном погашении налоговой задолженности, предусмотренный в прим. 3 к ст. 198 и в прим. 2 к ст. 199 Уголовного кодекса[477], действует в ущерб принципу неотвратимости уголовной ответственности, поскольку позволяет избегать уголовной ответственности в случае возмещения причиненного ущерба[478]. В этой связи некоторые специалисты прямо говорили о том, что Федеральным законом № 383-ФЗ от 29 декабря 2009 г. фактически вновь (по сравнению с периодом 1998–2003 гг.) были созданы предпосылки для безнаказанного нарушения налогового законодательства и что такое ослабление правоохранительной и контрольной функции государства может обернуться новым витком криминализации налоговой сферы[479]. Как известно, этого не произошло, а

[475] Примечания об освобождении от уголовной ответственности к ст. 199[3], 199[4] УК РФ были введены одновременно с дополнением УК РФ данными статьями Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 250-ФЗ // СЗ РФ. 2017. № 31 (Ч.1). Ст. 4799.

[476] О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4848 ; О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ // СЗ РФ. 2010. № 1. Ст. 4.

[477] Овчарова Е. В. Налоговый комплаенс в России: проблемы соотношения мер административного принуждения и стимулирования // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 1. С. 106.

[478] См., напр.: Соловьев И. Н. Расследование налоговых преступлений в условиях их частичной декриминализации // Налоговый вестник. 2010. № 6. С. 97-102 ; Пятницкий Н. Налоговые риски и уголовная ответственность за налоговые преступления // Налоги и налоговое планирование. 2011. № 1. С. 30-36.

[479] См., напр.: Смирнов Г. Налоговые преступления: пределы либерализации // ЭЖ-Юрист. 2011. № 46. С. 1, 4.

количество осужденных по ст. 198, 199 УК РФ в период 2009–2019 гг. снизилось с 2 656 до 414 (по итогам первого полугодия 2020 г. оно составило 128 лиц).

Обратим внимание на то, что возвращение поощрительных примечаний к статьям о налоговых преступлениях в 2009 г. произошло без оговорки-требования о способствовании раскрытию преступления, что лишний раз подтверждало устремленность государства к выполнению именно налоговой обязанности ее субъектом, однажды уже не выполнившим ее. И такая политика представляется нам вполне разумной. Вместе с тем политика дополнительного стимулирования уголовно-правовыми средствами выполнения налоговой обязанности могла бы быть более последовательной и результативной. Если общественная опасность уклонения от уплаты налогов и сборов заключается в непоступлении денежных средств в бюджетную систему Российской Федерации, то стимулировать избирательно пополнение казны, то есть только со стороны лиц, впервые совершивших такие преступления, впервые не выполнивших обязанность платить установленные налоги и сборы, вряд ли разумно. Если же при этом рассуждать о неотвратимости ответственности, о безответственности, то тогда, очевидно, это нужно делать повсеместно – в отношении всех лиц, совершающих преступления, в том числе тяжкие и особо тяжкие, причем не в первый раз. Например, и в случаях, предусмотренных примечаниями к ст. 208, 210, 275 УК РФ. Немаловажно и то, что уголовно наказуемое уклонение от уплаты налогов и сборов даже в случае освобождения лица от уголовной ответственности не остается безответным с точки зрения налогового законодательства, поскольку такое лицо, помимо уплаты налогов, обязано уплатить штраф и пени в соответствующих размерах (ст. 119, 119^1, 120, 122 НК РФ).

Другими словами, в уголовно-правовой реакции на налоговые правонарушения можно было бы руководствоваться следующим правилом: не уплатил налоги и сборы (а также пени и штраф) в установленные сроки после того, как уже нарушил требования ст. 198, 199 УК РФ, – подлежишь реальной уголовной ответственности, уплатил – освобождаешься от уголовной ответственности

(уголовное дело или уголовное преследование прекращается, но по нереабилитирующим основаниям).

Изложенное выше дает основание полагать о целесообразности исключения из примечаний к ст. 198 и 199 УК РФ указания на лицо, впервые совершившее преступление. Подобным правилом можно руководствоваться и в примечаниях к ст. 199^1, 199^3 и 199^4 УК РФ.

Вместе с тем не основанным на уголовном законе представляется разъяснение Пленума Верховного Суда РФ о необходимости дифференцированного учета судами полного возмещения ущерба, причиненного бюджетной системе РФ одним из преступлений, предусмотренных ст. 198–199^1, 199^3, 199^4 УК РФ: если такое возмещение произошло до назначения судом первой инстанции судебного заседания, оно выступает основанием для освобождения от уголовной ответственности, если после этого – обстоятельством, смягчающим наказание (п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ)[480].

Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ УК РФ 1996 г. был дополнен ст. 127^1, а вместе с ней и примечанием с указанием на лицо, впервые совершившее преступление, с признаками всего лишь нескольких составов из всего множества, предусмотренных этой статьей. В пояснительной записке к данному законопроекту названная новелла (наряду со ст. 127^2 УК РФ) обосновывалась выполнением Российской Федерацией требований международных конвенций о борьбе с рабством и работорговлей, в том числе п. 1 ст. 4 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. При этом какие-либо пояснения по поводу интересующей нас оговорки в примечании к ст. 127^1 УК РФ в этой записке отсутствовали[481]. Без внимания указание на лицо, впервые совершившее

[480] См. подп. 12 п. 2: О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 7 // БВС РФ. 2020. № 8.

[481] Равно как и не объяснялось, почему исключались из УК РФ примечания о деятельном раскаянии в налоговых преступлениях, слово «впервые» из ч. 1 ст. 90 УК РФ.

преступление, осталось даже в публикациях, специально посвященных практике освобождения от уголовной ответственности по вновь введенным примечаниям[482].

В примечаниях сразу к пяти статьям УК РФ появилось указание на лицо, впервые совершившее преступление, в результате принятия Федерального закона от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ (205^5, 208, 282^1, 282^2, 282^3). Во всех этих примечаниях идет речь о «лице, впервые совершившем преступление, предусмотренное настоящей статьей». Чем объяснялась такая избирательность действия названных примечаний в пояснительной записке к данному законопроекту не указывалось. Со ссылкой на Стратегию национальной безопасности Российской Федерации, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683, определяющим в ней было положение о совершенствовании правового регулирования предупреждения терроризма и экстремизма как одного из главных направлений обеспечения государственной и общественной безопасности[483]. Реакция на эти изменения уголовного законодательства в специальной литературе была традиционной: на них либо не обратили внимание, комментируя обычные вопросы уголовно-правовой характеристики терроризма[484], либо ограничились констатацией дополнения примечания, в частности, к ст. 208 УК РФ упоминанием о впервые совершенном преступлении в качестве обязательного основания освобождения виновного от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием при условии отсутствия в деянии лица признаков иного состава

---

[482] Устинова Т. Д., Измайлова И. Д. Статья 127.1 УК РФ: проблемы применения и законотворчества // Современное право. 2005. № 10. С. 57-61 ; Кулакова Н. Г., Харьковский Е. Л. Ответственность за торговлю людьми по действующему уголовному законодательству Российской Федерации // Российский следователь. 2005. № 8. С. 38-40 ; Шарапов Р. Д., Шатилович С. Н. Вопросы освобождения от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ // Адвокатская практика. 2004. № 6. С. 32-34.

[483] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности : пояснительная записка к Федеральному закону от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ. URL: https://lawhacker.ru/ (дата обращения: 23.08.2024).

[484] См., напр.: Рарог А. И. Уголовный кодекс России против терроризма // Lex russica. 2017. № 4. С. 155-178.

преступления[485]. При этом как бы и не было разъяснения Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 о несостоятельности последнего требования при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности в случае совокупности преступлений, причем на примере примечания именно к ст. 208 УК РФ (п. 8)[486].

Наконец, Федеральным законом от 27 декабря **2018** г. № 533-ФЗ указанием на лицо, впервые совершившее некоторые преступления, дополняется примечание к ст. 145^1 УК РФ. В пояснительной записке к проекту данного закона никаких объяснений по поводу примечания 2 к этой статье не приводится.

Таким образом, за исключением примечаний к ст. 127^1 и 145^1 УК РФ, имеющих избирательный характер и распространяющих свое действие лишь на некоторые составы преступлений, предусмотренные в этих статьях, все остальные примечания, содержащие указание на лицо, впервые совершившее преступление, носят общий характер, распространяя свое действие на все преступления, предусмотренные той или иной статьей.

Однако самый главный вывод из приведенного выше анализа состоит в другом: указание на лицо, впервые совершившее преступление, в примечаниях к статьям (частям статей) Особенной части УК РФ по большому счету никем и ничем не обосновывалось, по крайней мере, в доступной для всех форме. Причем этот вывод распространяется не только на пояснительные записки, но и заключения соответствующих профильных комитетов Государственной Думы и Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации. Если же отвлекаться от данного обстоятельства и просто анализировать текст Особенной части УК РФ на предмет целесообразности наличия или отсутствия в соответствующих примечаниях указания на лицо, впервые совершившее преступление, то приходится признать, что такая законодательная практика непоследовательна и нелогична в сравнении, она вообще не объяснима. В такой

---

[485] См., напр.: Авдеев В. А., Авдеева О. А. Преступность террористического характера и экстремистской направленности в РФ: состояние и тенденции правового регулирования // Российский судья. 2018. № 8. С. 21-22.

[486] БВС РФ. 2013. № 8 ; 2017. № 1.

ситуации, с учетом реалий уголовно-правового регулирования, выявленные в ней ранее противоречия содержательного свойства (§ 1.1 гл. 1 раздела II) невольно приводят к выводу о необходимости полного отказа избирательного указания на лицо, впервые совершившее преступление. Интересно отметить, что с данным предложением согласились около 43% опрошенных нами работников правоохранительных органов и судов и 67% специалистов из числа научной общественности.

Итак, предпринятая выше попытка выяснить обоснование указания на лицо, впервые совершившее преступление, в поощрительных примечаниях к статьям (частям статей) Особенной части УК РФ, позволяет сделать вывод о том, что такое обоснование в принципе за одним единственным исключением никогда и никем не делалось, по крайней мере, это обстоятельство не отражалось в пояснительных записках к тому или иному законопроекту. Складывается впечатление, что и правоприменитель, и научная общественность принимали и принимают как данность законодательную практику использования понятия лица, впервые совершившего преступление[487]. Чего, как представляется, быть не должно, а что для этого нужно сделать – мы попытались ответить в данном разделе нашего исследования.

[487] Отметим, что и в современной учебной литературе, как правило, без внимания остаются и такие примечания в целом, и различия в описании в них условий и сферы действия. См., напр.: Актуальные проблемы Особенной части уголовного права : учебник. / под ред. Подройкина И. А., Улезько С. И. М. : Проспект, 2020. 768 с. ; Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / под ред. И. Э. Звечаровского. М., 2020. 688 с ; Уголовное право России. Особенная часть. В 2 т. Т.2 / под ред. О. С. Капинус. М., 2019. 639 с.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Любой факт нарушения уголовно-правового запрета, предусмотренного Особенной частью Уголовного кодекса, по общему правилу – преступление, влекущее за собой уголовную ответственность. Дифференциация последней в зависимости от кратности преступлений – явление обычное для практики борьбы с преступностью, но не столь распространенное даже в цивилизованных странах. Российская Федерация в этом плане приятное исключение. Отечественное уголовное законодательство практически на всех этапах своего становления и развития отражало и отражает факт совершения лицом преступления впервые, причем делает это в значении определенной уголовно-правовой льготы для такого лица. Насколько последовательно и результативно реализуется такая уголовно-правовая политика? Ответить на этот вопрос – задача, которую попытался решить автор. При этом красной нитью в работе проходит идея о том, что такая политика во многом предопределяет успех уголовно-правовой реакции не только на лиц, впервые совершивших преступление, но и сделавших это не в первый раз и в юридическом, и в фактическом понимании последних.

Не преувеличивая значения проведенного нами исследования, осмелимся предположить, что выводы и положения, в нем содержащиеся, послужат дальнейшему развитию теории и практики уголовно-правового регулирования в данном направлении.

В основном, эти предложения фокусируются на совершенствовании уголовного законодательства и практики его применения. Основные из них состоят в следующем:

– **во-первых,** предлагается дополнить гл. 4 УК РФ «Лица, подлежащие уголовной ответственности» ст. 23^1, в которой дать легальную трактовку понятия лица, впервые совершившего преступление, в фактическом и юридическом (уголовно-правовом) значении. Это предложение основано на критической оценке судебной практики многообразных трактовок понятия лица, впервые совершившего преступление. В уголовном законодательстве разнится не

трактовка понятия лица, впервые совершившего преступление, а сфера применения этого понятия по кругу лиц в зависимости, как правило, от таких обстоятельств, как вид преступления, совершенного таким лицом, либо его конкретный состав (или составы), категория (или категории) преступления;

– **во-вторых,** с дополнением уголовного законодательства понятием лица, впервые совершившего преступление, в буквальном (бытовом, фактическом) его значении как «совершение преступления первый раз в жизни», представляется целесообразным:

1) изложить п. «а» ч. 1 ст. 61 УК РФ в редакции *«совершение преступления в первый раз в жизни»*;

2) дополнить абзац 5 п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (в редакции от 18.12.2018) перед словами «Исходя из положений…» предложением *«Характеризующими виновного также признаются сведения, в частности, о совершенном им преступлении впервые или не в первый раз, о рецидиве преступлений и его видах, об отбывании ранее наказания в виде лишения свободы»*;

3) установить в уголовном законе правило, согласно которому «*лицо, совершившее преступление в первый раз в жизни, подлежит освобождению от наказания в случае совершения им неосторожного преступления, не связанного с причинением смерти, и заглаживания вреда, причиненного этим преступлением».* Это правило следовало бы предусмотреть в гл. 12 УК РФ «Освобождение от наказания»;

4) установить в уголовном законе правило, согласно которому *«лицу, совершившему преступление в первый раз в жизни, максимальный срок наказания в виде лишения свободы не может превышать трех лет, если такое преступление является неосторожным, и оно повлекло за собой гибель человека или иные менее тяжкие последствия».* Это правило следовало бы предусмотреть в ст. 56 УК РФ «Лишение свободы на определенный срок»;

5) изложить ч. 1 ст. 64 УК РФ в такой редакции: «*При совершении преступления в первый раз в жизни*, наличии исключительных обстоятельств, связанных *с виной*, целями и мотивами преступления…»;

6) в дополнение правил назначения наказания, предусмотренных ст. 68 УК РФ, предварить ее ст. 67^1 УК РФ «Назначение наказания лицам, совершившим преступление в первый раз в жизни» следующего содержания:

«При назначении наказания за преступление, совершенное в первый раз в жизни, срок или размер наказания не может превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса, а при отсутствии отягчающих обстоятельств – более одной четверти.

Правила настоящей статьи не распространяются на лиц, виновных в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 105, ст. 131–135, 161–163, 205, … УК РФ»;

7) дополнить ч. 1 ст. 73 УК РФ после первого предложения словами *«При назначении лишения свободы на срок свыше трех лет наказание может считаться условным только в отношении лица, совершившего преступление в первый раз в жизни»*;

– в-третьих, предлагается ряд мер по совершенствованию законодательной практики использования понятия лица, впервые совершившего преступление, в юридическом (уголовно-правовом) значении. В развитие этого предложения целесообразно:

1) устранить противоречие между содержанием ст. 75 УК РФ и законодательной практикой освобождения от уголовной ответственности за деятельное раскаяние в преступлениях небольшой или средней тяжести по нормам Особенной части УК РФ (ч. 1 ст. 126, ст. 157, ч. 1 ст. 178, ч. 1, 5 ст. 184, ст. 195, 198, ч. 1 ст. 199, ч. 1 ст. 199^1, 199^3, 199^4, ч. 1, 2 ст. 200^7, ч. 1, 2, 5, 6 ст. 204, ч. 1, 2, 4 ст. 204^1, 204^2, ч. 1, 4 ст. 222, ч. 1 ст. 222^1, ч. 1, 4 ст. 223, ч. 1 ст. 228, 228^3, ч. 1, 2 ст. 291, ч. 1 ст. 291^1, 291^2, ст. 307, 337 УК РФ), в том числе лиц, впервые

совершивших такие преступления (ст. 195, 198, ч. 1 ст. 199, ч. 1 ст. 199^1, 199^3, 199^4, 337 УК РФ), путем изменения редакции ч. 2 ст. 75 УК РФ следующим образом: *«В случаях, специально предусмотренных примечаниями к соответствующим статьям Особенной части настоящего Кодекса, освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием производится по правилам, установленным такими примечаниями»*;

2) исключить ст. 76^1 УК РФ, стимулируя лицо, впервые совершившее преступление в сфере экономической деятельности, к деятельному раскаянию в нем путем установления примечаний к соответствующим статьям (частям статей) Особенной части УК РФ;

3) исключить указание на лицо, впервые совершившее преступление, из примечаний к статьям Особенной части УК РФ о налоговых преступлениях (в частности к ст. 198, 199), исходя из того, что общественная опасность уклонения от уплаты налогов и сборов заключается в непоступлении денежных средств в бюджетную систему Российской Федерации, а с поступлением таких средств (в совокупности со штрафом и пеней) общественная опасность содеянного устраняется и привлечение лица к уголовной ответственности безотносительно к кратности становится нецелесообразным;

4) дополнить ст. 328 УК РФ примечанием, подобным тем, которые включены в ст. 337 и 338 УК РФ, и предусмотреть в нем императив об освобождении от уголовной ответственности лица, впервые уклонившегося от прохождения военной или альтернативной гражданской службы и добровольно явившегося после этого на призывной пункт, например до истечения десяти дней с момента уклонения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г. [Электронный ресурс]. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О судебной системе в Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 1. – Ст.1.

3. Семейный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1 – Ст. 16.

4. Трудовой кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.

5. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 08 января 1997 г. № 1-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 2. – Ст. 198.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

8. О воинской обязанности и военной службе : Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 13. – Ст. 1475.

9. О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : Федеральный закон от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014 – № 8. – Ст. 740.

10. О выборах Президента Российской Федерации : Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 2. – Ст. 171.

11. О полиции : Федеральный закон от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

12. О Следственном комитете Российской Федерации : Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 1. – Ст. 15.

13. О статусе военнослужащих : Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 22. – 1998. – Ст. 2331.

14. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 13. – Ст. 1687.

15. Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции : Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – 26. – Ст. 4678.

16. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 01 апреля 2020 г. № 100-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 14 (часть I) – Ст. 2030.

17. О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18 июля 2019 г. № 179-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 29 (Ч.I). – Ст. 3846.

18. О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 53 (часть I). – Ст. 8459.

19. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 23 апреля 2018 г. № 114-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 18. – Ст. 2584.

20. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования отношений, связанных с уплатой страховых взносов в государственные внебюджетные фонды : Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 250-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 31 (Ч.1). – Ст. 4799.

21. О внесении изменения в статью 86 Уголовного кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 194-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 27. – Ст. 3985.

22. О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 1. – Ст. 4.

23. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3452.

24. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 08 декабря 2003 г. № 162-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 50. – Ст. 4848.

25. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 25 июня 1998 г. № 92-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 26. – Ст. 3012.

26. Об объявлении амнистии : постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 02 июля 2013 г. № 2559-6 ГД // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 27. – Ст. 3558.

27. Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов : постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 24 апреля 2015 г. № 6576-6 ГД // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 17 (Ч.4). – Ст.2542.

28. О порядке применения Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» : постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 24 апреля 2015 г. № 6578-6 ГД // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 17 (Ч.IV). – Ст. 2544.

29. Пояснительная записка к Федеральному закону от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» [Электронный ресурс]. – URL: https://lawhacker.ru/ (дата обращения: 29.08.2024).

30. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 8 декабря 2003 г. [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

31. Об утверждении Инструкции по ведению судебной статистики : приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29 декабря 2007 г. № 169 [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

32. О едином учете преступлений : приказ Генпрокуратуры РФ № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29 декабря 2005 г. : ред. от 20 февраля 2014 г. : зарегистрирован в Минюсте России 30 декабря 2005 г. № 7339 // БНА ФОИВ. – 2006. – № 5.

33. Перечни № 4, 5 преступлений небольшой и средней тяжести // О введении в действие перечня статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности : указание Генеральной прокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24 января 2020 г. [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

34. Перечень № 8 преступлений, в результате совершения которых возможна смерть потерпевшего (Перечень № 8) // О введении в действие перечня статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности : указание Генеральной прокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24 января 2020 г. [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

35. Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик : принят ВС СССР 02 июля 1991 г. № 2281-1 // Ведомости Совета народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1991. – № 30. – Ст. 862. – Утратил силу.

36. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик : утв. Законом СССР от 25 декабря 1958 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1959. – № 1. – Ст. 6. – Утратил силу.

37. Положение о воинских преступлениях : утв. ЦИК и СНК СССР 27 июля 1927 г. // СЗ СССР. – 1927. – № 50. – Ст. 505. – Утратил силу.

38. Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик : утв. Постановлением ЦИК СССР от 31 октября 1924 г. // СЗ СССР. – 1924. – № 24. – Ст. 205. – Утратил силу.

39. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917-1952. – Москва, 1953. – С. 116-143. – Утратил силу.

40. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917-1952 гг. – Москва, 1953. – С. 57-61. – Утратил силу.

41. Уголовное уложение 1903 г. // Российское законодательство X-XX веков. – Т. 9 : Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. – Москва, 1994. – С. 275-320.

42. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Российское законодательство X-XX веков. – Т. 6 : Законодательство первой половины XIX века. – Москва, 1988. – С. 160-310.

43. Модельный Уголовный кодекс для государств-участников СНГ. Рекомендательный законодательный акт : с изм. и доп. по состоянию на 27 октября 2015 г. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

44. Закон об уголовном праве Израиля 1977 года : постатейный перевод с иврита на русский язык / автор перевода Марат Дорфман. – Москва, 2010. – 259 с.

45. Примерный Уголовный кодекс (США) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/part-I (дата обращения: 26.08.2024).

46. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия : научно-практический комментарий и перевод текста закона / П. В. Головенков. – Москва, 2021. – 312 с.

47. Уголовный кодекс Австрии. – Санкт-Петербург, 2004. – 352 с.

48. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики : утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 года № 787-IQ : с изм. и доп. по состоянию на 23 февраля 2024 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 26.08.2024).

49. Уголовный кодекс Аргентины. – Санкт-Петербург, 2003. – 240 с.

50. Уголовный кодекс Бельгии от 08.06.1867 года : в редакции от 01 января 2012 г. [Электронный ресурс]. – URL:

https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/
details/11657 (дата обращения: 26.08.2024).

51. Уголовный кодекс Грузии от 22 июля 1999 года № 2287-вс : с изм. и доп. по состоянию на 15 декабря 2023 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37199724 (дата обращения: 26.08.2024).

52. Уголовный кодекс Испании от 10.11.1995 года : с изм. на 01 марта 2019 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.wipo.int/wipolex /ru/legislation/details/18760 (дата обращения: 26.08.2024).

53. Уголовный кодекс Китая / под редакцией А. И. Коробеева, А. И. Чучаева ; перевод с китайского Хуан Даосю. – Москва, 2017. – 256 с.

54. Уголовный кодекс Королевства Тайланд. – Санкт-Петербург, 2003.

55. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 127 : с изм. и доп. по состоянию на 07 августа 2024 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065 (дата обращения: 26.08.2024).

56. Уголовный кодекс Республики Армения от 18.04.2023 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349& lang=rus#4 (дата обращения: 26.08.2024).

57. Уголовный кодекс Республики Беларусь : с изм. и доп. по состоянию на 12 июля 2024 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.legislationline.org/ru/documents/section/criminal-codes (дата обращения: 26.08.2024).

58. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V : с изм. и доп. по состоянию на 20 августа 2024 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&doc_id2=31575252#pos=5 (дата обращения: 26.08.2024).

59. Уголовный кодекс Республики Корея : вступил в силу 16 октября 2018 года : Закон № 15793 от 16 октября 2018 г., в частичной редакции [Электронный ресурс]. – URL: https://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=204772&efYd=20181016 #0000 (дата обращения: 26.08.2024).

60. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 года № 985-XV : с изм. и доп. по состоянию на 23 августа 2024 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923&doc_id2=30394923#activate_doc=2&pos=109;-96&pos2=1044;-78 (дата обращения: 26.08.2024).

61. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 574 : с изм. и доп. по состоянию на 20 июня 2024 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 26.08.2024).

62. Уголовный кодекс Сан-Марино. – Санкт-Петербург,2002. – 253 с.

63. Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 года № 222-I : с изм. и доп. по состоянию на 25 ноября 2023 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31295286 (дата обращения: 26.08.2024).

64. Уголовный кодекс Республики Узбекистан : утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2012-XII : с изм. и доп. по состоянию на 07 августа 2024 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110 (дата обращения: 26.08.2024).

65. Уголовный кодекс Турции : Law № 5237 of September 26, 2004 : consolidated version of 2015 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/15936 (дата обращения: 26.08.2024).

66. Уголовный кодекс Франции : с изм. и доп. по состоянию на 06 декабря 2019 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://constitutions.ru/?p=25017 (дата обращения: 26.08.2024).

67. Уголовный кодекс Швейцарии от 21.12.1937 : по состоянию на 01 июля 2020 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/20007 (дата обращения: 26.08.2024).

68. Уголовный кодекс штата Нью-Йорк [Электронный ресурс]. – URL: http://constitutions.ru/?p=5849 (дата обращения: 26.08.2024).

Судебная практика

69. О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 мая 2023 г. № 11 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2023. – № 7.

70. О судебной практике по уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (статья 157 Уголовного кодекса Российской Федерации) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2022 г. № 39 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2023. – № 3.

71. О практике применения судами при рассмотрении уголовных дел законодательства, регламентирующего исчисление срока погашения и порядок снятия судимости : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07 июня 2022 г. № 14 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2022. – № 8.

72. Об отзыве из Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона № 612292-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовный проступок : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 25 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/?year=2020 (дата обращения 15.10.2020).

73. О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 24 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.vsrf.ru/documents /own/?year=2020 (дата обращения: 26.08.2024).

74. О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам : постановление Пленума Верховного

Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 7 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2020. – № 8.

75. О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2019 г. № 48 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2020. – № 1.

76. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 декабря 2018 г. № 43 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2019. – № 2.

77. О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 мая 2018 г. № 10 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2018. – № 5.

78. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2017 г. № 42 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.vsrf.ru/files/24307 (дата обращения: 08.11.2017).

79. О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» : проект постановления Пленума Верховного Суда РФ от 08 августа 2017 г. № 4-ВС-5895/17 [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

80. О судебном приговоре : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2017. – № 1.

81. О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам совершенствования

оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 56 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2017. – № 1.

82. О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2017. – № 1.

83. О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 56 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2017. – № 1.

84. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2016. – № 2.

85. О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2014 г. № 9 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2014. – № 7.

86. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2013. – № 8.

87. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01 февраля 2011 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2011. – № 4.

88. О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда РФ от

29 октября 2009 г. № 20// Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2010. – № 1.

89. О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной и альтернативной гражданской службы : постановление Пленума Верховного Суда от 03 апреля 2008 г. № 3 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2008. – № 6.

90. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2008. – № 4.

91. О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 декабря 2006 г. № 64 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2007. – № 3.

92. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2006. – № 8.

93. О некоторых вопросах применения судами Российской Федерации уголовного законодательства об ответственности за уклонение от уплаты налогов : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 июля 1997 г. № 8 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1997. – № 9.

94. О судебном приговоре : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1996. – № 7.

95. Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ) : утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 10 июля 2019 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://vsrf.ru/ (дата обращения: 18.07.2023).

96. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16 февраля 2017 г. : ред. от 26 апреля 2017 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2018. – №1-3.

97. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2013 года : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04 июня 2014 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2014. – № 9.

98. Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению постановлений Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 24 апреля 2015 г. № 6576-6 ГД «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» и от 24 апреля 2015 г. № 6578-6 ГД «О порядке применения Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29 июля 2015 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2015. – № 12.

99. Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению федеральных законов от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 июня 2012 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2012. – № 11.

100. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 05 ноября 2019 г. № 44-АПУ 19-14 [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

101. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ 05 сентября 2019 г. № 82-АПУ 19-9 [Электронный ресурс] [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

102. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18 июля 2018 г. № 46-АПУ18-5 [Электронный ресурс] [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

103. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19 июля 2017 г. № 11-АПУ 17-16) [Электронный ресурс] [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

104. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 марта 2017 г. №78-АПУ17-5 [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

105. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 31 января 2017 г. № 33-АПУ17-1СП [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

106. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 20 июля 2016 г. № 72-АПУ 16-17 [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

107. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15 декабря 2015 г. № 44-АПУ15-30 [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

108. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19 декабря 2014 г. № 51-АПУ14-42сп [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

109. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 сентября 2019 г. № 74-УД19-4

[Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

110. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17 апреля 2014 г. № 49-О14-4 [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

111. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 28 октября 2010 г. № 66-О10-156сп [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

112. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 23 июля 2009 г. № 93-о09-10сп [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

113. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 апреля 2009 г. № 16-О09-11 [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

114. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 октября 2008 г. № 48-О08-77 [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

115. Определение Верховного Суда РФ от 17 сентября 2013 г. № 46-Д13-24 [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

116. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16 марта 2012 года № 5-Д12-16 [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

117. Определение Верховного Суда РФ от 29 марта 2007 г. по делу № 21-007-2 [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

118. Определение Верховного Суда РФ от 6 апреля 2005 г. № 56-о05-8 [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

119. Определение Верховного Суда РФ от 22 декабря 2003 г. № 45-о03-139 [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

120. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 19 июня 2019 г. № 66-П 19пр [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

121. Постановление Президиума Забайкальского краевого суда от 26 января 2017 г. № 44у-16/2017 [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

122. Постановление Президиума Курганского областного суда от 28 марта 2016 г. № 44У-21/2016 [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

123. Архив Калининградского областного суда. Уголовное дело № 1-44/2018.

124. Архив Курганского областного суда. Уголовное дело № 1-30/2018.

125. Архив Тамбовского областного суда. Уголовное дело № 1-30/2018.

126. Справка по результатам обобщения судебной практики прекращения судами Республики Башкортостан в 2009 г. уголовных дел в связи с примирением сторон и деятельным раскаянием : подготовлена Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда Республики Башкортостан: обсуждена и одобрена на заседании Президиума Верховного суда Республики Башкортостан 21 июля 2010 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://vs.bkr.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=811 (дата обращения: 19.09.2017).

127. Судебная практика по уголовным делам // Решения судов, основанные на применении нормы статьи 158 Уголовного кодекса Российской Федерации

(ст.158 УК РФ) судами России [Электронный ресурс]. – URL: https://sudact.ru/practice/po-krazham/?page=10 (дата обращения: 19.09.2024).

128. Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР. 1938-1978 / составители С. В. Бородин и Г. Л. Левицкий. – Москва, 1980. – 472 с.

129. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: актуальные вопросы судебной практики, рекомендации судей Верховного Суда РФ по применению уголовно-процессуального законодательства на основе новейшей судебной практики / под редакцией В. М. Лебедева. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2013. – 824 с.

130. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: актуальные вопросы судебной практики, рекомендации судей Верховного Суда РФ по применению уголовно-процессуального законодательства на основе новейшей судебной практики / под редакцией В. М. Лебедева. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2011. – 870 с.

131. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: актуальные вопросы судебной практики, рекомендации судей Верховного Суда РФ по применению уголовно-процессуального законодательства на основе новейшей судебной практики / под редакцией В. М. Лебедева. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2009. – 784 с.

132. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса РФ. В 2 ч. Ч. 1 : практическое пособие / В. М. Лебедев [и др.] ; ответственный редактор В. М. Лебедев. — 8-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юрайт, 2023. – 246 с.

133. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В 2 т. Т. 2 : практическое пособие / под редакцией В. М. Лебедева. – 7-е изд.., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2016. – 393 с.

Статистика

134. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2023 года [Электронный ресурс]. – Москва : ФКУ «ГИАЦ» МВД РФ, 2024. – URL: mvd.ru (дата обращения: 19.09.2024).

135. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2022 года [Электронный ресурс]. – Москва : ФКУ «ГИАЦ» МВД РФ, 2023. – URL: mvd.ru (дата обращения: 19.09.2024).

136. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2021 года [Электронный ресурс]. – Москва : ФКУ «ГИАЦ» МВД РФ, 2022. – URL: mvd.ru (дата обращения: 19.09.2024).

137. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 года [Электронный ресурс]. – Москва : ФКУ «ГИАЦ» МВД РФ, 2021. – URL: mvd.ru (дата обращения: 19.09.2024).

138. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 года [Электронный ресурс]. – Москва : ФКУ «ГИАЦ» МВД РФ, 2020. – URL: mvd.ru (дата обращения: 19.09.2024).

139. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2018 года [Электронный ресурс]. – Москва : ФКУ «ГИАЦ» МВД РФ, 2019. – URL: mvd.ru (дата обращения: 19.09.2024).

140. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2017 года [Электронный ресурс]. – Москва : ФКУ «ГИАЦ» МВД РФ, 2018. – URL: mvd.ru (дата обращения: 19.09.2024).

141. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2016 года [Электронный ресурс]. – Москва : ФКУ «ГИАЦ» МВД РФ, 2017. – URL: mvd.ru (дата обращения: 19.09.2024).

142. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2015 года [Электронный ресурс]. – Москва : ФКУ «ГИАЦ» МВД РФ, 2016. – URL: mvd.ru (дата обращения: 19.09.2024).

143. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2014 года [Электронный ресурс]. – Москва : ФКУ «ГИАЦ» МВД РФ, 2015. – URL: mvd.ru (дата обращения: 19.09.2024).

144. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2013 года [Электронный ресурс]. – Москва : ФКУ «ГИАЦ» МВД РФ, 2014. – URL: mvd.ru (дата обращения: 19.09.2024).

145. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2012 года [Электронный ресурс]. – Москва : ФКУ «ГИАЦ» МВД РФ, 2013. – URL: mvd.ru (дата обращения: 19.09.2024).

146. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2011 года [Электронный ресурс]. – Москва : ФКУ «ГИАЦ» МВД РФ, 2012. – URL: mvd.ru (дата обращения: 19.09.2024).

147. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2010 года [Электронный ресурс]. – Москва : ФКУ «ГИАЦ» МВД РФ, 2011. – URL: mvd.ru (дата обращения: 19.09.2024).

148. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2009 года [Электронный ресурс]. – Москва : ФКУ «ГИАЦ» МВД РФ, 2010. – URL: mvd.ru (дата обращения: 19.09.2024).

149. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2008 года [Электронный ресурс]. – Москва : ФКУ «ГИАЦ» МВД РФ, 2009. – URL: mvd.ru (дата обращения: 19.09.2024).

150. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2007 года [Электронный ресурс]. – Москва : ФКУ «ГИАЦ» МВД РФ, 2008. – URL: mvd.ru (дата обращения: 19.09.2024).

151. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2006 года [Электронный ресурс]. – Москва : ФКУ «ГИАЦ» МВД РФ, 2007. – URL: mvd.ru (дата обращения: 19.09.2024).

152. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2005 года [Электронный ресурс]. – Москва : ФКУ «ГИАЦ» МВД РФ, 2006. – URL: mvd.ru (дата обращения: 19.09.2024).

153. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2004 года [Электронный ресурс]. – Москва : ФКУ «ГИАЦ» МВД РФ, 2005. – URL: mvd.ru (дата обращения: 19.09.2024).

154. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2003 года [Электронный ресурс]. – Москва : ФКУ «ГИАЦ» МВД РФ, 2004. – URL: mvd.ru (дата обращения: 19.09.2024).

155. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2023 год [Электронный ресурс]. – URL: cdep.ru (дата обращения: 19.09.2024).

156. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2023 год [Электронный ресурс]. – URL: cdep.ru (дата обращения: 19.09.2024).

157. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2003-2007 годы и 2008-2022 годы [Электронный ресурс]. – URL: cdep.ru (дата обращения: 19.09.2024).

158. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2007-2022 годы. [Электронный ресурс]. – URL: cdep.ru (дата обращения: 19.09.2024).

159. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции // Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2011-2022 годы [Электронный ресурс]. – URL: cdep.ru (дата обращения: 19.09.2024).

160. Преступность и правонарушения (1999-2003) : статистический сборник. – Москва, 2004. – 180 с.

161. Преступность и правонарушения в СССР. 1990 : статистический сборник / МВД СССР, Минюст СССР, Прокуратура Союза ССР. – Москва : Финансы и статистика, 1991. – 128 с.

Комментарии

162. Комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под редакцией Г. А. Есакова. – Москва : Проспект, 2017. – 736 с.

163. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). В 4 т. Т. 1. / под редакцией А. В. Бриллиантова. – Москва : Проспект, 2015. – 792 с.

164. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под редакцией А. И. Чучаева. – Москва : Контракт, 2013. – 672 с.

165. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под редакцией В. М. Лебедева. – Москва : Юрайт, 2011. – 1334 с.

166. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : научно-практический (постатейный) / под редакцией С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юриспруденция, 2013. – 912 с.

167. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации для работников прокуратуры (постатейный) / под редакцией В. В. Малиновского, А. И. Чучаева. – Москва : Контракт, 2011. – 1040 с.

168. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. – 6-е изд., перераб. и доп. / ответственный редактор А. И. Рарог. – Москва : Проспект, 2009. – 703 с.

169. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Т. 2. Особенная часть. Разделы VII-VIII (постатейный) / ответственный редактор В. М. Лебедев. – Москва : Юрайт, 2017. – 371 с.

170. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Общая часть / под общей редакцией Ю. И. Скуратова и В. М. Лебедева. – Москва : ИНФРА-М - НОРМА, 1996. – 320 с.

171. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / ответственный редактор В. И. Радченко ; научные редакторы А. С. Михлин, И. В. Шмаров. – Москва : Вердикт, 1994. – 510 с.

172. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / под редакцией Ю. Д. Северина. – Москва : Юрид. лит., 1980. – 416 с.

173. Комментарий к Уголовному кодексу РФ. В 4 т. Том 1. Общая часть / В. М. Лебедев [и др.] ; ответственный редактор В. М. Лебедев. — Москва : Юрайт, 2020. — 316 с.

174. Преступление и наказание. Комментарии к проекту УК России / Ахметшин Х., Бибиков Э., Борзенков Г., Бризе С., и др. ; под редакцией Н. Ф. Кузнецова, А. В. Наумов. – Москва : Де-Юре, 1993. – 304 с.

175. Рарог, А. И. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу РФ. – 2-е изд. испр. и доп. / А. И. Рарог. – Москва : Эксмо, 2019. – 720 с.

Учебники, учебные пособия

176. Актуальные проблемы Особенной части уголовного права : учебник / под редакцией И. А. Подройкина, С. И. Улезько. – Москва : Проспект, 2020. – 768 с.

177. Бойко, А. И. Уголовная политика : учебное пособие / А. И. Бойко. – Ростов-на-Дону : Ростовский гос. экономический университет "РИНХ", 2008. – 190 с.

178. Галиакбаров, Р. Р. Множественность преступных деяний как институт советского уголовного права : учебное пособие / Р. Р. Галиакбаров, Е. А. Фролов. – Свердловск : СЮИ, 1967. – 20 с.

179. Герцензон, А. А. Уголовный закон и личность преступника : учебное пособие / А. А. Герцензон. – Москва : Знание, 1968. – 79 с.

180. Иншаков, С. М. Криминология : учебник / С. М. Иншаков. – Москва : Юриспруденция, 2000. – 426 с.

181. Клейменов, М. П. Криминология : учебник / М. П. Клейменов. – Москва : Норма, 2009. – 447 с.

182. Козаченко, И. Я. Криминология : учебник и практикум для бакалавриата и специалитета / И. Я. Козаченко, К. В. Корсаков. – Москва : Юрайт, 2018. – 277 с.

183. Криволапов, Г. Г. Множественность преступлений по советскому уголовному праву : учебное пособие / Г. Г. Криволапов. – Москва : Акад. МВД РФ, 1974. – 32 с.

184. Криминология : учебник для аспирантов / [Аминов И. И., Антонян Е. А., Дашков Г. В. и др.] ; под редакцией И. М. Мацкевича. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2017. – 367 с.

185. Криминология : курс лекций / составитель И. В. Розумень. – Новосибирск : СибАГС, 2015. – 211 с.

186. Криминология : учебник / под редакцией А. И. Долговой. – Москва : Норма : Инфра-М, 2010. – 1008 с.

187. Криминология : учебник / под редакцией А. И. Долговой. – Москва : Инфра, 1997. – 784 с.

188. Криминология : учебник / под редакцией В. В. Орехова. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 1992. – 216 с.

189. Криминология : учебник / под редакцией В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. – Москва : Юристъ, 1997. – 512 с.

190. Криминология : учебник для вузов / под редакцией В. Д. Малкова. – Москва : Юстицинформ, 2006. – 526 с.

191. Кропачев, Н. М. Механизм уголовно-правового регулирования: уголовная ответственность : учебное пособие / Н. М. Кропачев, В. С. Прохоров. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2000. – 60 с.

192. Кругликов, Л. Л. Дифференциация и индивидуализация ответственности в уголовном праве : учебное пособие / Л. Л. Кругликов. – Ярославль : ЯрГУ, 2016. – 44 с.

193. Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник. – Москва : Юрид. лит., 1985. – 416 с.

194. Курс уголовного права. Общая часть : т. 2 : Учение о наказании / под редакцией Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. – Москва : МГУ, 2002. – 464 с.

195. Лохвицкий, А. В. «Курс Русскаго уголовнаго права» / А. В. Лохвицкий. – Санкт-Петербург : Типография Правительственного Сената, 1867. – 675 с.

196. Наумов, А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций / А. В. Наумов. – Москва : Проспект, 2018. – 787 с.

197. Наумов, А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций / А. В. Наумов. – Москва : Проспект, 2017. – 833 с.

198. Наумов, А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций / А. В. Наумов. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2017 – 784 с.

199. Осадчая, Г. И. Социальная политика, социальное управление и управление социальной сферой : учебное пособие / Г. И. Осадчая. – Москва : МГСУ, 1999. – 63 с.

200. Основы криминологического права : учебник / В. Н. Орлов. – Москва : Криминологическая б-ка ; Ставрополь : АГРУС, 2016. – 666 с.

201. Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование : научно-практическое пособие / Ю. И. Антонов, В. Б. Боровиков, А. В. Галахова и др. ; под редакцией А. В. Галаховой. – Москва : Норма, 2014. – 736 с.

202. Песлякас, В. Ч. Уголовная ответственность и освобождение от нее : учебное пособие / В. Ч. Песлякас. – Минск : МВШ МВД СССР, 1988. – 64 с.

203. Российская правовая политика : курс лекций / С. Ф. Афанасьев, В. П. Беляев, Е. В. Вавилин, А. И. Демидов, и др. ; под редакцией А. В. Малько, Н. И. Матузов. – Москва : Норма, 2003. – 528 с.

204. Российское уголовное право. В 2 т. Т. 1. Общая часть : учебник / под редакцией Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рарога. – Москва, 2006. – 520 с.

205. Российское уголовное право. Общая часть / под редакцией В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. – Москва : Спарк, 1997. – 454 с.

206. Сергеевский, Н. Д. Русское уголовное право. Часть общая : пособие к лекциям / Н. Д. Сергеевский. – 11-е изд. – Петроград : Тип. М. М. Стасюлевича, 1915. – VIII. – 397 с.

207. Уголовная политика и ее реализация органами внутренних дел : учебник : в 2 ч. / [В. В. Гордиенко и др.] ; под редакцией Л. И. Беляевой. – Москва : Акад. упр. МВД России, 2014. – Ч. 1. – 167 с.

208. Уголовная политика и ее реализация органами внутренних дел : учебник : в 2 ч. / [В. В. Гордиенко и др.] ; под редакцией Л. И. Беляевой. – Москва : Акад. упр. МВД России, 2014. – Ч. 2. – 199 с.

209. Уголовное право России, Общая часть : учебник / под редакцией В. П. Ревина. – Москва : Проспект, 2009 – 523 с.

210. Уголовное право России. Общая часть : учебник / под редакцией И. Э. Звечаровского. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2010. – 640 с.

211. Уголовное право России. Общая часть : учебник / под редакцией Ф. Р. Сундурова, И. А. Тарханова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Статут, 2009. – 751 с.

212. Уголовное право России. Особенная часть. В 2 т. Т. 2 : учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры / О. С. Капинус [и др.] ; под редакцией О. С. Капинус. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2019. – 639 с.

213. Уголовное право России. Практический курс. – 4-е изд., перераб. и доп. / под общей редакцией А.В. Наумова ; [Р. А. Адельханян и др.]. – Москва : Волтерс Клувер, 2010. – 808 с.

214. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / под редакцией А. В. Бриллиантова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2015. – 1184 с.

215. Уголовное право России: Общая часть : учебник / под редакцией Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина, В. В. Орехова. – Санкт-Петербург : Изд. дом СПбГУ, 2006. – 1064 с.

216. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под редакцией Ю. В. Грачевой. – Москва : Проспект, 2019. – 382 с.

217. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под редакцией Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. – Москва : ИНФРА-М : КОНТРАКТ, 2004. – 553 с.

218. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник для вузов / под редакцией В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. – Москва : Статут, 2012. – 879 с.

219. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / под редакцией И. Э. Звечаровского. – Москва : Проспект, 2020 – 688 с.

220. Уголовное право. Общая часть : учебник / под редакцией Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. – Москва : Новый юрист, КноРус, 1997. – 583 с.

221. Уголовно-исполнительное право России : учебник / А. П. Алешина, В. М. Анисимков, Н. В. Желоков и др. ; под редакцией П. Е. Конегера, М. С. Рыбака. – Саратов : Ай Пи Эр Медиа, 2010. – 624 с.

Монографии

222. Александров, А. И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / А. И. Александров ; научный редактор В. З. Лукашевич. – Санкт-Петербург : Изд. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2003. – 562 с.

223. Аликперов, Х. Д. Освобождение от уголовной ответственности / Х. Д. Аликперов. – Москва : Московский психолого-социальный институт : ИПК РК Генеральной прокуратуры РФ ; Воронеж : МОДЭК, 2001. – 128 с.

224. Аликперов, Х. Д. Освобождение от уголовной ответственности: уголовно-правовые аспекты / Х. Д. Аликперов. – Москва : ИПК РК ГП РФ, 1999. – 127 с.

225. Антонян, Ю. М. Личность преступника / Ю. М. Антонян, В. Н. Кудрявцев, В. Е. Эминов. – Санкт-Петербург : ЮридЦентрПресс, 2004. – 366 с.

226. Бабаев, М. М. Проблемы российской уголовной политики / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин. – Москва : Проспект, 2014. – 296 с.

227. Бавсун, М. В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации / М. В. Бавсун. – Омск : Акад.МВД РФ, 2014. – 248 с.

228. Бажанов, С. В. Уголовно-процессуальная политика, экономика и право / С. В. Бажанов. – Владимир : Влад. ин-т МЮ РФ, 2003. – 363 с.

229. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа ; перевод Ю. М. Юмашева. – Москва : Междунар. отношения, 2000. – 240 с.

230. Беляев, Н. А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации / Н. А. Беляев. – Ленинград : ЛГУ, 1986. – 176 с.

231. Благов, Е. В. Актуальные проблемы уголовного права (Общая часть) / Е. В. Благов. – Ярославль : Изд-во ЯрГУ, 2008. – 303 с.

232. Босхолов, С. С. Основы уголовной политики: конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты / С. С. Босхолов. – Москва : Юринформ, 1999. – 293 с.

233. Васильева, Е. Г. Правовые и теоретические проблемы прекращения уголовного преследования и производства по уголовному делу / Е. Г. Васильева. – Москва : Юрлитинформ, 2006. – 312 с.

234. Веселов, Е. Г. Физическое или психическое принуждение [Электронный ресурс] / Е. Г. Веселов. – Материал подготовлен для справочно-правовой системы «КонсультантПлюс», 2008.

235. Волженкин, Б. В. Уголовная ответственность юридических лиц / Б. В. Волженкин. – Санкт-Петербург : СПбЮИ ГП РФ, 1998. – 40 с.

236. Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР. 1938-1978 / составители С. В. Бородин и Г. Л. Левицкий. – Москва : Юрид. лит., 1980. – 472 с.

237. Гальперин, И. М. Взаимодействие государственных органов и общественности по борьбе с преступностью / И. М. Гальперин. – Москва : Юрид. лит., 1972. – 184 с.

238. Гилинский, Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль / Я. И. Гилинский. – Санкт-Петербург : Алеф Пресс, 2014. – 574 с.

239. Голик, Ю. В. Случайный преступник / Ю. В. Голик ; редактор В. Д. Филимонов. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. - 166 с.

240. Головко, Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве / Л. В. Головко. – Санкт-Петербург : ЮридЦентрПресс, 2002. – 542 с.

241. Городнянская, В. В. Постпенитенциарный рецидив : монография / В. В. Городнянская ; научный редактор В. А. Уткин. – Москва : Юрлитинформ, 2012. – 168 с.

242. Горяйнова, Е. А. Модель условного осуждения в диссертационном исследовании «Условное осуждение по советскому уголовному праву / Е. А. Горяйнова. – Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2018.– 184 с.

243. Григорьева, И. А. Социальная политика и социальное реформирование в России в 90-х годах / И. А. Григорьева. – Санкт-Петербург, 1998. – 109 с.

244. Давид, Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид ; перевод с французского В. А. Туманов. – Москва : Прогресс, 1988. – 496 с.

245. Давид, Р. Основные правовые системы современности. Сравнительное право / Р. Давид ; перевод с французского М. А. Крутоголов, Туманов В. А. – Москва : Прогресс, 1967. – 496 с.

246. Дубинин, Н. П. Генетика, поведение, ответственность: о природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения / Н. П. Дубинин, И. И. Карпец, В. Н. Кудрявцев. – Москва : Политиздат, 1989. – 304 с.

247. Дуюнов, В. К. Уголовно-правовое воздействие: теория и практика / В. К. Дуюнов. – Москва ; Саратов : Научная книга, 2003. – 520 с.

248. Егоров, В. С. Система наказаний по уголовному праву России / В. С. Егоров. – Воронеж : МОДЭК, 2002. – 48 с.

249. Екимов, А. А. Освобождение от уголовной ответственности на основании норм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: научно-практическое исследование / А. А. Екимов, А. А. Идамжапов. – Москва : РУСАЙНС, 2017. – 98 с.

250. Жалинский, А. Э. Избранные труды. Т. 3. Уголовная политология. Сравнительное и международное уголовное право / А. Э. Жалинский. –Москва : ВШЭ, 2015. – 79 с.

251. Завидов, Б. Д. Общие проблемы и отдельные особенности некоторых положений уголовного права [Электронный ресурс] / Б. Д. Завидов, А. В. Борбат. – Материал подготовлен для справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»

252. Загородников, Н. И. Советская уголовная политика и деятельность органов внутренних дел / Н. И. Загородников. – Москва : МВШМ МВД СССР, 1979. – 100 с.

253. Звечаровский, И. Э Уголовная ответственность: понятие, виды, формы реализации / И. Э. Звечаровский. – Иркутск : ИГУ, 1992. – 44 с.

254. Звечаровский, И. Э. Ответственность в уголовном праве / И. Э. Звечаровский. – Санкт-Петербург : ЮридЦентр Пресс, 2009. – 100 с.

255. Звечаровский, И. Э. Уголовно-правовые нормы, поощряющие посткриминальное поведение личности / И. Э. Звечаровский. – Иркутск : ИГУ, 1991. – 156 с.

256. Звечаровский, И. Э. Посткриминальное поведение: понятие, ответственность, стимулирование / И. Э. Звечаровский. – Иркутск : ИГУ, 1993. – 128 с.

257. Звечаровский, И. Э. Российское уголовное право: закон, преступление, ответственность / И. Э. Звечаровский. – Москва : Проспект, 2022. – 160.

258. Звечаровский, И. Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика / И. Э. Звечаровский. – Санкт-Петербург : ЮридЦентрПресс, 2001. – 100 с.

259. Иванов, Н. Г. Общественная опасность деяния как онтологическая основа криминализации : монография / Н. Г. Иванов. – Москва : Проспект, 2016. – 80 с.

260. Карпец, И. И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы / И. И. Карпец. – Москва : Юрид.лит., 1973. – 287 с.

261. Келина, С. Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности / С. Г. Келина ; ответственный редактор А. А. Пионтковский. – Москва : Наука, 1974. – 232 с.

262. Козлов, А. П. Единичные и множественные преступления / А. П. Козлов, А. П. Севастьянов. – Санкт-Петербург : ЮридЦентрПресс, 2011. – 915 с.

263. Коробеев, А. И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса : монография / А. И. Коробеев. – Москва : Юрлитинформ, 2019. – 352 с.

264. Коробеев, А. И. Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы / А. И. Коробеев, А. В. Усс, Ю. В. Голик. – Красноярск, Красн.ГУ, 1991. – 240 с.

265. Кропачев, Н. М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система / Н. М. Кропачев. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 1999. – 262 с.

266. Кругликов, Л. Л. Дифференциация ответственности в уголовном праве / Л. Л. Кругликов, А. В. Васильевский. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2002. – 300 с.

267. Кругликов, Л. Л. Проблемы теории уголовного права : избранные статьи. 1982-1999 гг. / Л. Л. Кругликов. – Ярославль : ЯрГУ, 1999. – 200 с.

268. Латыпов, Р. И. Шпаргалка по криминологии / Р. И. Латыпов. – Москва : Велби, 2005. – 40 с.

269. Лейкина, Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность / Н. С. Лейкина. – Ленинград : ЛГУ, 1968. – 128 с.

270. Лесниевски-Костарева, Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика / Т. А. Лесниевски-Костарева. – Москва : Норма, 2000. – 296 с.

271. Лопашенко, Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика / Н. А. Лопашенко. – Санкт-Петербург : ЮридЦентрПресс, 2004. – 339 с.

272. Лопашенко, Н. А. Уголовная политика / Н. А. Лопашенко. – Москва : Волтерс Клувер, 2009. – 608 с.

273. Лунеев, В. В. Курс мировой и российской криминологии : учебник. В 2 т. Т.1. Общая часть / В. В. Лунеев. – Москва : Юрайт, 2011. – 1006 с.

274. Маликов, С. В. Сроки в уголовном праве России: понятие, виды, характеристика / С. В. Маликов. – Москва : Проспект, 2009. – 165 с.

275. Милюков, С. Ф. Российское уголовное законодательство: Опыт критического анализа : монография / С. Ф. Милюков. – Санкт-Петербург : СПбИВЭСЭП : Знание, 2000. – 279 с.

276. Минская, В. С. Штраф в современном уголовном законодательстве / В. С. Минская, Г. А. Шарафетдинов. – Москва : Академия Ген. прокуратуры Российской Федерации, 2014. – 162 с.

277. Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву / В. П. Малков ; научный редактор Ф. Р. Сундуров. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1982. – 173 с.

278. Мониторинг уголовной политики России : монография / под общей редакцией С. В. Максимова. – Москва : ИГП РАН, 2014. – 482 с.

279. Наумов, А. В. Преступление и наказание в истории России. В 2 ч. Ч. II / А. В. Наумов. – Москва : Юрлитинформ, 2014. – 656 с.

280. Непомнящая, Т. В. Назначение уголовного наказания: теория, практика, перспективы / Т. В. Непомнящая. – Санкт-Петербург : ЮридЦентрПресс, 2006. – 781 с.

281. Ображиев, К. В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного права : монография / К. В. Ображиев. – Москва: Юрлитинформ, 2015. – 502 с.

282. Пархоменко, Д. А. Усмотрение в уголовном праве : монография / Д.А. Пархоменко. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2016. – 128 с.

283. Пинчук, В. И. Общественная опасность личности преступника / В. И. Пинчук, И. И. Солодкин, В. Д. Филимонов. – Томск, 1970. – 277 с.

284. Преступления против правосудия / А. Н. Александров, Ю. И. Антонов, А. В. Галахова и др. ; под редакцией А. В. Галаховой. – Москва : НОРМА, 2005. – 416 с.

285. Прохоров, В. С. Механизм уголовно-правового регулирования / В. С. Прохоров, Н. М. Кропачев, А. Н. Тарбагаев. – Красноярск : КГУ, 1989. – 208 с.

286. Рыжаков, А. П. Возмещение вреда, причиненного преступлением / А. П. Рыжаков. – Москва : Дело и сервис, 2011. – 128 с.

287. Сверчков, В. В. Освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела (преследования), отказ в его возбуждении: проблемы теории и практики / В. В. Сверчков. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2008. – 586 с.

288. Скляров, С. В. Вина и мотивы преступного поведения / С. В. Скляров. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2004. – 326 с.

289. Соколов, И. В. Ограничение свободы как вид уголовного наказания : монография / И. В. Соколов ; под редакцией М. Б. Костровой. – Москва : Юрлитинформ, 2013. – 224 с.

290. Социальная работа: теория и практика / ответственный редактор Е. И. Холостова, А. С. Сорвина. – Москва : Юрист, 2007. – 307 с.

291. Социальная эффективность условного осуждения в России : монография / под общей редакцией Н. А. Лопашенко – Москва : Юрлитинформ, 2014. – 192 с.

292. Становский, М. Н. Назначение наказания М. Н. / Становский. – Санкт-Петербург : ЮридЦентрПресс, 1999. – 480 с.

293. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 2 / / Н. С. Таганцев. – Москва : Наука, 1994. – 380 с.

294. Таганцев, Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / / Н. С. Таганцев. – Москва : Книга по Требованию, 2012 – 926 с.

295. Уголовная политика : дорожная карта (2017-2025 гг.) / Г. А. Есаков, Р. А. Долотов, М. А. Филатова, М. А. Редчиц, П. П. Степанов, К. А. Цай. – Москва : Институты и общество, 2017. – 76 с.

296. Уголовно-правовое воздействие : монография / Г. А. Есаков, Т. Г. Понятовская, А. И. Рарог, А. И. Чучаев. – Москва : Проспект, 2014. – 288 с.

297. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / Г. З. Анашкин, С. В. Бородин, И. М. Гальперин, Н. И. Загородников и др. ; ответственный редактор С. Г. Келина, В. Н. Кудрявцев. – Москва : Наука, 1987. – 276 с.

298. Уткина, С. С. Уголовное наказание в виде штрафа / С. С. Уткина. – Томск : ТГУ, 2004. – 194 с.

299. Фильченко, А. П. Возникновение, смягчение и прекращение уголовной ответственности : монография / А. П. Фильченко ; под редакцией А. В. Наумова. – Москва : Юрлитинформ, 2014. – 296 с.

300. Флетчер, Дж. Основные концепции современного уголовного права / Дж. Флетчер, А. В. Наумов. – Москва : Юристъ, 1998. – 512 с.

301. Хёффе, О. Политика, право, справедливость. Основоположения критической философии права и государства / О. Хёффе ; перевод В. С. Малахова при участии Е. В. Малаховой. – Москва : Гнозис, 1994. – 319 с.

302. Шкредова, Э. Г. Множественность преступлений (исторический аспект) / Э. Г. Шкредова. – Москва : Юрлитинформ, 2011. – 184 с.

303. Шкредова, Э. Г. Множественность преступлений в современной доктрине: понятие и признаки / Э. Г. Шкредова // Журнал российского права. – 2014. – № 10 (214). – С. 78-87.

304. Goodman, M. Future Crimes: Everything is Connected, Everyone is Vulnerable, and What We Can Do About It. / M. Goodman. – Doubleday, 2015. – 392 p.

Статьи в периодических изданиях и сборниках

305. Авдеев, В. А. Преступность террористического характера и экстремистской направленности в РФ: состояние и тенденции правового регулирования / В. А. Авдеев, О. А. Авдеева // Российский судья. – 2018. – № 8. – С. 21-22.

306. Авдонкин, В. С. Общие положения и особенности составления описательно-мотивировочной части оправдательного приговора гарнизонным

военным судом / В. С. Авдонкин // Право в Вооруженных Силах. – 2013. – № 12. – С. 49-57.

307. Акутаев, Р. М. Об уголовных проступках и категоризации преступлений в свете Постановления Конституционного Суда РФ от 14.02.2013 / Р. М. Акутаев // Российская юстиция. – 2013. – № 5. – С. 41-45.

308. Акчурин, А. В. Предпосылки возникновения и развитие современных представлений о личности преступника / А. В. Акчурин // Научные ведомости БелГУ. Серия Философия. Социология. Право. – 2018. – Т.43. – № 2. – С. 279-286.

309. Алихаджиева, И. С. О соотношении категорий «судимость» и «лицо, впервые совершившее преступление»: Теория и судебная практика (на примере статей 240-241 УК РФ) / И. С. Алихаджиева // Современное право. – 2010. – № 2. – С. 103-106.

310. Апостолова, Н. Н. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа / Н. Н. Апостолова // Российская юстиция. – 2016. – № 10. – С. 34-37.

311. Артамонов, А. Н. Прекращение уголовного дела (уголовного преследования) по нереабилитующим основаниям / А. Н. Артамонов // Законодательство и практика. – 2015. – № 2. – С. 71-78.

312. Афанасьева, О. Р. Криминологический потрет личности преступника / О. Р. Афанасьева, М. В. Гончарова // Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. – 2016. – № 3. – С. 40-49.

313. Ахтанина, Н. А. Институт множественности противоправного деяния в административном и уголовном законодательстве Российской Федерации / Н. А. Ахтанина // Российская юстиция. – 2020. – № 5. – С. 9-11.

314. Бабаев, М. М. О криминологической составляющей уголовной политики / М. М. Бабаев // Криминологический журнал. – 2008. – № 2 (14). – С. 5-10.

315. Бабаев, М. М. О соотношении уголовной и криминологической политики / М. М. Бабаев // Проблемы социологии уголовного права. – Москва : Юрид.лит., 1982. – С. 5-16.

316. Бабаев, М. М. Криминологическое мышление в контексте уголовной политики и практики борьбы с преступностью / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин // Журнал российского права. – 2013. – № 8. – С. 55-65.

317. Белокуров, С. В. Проблемы квалификации самовольного оставления части или места службы / С. В. Белокуров // Закон и армия. – 2004. – № 7. – С. 21-23.

318. Благов, Е. В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба / Е. В. Благов // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 8 (105). – С. 118-127.

319. Благов, Е. В. Основание освобождения от уголовной ответственности / Е. В. Благов // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 17. – С. 161-168.

320. Бойко, А. Верните неоднократность / А. Бойко // Законность. – 2006. – № 1. – С. 12-13.

321. Бриллиантов, А. В. Принудительные работы / А. В. Бриллиантов // Уголовное право. – 2023. – № 8. – С. 21-27.

322. Ветошкин, С. А. О точности юридических формулировок, связанных с уголовными наказаниями, и российской уголовно-правовой политике / С. А. Ветошкин // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 10. – С. 152-158.

323. Виноградова, О. Б. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования: вопросы теории и практики / О. Б. Виноградова // Новый юридический журнал. – 2013. – № 4. – С. 46-53.

324. Винокуров, В. Н. Потерпевший от преступления как признак состава преступления: квалификация деяний, конструирование норм и пределы уголовной ответственности / В. Н. Винокуров, Е. А. Федорова // Современное право. – 2019. – № 6. – С. 110-118.

325. Войтович, А. Примечания в уголовном законе / А. Войтович, А. Рарог // Законность. – 2008. – № 2. – С. 2-6.

326. Волеводз, А. Г. XIII Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию: некоторые итоги / А. Г. Волеводз // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 6 (23). – С. 268-282.

327. Габараев, А. Ш. Принудительные работы в системе наказаний, альтернативных лишению свободы: проблемы теории и практики / А. Ш. Габараев, Д. Е. Дикопольцев // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2019. – № 2. – С. 25-27.

328. Голик, Ю. В. Реформа уголовного законодательства России: быть или не быть? / Ю. В. Голик, А. И. Коробеев // Lex Russia. – 2014. – № 12. – Том XCVII. – С. 1399-1410.

329. Головко, Л. В. Законопроект об уголовном проступке: мнимые смыслы и реальная подоплека / Л. В. Головко // Закон. – 2018. – № 1. – С. 127-136.

330. Головко, Л. В. Классификация оснований освобождения от уголовной ответственности / Л. В. Головко // Законность. – 1998. – № 11. – С. 39-40.

331. Горелик, А. С. Взаимоотношение обстоятельств, влияющих на размер наказания / А. С. Горелик // Вопросы уголовной ответственности и наказания : межвуз. сб. науч. трудов. – Крсаноярск : КГУ, 1986. – С. 145-148.

332. Горшенков, Г. Н. Наказание как объект общетеоретической криминологии / Г. Н. Горшенков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2017. – № 2 (45). – С. 19-25.

333. Гриненко, А. В. Приговор суда первой инстанции как итоговый акт уголовного судопроизводства / А. В. Гриненко // Российский судья. – 2017. – № 1. – С. 29-32.

334. Дагель, П. С. Проблема типологии и классификации личности неосторожных преступников / П. С. Дагель // Вопросы борьбы с преступностью. – Москва : Юрид. лит., 1978. – Вып. 28. – С. 3-14.

335. Дикаев, С. У. О цикличности развития отечественной криминологии или «До новой смуты!» / С. У. Дикаев // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2017. – № 4 (47). – С. 30-32.

336. Донец, С. П. Квалификация преступлений и назначение наказания при наличии квалифицирующих (привилегирующих) признаков с умышленной и неосторожной формой вины: теоретико-прикладные вопросы / С. П. Донец // Российский следователь. – 2019. – № 1. – С. 51-57.

337. Дуюнов, В. К. О дифференциации ответственности в российском праве и в уголовном законодательстве: понятие, природа, статус и значение / В. К. Дуюнов, С. В. Кондратюк // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Том 9. – № 11. – С. 201-214.

338. Замдиханова, Л. Р. Характер и степень общественной опасности преступления и личность преступника как критерии назначения наказания / Л. Р. Замдиханова // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 8. – С. 137-145.

339. Звечаровский, И. Тяжкие неосторожные преступления / И. Э. Звечаровский // Законность. – 2020. – № 1. – С. 45-46.

340. Звечаровский, И. Э. Категория «уголовный проступок» в контексте либерализации уголовной политики России / И. Э. Звечаровский // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 43-46.

341. Звечаровский, И. Э. О чем не сказал Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 27 июня 2013 г. № 19 / И. Э. Звечаровский // Российский следователь. – 2014. – № 7. – С. 35-38.

342. Звечаровский, И. Э. Освобождение от уголовной ответственности / И. Э. Звечаровский, А. Л. Иванов // Уголовное право. – 2015. – № 4. – С. 13-18.

343. Звечаровский, И. Э. Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ об изменении категории преступления / И. Э. Звечаровский // Законность. – 2018. – № 8. – С. 52-53.

344. Звечаровский, И. Э. Теоретические и прикладные аспекты применения наказания в виде реального лишения свободы / И. Э. Звечаровский // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2017. – № 2 (81). – С. 50-57.

345. Зинченко, И. А. Уголовная политика: понятие, проблемы и перспективы / И. А. Зинченко, А. Ю. Трапицын // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2011. – Вып.9. – С. 86-92.

346. Зябликова, М. В. Виды освобождения от уголовной ответственности, содержащие элементы деятельного раскаяния / М. В. Зябликова // Российский юридический журнал. – 2016. – № 3. – С. 116-125.

347. Иванов, Н. Г. Время совершения преступления / Н. Г. Иванов // Уголовное право. – 2018. – № 2. – С. 37-41.

348. Из практики прокурорского надзора по гражданским делам // Законность. – 2013. – № 3. – С. 72-73.

349. Иногамова-Хегай, Л. Современные тенденции криминализации и декриминализации в российском уголовном праве / Л. Иногамова-Хегай // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 53-58.

350. Кадников, Н. Категоризация преступлений в зависимости от их тяжести как основа построения многих институтов общей части уголовного права / Н. Кадников // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 59-61.

351. Келина, С. Г. Современные тенденции развития уголовного законодательства и уголовно-правовой теории / С. Г. Келина // Современные тенденции развития уголовной политики и уголовного законодательства. – Москва : ИГиП РАН, 1994. – С. 41-44.

352. Кибальник, А. Г. О смысле освобождения от уголовной ответственности / А. Кибальник, А. П. Попов // Общество и право. – 2012. – № 5 (42). – С. 120-123.

353. Кибальник, А. Понимание Пленумом Верховного Суда освобождения от уголовной ответственности / А. Кибальник // Уголовное право. – 2014. – № 1. – С. 38-39.

354. Кибальник, А. Уголовный проступок и его правовые последствия / А. Кибальник // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 65-68.

355. Клейменов, М. П. Криминологическое законодательство и криминологическое право в России / М. П. Клейменов // Lex russica. – 2018. – № 2 (135). – С. 148-159.

356. Кленова, Т. В. Об уголовно-правовой политике в условиях роста рецидива преступлений / Т. В. Кленова // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. – Москва, 2018. – С. 25-29.

357. Корниенко, В. Т. Понятие лица, впервые совершившего преступление / В. Т. Корниенко // Российская юстиция. – 2007. – № 8. – С. 87-90.

358. Коробеев, А. И. Современное состояние уголовно-правовой политики России и проблемы действия уголовного закона во времени / А. И. Коробеев // Уголовное право. – 2012. – № 5. – С. 88-91.

359. Коробеев, А. И. Уголовная политика современной России: состояние и перспективы / А. И. Коробеев // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3 (45). – С. 247-250.

360. Коробеев, А. И. Уголовно-правовая политика современной России в сфере пенализации (депенализации): кнут или пряник? / А. И. Коробеев // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 3. – С. 45-53.

361. Коробеев, А. И. Уголовно-правовая политика современной России: проблемы пенализации и депенализации / А. И. Коробеев // Закон. – 2015. – № 8. – С. 46-59.

362. Коробов, П. В. Условные и безусловные виды освобождения от уголовной ответственности / П. В. Коробов // Журнал российского права. – 2011. – № 9. – С. 49-56.

363. Косарев, В. Н. Структура и типология личности преступника и их значение для правоохранительных органов / В. Н. Косарев // Пробелы в российском законодательстве. – 2009. – № 9. – С. 231-233.

364. Кострова, М. Б. Термин «лицо, впервые совершившее престиупление» в контексте взаимосвязи уголовного и иных отраслей российского права / М. Б. Кострова // Lex russica. – 2015. – № 8. – С. 70-83.

365. Кострова, М. Б. Языковая форма объективации взаимосвязи уголовного и уголовно-процессуального права / М. Б. Кострова // Журнал российского права. – 2014. – № 3. – С. 53-62.

366. Красиков, Ю. А. Доктрина русского уголовного права: истоки и тенденции развития / Ю. А. Красиков // Современные тенденции развития уголовной политики и уголовного законодательства. – Москва : ИГиП РАН, 1994. – С. 34-36.

367. Крылова, Н. Е. Гуманизация уголовного законодательства продолжается? Анализ проектов федеральных законов, одобренных Пленумом Верховного Суда РФ 31 июля 2015 г. / Н. Е. Крылова // Закон. – 2015. – № 8. – С. 90-107.

368. Кубрикова, М. Е. Уголовно-правовая политика: необходима разработка новой концепции / М. Е. Кубрикова // Законность. – 2024. – № 5. – С. 35-39.

369. Кудрявцев, А. В. Судебный штраф / А. В. Кудрявцев, К. И. Сутягин // Уголовное право. – 2016. – № 6. – С. 102-110.

370. Кузнецов, А. В. Проблемы освобождения от уголовной ответственности по примечанию 4 к ст. 200.1 Уголовного кодекса РФ / А. В. Кузнецов // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 8. – С. 129-135.

371. Кулакова, Н. Г. Ответственность за торговлю людьми по действующему уголовному законодательству Российской Федерации / Н. Г. Кулакова, Е. Л. Харьковский // Российский следователь. – 2005. – № 8. – С. 38-40.

372. Кунц, Е. В. Основные направления развития уголовной политики на современном этапе / Е. В. Кунц // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 29 (283). – Право. – Вып. 33. – С. 88-90.

373. Лапшин, В. Ф. Принудительные работы как вид «внесистемного» уголовного наказания / В. Ф. Лапшин // Журнал российского права. – 2021. – № 5. – С. 55-67.

374. Ларина, Л. Ю. Понятие лица, впервые совершившего преступление / Л. Ю. Ларина // Юридическая наука. – 2014. – № 1. – С. 87-90.

375. Лафитский, В. И. Уголовная ответственность юридических лиц в отечественном законодательстве: к истории вопроса «pro et contra» / В. И. Лафитский, О. И. Семыкина // Журнал российского права. – 2014. – № 2. – С. 5-13.

376. Ляпин, А. Е. Интеграция информационных потоков против нарушений налогового законодательства / А. Е. Ляпин // Финансовый вестник: финансы, налоги, страхование, бухгалтерский учет. – 2019. – № 1. – С. 49-57.

377. Малков, В. П. Квалификация повторных преступлений, совершенных освобожденными от уголовной ответственности / В. П. Малков // Советская юстиция. – 1967. – № 6. – С. 24-25.

378. Минькова, А. М. Категория лица, впервые совершившего преступление, в свете разъяснений Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 2 от 11.01.2007 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» / А. М. Минькова // Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современной преступностью : сб. науч. трудов / под редакцией Н. А. Лопашенко. – Саратов : Сателлит, 2008. – С. 445-448.

379. Миньковский, Г. М. О развитии концепции уголовной политики / Г. М. Миньковский // Методологические проблемы уголовно-правового регулирования : сб. научн. тр. № 136. – Москва : ВНИИ МВД СССР, 1991. – С. 37-41.

380. Михайлов, А. И. Совершение преступления впервые как одно из условий прекращения уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием / А. И. Михайлов // Вестник СЮИ ФСКН России. – 2013. – № 1 (12). – С. 118-122.

381. Наумов, А. В. Конкретизация Конституционным Судом принципа законности Уголовного кодекса РФ / А. В. Наумов // Уголовное право. – 2018. – № 1. – С. 88-94.

382. Наумов, А. В. Правовые последствия освобождения от уголовной ответственности / А. В. Наумов // Советская юстиция. – 1976. – № 20. – С. 10-11.

383. Наумов, А. В. Уголовная ответственность юридических лиц / А. В. Наумов // Lex russica. – 2015. – № 7. – С. 57-63.

384. Нечепуренко, А. А. «Совершение преступления впервые» как ключевое понятие для оптимизации применения института освобождения от уголовной ответственности / А. А. Нечепуренко, В. В. Бабурин // Вестник Томского государственного университета. – Право. – 2018. – № 30. – С. 67-79.

385. Николаев, П. М. Закон допускает совершение некоторых преступных деяний многократно и безнаказанно / П. М. Николаев, Р. Ш. Уразбаев // Законность. – 2016. – № 8. – С. 34-36.

386. Николюк, В. В. Замена наказания в виде обязательных работ лишением свободы / В. В. Николюк, Л. А. Пупышева // Уголовное право. – 2017. – № 6. – С. 110-119.

387. Овсянников, И. В. Об общих процессуальных условиях освобождения от уголовной ответственности / И. В. Овсянников // Современное право. – 2022. – № 10. – С. 118-121.

388. Овсянников, И. В. Совершение преступления впервые как условие освобождения от уголовной ответственности / И. В. Овсянников // Современное право. – 2023. – № 4. – С. 114-117.

389. Овчарова, Е. В. Налоговый комплаенс в России: проблемы соотношения мер административного принуждения и стимулирования / Е. В. Овчарова // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 1. – С. 106.

390. Панченко, П. П. Уголовная политика: настоящее ради будущего / П. П. Панченко // Вестник Нижегородской академии МВД России – 2016. – № 3 (35). – С. 287-292.

391. Панько, К. К. Виды примечаний в уголовном праве и проблема их квалификации / К. К. Панько // Российский судья. – 2006. – № 2. – С. 18-22.

392. Пархоменко, Д. А. Недостатки судебного толкования понятия лица, впервые совершившего преступление / Д. А. Пархоменко // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 9. – С. 147 - 153.

393. Пархоменко, Д. А. Формы выражения усмотрения в уголовном праве / Д. А. Пархоменко // Вестник РПА Минюста России. – 2013. – № 3. – С. 64-67.

394. Питецкий, В. В. О недостатках воплощения принципа справедливости в действующем Уголовном кодексе РФ / В. В. Питецкий // Российская юстиция. – 2014. – № 4. – С. 52–54.

395. Плиев, К. А. Личность преступника как предмет криминологической науки и объект социально-правового исследования / К. А. Плиев // Общество и право. – 2017. – № 3 (61). – С. 73-75.

396. Побегайло, Э. Ф. О криминологической обоснованности реформы уголовного законодательства / Э. Ф. Побегайло // Современные тенденции развития уголовной политики и уголовного законодательства. – Москва : ИГиП РАН, 1994. – С. 22-24.

397. Понятовская, Т. Г. Проблема рецидива в уголовном праве и криминологии / Т. Г. Понятовская // Всероссийский криминологический журнал. – 2014. – № 3. – С. 96-102.

398. Попова, С. И. Современные проблемы исполнения наказания в виде лишения свободы / С. И. Попова // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2017. – № 2 (45). – С. 48-51.

399. Пятницкий Н. Налоговые риски и уголовная ответственность за налоговые преступления / Н. Пятницкий // Налоги и налоговое планирование. – 2011. – № 1. – С. 30-36.

400. Рарог, А. И. Ошибка законодателя: виды, причины, пути исправления / А. И. Рарог // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 4. – С. 95-103.

401. Рарог, А. И. Репрессивный крен российской уголовной политики / А. И. Рарог // Всероссийский криминологический журнал. – 2014. – № 3. – С 88-95.

402. Рарог, А. И. Уголовная политика и уголовно-правовые амбиции / А. И. Рарог // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – Т.10. – № 3. – С. 470-479.

403. Рарог, А. И. Уголовный кодекс России против терроризма / А. И. Рарог // Lex russica. – 2017. – № 4. – С. 155-178.

404. Ревин, В. П. Современная уголовная политика России и реформирование уголовного законодательства / В. П. Ревин // Всероссийский криминологический журнал. – 2014. – № 1. – С. 37-42.

405. Решетников, А. Ю. Об уголовной ответственности за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274.1 УК России) / А. Ю. Решетников, Е. А. Русскевич // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 2. – С. 51-55.

406. Рубанова, С. Н. Основные направления оптимизации нормативной регламентации примечаний к статьям Уголовного кодекса Российской Федерации / С. Н. Рубанова // Общество и право. – 2011. – № 2. – С. 165-170.

407. Сабанин, С. Н. Применение судом института деятельного раскаяния / С. Н. Сабанин, Д. А. Гришин // Уголовное право. – 2015. – № 2. – С. 52-56.

408. Савкин, А. Распространить норму о деятельном раскаянии на совершивших преступления средней тяжести / А. Савкин // Российская юстиция. – 2002. – № 5. – С. 43-44.

409. Семыкина, О. И. Генезис уголовно-процессуального законодательства об ответственности лиц в России / О. И. Семыкина // Журнал российского права. – 2016. – № 1. – С. 138-146.

410. Серкова, Т. В. Личность преступника, совершившего повторное общественно опасное деяние / Т. В. Серкова // Вестник Удмуртского университета. – Серия: Экономика и право. – 2015. – Т. 25. – Вып. 4. – С. 141-143.

411. Ситникова, А. И. Законодательная текстология уголовного права / А. И. Ситникова // Lex russica. – 2017. – № 3. – С. 16-122.

412. Скрипченко, Н. Ю. Судебный штраф: проблемы реализации законодательных новелл / Н. Ю. Скрипченко // Журнал российского права. – 2017. – № 7. – С. 106-114.

413. Смирнов, Г. Налоговые преступления: пределы либерализации / Г. Смирнов // ЭЖ-Юрист. – 2011. – № 46. – С. 1-4.

414. Смирнов, Л. Б. Криминологические проблемы уголовного наказания в виде лишения свободы: коррекция целеполагания, принципов и реализации / Л. Б. Смирнов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2017. – № 1 (44). – С. 47-52.

415. Соловьев, И. Н. Расследование налоговых преступлений в условиях их частичной декриминализации / И. Н. Соловьев // Налоговый вестник. – 2010. – № 6. – С. 97-102.

416. Соловьев, О. Г. Об освобождении от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (статья 76.1 УК РФ) / О. Г. Соловьев, А. А. Князьков // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 7. – С. 80-82.

417. Спивак, С. Г. Проблемы исполнения наказания в виде штрафа / С. Г. Спивак // Исполнительное право. – 2014. – № 2. – С. 3-5.

418. Стадниченко, О. Превентивная составляющая некоторых оснований освобождения от уголовной ответственности, содержащих понятие «лицо, впервые совершившее преступление» / О. Стадниченко // Законность. – 2016. – № 8. – С. 37-38.

419. Степаненко, Н. Е. Вопросы уголовной ответственности военнослужащих за самовольное оставление части или места службы / Н. Е. Степаненко, П. А. Кожевников // Право в Вооруженных Силах. – 2018. – № 2. – С. 55-61.

420. Сундуров, Ф. Р. Категории преступлений: вопросы законодательной регламентации и дифференциации уголовной ответственности / Ф. Р. Сундуров // Ученые записки Казанского университета. – 2013. – Том 155. – Книга 4. – Гуманитарные науки. – С. 227-231.

421. Тарбагаев, А. Н. Проблемы эффективности системы наказаний в российском уголовном праве / А. Н. Тарбагаев // Всероссийский криминологический журнал. – 2014. – № 4. – С. 75-82.

422. Торговченков, В. И. Принудительные работы – самостоятельный вид наказания или только альтернатива лишению свободы? / В. И. Торговченков, Д. Ю. Плужников // Законность. – 2018. – № 12. – С. 32-35.

423. Третьяков, И. Л. Нормативно-правовые и организационно-административные интегранты уголовной политики / И. Л. Третьяков // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 8. – С. 169-178.

424. Тришева, А. А. Освобождение от уголовной ответственности: Комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ / А. А. Тришева // Уголовный процесс. – 2013. – № 8. – С. 14-25.

425. Устинова, Т. Д. Статья 127.1 УК РФ: проблемы применения и законотворчества / Т. Д. Устинова, И. Д. Измайлова // Современное право. – 2005. – № 10. – С. 57-61.

426. Федоров, А. В. К вопросу о разработке научных основ национальной оперативно-розыскной политики / А. В. Федоров // Оперативник (сыщик). – 2005. – № 4 (5). – С. 17-18.

427. Федоров, А. В. О перспективах введения уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации: политико-правовой анализ / А. В. Федоров // Ученые записки Санкт-Петербургского филиала РТА. – 2014. – № 2 (50). – С. 135-144.

428. Федоров, А. В. Уголовная ответственность юридических лиц / А. В. Федоров // Закон. – 2017. – № 6. – С. 62-69.

429. Федотова, Е. Н. Современная практика назначения уголовного наказания в виде лишения свободы на определенный срок / Е. Н. Федотова // Адвокатская практика. – 2022. – № 4. – С. 33-36.

430. Филоненко, Т. В. К вопросу о понятии криминологического рецидива / Т. В. Филоненко // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2023. – Т. 25. – № 2. – С. 119–129.

431. Фисенко, Д. Ю. Современные тенденции применения условного осуждения / Д. Ю. Фисенко // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2018. – № 4 (57). – С. 159-165.

432. Фоков, А. П. О практике рассмотрения судами дел в сфере военной или альтернативной гражданской службы / А. П. Фоков // Российский судья. – 2008. – № 5. – С. 2-3.

433. Хлебницына, Е. А. Совершение преступления впервые как условие освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ) / Е. А. Хлебницына // Российский следователь. – 2019. – № 1. – С. 58-60.

434. Цепелев, В. Ф. Уголовная политика: теория и реальность / В. Ф. Цепелев // Вестник Нижегородской академии МВД России – 2016. – № 3 (35). – С. 292-296.

435. Чурляева, И. В. Правовые способы возмещения вреда потерпевшему в результате совершения преступления / И. В. Чурляева // Философия права. – 2016. – № 2 (75). – С. 112-115.

436. Шарапов, Р. Д. Вопросы освобождения от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ / Р. Д. Шарапов, С. Н. Шатилович // Адвокатская практика. – 2004. – № 6. – С. 32-34.

437. Шеслер, А. В. Проблемы установления уголовной ответственности юридических лиц в российском уголовном законодательстве / А. В. Шеслер // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – № 2 (Т.11). – С. 361-369.

438. Шестаков, Д. А. Криминологическое законодательство и право противодействия преступности / Д. А. Шестаков // Криминология вчера, сегодня, завтра. – 2013. – № 1 (28). – С. 47-49.

439. Шкредова, Э. Г. Влияние института множественности преступлений на освобождение от уголовной ответственности по законодательству стран СНГ / Э. Г. Шкредова // Современное право. – 2006. – № 2. – С. 65-70.

440. Шкредова, Э. Г. Влияние модельного уголовного кодекса для государств-участников СНГ на уголовное законодательство ряда стран (на

примере множественности преступлений) / Э. Г. Шкредова // Милиция/полиция третьего тысячелетия. Совершенствование подготовки сотрудников органов внутренних дел к взаимодействию с населением. – Смоленск, 2001. – Вып. 1. – С. 238-241.

441. Шнитенков, А. В. Совершение преступления впервые как условие освобождения от уголовной ответственности / А. В. Шнитенков // Российская юстиция. – 2009. – № 4. – С. 21-22.

442. Шумилов, А. Ю. Оперативно-розыскная криминология: pro et contra / А. Ю. Шумилов, Б. А. Спасенников // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12. – № 1. – С. 43-50.

443. Юношев, С. В. Отраслевая принадлежность института возмещения вреда, причиненного преступлением / С. В. Юношев // Lex russica. – 2014. – № 8. – С. 920-927.

444. Якубина, Ю. П. Проблемы исполнения уголовного наказания в виде принудительных работ и пути их решения / Ю. П. Якубина // Современное право. – 2018. – № 4. – С. 114-116.

445. Яни, П. С. Расширение состава халатности / П. С. Яни // Законность. – 2019. – № 10. – С. 40-44.

446. Ястребова, О. Г. Проблемы замены штрафа другим видом наказания / О. Г. Ястребова // Законность. – 2015. – № 10. – С. 55-56.

Диссертации и авторефераты диссертаций

447. Абызова, Е. Р. Криминологическое исследование личности женщин, совершающих преступления, и предупреждение их преступного поведения : дис. … канд. юрид. наук / Абызова Евгения Равильевна. – Москва, 2007. – 203 с.

448. Авсеницкая, К. В. Деятельное раскаяние: понятие, формы выражения, стимулирование уголовно-правовыми мерами : дис. … канд. юрид. наук / Авсеницкая Ксения Вячеславовна. – Москва, 2014. – 176 с.

449. Агзамов, И. М. Условное осуждение (проблемы правовой регламентации и исполнения) : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Агзамов Ильдар Марсович. – Москва, 2005. – 25 с.

450. Александрова, И. А. Современная уголовная политика по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции : дис. … д-ра юрид. наук / Александрова Ирина Александровна. – Нижний Новгород, 2016. – 727 с.

451. Антонова, Е. Ю. Концептуальные основы корпоративной (коллективной) уголовной ответственности : автореф. дис. … д-ра юрид. наук / Антонова Елена Юрьевна. – Владивосток, 2011. – 54 с.

452. Антонян, Е. А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование : дис. … д-ра юрид. наук / Антонян Елена Александровна. – Москва, 2014. – 353 с.

453. Владимирова, О. А. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Владимирова Оксана Алексеевна. – Самара, 2015. – 22 с.

454. Власенко, В. В. Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Власенко Владислав Владимирович. – Москва, 2014. – 22 с.

455. Возжанникова, И. Г. Рецидив преступлений в уголовном праве России: понятие, виды, значение : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Возжанникова Ирина Геннадьевна. – Москва, 2016. – 29 с.

456. Волков, В. Б. Предупреждение рецидивной преступности в исправительных учреждениях : дис. … канд. юрид. наук / Волков Вячеслав Борисович. – Казань, 2004. – 177 с.

457. Волошин, В. М. Уголовно-правовая политика России в отношении несовершеннолетних правонарушителей и роль ответственности в ее реализации : дис. … д-ра юрид. наук / Волошин Василий Михайлович. – Екатеринбург, 2008. – 363 с.

458. Гаманенко, Л. И. Уголовно-правовое обеспечение реализации назначенного наказания : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Гаманенко Леонид Иванович. – Рязань, 2010. – 24 с.

459. Герасимов, А. М. Теория уголовного правонарушения : дис. ... д-ра юрид. наук / Герасимов Александр Михайлович. – Саратов, 2022. – 428 с.

460. Городнянская, В. В. Постпенитенциарный рецидив : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Городнянская Валентина Валерьевна. – Томск, 2011. – 22 с.

461. Грицай, О. В. Исполнение приговоров в части имущественных взысканий: процессуальная сущность, основания и порядок : дис. … канд. юрид. наук / Грицай Ольга Валентиновна. – Самара, 2007. – 219 с.

462. Груничева, Г. А. Эффективность наказания в виде лишения свободы : дис. … канд. юрид. наук / Груничева Галина Анатольевна. – Москва, 2004. – 186 с.

463. Дадакаев, Э. Д. Институт деятельного раскаяния и его реализация при освобождении от уголовной ответственности : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Дадакаев Эли Дабаевич. – Москва, 2002. – 22 с.

464. Данелян, С. В. Освобождение от отбывания наказания в уголовном законодательстве Российской Федерации: теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Данелян Сергей Владимирович. – Махачкала, 2006. – 25 с.

465. Демидова-Петрова, Е. В. Преступность несовершеннолетних в современной России: теоретико-методологические и прикладные проблемы ее познания и предупреждения : автореф. дис. … д-ра юрид. наук / Демидова-Петрова Елизавета Викторовна. – Казань, 2019. – 52 с.

466. Дроздов, И. С. Рецидив преступлений при осуждении без лишения свободы : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Дроздов Игорь Сергеевич. – Томск, 2020. – 27 с.

467. Дуюнов, В. К. Механизм уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации : автореф. дис. … д-ра юрид. наук / Дуюнов Владимир Кузьмич . – Москва, 2001. – 49 с.

468. Жарких, Е. А. Институт рецидива преступлений: генезис понятия и трансформация системно-структурного и функционально-ролевого содержания : дис. … канд. юрид. наук / Жарких Екатерина Александровна. – Краснодар, 2019. – 189 с.

469. Забелич, А. А. Личность профессионального преступника, отбывающего наказание в местах лишения свободы, как объект криминологического исследования : дис. … канд. юрид. наук / Забелич Антон Александрович. – Рязань, 2013. – 179 с.

470. Иванов, С. В. Уголовная политика Российской Федерации: политолого-криминологический и уголовно-правовой аспекты : дис. … канд. юрид. наук / Иванов Сергей Валерьевич. – Екатеринбург, 2006. – 313 с.

471. Карпушина, М. В. Рецидивная преступность женщин, освободившихся из мест лишения свободы, и ее предупреждение : дис. … канд. юрид. наук / Карпушина Марина Владимировна. – Рязань, 2013. – 222 с.

472. Келина, С. Г. Теоретические проблемы освобождения от уголовной ответственности : автореф. дис. … д-ра юрид. наук / Келина Софья Григорьевна. – Москва, 1976. – 30 с.

473. Клейменов, И. М. Сравнительная криминология: криминализация, преступность, уголовная политика в условиях глобализации : дис. … д-ра юрид. наук / Клейменов Иван Михайлович. – Омск, 2015. – 486 с.

474. Кольцов, Е. Г. Субъект преступления в уголовном праве Российской Федерации и зарубежных стран: Сравнительно-правовой анализ : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Кольцов Евгений Геннадьевич. – Москва, 2009. – 24 с.

475. Кропачев, Н. М. Механизм уголовно-правового регулирования : дис. … д-ра юрид. наук / Кропачев Николай Михайлович. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2000. – 59 с.

476. Лесников, Г. Ю. Уголовная политика современной России (методологические, правовые и организационные основы) : автореф. дис. … д-ра юрид. наук / Лесников Геннадий Юрьевич. – Москва, 2005. – 48 с.

477. Магомедов, А. А. Уголовная ответственность и освобождение от нее: эволюция правовых воззрений и современность : дис. … д-ра юрид. наук / Магомедов Асбег Ахмеднабиевич. – Москва, 1998. – 330 с.

478. Магомедов, Н. Н. Личность преступника-взяткополучателя : дис. … канд. юрид. наук / Магомедов Нажмудин Назирханович. – Москва, 2013. – 205 с.

479. Маликов, С. В. Сроки в уголовном праве : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Маликов Сергей Владимирович. – Москва, 2009. – 25 с.

480. Маршакова, Н. Н. Классификация в российском уголовном законодательстве (теоретико-прикладной анализ) : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Маршакова Наталья Николаевна. – Нижний Новгород, 2006. – 30 с.

481. Нерсесян, В. А. Ответственность за неосторожные преступления : автореф. дис. … д-ра юрид. наук / Нерсесян Ваган Агванович. – Москва, 2006. – 48 с.

482. Плиско, Р. К. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Плиско Роман Константинович. – Владивосток, 2009. – 29 с.

483. Поликарпова, И. В. Уголовная политика России в отношении посягательств на здоровье и ее влияние на квалификацию преступлений: на примере ответственности за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью : дис. … канд. юрид. наук / Поликарпова Ирина Владимировна. – Саратов, 2008. – 258 с.

484. Рамазанов, Е. Р. Утрата лицом общественной опасности как основание освобождения от уголовной ответственности : автореф. дис … канд. юрид. наук / Рамазанов Евгений Ринатович. – Казань, 2022. – 28 с.

485. Рыбак, А. З. Сопутствующее преступлению поведение, как обстоятельство, устраняющее уголовную ответственность и (или) наказуемость деяния: Юридическая характеристика и правоприменительная практика : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Рыбак Алексей Зиновьевич. – Нижний Новгород, 2003. – 24 с.

486. Сверчков, В. В. Концептуальные основы решения проблем освобождения от уголовной ответственности : дис. … д-ра юрид. наук / Сверчков Владимир Викторович. – Нижний Новгород, 2008. – 616 с.

487. Семенова, Д. М. Основания и пределы дифференциации уголовной ответственности в условиях множественности преступлений : автореф. дис. … д-ра юрид. наук / Семенова Диана Михайловна. – Самара, 2019. – 23 с.

488. Серкова, Т. В. Неоднократное преступное поведение: теоретико-прикладное исследование : дис. … канд. юрид. наук / Серкова Татьяна Валентиновна. – Нижний Новгород, 2016. – 33 с.

489. Стахов, Я. Г. Уголовная политика и ее реализация субъектами Российской : дис. … д-ра юрид. наук / Стахов Яков Григорьевич. – Москва, 2006. – 40 с.

490. Степашин, В. М. Экономия репрессии как принцип уголовного права и его реализация в назначении мер уголовной ответственности : автореф. дис. … д-ра юрид. наук / Степашин Виталий Михайлович. – Омск, 2019. – 39 с.

491. Стромов, В. Ю. Система уголовных наказаний: реализация и эффективность : дис. … канд. юрид. наук / Стромов Владимир Юрьевич. – Вологоград, 2009. – 240 с.

492. Третьяков, И. Л. Уголовная политика России: общетеоретические и прикладные проблемы : дис. … д-ра юрид. наук / Третьяков Иван Львович – Санкт-Петербург , 2006. – 384 с.

493. Шакиров, Х. С. Общий и специальные виды освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Шакиров Хайдар Садикович. – Казань, 2005. – 23 с.

494. Шевченко, А. Е. Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний : дис. … канд. юрид. наук / Шевченко Алексей Евгеньевич. – Краснодар, 2002. – 196 с.

495. Щербаков, С. В. Рецидивная преступность: криминологическая характеристика и проблемы предупреждения : дис. … канд. юрид. наук / Щербаков Сергей Васильевич. – Москва, 2009. – 169 с.

Словари, справочники

496. Большой толковый словарь русского языка / главный редактор С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург , 2004. – 1540 с.

497. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: современное написание. В 4 т. Т. 3. / В. И. Даль. – Москва, 2004. – 921 с.

498. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. В 2 т. Т. 2 / Т. Ф. Ефремова. – Москва, 2000. – 1084 с.

499. Новейший словарь иностранных слов и выражений. – Москва, 2005. – 976 с.

500. Правовая политика : словарь и проект концепции / под редакцией А. В. Малько. – Саратов : Саратовская гос. акад. права, 2010. – 273 с.

501. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: Ок.100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; под редакцией Л. И. Скворцова. – Москва, 2018. – 736 с.

502. Состояние и тенденции преступности в Российской Федерации : криминологический и уголовно-правовой справочник / под редакцией А. Я. Сухарева, С. И. Гирько. – Москва : Экзамен, 2007. – 383 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

АНКЕТА

Считается, что лицо, совершившее преступление в первый раз, как правило, заслуживает снисхождения в сравнении с лицом, сделавшим это неоднократно. Такая позиция находит свое отражение и в уголовном законодательстве России. Вместе с тем и соответствующие положения Уголовного кодекса, и их применение на практике не имеют однозначного толкования, вызывают необходимость комментариев и разъяснений. Специалистами высказываются предложения по совершенствованию уголовного законодательства в этом направлении. Для того чтобы их оценить, и проводится настоящее исследование.

Ознакомьтесь, пожалуйста, с содержанием Анкеты и отметьте правильный, на Ваш взгляд, вариант (или несколько вариантов) ответа на поставленный вопрос.

1. Ваш возраст

а) 25–29 лет б) 30–35 лет в) 36–40 лет г) свыше 40 лет

2. Опыт Вашей профессиональной деятельности в качестве юриста составляет

а) до 3 лет б) 3–5 лет в) 5–7 лет г) 8–10 лет

д) 11–15 лет е) 16–20 лет ж) свыше 20 лет

из них в качестве
судьи _____ прокурора_____

преподавателя_____ следователя_____

адвоката_____ в другом качестве_____

3. Нормы Уголовного кодекса Российской Федерации ориентированы

а) на лиц, уже имеющих преступный опыт, то есть совершающих преступление не в первый раз

б) на лиц, не имеющих преступного опыта, то есть совершающих преступление в первый раз в жизни

в) на любых лиц, совершающих преступление: как имеющих, так и не имеющих преступного опыта

г) не на лицо, совершающее преступление, а на сам факт совершения преступления

д) иной вариант ответа (укажите какой)_____
_____
_____

4. Какую цель преследует законодатель, объявляя то или иное деяние преступлением?

а) предупредить совершение такого деяния в будущем
б) прекратить практику безответственности за него с точки зрения уголовного закона

в) продемонстрировать избирателям законодательную активность депутатов

г) другую цель (укажите какую)
_____
_____

5. Приходилось ли Вам в профессиональной деятельности давать уголовно-правовую оценку преступлениям лиц, совершивших их впервые?

а) да, приходилось б) нет, не приходилось

в) не помню, т. к. не придавал (не придавала) этому серьезного значения

6. Если Вам приходилось давать уголовно-правовую оценку преступлениям лиц, совершивших их впервые, Вы оценивали данное обстоятельство

а) само по себе

б) в совокупности с другими обстоятельствами (укажите, например, с какими) _____
_____

в) иное мнение (укажите какое) _____
_____

7. При оценке факта совершения преступления впервые Вы обращали внимание на преступление (его категорию, характер и степень общественной опасности) или на лицо, его совершившее?

а) на преступление б) на лицо, его совершившее

в) и на преступление, и на лицо, его совершившее
По возможности объясните свою позицию _____
_____
_____

8. Действующее уголовное законодательство России не предусматривает понятия совершения преступления в первый раз в жизни. Несмотря на это обстоятельство, принимали ли Вы его во внимание, применяя уголовный закон?

а) да, учитывал б) не придавал этому значения

в) не учитывал

При необходимости поясните свою позицию

_____
_____

9. Считается, что совершение преступления в первый раз в жизни должно, при прочих равных условиях, влечь за собой менее суровую уголовную ответственность, чем совершение преступления во второй и последующие разы. Разделяете ли Вы такое мнение (по возможности укажите почему)?

а) да, разделяю б) нет, не разделяю

в) не все так однозначно г) иное мнение

_____
_____
_____

10. Совершение преступления один раз (однократно) отражается в уголовном законе с помощью понятий «совершение впервые преступления» (ст. 53[1], 56, 61, 88 УК РФ), «лицо, впервые совершившее преступление» (ст. 75–76[2], 80[1] УК РФ). Однако определение названных понятий в уголовном законе отсутствует, в связи с чем этот вопрос решается в различных постановлениях Пленума Верховного Суда РФ.

Нужно ли, на Ваш взгляд, дать определение понятия лица, впервые совершившего преступление, в уголовном законе?

а) да, нужно, т. к. это будет способствовать единообразному применению закона

б) нет, не нужно, т. к. ограничит возможности судейского усмотрения

в) иное мнение (укажите какое)

_____
_____

11. В уголовном законе и в практике его применения нужно исходить из того, что лицо, впервые совершившее преступление, – это

а) лицо, совершившее одно преступление в первый раз в жизни

б) лицо, совершившее преступление после того, как по ранее совершенным им преступлениям истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности

в) лицо, совершившее преступление после того, как по ранее совершенным преступлениям оно отбыло наказание и судимость была снята или погашена (ст. 86 УК РФ)

г) лицо, совершившее преступление после того, как по ранее совершенному преступлению оно было освобождено от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям

д) иное мнение (укажите какое)

_____
_____
_____

12. Предлагается в уголовном законе и в практике его применения исходить из двух пониманий лица, впервые совершившего преступление, определяя в зависимости от этого по-разному уголовную ответственность: менее суровую – в отношении лица, совершившего преступление в первый раз в жизни, более суровую – в отношении лица, совершившего преступление впервые, в юридическом понимании. Разделяете ли Вы это предложение?

а) да б) нет в) иное мнение

_____
_____
_____

13. При отсутствии в уголовном законе определения понятия лица, впервые совершившего преступление, Пленум Верховного Суда РФ дает такое определение только в отношении случаев, предусмотренных в ст. 75–76^2, 88 УК РФ. В этой связи возникает вопрос, как должен поступать суд в случаях, предусмотренных ст. 53^1, 56, 61, 80^1 УК РФ, для которых такие разъяснения отсутствуют?

а) суд руководствуется определениями понятия лица, впервые совершившего преступление, данными в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ для случаев применения ст. 75–76^2, 88 УК РФ

б) суд исходит из буквального (обыденного, житейского) понимания этого понятия и трактует его в значении совершения преступления в первый раз в жизни

в) суд исходит из юридического понимания этого понятия

г) иное мнение (укажите какое)

_____
_____

Чем должен руководствоваться суд при юридической трактовке совершения преступления впервые?

а) законом

б) судебной практикой

в) постановлениями Пленума Верховного Суда РФ

г) мнениями, изложенными в учебниках, журнальных публикациях, научной литературе по уголовному праву

д) мнениями, изложенными в комментариях УК РФ

е) мнением коллег

ж) другими соображениями (по возможности укажите какими)

_____
_____
_____

14. Наряду с предусмотренными в уголовном законе понятиями «лицо, впервые совершившее преступление», «совершение преступления впервые» предлагается ввести в УК РФ понятие «лицо, совершившее преступления в первый раз в жизни» и придать ему самостоятельное уголовно-правовое значение. Разделяете ли Вы данное предложение?

а) да б) нет в) иное мнение

_____
_____
_____

15. Согласно п. «а» ч. 1 ст. 61 УК РФ совершение впервые преступления небольшой или средней тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств может быть признано обстоятельством, смягчающим наказание

Считаете ли Вы возможным при назначении наказания принимать во внимание факт совершения преступления в первый раз в жизни сам по себе без указания на случайное стечение обстоятельств

а) да б) нет в) иное мнение (укажите какое)

_____
_____

Считаете ли Вы возможным при назначении наказания принимать во внимание факт совершения преступления в первый раз в жизни при совершении преступления любой категории тяжести

а) да б) нет в) иное мнение (укажите какое)

_____
_____

16. Общественно опасные деяния, совершаемые по неосторожности, по общему правилу уголовно наказуемы потому, что связаны с причинением смерти, вреда здоровью или серьезного имущественного ущерба. Разделяете ли Вы предложение о том, что при совершении такого преступления в первый раз в жизни и заглаживании вреда, причиненного преступлением, лицо может подлежать освобождению от наказания?

а) разделяю полностью

б) разделяю с оговорками (укажите какими)

_____
_____
_____

в) не разделяю (укажите почему)

_____
_____
_____

17. Факт совершения преступления в первый раз в жизни должен учитываться при избрании вида и размера уголовного наказания, в частности:

а) наказание в виде лишения свободы за преступление небольшой тяжести в этом случае не назначается;

б) наказание в виде лишения свободы за преступление средней тяжести в этом случае не может превышать трех лет;

в) при отсутствии отягчающих обстоятельств наказание в виде лишения свободы за тяжкое преступление в этом случае не может превышать семи лет;

г) в других случаях (укажите каких)

_____
_____
_____

18. Применение отдельных видов уголовного наказания, не связанного с изоляцией от общества

а) не должно зависеть ни от категории совершенного преступления, ни от того, совершено оно впервые или не в первый раз;

б) должно зависеть от категории совершенного преступления;

в) должно зависеть от факта совершения преступления впервые;

г) должно зависеть от других обстоятельств (укажите каких)

_____
_____
_____

19. Разделяете ли Вы предложение о том, что требуемый для условно-досрочного освобождения от отбывания наказания срок фактического отбытия наказания в виде лишения свободы за преступление, совершенное впервые, должен сокращаться наполовину за исключением случаев, предусмотренных п. «г», «д» ч. 3 ст. 79 УК РФ

а) разделяю полностью

б) разделяю с оговорками (укажите какими)

_____
_____
_____

в) не разделяю (укажите почему)

_____
_____
_____

20. В уголовном законодательстве немало примечаний к статьям Особенной части УК РФ о деятельном раскаянии содержит указание на лицо, впервые совершившее преступление, что ограничивает действие таких примечаний. Разделяете ли Вы предложение о том, чтобы отказаться от такого ограничения и распространять эти примечания на всех лиц, совершивших соответствующее преступление?

а) да б) нет в) иное мнение (укажите какое)

_____
_____

21. Помимо случаев, предусмотренных в уголовном законе, а также названных в настоящей Анкете, значение факта совершения преступления впервые следовало бы предусмотреть и в других случаях (укажите каких)

_____
_____
_____
_____

БЛАГОДАРИМ ЗА УЧАСТИЕ В АНКЕТИРОВАНИИ